

I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny

Etnolingwistyka – bilans dyscypliny Metody i postulaty badawcze

————— TOM 1 —————

Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej

I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny

**Etnolingwistyka – bilans dyscypliny
Metody i postulaty badawcze**

————— TOM 1 —————

I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny

Etnolingwistyka – bilans dyscypliny Metody i postulaty badawcze

---

REDAKCJA NAUKOWA

Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska
Adam Głaz

TOM 1

Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej
Lublin 2022

Dofinansowano ze środków budżetu państwa
Program: Doskonała nauka
I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny
DNK/SP/462229/2020
Dofinansowanie: 129 400 zł
Całkowita wartość: 149 400 zł

Recenzenci

prof. dr hab. Dejan Ajdačić (Uniwersytet Gdański)
prof. dr hab. Alena Rudenka (Instytut Sławistyki PAN)

Redakcja językowa

Adam Głaz
Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska
Alena Rudenka

Redakcja techniczna

Agnieszka Muchowska

Projekt okładki i stron tytułowych

Krzysztof Trojnar

Skład

Marcin Wachowicz

Grafika na okładce: Narodowe Archiwum Cyfrowe
Fotografia Profesora Jerzego Bartmińskiego: Bartosz Proll

© Wydawnictwo UMCS, Lublin 2022

ISBN 978-83-227-9610-8

Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej
ul. Idziego Radziszewskiego 11, 20-031 Lublin
tel. 81 537 53 04
www.wydawnictwo.umcs.eu
e-mail: sekretariat@wydawnictwo.umcs.lublin.pl

Dział Handlowy
tel./faks 81 537 53 02
Księgarnia internetowa: www.wydawnictwo.umcs.eu
e-mail: wydawnictwo@umcs.eu

Druk i oprawa
„Elpil”, ul. Artyleryjska 11, 08-110 Siedlce

*Tom dedykowany pamięci
Profesora Jerzego Bartmińskiego,
twórcy Lubelskiej Szkoły Etnolingwistycznej*

30 ETNOLINGWISTYKA
29 ETNOLINGWISTYKA
29 ETHNOLINGUISTICS
28 ETNOLINGWISTYKA
28 ETNOLINGWISTYKA
27 ETNOLINGWISTYKA
26 ETNOLINGWISTYKA
25 ETNOLINGWISTYKA
24 ETNOLINGWISTYKA
23 ETNOLINGWISTYKA
22 ETNOLINGWISTYKA
20 ETNOLINGWISTYKA
21 ETNOLINGWISTYKA
19 ETNOLINGWISTYKA
18 ETNOLINGWISTYKA
17 ETNOLINGWISTYKA

Spis treści

Wstęp	9
† JERZY BARTMIŃSKI (LUBLIN, POLSKA) Folk, national, and transnational dimensions of ethnolinguistics	13
СВЕТЛАНА М. ТОЛСТАЯ (МОСКВА, РОССИЯ) Этнолингвистика и лексическая семантика	31
PRZEMYSŁAW ŁOZOWSKI (LUBLIN, POLSKA) Etnolingwistyka jako teoria języka – uwagi i propozycje	45
ANNA WIERZBIĆKA (CANBERRA, AUSTRALIA) Ethno-theology, ethno-Christianity: Differences in the ways of relating to God, Jesus and Mary in Polish and in English, identified through NSM	61
Нина Мечковская (МИНСК, БЕЛАРУСЬ) Универсальное, типичное и индивидуальное в семантике языков: биологические и культурно-исторические истоки сходств	75
ALEKSANDRA NIEWIARA (KATOWICE, POLSKA) Granice etnolingwistyki. Obraz i słowo w badaniu konceptualizacji kulturowych	93
***	
МАРИНА М. ВАЛЕНЦОВА (МОСКВА, РОССИЯ) Московская этнолингвистическая школа: идеи, исследования, люди	113
ЕЛЕНА Л. БЕРЕЗОВИЧ, КСЕНИЯ В. ОСИПОВА (ЕКАТЕРИНБУРГ, РОССИЯ) Уральская школа этимологии, ономастики и этнолингвистики	141

Татьяна В. Володина, Николай П. Антропов (Минск, Беларусь) Белорусская этнолингвистика в XXI столетии: состояние, проблемы и перспективы	161
***	
Катарина Женихова (Братислава, Словакия) Состояние и перспективы развития этнолингвистических исследований в Словакии	183
Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska (Lublin, Polska) Lublin cognitive ethnolinguistics: From dialectology and folklore studies to cross-cultural semantics	199
***	
Стана Ристич, Ивана Лазиф Коњик (Београд, Сербия) Сербская этнолингвистика – когнитивное направление в контексте славянской этнолингвистики	237
Мария Китанова (София, България) Этнолингвистические исследования в Институте болгарского языка имени проф. Л. Андрейчина – итоги и перспективы	255
***	
Adam Głaz (Lublin, Polska) Etnolingwistyka zachodnia – co to właściwie znaczy?	267
Kristina Rutkovska (Wilno, Litwa) Etnolingwistyka na Litwie: historia i współczesność	293
James W. Underhill (Rouen, France) Prejudice and the ethnolinguistics of humour	309
Noty o autorach	333

Wstęp

I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny *Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: stan badań, metody i postulaty badawcze*”, który odbył się w dniach od 20 do 24 czerwca 2021 roku w Lublinie, został pomyślany jako spotkanie międzynarodowego grona badaczy reprezentujących przedstawicieli różnych szkół etnolingwistycznych oraz uczonych realizujących własne projekty ukierunkowane na opis relacji język a kultura. Uczestnicy Kongresu (121 referentów) reprezentowali różne ośrodki akademickie i uniwersyteckie: z Białorusi, Ukrainy i Rosji, z Czech i Słowacji, z Bułgarii, Macedonii, Serbii i Chorwacji, z Austrii, Hiszpanii, Francji, Belgii, Litwy i Australii oraz z Polski (z Warszawy, Krakowa, Katowic, Wrocławia, Poznania, Bydgoszczy, Kielc, Przemyśla i Lublina).

Kongres odbywał się pod patronatem JM Rektora UMCS prof. dra hab. Radosława Dobrowolskiego, a Komitet Honorowy tworzyli: Anna Wierzbicka (doctor honoris causa UMCS, Uniwersytet w Canberra) oraz członkowie Prezydium Komisji Etnolingwistycznej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów: Nikolaj Antropov (Białoruska Akademia Nauk w Mińsku), Jerzy Bartmiński (Instytut Filologii Polskiej UMCS w Lublinie i Polska Akademia Umiejętności w Krakowie), Elena Berezovič (Uniwersytet w Jekaterinburgu, Rosja), Dejan Ajdačić (Uniwersytet Gdański, Polska), Paweł Hrycenko (Ukraińska Akademia Nauk w Kijowie, Ukraina), Galina Jaworska (Uniwersytet w Kijowie, Ukraina), Swietłana Tołstojowa (Rosyjska Akademia Nauk w Moskwie), Irena Vaňkova (Uniwersytet Karola w Pradze, Czechy) i Aleksy Yudin (Uniwersytet w Gent, Belgia).

Organizatorami byli członkowie Komisji Etnolingwistycznej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów, Komisji Etnolingwistycznej Komitetu Językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk, pracownicy Instytutu Filologii Polskiej UMCS, Instytutu Neofilologii UMCS, Instytutu Sławistyki PAN oraz Państwowej Wyższej Szkoły Wschodnioeuropejskiej w Przemyślu.

Kongres miał na celu: (a) prezentację obecnego stanu dyscypliny, tj. nurtów, stosowanych terminów, metod i postulatów badawczych oraz danych relewantnych etnolingwistycznie; (b) ustalenie relacji etnolingwistyki z innymi dyscyplinami: antropologią kulturową, dialektologią, folklorystyką, etnografią, etymologią itp.; (c) przedstawienie opisów wybranych konceptów kulturowych w ramach

poszczególnych tradycji etnolingwistycznych: „ludowych”, „narodowych” oraz „transnarodowych”; (d) prezentację najważniejszych (ukończonych i realizowanych) fundamentalnych opracowań etnolingwistycznych (słowników, leksykonów, atlasów) oraz baz danych i kartotek.

Jako że przedmiotem zainteresowań międzynarodowego grona etnolingwistów jest: język jako *sui generis* zinstytucjonalizowany twór społeczny (w bogactwie jego wariantów i użyciu) w relacji do kultury jako pewnego wytworu ludzkich działań, wzorów i wartości – język, pojmowany nie tylko jako narzędzie komunikacji, ale efekt procesów poznawczych, doświadczania, konceptualizacji i interpretacji świata, też jako swego rodzaju archiwum wspólnotowej pamięci i kultury, przekaznik obrazu świata i czynnik konsolidujący określone wspólnoty (od rodzinnych, przez lokalne, regionalne, narodowe po transnarodowe) i decydujący o tożsamości tych wspólnot, do dyskusji zaproponowane zostały takie kwestie, jak: (a) pamięć i niepamięć w języku i kulturze; (b) językowo-kulturowe narracje tożsamościowe; (c) obraz świata a typy podstaw materiałowych – rola danych etymologicznych, dialektologicznych, folklorystycznych i innych w rekonstrukcji językowego obrazu świata; (d) koncepty kulturowe, stereotypy, symbole; (e) słownictwo jako klasyfikator doświadczeń społecznych; (g) wartości i ich hierarchie we wspólnotach lokalnych, narodowych i ponadnarodowych; (h) kategorie gramatyczne i semantyczne języka w aspekcie ich funkcji; (i) obrzędy, zwyczaje, rytuały i ich językowe korelaty; (j) problemy geografii lingwistycznej i mapowania faktów językowo-kulturowych.

Obrady plenarne przebiegały w 7 blokach tematycznych: *Pojęcia, metody, granice etnolingwistyki; Etnolingwistyka w krajach słowiańskich; Etnolingwistyka w krajach słowiańskich i bałtyckich; Problemy geografii lingwistycznej; Pamięć i niepamięć w języku i kulturze; Perspektywy etnolingwistyki; Prezentacja leksykonów, słowników i baz danych*. Referaty wygłaszano też w ramach 19 sekcji: *Pogranicza etnolingwistyki i tradycje etnolingwistyczne w Polsce; Synchronia i diachronia w etnolingwistyce; Etnolingwistyka a gramatyka; Nominacja a językowy obraz świata; Frazeologia i etymologia a etnolingwistyka; Definicje i eksplikacje pojęć; Gatunkowe wzorce wypowiedzi; Stereotypy i koncepty językowo-kulturowe; Od danych językowych do danych niewerbalnych; Problemy duchowości; Pamięć i tożsamość i ich wykładniki; Wartości i ich hierarchie; Konceptosfera rodziny; Konceptosfera zdrowia i śmierci; Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* (5 posiedzeń).

Kongresowe spotkanie służyło wymianie doświadczeń naukowych uczonych pochodzących z różnych krajów i ośrodków, i – często – reprezentujących różne tradycje badawcze i podejścia do kwestii język a kultura. Służyło także (mimo swojego hybrydowego charakteru) integracji środowiska językoznawczego o orientacji etnolingwistycznej (antropologiczno-kulturowej i kognitywnej). Rezultaty kongresu mają dziś wartość poznawczą, społeczną, dydaktyczną i aplikacyjną:

poznawczą, bo ukazują podobieństwa i różnice w podejściach do badań językowo-kulturowych (przy konkretnych analizach także między określonymi językami i kulturami); społeczną, bo stanowią wkład w definiowanie tożsamości (zbiorowych i indywidualnych) na poziomie poszczególnych tradycji lokalnych, regionalnych, narodowych i ponadnarodowych; dydaktyczną – bo wyniki badań już znajdują zastosowanie w nauczaniu i przygotowaniu nowoczesnych materiałów edukacyjnych; aplikacyjną, bo są pomocne w kontaktach międzynarodowych (indywidualnych, biznesowych, medialnych, politycznych itd.). Ważnym punktem Kongresu było również zebranie członków Komisji Etnolingwistycznej przy MKS.

Spotkanie międzynarodowego grona etnolingwistów było o tyle ważne dla dalszego rozwoju lingwistyki kulturowej i transferu myśli etnolingwistycznej w skali słowiańskiej, europejskiej i ponadeuropejskiej, że refleksja nad ogólnymi (teoretycznymi) problemami dyscypliny i dotychczasowymi kierunkami badań (przy powstaniu wielu nurtów i orientacji badawczych oraz indywidualnych, autorskich rozproszonych prac) jest stałą koniecznością nie tylko w etnolingwistyce, ale w naukach humanistycznych w ogóle. Ustalenia referentów służą bilansowi etnolingwistyki jako dyscypliny naukowej w jej obecnym kształcie oraz wyznaczaniu nowych kierunków i problemów badawczych. Artykuły publikujemy w czterech tomach: I – *Etnolingwistyka – bilans dyscypliny. Metody i postulaty badawcze* (red. S. Niebrzegowska-Bartmińska, A. Głaz), II – *Obraz świata i człowieka w kulturze ludowej i narodowej* (red. E. Białek, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura), III – *Pamięć – tożsamość – kategorie językowo-kulturowe* (red. S. Niebrzegowska-Bartmińska, M. Nowosad-Bakalarczyk, P. Łozowski), IV – *Nazwy wartości i koncepty kulturowe. Hierarchie i rekonstrukcje* (S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura, B. Żywicka). Publikacja materiałów pokongresowych i organizacja I Międzynarodowego Kongresu Etnolingwistycznego zostały dofinansowane ze środków projektu „Doskonała Nauka”, finansowanego przez Ministerstwo Edukacji i Nauki (moduł „Doskonała nauka – Wsparcie konferencji naukowych”; DNK/SP/462229/2020; 1.4 – Dziedzina nauk humanistycznych / językoznawstwo; kierownik projektu: prof. dr hab. S. Niebrzegowska-Bartmińska).

Publikowane cztery tomy kongresowych refleksji dedykujemy pamięci zmarłego 7 lutego 2022 roku prof. dra hab. Jerzego Bartmińskiego – etnolingwisty i folklorysty, badacza semantyki, stylistyki, tekstologii i aksjologii języka, wieloletniego przewodniczącego Komisji Etnolingwistycznej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów i Komisji Etnolingwistycznej Komitetu Językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk, twórcy Lubelskiej Szkoły Etnolingwistycznej.

Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska

† Jerzy Bartmiński

Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, Poland

ORCID: 0000-0003-2252-6516

e-mail: jerzy.bartminski@mail.umcs.pl

Folk, national, and transnational dimensions of ethnolinguistics

Abstract: This study focuses on two specific questions. First, should ethnolinguistic research only deal with dialects and micro-languages, or perhaps also with national languages? Second, if ethnolinguistic research is to deal with many languages, what is the optimal way of comparing them? The author presents the assumptions of ethnolinguistics as a research discipline, its origins and contemporary diversity, pointing to its development in Poland, Russia, and many other Slavic countries (in Czechia, Belarus, Ukraine, Bulgaria, Serbia), as well as, recently, in other European countries (*inter alia*, Lithuania and France).

Keywords: ethnolinguistics; folk ethnolinguistics; national ethnolinguistics; transnational ethnolinguistics; linguistic comparison; FREEDOM; lexical relations; conceptual relations; ideational relations

1. The origins and contemporary diversity of ethnolinguistics

It is generally believed that ethnolinguistics, also referred to as *cultural (anthropological-cum-cultural) linguistics*, with its key thesis that language influences the formation of our worldview, has its roots in the work of German philosophers and cultural anthropologists of the turn of the 18th and 19th centuries: Johannes Gottfried Herder (1744–1803) and Wilhelm von Humboldt (1767–1835). Humboldt used the term *Weltansicht* ‘linguistic worldview’ and less frequently spoke of *Weltanschauung* ‘view of the world’.

However, the origins of the reflection on the role of language in shaping worldviews may go even deeper. Janusz Anusiewicz, following Christmann, points to the representatives of Italian¹ and French Enlightenment. Augustyn Mańczyk mentions the role of Martin Luther (whose *Sendbrief vom Dolmetschen* from 1530 says: “different languages have their specific ways of conceptualising the world”), while the

---

¹ See, for instance, Giambattista Vico (1668–1744), *The New Science* (2020 [1725]), orig. *La Scienza Nuova*.

American author Philip Bock (1992) derives the concept of linguistic worldview from Aristotle's *Rhetoric* (384–322 BC). Adam Głaz (2022) also seeks the sources of the concept of linguistic worldview in Antiquity.

Ethnolinguistics achieved its most developed (one might say classical) shape within Franz Boas's (1858–1942) framework of American anthropology, as well as Edward Sapir's (1884–1939) and Benjamin Lee Whorf's (1897–1941) research on Indian languages that led to the emergence of the theory of linguistic relativity. Subsequently, the discipline in the USA and Europe was significantly shaped – and shifted towards linguistic pragmatics – by Bronislaw Malinowski (1884–1942), the researcher of the Kilivila language on the Trobriand Islands, and Dell Hymes (1927–2009), known for his work on the “ethnography of speaking”.

In the second half of the 20th century, ethnolinguistics experienced, in the words of Nikita I. Tolstoy, its “second birth” in the Slavic context, which gave rise to a number of research schools that take a slightly different approach to the key problem of the relationship between language, culture, society, and mentality (individual and collective). The best known Moscow school of Nikita I. Tolstoy and Svetlana Tolstoyova is based on Slavic dialectology, and on mythological and ethnographic research; it relates to Humboldt's philosophy, and its methodology is based on the principles of Tartu-Moscow structural semiotics. The object of special interest of the school are the living Slavic antiquities, *zhivaya starina*, preserved in the folk culture of the Slavs; its primary goal is the reconstruction of the spiritual *Urheimat* of the Slavs. The most representative work of this school is the 5-volume ethnolinguistic dictionary *Slavyanskiye drevnosti* (SD 1995–2012), edited by Nikita Tolstoy.

Large-scale comparative research (essentially ethnolinguistic) has been conducted by Anna Wierzbicka (b. 1938), originally from Warsaw but working for many years at the University of Canberra (Australia), where she has developed her own framework known as Natural Semantic Metalanguage (NSM). Wierzbicka's close collaborator Bert Peeters advanced (in the journal *Etnolingwistyka*, Peeters 2015) a six-component model of *applied ethnolinguistics*, encompassing ethnolexicology, ethnorhetoric, ethnophraseology, ethnosyntax, ethnopragmatics, and ethnoaxiology. The scope of ethnolinguistics is thus extended to the study of language at large, without limiting its interest to folk dialects and ethnic minority languages.

In the 20th century, German ethnolinguistics, founded on the ideas of W. Humboldt, had a prominent representative in the person of Leo Weisgerber (1899–1985), the creator of the so-called “content-based grammar” (*inhaltsbezogene Grammatik*), who in the 1930s was unfortunately involved in Nazi ideology, which adversely affected the reception of his theory in neighbouring countries. Nowadays, German linguistics does not have its own coherent ethnolinguistic paradigm. According to Lars von Karstedt (2004: 250), it is a “conglomerate” that draws on American inspirations, linking language not so much with the notion of nation (*Volk*, *Nation*, abused in Nazi Germany), but with culture and social life. It has enjoyed, however,

diverse achievements, for example Reinhart Koselleck's highly acclaimed dictionary of concepts (Koselleck 2006) or the works of Gunter Senft (b. 1952), a continuator of Malinowski's research.

In Western linguistics, ethnolinguistic research has also been conducted under other names: *general semantics* (Alfred Korzybski, Samuel I. Hayakawa), *ethnosemiotics* (Claude Lévi-Strauss, Algirdas Greimas), *linguistic anthropology* and *anthropological linguistics* (William Foley, Alessandro Duranti), *cultural linguistics* (Gary Palmer, Farzad Sharifian). For Polish research, Jörg Zinken (2004, 2009) proposed the name *cognitive ethnolinguistics*, which was accepted by many researchers. Anna Dąbrowska (2005) expressed an opinion, which I share, that the terms *ethnolinguistics* and *cultural linguistics* can be used interchangeably.

Russian-speaking researchers use the term *linguoculturology*, which, unlike *ethnolinguistics*, shifts interests from diachrony to synchrony (Kovshova and Gudkov 2017: 98–99), and, above all, situates research within the framework of culturology rather than linguistics (and thus focuses on the study of “language in culture” rather than “culture in language”). However, the use of the name *ethnolinguistics* to describe the research we refer to here has recently been gaining popularity (e.g. the Rouen Ethnolinguistics Project founded by James W. Underhill; <https://rep.univ-rouen.fr>).

According to *Webster's Dictionary*, the very name of the discipline (*ethnolinguistics*) has been in use for only a hundred years, since 1920. According to Gunter Senft (2013), it was coined by Bronislaw Malinowski (1884–1942), a British ethnologist of Polish descent. In his work on particles in Kilivila, Malinowski put forward “a general proposition, namely, that there is an urgent need for an Ethno-linguistic theory [emphasis added, JB], a theory for the guidance of linguistic research to be done among natives and in connexion with ethnographic study” (Malinowski 1920: 69).

The term *ethnolinguistics* can be understood in two ways, depending on whether the prefix *ethno-* is assigned an objective or a subjective function. On the objective reading (as in the terms *ethnography* and *ethnology*), the prefix is understood as the study of a people, pursued to produce a description of that people. On the subjective reading (as in the terms *ethnohistory*, *ethnophilosophy*, *ethnobotany* etc.), history, philosophy, botany etc. are considered from a folk perspective, through the eyes of the people.

In my understanding, ethnolinguistics is concerned with the view of the world from the point of view of an *ethnos*, a people, nation, or more generally a community. And this is exactly the conception of ethnolinguistics that has developed in Poland, in the circles gathered around the Lublin-based journal *Etnolingwistyka*.

It should be added here that in Poland, in programmatic declarations, there is also another, sociological understanding of ethnolinguistics, which studies “the place of language in culture and society”, its status, prestige, power, contacts with other languages, also multilingualism, the language of national minorities and

groups (cf. Ziółkowski 1987; Zieniukowa 1998; Crystal 1998), which brings the discipline closer to *sociolinguistics* (Helbig 1986: 239) and *ecolinguistics* in the sense of Einar Haugen (1972).

As Adam Głaz writes:

In the West, the element *ethno-* [...] is associated either with human tragedies (ethnic cleansings) or with minorities (ethnic cuisine, ethnic minorities). The otherwise obvious truth that everything related to cultures, especially national cultures, is in fact *ethnic* has not yet penetrated popular awareness – this also applies to the “big” global languages such as English, Spanish or Russian. Thus, while there are authors who do not shy away from the terms *ethnolinguistics*, *ethnosemantics* or *ethnopragnatics* (James Underhill, Madeleine Mathiot, Bert Peeters, Carsten Levisen, David Danaher, Cliff Goddard, Zhengdao Ye), the terms *anthropological linguistics* or *cultural linguistics* are more commonly used in the West. (Głaz 2021: 88)

Lublin-based ethnolinguistics, inspired by both Western and Eastern scholarship, derives mainly from Polish dialectology, folklore studies, and ethnography, but it inquires into the linguistic worldviews entrenched in both folk and national traditions; it makes use of the findings of cognitivism and axiological linguistics. It is mainly concerned with the contemporary situation, although it also considers historical data (e.g. etymology). Polish ethnolinguistics can be represented by two publications: *Słownik stereotypów i symboli ludowych* (*Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols*) (SSiSL 1996–2021), and *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* (*Axiological Lexicon of Slavs and Their Neighbours*) (LASiS 2015–2019), the latter compiled by an international team.

Summarising the output of Slavic ethnolinguistics, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska (2020) distinguishes four ethnolinguistic schools: dialectological (Nikita and Svetlana Tolstoy), etymological (Vyacheslav Ivanov and Vladimir Toporov), onomastic (Alexander Matveev), and cognitive (Jerzy Bartmiński).

2. The assumptions of ethnolinguistic research

At the end of this brief review, it is fair to say that the common foundation of ethnolinguistic research is the claim that we look at the world as if through linguistic lens, which influences, to a variable extent, our understanding of reality. We cannot see “the thing in itself”, *Ding an sich*, as Immanuel Kant said. At the same time, while the mechanisms governing human perception, conceptualisation and valuation, and ultimately the interpretation of phenomena, are believed to be universal, their effects are culturally specific, dependent on historical circumstances.

The basic assumptions of ethnolinguistic research (anthropological and cultural study of language) can be captured in the following points:

(1) The central object of interest in contemporary ethnolinguistics are human beings as experiencing subjects, with their subjective perspective on the world and mentality.

(2) The object of research is the linguacultural worldview (which I shorten to linguistic worldview), understood as “the interpretation of reality contained in language, verbalised in various ways, which can be captured in a set of judgements about the world” (Bartmiński 2006: 12).

(3) Close links between language and culture provide the basis for their inclusion in the synthetic concept of *linguaculture*, which has recently been gaining popularity, as it accurately reflects the status of the two components being linked by a “paradox of mutual dependence”.

(4) Language is treated not only as a tool of social communication, but also as a tool of acquiring knowledge about the world, apprehending it mentally, accumulating historical experiences, preserving them in social memory and interpreting them symbolically; thus, on the basis of language it is possible to build a communal identity (regional, professional, national, transnational).

(5) The data for ethnolinguistic research are derived from the language system (vocabulary and grammar), textual data (“cultural texts”, text corpora), questionnaires, records of established beliefs and practices, drawings, internet memes etc., which I propose to treat as *co-linguistic* (not “extra-linguistic”) data.

(6) The foundation of the linguistic worldview of a community are the values professed and practiced by it – they underlie the identity of that community.

(7) A special role is attributed to natural language, i.e. living, spoken, colloquial language, which defines the cognitive horizons and common-sense thinking, active in face-to-face communication.

The awareness of the influence of language on worldview and its valuation is particularly important today, in an era of electronic media and manipulative propaganda, fake news and post-truths. There is a need for a critical reflection on worldviews, which are always mediated by language. Ethnolinguistics provides the necessary tools for critical evaluation of discourses, fulfilling a social and educational function. It can and should also act as a safeguard against an abuse of language.

3. The scope of regional, national and transnational ethnolinguistic research

Following the example of Anna Tyrpa, the author of the article „Etnolingwistyka ludowa, narodowa, porównawcza” (“Folk, national, and comparative ethnolinguistics”) (2006), in the title of this section I have distinguished three research areas of ethnolinguistics: regional, national, and transnational. I am aware that

these distinctions may not be adequately attributable to specific studies, but they allow me to raise two important issues: first, the legitimacy of extending the field of interest of ethnolinguistics from folk dialects and micro-languages to national languages, and second, the ways of drawing cross-linguistic comparisons over several languages, as is the case in *The Axiological Lexicon of Slavs and their Neighbours* (LASiS 2015–2019).

The division of ethnolinguistic studies into regional (dialectal) and national ones is not fully attainable, because many works cover both spheres. Nevertheless, there is no doubt that, for example, the huge 12-volume *Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej* (*An illustrated lexicon of Podhale culture and dialects*) by Józef Kaś (2000–2020) or the 7-volume *Słownik gwar kaszubskich* (*Dictionary of Kashubian dialects*) by Bernard Sychta (1967–1976) are “regional”, while e.g. *Słownik stereotypów i symboli ludowych* (SSiSL 1996–2021) is nationwide, encompassing the whole folklore material of one national language. Meanwhile, the monumental Moscow-based dictionary *Slavyanskiye drevnosti* (SD 1995–2012) is transnational in scope, as it contains comparative material from all Slavic languages.

However, the four publications mentioned above have one thing in common: they are all concerned with folk culture examined on a regional (Kaś, Sychta) or supra-regional scale (SSiSL, SD); they all respect the specificity and distinctness of dialects in relation to the national, “literary” language. Folk tradition, to the study of which these four dictionaries are devoted, along with many other ethnolinguistic studies, has one important feature: it is based on oral tradition, while the general variants of specific national languages primarily function and are preserved in writing.

The questions that needs to be asked today are the following. To what extent is the relationship between ethnolinguistics and folklore constitutive, essential, or optional? Can ethnolinguistics, in its dynamic development, its focus on the language-culture relationship, linguistic worldviews, etc., cross the boundaries of folklore? In my opinion, it can and even should.

In the theoretical declarations of Nikita Tolstoy’s Moscow school, it is assumed that the link between ethnolinguistics and folklore is fundamental – it is taken for granted. And so, similarly oriented research at the level of general language and national culture remains the subject of linguoculturology, practised on a large scale in Eastern Slavic countries. In Poland, a similar stance was taken by Janusz Anusiewicz (1994), who restricted the scope of ethnolinguistics to the study of folklore and folk tradition, assigning the study of general language in the context of culture to cultural linguistics. He did so, however, against the explicit declarations of the initiators of Polish ethnolinguistic research (see Bartmiński 1988, the introduction to the first volume of the journal *Etnolingwistyka*), and therefore his position was questioned even by his close associates (Dąbrowska 2005).

I will now offer a few arguments for an extended understanding of ethnolinguistics.

(1) The supporters of incorporating the study of national culture and general language (including myself) into the scope ethnolinguistics point out that the prefix *ethno-* (from Greek *étnos*) in the name of the discipline means not only ‘people, tribe’, but also ‘nation’, and can be applied to any community speaking a common language and united by cultural bonds.²

(2) It is not only dialects or “small” languages that are ethnocentric; this applies to all national languages, including those aspiring to the status of world or “universal” languages, such as English or Russian. This was convincingly shown by Anna Wierzbicka in her book *Imprisoned in English. The hazards of English as a default language* (2014).

(3) The theoretical assumptions of ethnolinguistics concerning its object of inquiry (the linguistic worldview) and research methods apply to the same extent to national language and culture, on the one hand, and folk language and culture, on the other.

Such a widely defined scope of ethnolinguistics is very much in line with the position of the founder of the Moscow school, Nikita I. Tolstoy, who, when analysing the relation between language and culture, envisaged its study on four levels: literary language – elite culture; colloquial speech – mass culture; dialects – folk culture; jargons – traditional-professional culture (Tolstoj 1992 [1990]: 16).

The Moscow school of ethnolinguistics has maintained an association of ethnolinguistics with folklore and with a preference for the past. This limitation was undoubtedly due to its overriding goal of reconstructing the spirit of the Slavic *Urheimat*, for which the archaic dialectal material is particularly useful. But it was probably also a matter of distinguishing oneself from similarly oriented synchronic research into national linguaculture, referred to in the Russian context as linguoculturology, while Russian ethnolinguistics is primarily diachronic (cf. Kovshova and Gudkov 2017: 98–99).

It should be noted here that the problem of the scope of ethnolinguistics cannot be treated in terms of an alternative, as an “either-or” choice, because folk language and culture are, and undoubtedly will long continue to be, the prototypical object of ethnolinguistic research, not only in Russia but also in Poland. Therefore, the extension of ethnolinguistic research to national language and culture does not entail abandoning folklore studies. SSiSL is being compiled in parallel to LASiS and has good prospects for a long-term development.

---

² Cf. the definition of *ethnos* in *Wielka Encyklopedia PWN*: “[gr. *étnos* ‘people’, ‘tribe’, ‘nation’], any ethnic community (irrespective of size, degree of internal organisation, or type of ethnic identity) that is distinguished from other neighbouring groups by a characteristic culture formed in the process of historical development...” (WEP 2002, Vol. 8/384).

The broadening of the research field was consolidated and legitimised at the very beginning of the LASiS project, which was supposed to focus on national languages, with the exclusion of sub-standard, regional, or dialectal varieties. The decision was dictated by practical reasons: the aim was not to multiply the areas of description, to keep the task within the limit of what was necessary, and to ensure maximum comparability of parallel descriptions. As a result of these arrangements, at the First International Ethnolinguistic Congress in Lublin in 2021, presentations dealing with folklore constituted a significant part of the programme, about one third (31%) of the total number, while papers on nationwide varieties of ethnic languages accounted for almost two thirds (57%). A considerable group of presenters (12%) included two types of data in their contributions: folk and nationwide (which of course is well-justified). Nevertheless, some participants of the EUROJOS project gave rise to LASiS want to return to the folklore-based roots of the discipline, hence a new (ETNO)EUROJOS project was founded under the supervision of Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska (2013).

4. The principles of multilingual comparison: The case of the *Axiological Lexicon of Slavs and their Neighbours* (LASiS)

I will proceed with the discussion of the second major problem that arose during the implementation of the *Axiological Lexicon of Slavs and their Neighbours* (LASiS) in connection with the extension of the scope of ethnolinguistic research from the folk and national levels to the level of cross-linguistic and cross-cultural comparisons. The problem has to do with the principles of multilingual comparison, i.e. one that includes more than two languages. I will skip a closer characterisation of LASiS itself (see Bartmiński, Pazio-Wlazłowska, and Żywicka, forthcoming) and only focus on that key problem.

While bilingual (binary) comparisons have a long tradition in linguistics and glottodidactics, where a world language is usually compared with a national language from the perspective of the stronger language, multilingual comparisons are more complex. For instance, if ten languages are to be compared with one another, one would obtain as many as 45 possible combinations, according to the formula $(10 \times (10 - 1))/2$, and if two perspectives were to be adopted, from language A on language B and vice versa, the number would grow to 90. And since for the concepts analysed in LASiS many languages were involved, 18 languages for HOME, 14 for WORK and FREEDOM, 13 for EUROPE, and 12 for HONOUR, it would be absurd, though theoretically possible, to compare every language with every other. That is why the editors of *LASiS*, having signalled such a possibility, left it up to the individual readers of the lexicon to apply it, while they themselves looked for a different model to draw a synthetic comparison.

Three solutions were considered:

(1) several descriptions could be juxtaposed with a single chosen language that would provide the background for comparison; in the case of HOMELAND, that model was the Latin *PATRIA* (cf. Bartmiński 1993);

(2) the simplest, universal semantic units could be made use of, from which various national and cultural combinations could be formed, reducing many descriptions to the Natural Semantic Metalanguage, as proposed and practiced by Anna Wierzbicka;

(3) national images of a given concept could be juxtaposed with a common invariant that can be abstracted from a number of parallel detailed descriptions, where such an invariant would provide the desired background for detailed descriptions (this procedure was proposed by Renata Grzegorzycowa 2011).

Without going into a discussion of the limitations and advantages of each of these solutions, it is worth recalling that the choice of the solutions finally adopted was preceded by several years of discussion on the shape of LASiS, the data used for analysis, the proper methodology, and the shape of the final description. These discussions and preliminary drafts of articles for the lexicon were successively published over the course of ten years, from 2009 to 2019, in the journal *Etnolingwistyka* (vols. 21–30) and in a few volumes of the Lublin “red series” under the common title *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów* (*Values in the linguacultural worldview of Slavs and their neighbours*) (see WJOSS 2012–2019). Two volumes with the results of the questionnaire-based part of the research were published separately as Bielińska-Gardziel, Brzozowska, and Żywicka (2017), and Żywicka (2021). This preparatory work helped reach agreement on: (a) the type of data to be used, (b) the methods of conducting the questionnaires, (c) the conceptual apparatus and terminology used. In this way, a common theoretical and methodological ground, such as the *tertium comparationis* for reliable comparability of parallel descriptions, was established.

The key ideas of such a methodology were presented in my article “The Axiological Lexicon of Slavs and Their Neighbours: What does it contain, on what principles is it based, for whom is it intended?” (Bartmiński 2015a). The article was included in each of the five LASiS volumes. By making the principles of description consistent across the five-volume series, the editors were able to synthesise the results of the parallel studies. In this way, in Volume 1, one finds Bartmiński’s (2015b) “HOUSE/HOME: A universal and a culturally specific concept”; in Volume 2: Wojciech Chlebda’s (2018) “EUROPE in thirteen images”; in Volume 3: Bartmiński and Niebrzegowska-Bartmińska’s (2016) “WORK in the circle of Slavic and European values” (2016); in Volume 4: Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński’s (2019) “FREEDOM: The flagship idea of European culture”; in Volume 5: Petar Sotirov’s (2017) “HONOUR: The foundation of the Slavic and European canon of

values”. All authors searched for what is common or invariant in the national descriptions, which at the same time makes it possible to show what is specific for individual languages.

5. The comparisons of the concept of freedom: Lexical, conceptual, and ideational relations

Below I provide a brief summary of the latest volume of LASiS on FREEDOM, published in 2019.

The authors of the synthetic sketch on FREEDOM, Abramowicz and Bartmiński (2019), followed the collectively adopted principles and made a comparative characterisation of the descriptions, consecutively distinguishing: (1) lexical exponents of the concept and their meanings from the etymological perspective, (2) dictionary definitions, (3) higher-order categories (hypernyms), (4) personal and collective freedom (relating to a nation, people, class), negative and positive freedom, external and internal freedom, (5) the breadth and range of freedom, (6) the limits of freedom.

However, they also introduced a significant innovation with reference to the current discussion of the key concept of ethnolinguistics: the linguistic worldview and its links to systems of values.³ This amounts to the critical analysis of the work of Wilhelm von Humboldt. In this context, Jürgen Trabant (2012, 2015) had clarified the distinction between *Weltansicht*, as it was used by Humboldt, and *Weltanschauung*. While, according to Trabant (cf. also Underhill 2009: 151–152), the *Weltansicht*, which is inseparable from language, presents the world for us “for interpretation”, allowing us to create concepts and exchange views about these concepts and the relations between them, *Weltanschauung* represents an individual’s or a community’s interpretation of the world, or an interpretative framework that one uses to be able to understand it. Underhill says: “While *Weltansichten* affirm nothing about the world, *Weltanschauungen* can be regarded as belief systems, hypotheses about the way the world really is. For this reason, *Weltanschauung* is often felt to be closely related to *ideology*” (Underhill 2009: 151). Underhill subsequently added precision to that distinction by identifying five different levels to the notion of worldview: *world-perceiving* and *world-conceiving* are related to *Weltansicht*, while *personal world*, *perspective*, and *cultural mindset* belong to the realm of *Weltanschauung* (Underhill 2011: 11).

Of considerable value is the emphasis put by both authors on the ideological dimensions, or entailments, of linguistic worldviews, which results in distinctions into lexical, conceptual, and ideational levels. While the relevant entanglements on the lexical (linguistic) and conceptual level are predictable and can be

³ The idea was developed in Bartmiński (2020).

associated with the concept of *Weltansicht*, ideological entanglements (related to *Weltanschauung*) form an unpredictable network of a more subjective nature. This is particularly evident in the concept of FREEDOM.

The Polish lexeme *freedom* ‘wolność’, in its basic meaning ‘the unlimited ability to decide about oneself according to one’s own wishes’, functions in the lexical-semantic field (on the paradigmatic axis), referring to established categories and the corresponding terminology, while the conceptual relations can be described on the syntagmatic axis, by studying the connectivity of words in texts, in different semantic roles, and their position in the semantic “wordnet”. The third level, called ideational, differs substantially from language to language, and within individual languages it differs from discourse to discourse, functioning in different, sometimes sharply contrasting profiles.

This is because lexical and conceptual relations are linked by the fact of remaining within the limits of linguistic potential, of what is given by virtue of the linguistic system itself and the social norm, whereas in actual linguistic communication, at the level of discourse, other factors come additionally into play. What matters are declared and accepted values and communicative intentions.

At the third level, which I refer to as ideational, words are related to concepts, a broader historical and cultural background, as well as social systems of norms and values. Necessarily, the concept of FREEDOM functions here within the realm of axiological choices, the realm of worldview or rather different worldviews. I will demonstrate that with examples from different languages (cf. LASiS, volume 4).

The triad *Liberté, égalité, fraternité* (*Liberty/freedom, equality, fraternity*), taken from the slogans of the French Revolution of 1789, linking freedom with the democratic principle of equality and the postulate of brotherhood into an inseparable whole, has defined the European canon of left-wing ideology. This relation proved to be a lasting one but simultaneously also susceptible to ideational (or even ideological) modifications: the French triad served as a matrix for the demonstration of other political and social programmes, for example (in Poland):

(a) *Freedom, equality, independence* – the name of the underground pro-independence activity of the Polish Socialist Party during WWII.

(b) *Freedom, equality, solidarity* – a slogan of the striking workers in the city of Gdańsk in 1980; this triad entered the *Charter of Fundamental Rights of the European Union* in 2007.

(c) *Freedom, equality, tolerance* – a slogan of the participants of the “Equality March” in Poznań in 2005 (cf. the daily *Gazeta Wyborcza*, 29 September, 2005).

(d) *Freedom, equality, sisterhood* – a slogan used in feminist discourse (*Trybuna*, 8 March, 2005).

A new ideological context is set by the third segment, which stands in contrast to the canonical pattern.

(a) In the *Charter of Fundamental Rights of the European Union*, FREEDOM is combined in a sequence (collection) with SOLIDARITY and then with SECURITY.

(b) In the teachings of the Catholic Church it co-occurs with RESPONSIBILITY.⁴

(c) In student surveys (conducted in Lublin in 1990, 2000, and 2010) it is connected most frequently with such values as DEMOCRACY and JUSTICE.⁵

In Volume 4 of LASiS, in the linguacultures examined there, FREEDOM is associated:

(a) in Ancient Indian culture – with FREE MOVEMENT in space, SECURITY, COSMIC ORDER and MATURE HUMANITY (Jurewicz 2019);

(b) in Ancient Greek culture – with PEACE (in opposition to war), the Olympic Games, JUSTICE, EQUALITY OF RIGHTS, STATE AUTONOMY and SELF-CONTROL (Korus 2019);

(c) in Lithuanian culture – with the possibility of SELF-REALISATION, CREATIVITY, RESPONSIBILITY, NEED FOR RESPECT and TOLERANCE (Smetonienė 2019);

(d) in Czech culture – with NATIONAL INDEPENDENCE, SELF-DETERMINATION, FREE MOVEMENT in space (Vaňková and Vodrážková 2019);

(e) in Ukrainian culture – with CIVIL RIGHTS (Pyśmenna 2019);

(f) in Belarusian culture – with STATE SOVEREIGNTY, CIVIL RIGHTS, PERSONAL FREEDOM (Rudenko 2019);

(g) in Croatian culture – with RESPONSIBILITY, FREE MOVEMENT in space, exercise of ACQUIRED RIGHTS (Kapetanović and Miloš 2019);

(h) in German culture – with HUMAN DIGNITY, THE RULE OF LAW, CIVIL RIGHTS, DEMOCRACY, JUSTICE, RESPONSIBILITY, SECURITY (Janoszczyk 2019);

(i) in English culture – with HUMAN RIGHTS, THE RULE OF LAW, SECURITY (Gicala 2019).

A specific feature of Polish is the association of FREEDOM with SOLIDARITY, which initially arose from the Polish political context of the 1980s and later became one of the ideological slogans of the European Union.

For these links and connections to be legitimately interpreted, one needs to take into account the broad national socio-cultural context, national history, philosophy, the history of ideas and literature, research in political science and sociology, and, most generally, to the relevant worldview.

At this point we may ask whether the relations (the network) of the concept of FREEDOM discussed here are objectively given and only discovered by researchers, or whether they are established in the process? I am inclined to suggest that these relations are reconstructed at the lexical and conceptual level, and established at the ideational level. The key procedure is to find an adequate basis for the conceptual links, as well as to produce a narrative that justifies the inclusion of a concept in

⁴ For example, the Catechism of the Catholic Church stipulates that freedom makes a person responsible for their actions insofar as they are voluntary (*Katechizm Kościoła Katolickiego* 1994: 411, item 1734).

⁵ For a detailed discussion, see Bartmiński and Niebrzegowska-Bartmińska (2019: 202–206).

the larger conceptual sphere. That sphere is a flexible domain: it opens up towards “worldview” (*Weltanschauung*). It can be constructed from an external perspective, it can be pragmatic and cultural, it can relate to the ethical and axiological domains – and thus be ideational in the most positive sense.

This view was confirmed by Wojciech Chlebda, who, commenting on the concepts of HOME, EUROPE, WORK, FREEDOM and HONOUR, selected for description for the LASiS series, recognised deeper links between them (even though separate analyses of each of these concepts had originally been envisaged). Chlebda proposed an ideational narrative, where he stressed “the dramatic topicality and tangible vitality of the concepts of HOME, FREEDOM, WORK, HONOUR/DIGNITY and EUROPE for a joint analysis”. A fragment of his narrative is worth quoting in lieu of conclusion:

The almost biblical exodus of hundreds of thousands of people from Syria, Iraq and other countries in North Africa and the Middle East makes us realise that this biggest migration of people since the end of World War II is taking place in the space defined by these five concepts. People are leaving their homes and setting off into the unknown in search of a new home. They do that because they have been driven out by the brutal seizure of their freedom – and it is freedom under the roof of their new home that they hope for. They desire freedom and work, not charity nor benefits, they do not want to be dependent on anyone. They have their dignity, their honour, often openly demonstrated in front of European television cameras with a reproachful question: “Are we animals that you treat us like this?”. This question, in turn, raises anew and in all its acuteness the issue of European values, which underlies the very essence of Europe. (Chlebda 2018: 24)

References

- Abramowicz, Maciej and Jerzy Bartmiński. 2019. WOLNOŚĆ – sztandarowa idea kultury europejskiej. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. WOLNOŚĆ. [LASiS, vol. 4] 15–55. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Anusiewicz, Janusz. 1994 *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Bartmiński, Jerzy. 1988. Słowo wstępne. *Etnolingwistyka* 1: 5–7.
- Bartmiński, Jerzy (ed.). 1993. *Ojczyzna – Pojęcie ojczyzny w językach europejskich*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 2006. *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 2015a. *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów – co zawiera, na jakich zasadach się opiera, dla kogo jest przeznaczony?* In Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, and Beata Żywicka (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 1. DOM. [LASiS, vol. 1]. 7–13. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 2015b. DOM – koncept uniwersalny i specyficzny kulturowo. In Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, and Beata Żywicka (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 1. DOM. [LASiS, vol. 1]. 15–33. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

- Bartmiński, Jerzy. 2020. Z czym “rymuje się” *WOLNOŚĆ*? Koncept *WOLNOŚCI* w polu leksykalnym, w pojęciowej słowosieci i w conceptsferze. In Walerij Mokijenko and Jadwiga Tarsa (eds.) *Język i pamięć. Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Wojciechowi Chlebda z okazji 70. Urodzin*. 105–115. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Bartmiński, Jerzy and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. 2016. *PRACA* w kręgu wartości słowiańskich i europejskich. In Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska (ed.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 3. *PRACA*. [LASiS, vol. 3] 13–42. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. 2019. *WOLNOŚĆ* w polskiej lingwokulturze. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. [LASiS, vol. 4] 181–244. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy, Dorota Pazio-Wlazłowska and Beata Żywicka. forthcoming. *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów – stan obecny i perspektywy kontynuacji*. In Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Dorota Pazio-Wlazłowska, Joanna Szadura, and Beata Żywicka (eds.) *I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny*. Vol. 4. *Nazwy wartości i koncepty kulturowe – hierarchie i rekonstrukcje*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bielińska-Gardziel, Iwona, Małgorzata Brzozowska, and Beata Żywicka (eds.). (2017). *Nazwy wartości w językach europejskich. Raport z badań empirycznych*. Przemyśl: Państwowa Wyższa Szkoła Wschodnioeuropejska.
- Bock, Philip K. 1992. World view and language. In William Bright (ed.) *International encyclopedia of linguistics*. 248–251. Oxford: Oxford University Press.
- Chlebda, Wojciech. 2018. *EUROPA* w trzynastu obrazach. In Wojciech Chlebda (ed.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 2. *EUROPA*. [LASiS, vol. 2] 15–60. Lublin: Wydawnictwo UMCS / Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Crystal, David. 1987. *The Cambridge encyclopedia of language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dąbrowska, Anna. 2005. Współczesne problemy lingwistyki kulturowej. In Małgorzata Czermińska, Stanisław Gajda, Krzysztof Kłosiński, Anna Legeżyńska, Andrzej Z. Makowiecki, Ryszard Nycz (eds.) *Polonistyka w przebudowie. Literaturoznawstwo – wiedza o języku – wiedza o kulturze – edukacja. Zjazd Polonistów Kraków 22–25 września 2004*. Vol. 2. 99–110. Kraków: Universitas.
- Gicala, Agnieszka. 2019. *FREEDOM* w języku angielskim. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. [LASiS, vol. 4] 597–618. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Głaz, Adam. 2021. Lingwistyka zachodnia – co to właściwie znaczy? In Adam Głaz, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Marta Nowosad-Bakalarczyk, Alena Rudenka, Beata Żywicka (eds.) *I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny. Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: stan badań, metody i postulaty badawcze. Program i tezy referatów*. 86–87. Congress promotional package.
- Głaz, Adam. 2022 *Linguistic worldview(s): Approaches and applications*. London and New York: Routledge.
- Grzegorzczak, Renata. 2011. Jeszcze o rozumieniu JOS-u w perspektywie badań porównawczych: pojęcie inwariantu pojęciowego. *Etnolingwistyka* 23: 217–225.
- Haugen, Einar. 1972. *The ecology of language*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Helbig, Gerhard. 1986. *Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970*. Leipzig: Bibliographisches Institut Leipzig.
- Janoszczuk, Jolanta. 2019. Językowy obraz *FREIHEIT* we współczesnym języku niemieckim. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. [LASiS, vol. 4] 529–572. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Jurewicz, Joanna. 2019. Pojęcie *WOLNOŚCI* w najstarszej kulturze indyjskiej. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. [LASiS, vol. 4] 57–88. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Kapetanović, Amir and Irena Miloš. 2017. Suvremenna hrvatska jezična slika *SLOBODE*. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. [LASiS, vol. 4] 501–527. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Karstedt, Lars von. 2004. *Sprache und Kultur: eine Geschichte der deutschsprachigen Ethnolinguistik*. Hamburg: Verlag nicht ermittelbar.
- Katechizm Kościoła Katolickiego*. 1994. Poznań: Pallotinum.
- Kąś, Józef. 2000–2020. *Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej*. Vols. 1–12. Bukowina Tatrzańska–Nowy Sącz: Astraia.
- Korus, Kazimierz. 2019. *WOLNOŚĆ* w antycznej kulturze greckiej. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. 89–135. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Koselleck, Reinhard. 2006. *Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Kovshova, Maria and Dmitry Gudkov. 2017. *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov*. Moskva: Gnozis.
- LASiS. 2015–2019. *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Ed.-in-Chief: Jerzy Bartmiński.
- Vol. 1. 2015. *DOM*. Ed. Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, and Beata Żywicka. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Vol. 2. 2018. *EUROPA*. Ed. Wojciech Chlebda. Lublin: Wydawnictwo UMCS / Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Vol. 3. 2016. *PRACA*. Ed. Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Vol. 4. 2019. *WOLNOŚĆ*. Ed. Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Vol. 5. 2017. *HONOR*. Ed. Petar Sotirov and Dejan Ajdačić. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Malinowski, Bronisław. 1920. Classificatory particles in the language of Kirivina. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 1(4): 33–74.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2013. Projekt badawczy (ETNO)EUROJOS a program etnolingwistyki kognitywnej. *Etnolingwistyka* 25: 257–267.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2020. *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Peeters, Bert. 2015. Language, culture and values: Towards an ethnolinguistics based on abduction and salience. *Etnolingwistyka* 27: 47–62.
- Pyśmenna, Julia. 2019. Kontsept *VOLYA* v ukrayins'kiy lingvokul'turi. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. [LASiS, vol. 4] 393–430. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

- Rudenko, Elena. 2019. Kontsept SVOBODA po dannym belorusskogo yazyka. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. [LASiS, vol. 4] 369–392. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Senft, Gunter. 2013. Ethnolinguistik. In Betina Beer and Hans Fischer (ed.) *Ethnologie – Einführung und Überblick*. 8th ed. 271–286. Berlin: Reimer.
- SD. 1995–2012. 1995–2012. *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh*. [*Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary in 5 volumes*]. Vol. 1–5. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- Smetonienė, Irena. 2019. WOLNOŚĆ – jedna z najważniejszych wartości Litwina. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. [LASiS, vol. 4] 137–180. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Sotirov, Petar. 2017. HONOR – fundamentem słowiańskiego i europejskiego kanonu wartości. In Petar Sotirov and Dejan Ajdačić (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 5. *HONOR*. 13–26. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- SSiSL. 1996–2021. *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Ed-in-chief: Jerzy Bartmiński. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska]. Vols. 1–2. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Sychta, Bernard. 1967–1976. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Vols. 1–7. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Tołstoj, Nikita Iljicz. 1992 [1990]. Język a kultura (Niekóre zagadnienia słowiańskiej etnolingwistyki). *Etnolingwistyka* 5: 15–25.
- Trabant, Jürgen. 2012. *Weltansichten Wilhelm von Humboldts Sprachprojekt*. München: C.H. Beck Verlag.
- Trabant, Jürgen. 2015. *Wilhelm von Humboldt Lectures*. REP, Université de Normandie, Rouen, <https://webtv.univ-rouen.fr/permalink/v1253a1ea9272ns1g6a7/> (accessed on 3 August 2020).
- Tyrpa, Anna. 2006. Etnolingwistyka ludowa, narodowa, porównawcza – koncepcje neofilologów i polonistów. *Etnolingwistyka* 18: 105–116.
- Underhill, James W. 2009. *Humboldt, language and worldview*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Underhill, James W. 2011. *Creating worldviews*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Vaňková, Irena and Veronika Vodrážková. 2019. SVOBODA v českém jazykovém obrazu světa. In Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *WOLNOŚĆ*. [LASiS, vol. 4] 245–304. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Vico, Giambattista. 2020 [1725] *The New Science*. Ed. and trans. Jason Taylor and Robert Miner. New Haven, CT: Yale University Press.
- WEP. 2020. *Wielka encyklopedia powszechna*. Vol. 8. Ed. Jan Wojnowski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Wierzbicka, Anna. 2014. *Imprisoned in English. The hazards of English as a default language*. Oxford: Oxford University Press.
- WJOSS. 2012–2019. *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Vol. 1. 2012. Ed. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński, and Iwona Bielińska-Gardziel.
- Vol. 2. 2014. *Wokół europejskiej aksjofery*. Ed. Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska.
- Vol. 3. 2014. *Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*. Ed. Iwona Bielińska-Gardziel, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, and Joanna Szadura. 2014.

- Vol. 4. 2018. *Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w perspektywie badań porównawczych*. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, and Joanna Szadura, Beata Żywicka.
- Vol. 5. 2019. *Koncepty i ich eksplikowanie*. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska and Dorota Pazio-Wlazłowska.
- Vol. 6. 2019. *Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjofery*. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska and Dorota Pazio-Wlazłowska.
- Zinken, Jörg. 2004. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin. *metaphorik.de*: 115–136.
- Zinken, Jörg. 2009. The Ethnolinguistic School of Lublin and Anglo-American Cognitive Linguistics. In Jerzy Bartmiński, *Aspects of cognitive ethnolinguistics*. 1–5. London and Oakville, CT: Equinox.
- Zieniukowa, Jadwiga. 1998. Z problemów etnolingwistyki. In Ewa Jędrzejko (ed.) *Nowe czasy, nowe języki, nowe (i stare) problemy*. 233–241. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Ziółkowski, Marek. 1987. Etnolingwistyka. In Zofia Staszczak (ed.) *Słownik etnologiczny. Terminy ogólne*. 94–97. Warszawa–Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Żywicka, Beata. (2021). *Wartości w kulturach europejskich. Raport z badań empirycznych*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

Ludowy, narodowy i transnarodowy wymiar etnolingwistyki

Streszczenie: Autor skupia uwagę na dwóch kwestiach szczegółowych, które można ująć w formie pytań: (1) Czy przedmiotem etnolingwistyki powinny pozostać tylko dialekty i mikrojęzyki, czy może także języki ogólnonarodowe?, (2) Skoro etnolingwistyka podejmuje badania nad wieloma językami, to jak dokonywać ich optymalnej komparacji? W pierwszej jednak kolejności prezentuje założenia etnolingwistyki jako dyscypliny badawczej, jej rodowód i współczesne zróżnicowanie, mając na uwadze, iż etnolingwistyka przeżywa kolejny etap ożywionego rozwoju, zarówno w Polsce, jak w Rosji i w wielu krajach słowiańskich (w Czechach, Białorusi, Ukrainie, Bułgarii, Serbii), ostatnio także w krajach zachodnich (m.in. na Litwie czy we Francji).

Słowa kluczowe: etnolingwistyka; etnolingwistyka ludowa; etnolingwistyka narodowa; etnolingwistyka ponadnarodowa; komparacja językowa; WOLNOŚĆ; relacje leksykalne; relacje pojęciowe; relacje ideowe

Translated by Rafał Augustyn

Светлана М. Толстая

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4531-0024

e-mail: smtolstaya@yandex.ru

Этнолингвистика и лексическая семантика

Резюме: Главной задачей обеих дисциплин является реконструкция языковой картины мира. Различия между ними заключаются в том, в каком соотношении используются для этой реконструкции собственно лингвистические и экстралингвистические данные, как понимаются задачи и способы лексикографической репрезентации материала, какие категории и параметры описания объекта признаются релевантными. В статье сравниваются два крупных лексикографических проекта – «Активный словарь русского языка», создаваемый в Москве под руководством Ю.Д. Апресяна, и «Словарь народных стереотипов и символов», создаваемый в Люблине под руководством Е. Бартминьского, обнаруживающие как общие, так и различные черты в своем подходе. Семантической системе естественного языка соответствует семантика языка культуры, которая должна пониматься как категория не чисто семантическая, а семантико-функциональная: полисемии соответствует полифункциональность, синонимии – изофункциональность, антонимии – антитетичность. Это значит, что многозначности культурного знака не обязательно соответствует многозначность слова, синонимии культурных знаков – синонимичность соответствующих слов, антонимии культурных знаков – антонимия обозначающих их слов.

Ключевые слова: этнолингвистика, семантика; язык культуры; языковая картина мира; лексикография; многозначность; синонимия; антонимия

Этнолингвистика как научная дисциплина возникла, как известно, позже других гуманитарных наук (лингвистики, фольклористики, этнологии) и во многом на их эмпирической основе. Но в теоретическом и методологическом отношении она теснее всего связана с лингвистикой и особенно с такими ее ветвями, как лексикология, лексическая семантика, лингвистическая прагматика, системная (интегральная) лексикография в версии Ю.Д. Апресяна. Наиболее общим понятием, объединяющим этнолингвистику и лексическую семантику, является понятие языковой (или наивной) картины мира. Семантическая реконструкция языковой картины мира составляет главную задачу обеих дисциплин (в определениях Ю.Д. Апресяна, Е. Бартминьского, Н.И. Толстого). Однако способы и источники этой реконструкции в лексической семантике и этнолингвистике различны.

Языковая картина мира

В теории лексической семантики Ю.Д. Апресяна и его школы идея языковой (другое название – «наивной») картины мира развивается с конца 1960-х годов (Апресян 1969) и базируется на следующем главном тезисе: «Материалом для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка (Апресян 1995: 349, 354) <...>; под ними мы понимаем лексемы, грамматические формы, словообразовательные средства, просодии, синтаксические конструкции, фраземы, правила лексико-семантической сочетаемости и т. п. Этим наш подход отличается от установок ряда других направлений, для которых главным предметом исследования являются так называемые культурные концепты. Основанием для реконструкции последних служат не только факты языка, но и любые тексты культуры в самом широком смысле этого слова» (Апресян 2006: 34). Среди продолжателей идей В. Гумбольдта, А. Потебни, Э. Сэпира и В. Уорфа Ю.Д. Апресян называет далее и этнолингвистические школы Москвы и Люблина и отмечает исключительное значение семантических исследований Анны Вежбицкой. Следующие две важнейшие черты языковой картины мира – это 1) ее отличие от научной картины мира и 2) ее лингво-, или этноспецифичность, т.е. свойство отражать «особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков» (там же, с. 35–36). Эти два свойства столь же важны и для этнолингвистической концепции картины мира.

Определение, которое дает понятию языковой картины мира глава польской (люблинской) этнолингвистической школы Ежи Бартоми́нский, отличается от определения Апресяна именно тем, что оно снимает ограничение исключительно языковыми показателями, на основании которых реконструируется картина мира:

Przez językowy obraz świata rozumiem zawartą w języku interpretację rzeczywistości, którą można ująć w postaci zespołu sądów o świecie. Mogą to być sądy bądź to utrwalone w samym języku, w jego formach gramatycznych, słownictwie, kliszowanych tekstach (np. przysłów), bądź to przez formy i teksty języka implikowane (Bartmiński 1990: 110).

Из того, что и в этом случае речь идет о языковой картине мира, следует, что сам язык понимается в более широком смысле, чем обычно, поскольку он включает все, что может быть «имплицировано языком», т.е. все, что существует в действительности или мыслится существующим. Вообще говоря, «вторжение» действительности в сферу языка (как и включение в теорию языка человека в качестве субъекта, пользующегося языком) характерно и для современной лингвистики, антропологической лингвистики, лингвистической прагматики и лексической семантики. В теории же этнолингвистики,

как в ее люблинской, так и в московской версии, эта тройственная связь (язык – действительность – человек) становится основополагающей и освобождается от строгой формальной ограниченности сферой языка.

Картина мира, реконструируемая в этнолингвистике, т.е. система представлений о мире, шире, объемнее, чем картина мира, восстанавливаемая исключительно на основе данных языка. Она включает, помимо языковых свидетельств, данные самых разных сфер культуры – мифологии, ритуалов, фольклора, повседневного поведения, народного искусства и т.п. Единицами этой картины мира оказываются уже не слова, а ментальные, символические единицы культуры – стереотипы в концепции люблинской этнолингвистики или, по определению Е. Бартминского, «przedmioty mentalne» (Bartmiński 1988: 170). В московском словаре «Славянские древности» объектами толкования являются единицы языка культуры, культурные знаки, символы. Это тоже своего рода идеографические единицы, единицы ментальной картины мира.

Эти разные подходы к реконструкции языковой картины мира, касающиеся соотношения языковой и внеязыковой информации (в одном случае их строгое разграничение, в другом их принципиальное объединение), лежат в основе двух типов лексикографических трудов – «Активного словаря русского языка», создаваемого под рук. акад. Ю.Д. Апресяна в Москве (АС), и этнолингвистических словарей – люблинского «Словаря народных стереотипов и символов» (SSSL), создаваемого под рук. Ежи Бартминьского, и московского словаря «Славянские древности» (СД), созданного под общим рук. Н.И. Толстого.

Лексикография

Лексикография в версии московской семантической школы Ю.Д. Апресяна имеет разработанную теорию (главные принципы которой – системность и интегральность), на основе которой создаются словари разного типа – «Новый объяснительный словарь синонимов» (НОСС), «Активный словарь русского языка» (АС). Эти же принципы системности и интегральности, хотя и в несколько ином понимании, лежат в основе лексикографического подхода, разработанного для «Словаря народных стереотипов и символов» Е. Бартминьским. Сравнение этих двух видов научных предприятий с точки зрения их «идеологии» и методики может быть полезно для уточнения некоторых теоретических вопросов обеих дисциплин – лексической семантики и этнолингвистики. (При этом между люблинским и московским словарем есть свои, менее принципиальные, различия, о которых не раз говорилось и еще будет здесь упоминаться).

В современной лексической семантике мы можем наблюдать некоторое ослабление лингвистического ригоризма и определенное допущение

экстралингвистической информации в сферу словарного описания семантики слова. Так, в «Активном словаре русского языка» допускается включение в толкование слова (лексемы) определенной внеязыковой информации: «В ряде случаев толкование лексемы сопровождается сведениями, не относящимися прямо ни к ее толкованию, ни к его дефинициям. Тем не менее они составляют интересный массив знаний о соответствующем объекте или факте, которыми предположительно владеет или должен владеть образованный носитель языка» (Апресян 2014: 22). Это положение иллюстрируется примером толкования лексемы АЛМАЗ 1.1, в котором сообщается, 1) что алмазы относятся к разряду *драгоценных камней* и входят наряду с *рубином, сапфиром и изумрудом*, в их первый класс, 2) что основные разновидности алмазов – *баллас, карбонадо и борт*, что кристаллы алмазов могут быть окрашены в *черный, желтый, коричневый, красный, пурпуровый и голубой* цвета или (чаще всего) быть *бесцветными*, 3) что алмазы часто встречаются в *кимберлитах*, или *кимберлитовых трубках*, называемых также *алмазными трубками*, – сверхглубоких природных скважинах, образовавшихся при прорыве газов сквозь земную кору: «*Удачная*» – *крупнейшая кимберлитовая трубка и месторождение алмазов на севере Якутии в России* (там же).

Такого рода сведения соответствуют некоторым стандартным рубрикам этнолингвистической дефиниции в люблинском словаре SSSL, о чем мы скажем дальше подробнее. Попробуем сопоставить этнолингвистический словарь (в основном в его люблинской версии, поскольку в нем, в отличие от московского словаря, структура и методика более эксплицированы) с «Активным словарем русского языка» Ю.Д.Апресяна.

Идеография и семантика

Если обратиться к структуре люблинского «Словаря стереотипов и символов», то нельзя не заметить, что в основе словаря лежит идеографический подход, т.е. определенная систематизация действительности. Это отражается в самой структуре издания: I том «Космос» (1. Небо и небесные светила; 2. Земля, вода, подземный мир; 3. Метеорология; 4. Окружающий мир, свет, металлы). II том «Растения» (1. Злаки; 2. Овощи, приправы, промышленные культуры, 3. Цветы, 4. Травы; 5. Кусты и кустарники; 6. Деревья; 7. Грибы, сорняки, заросли). III том «Животный мир», IV том «Человек», «Общество», «Религия», V том «Время, пространство, меры, цвет». Ср. структуру недавно обнаруженного проф. М. Раком рукописного «Словаря польской мифологии» Я. Карловича: словарь должен был включать следующие крупные разделы: Космология (Kosmografia), Атмосфера (Powietrznia), Камни (Kamienie), Растения (Rośliny), Животные (Zwierzęta), Человек (Człowiek) (Rak 2021).

«Присутствие действительности» в концепции языка существовало и в традиционном языкознании, в частности, когда язык изучался не от формы (слова) к смыслу (понятию), а от смысла (понятия) к форме (слову). В первом случае исследователь отвечал на вопрос: что значит то или иное слово или выражение (какова его семантика), а во втором – как называется тот или иной предмет, свойство или явление действительности в некотором языке или группе языков. Для такого (идеографического, ономаσιологического) представления лексики необходима предварительная систематизация, таксономическая классификация, определенная упорядоченность предметов и явлений самой действительности. На эту картину действительности накладывается «сетка языка», и результат такого наложения позволяет выделить признаки элементов мира, релевантные для языковой категоризации соответствующих явлений действительности. Эти два подхода (семантический «от слова к понятию» и идеографический «от понятия к слову») не исключают, а во многом дополняют друг друга. Например, если нас интересует мотивация (внутренняя форма) того или иного языкового выражения (семантический аспект), мы с неизбежностью обращаемся к самим денотатам, чтобы установить, какие реальные признаки предмета или явления легли в основу его номинации (ономаσιологический аспект). Во многих случаях, по выражению А.Е. Кибрика, «серьезные преимущества имеет описание от значения к форме» (Кибрик 1992: 123), т.е. от смысла к слову.

Идеография т.е. подход от идеи, представления, понятия, смысла к слову и форме лежит и в основании лексической типологии, изучающей способы членения того или иного фрагмента мира (космология, мир растений, животных, цвет, пища, движение и т.д.) языковыми единицами в разных языках. Этот же подход лежит в основе широко употребительных в языкознании понятий семантических или лексико-семантических полей, соответствующих тем или иным фрагментам мира (фитонимы, зоонимы, лексика цветообозначений, лексика речи, лексика пищи, глаголы движения и т.д.). Наконец, эти же представления о таксономии элементов мира с неизбежностью присутствуют при установлении парадигматических связей в лексике, т.е. в определении синонимов, антонимов, конверсивов и др. Неслучайно словарь индоевропейских синонимов Бака имеет подзаголовок «к истории идей» (Buck 1949).

Московский словарь «Славянские древности», хотя он построен не по идеографическому, а по алфавитному принципу, в сущности также исходит из «представлений» об элементах мира, а не из свойств естественного языка (хотя при этом не приписывает всей раскрываемой в словаре информации элементам языка). В обоих словарях предметом описания служат не языковые единицы, слова, и не их денотаты, т.е. единицы реального мира, а представления, образы, стереотипы, концепты, т.е. содержательные элементы картины мира, тогда как заглавные слова (*hasła*) служат лишь условными знаками этих образов (стереотипов).

Система категорий и параметров

Этнолингвистику и лексическую семантику связывает не только язык, который для лексической семантики служит единственным, а для этнолингвистики одним из объектов изучения, но и применяемый подход и система категорий, которые этнолингвистика во многих случаях заимствует у языкознания и приспосабливает к своему более сложному, разноплановому и гетерогенному предмету. Если не говорить о самом общем понимании языка как системы символов, которое переносится на культуру и отражается в понятии «язык культуры», то легко видеть, что и многие более частные и специальные понятия и категории, разработанные и применяемые в лингвистике (и специально в лексикологии и семасиологии), оказываются применимыми к описанию языка культуры. В книге Станиславы Небжеговской-Бартмиńskiej представлен в обобщенном и систематизированном виде концептуальный аппарат люблинской этнолингвистики (Niebrzegowska-Bartmińska 2020).

Посмотрим на список семантических категорий (называемых *fasety*), которые используются в люблинском этнолингвистическом словаре (SSSL) при описании стереотипов в томах «Космос» и «Растения».

Нельзя не заметить, что некоторая (меньшая) часть этих параметров относится к языковым сущностям (словам) и соответствует категориям лексической парадигматики и синтагматики (дериваты, синонимы, когипонимы, гиперонимы, гипонимы), т.е. это те же рубрики, что и в словарных статьях лингвистического словаря, тогда как остальные параметры (большая часть) – относятся к стереотипам, т.е. образам предметов и явлений самой действительности и их свойствам, но не к единицам языка. Соответственно в первой группе параметров (характеристик) объект описания называется *hasło* (т.е. слово), а во второй – *przedmiot hasłowy*, т.е. денотат, предмет или явление действительности. Это такие фасеты, как облик (вид), составные части, количественная характеристика, типичные действия, процессы или состояния, способность служить причиной или, наоборот, следствием чего-л., способность выступать в качестве субъекта, адресата или объекта; характерные локусы, временные характеристики; относящиеся к объекту поверья, предсказания и колдовство, способность управлять другими объектами или быть управляемым; способность к трансформациям; запреты и предписания, связанные с объектом. Этот ряд признаков, как правило, не имеет прямого лексического выражения и не присутствует в толкованиях единиц языка в лингвистическом словаре.

На первый взгляд, некоторые из этих параметров аналогичны категориям лексической семантики или как-то соотносятся с ними. Например, в статье ŚNIEG люблинского словаря в рубрике *Hiponim* приводятся названия разновидностей снега в зависимости от длительности и времени снегопада, от

FASETY I ICH SYMBOLE

▬ Nazwa z uwzględnieniem jej różnych znaczeń i odniesień; derywaty, synonimy, kohiponimy... ↑ Hiperonim: słowa nadrzędne wobec analizowanego hasła. ↓ Hiponim: hasła podrzędne. ⊕ Kolekcje i kompleksy: z jakimi rzeczami i zjawiskami współwystępuje przedmiot hasłowy pełniąc wspólną funkcję. ↔ Opozycje. ✕ Pochodzenie: z czego pochodzi lub w jaki sposób powstaje przedmiot hasłowy. ⊗ Wygląd. ○ Właściwości nie związane z wyglądem. ★ Części, z jakich składa się przedmiot hasłowy. ⋯ Ilość: w jakich ilościach występuje lub mierzony jest przedmiot hasłowy. ■ Czynności, procesy, stany, jakie wykonuje, jakim podlega lub w jakich znajduje się przedmiot hasłowy. □ Działania sprawcze ♥ Przeżycia przedmiotu hasłowego. ☑ Przedmiot hasłowy jako przyczyna przeżyć (stimulus). ▣ Przyczyna: przedmiot hasłowy jako przyczyna czegoś.	☒ Skutek: przedmiot hasłowy jako rezultat, skutek czegoś. ◆ Obiekt: przedmiot hasłowy jako obiekt oddziaływania. ◇ Adresat, rozmówca. ♣ Zastosowanie, użytek, przedmiot hasłowy jako narzędzie. △ Lokalizacja, lokalizator: lokalizacja przedmiotu hasłowego lub przedmiot hasłowy jako miejsce czegoś innego. ∞ Czas: to czasowe przedmiotu hasłowego lub przedmiot jako to czasowe czegoś. ♠ Przepowiednie. ≈ Ekwiwalencje kulturowe oraz wewnętrzne i zewnętrzne. ⊠ Symbole przedmiotu hasłowego lub przedmiot hasłowy jako symbol czegoś. ♣ Władza: przedmiot hasłowy ma władzę nad czymś lub coś ma władzę nad przedmiotem hasłowym. ▣ Przemiany jakim podlega przedmiot hasłowy. ! Zakazy i nakazy związane z przedmiotem hasłowym. ● Faseta ogólna, dla mniej typowych albo mniej częstych aspektów.

его интенсивности и структуры, влажности, эмоциональной оценки явления и др.: таковы сочетания с определениями *młody*, *ptasi*, *lagodny*, *dziadowski*, *chłopski* и т.п. или же выраженные отдельными словами: *chlapa*, *pluskotnica*, *polatawa* и т.п. (SSSL 1/3: 230–232). Подобная информация в семантическом словаре попадает или в зону (рубрику) «сочетаемость» (в данном случае сочетаемость существительного с прилагательным), либо в зону синонимов, если разные виды явления обозначаются отдельными словами.

В схеме словарной статьи «Активного словаря», создаваемого под рук. Ю.Д. Апресяна, предусмотрена специальная зона словарной статьи, называемая «Наивно-энциклопедическая информация» в которую «в общем случае входят: а) указание частей того, что обозначено ключевой лексемой, б) указание видов того, что обозначено ключевой лексемой (например, названий дней недели для лексемы НЕДЕЛЯ 1 или названий месяцев для лексемы МЕСЯЦ 1), в) лексический мир ключевой лексемы (форма введения этого типа наивно-энциклопедической информации свободная; в частности, она может вводиться в виде одного или нескольких утверждений), г) возможность

использования ключевой лексемы в составе названия. Следует иметь в виду, что перечисленные типы информации, особенно информации о частях и видах того, что обозначено ключевой лексемой, актуальны прежде всего для существительных и что во многих случаях они допускают альтернативные описания – либо в зоне сочетаемости, либо в наивно-энциклопедической зоне.» (Апресян 2010а: 101).

Нетрудно видеть, что пример с названиями дней недели в статье НЕДЕЛЯ совершенно аналогичен одной из фасет люблинского словаря, называемой «Części, z jakich składa się przedmiot hasłowy». Другой пример – с названиями месяцев в статье МЕСЯЦ соответствует параметру: «Hiponim: hasła podrzędne».

Наконец, пункт «Активного словаря», названный «лексический мир ключевой лексемы» может быть соотнесен сразу с несколькими фасетами SSSL: «Kompleksy i kolekcje: z jakimi rzeczami i zjawiskami współwystępuje przedmiot hasłowy, pełniąc wspólną funkcję»; «Hiponim: hasła podrzędne», «Czynności, procesy, stany, jakie wykonuje, jakim podlega lub w jakich znajduje się przedmiot hasłowy» и др. В словаре Апресяна этот пункт считается факультативным и иллюстрируется примером с лексемой КАРТА 2.1. (игральная карта): в зону «лексический мир» может быть отнесена следующая информация: а) достоинство: *туз, король, дама, валет* и т.д., б) масти: *черви, бубны, трефы, пики*; в) занятия: *пасьянс, гадание на картах, фокусы* с картами (Апресян 2010: 18).

Предметы и предикаты

Следует учитывать, что в люблинском словаре объекты толкования – это стереотипы (образы) предметов или явлений, т.е. предметного мира; предикаты в нем присутствуют не в качестве объектов толкования, а только в интерпретационной части статьи, как характеристика действий или состояний толкуемого образа; именно на предметную часть словника рассчитаны и параметры (фасеты). А эти две категории (предметная и предикатная) и в языке, и в культуре принципиально различны и требуют разных приемов описания.

Семантическая классификация лексики в версии московской семантической школы исходит из того, что «все лексемы и другие эквивалентные им лексические единицы, в том числе и многословные, делятся прежде всего на два типа – предметные (названия животных, птиц, рыб, овощей, фруктов, камней, гор, планет, светил и т.п.) и предикатные (в данном контексте любые валентные лексемы) <...> Двум разрядам лексики и, соответственно, двум типам толкований соответствуют и две разные семантические классификации языковых единиц – таксономическая и фундаментальная. Первая

предназначена для предметных единиц (например, названий различных объектов живой и неживой природы), а вторая – для предикатных» (Апресян 2009: 27–28). Это деление на предметные и предикатные единицы безусловно существенно и для этнолингвистического словаря.

В «Активном словаре» именно предикатная лексика разрабатывается особенно подробно, поскольку она отличается многообразными, сложными характеристиками ситуаций, стоящих за предикатами и их актантами. Предикатную лексику, в отличие от предметной, гораздо труднее описать в идеографической модели «от смысла к слову». Точно так же в картине мира труднее вычленить предикатные образы, чем предметные. Еще труднее было представить в идеографической модели признаковые и тем более дискурсивные слова и соответствующие понятия.

В московском словаре СД, кроме образов (знаков, символов, стереотипов) предметов и явлений, даются также и наиболее нагруженные культурной семантикой предикатные понятия (например, бег, гадания, дразнить, останавливать, приглашать, пугать, хвалить, ходить и др.), для которых по возможности указываются характерные актанта и сирконстанты: субъекты, объекты, адресаты, инструменты, временные и локативные параметры и т.д. (то, что в семантическом словаре входит в зону «сочетаемость»).

Многие рубрики (фасеты) этнолингвистического словаря соотносятся с зоной сочетаемости в семантическом словаре. Таковы, например, «Действия, процессы, состояния, которые характерны для толкуемого стереотипа в качестве активного или пассивного субъекта» (где должны быть приведены характерные предикаты, по отношению к которым описываемый предмет оказывается субъектом или объектом).

Например, в той же статье ŚNIEG в этой рубрике даются следующие предикаты: *Śnieg pada, leci, idzie, śnieży, biedzi (się), czadzi, bije, kołtuje, fujawi, fiónczy, wicherzy, pierze (się), czaja, chlaszcze, chłoszcze, mota, trzepie* и др. Стоило бы, видимо, последовательно проанализировать все рубрики (фасеты) с точки зрения их содержания в SSSL и с точки зрения их соответствия категориям лексической семантики. Но поскольку это невозможно в рамках краткого сообщения, обратим внимание на еще некоторые фасеты.

Оппозиции и антонимия

Из общих представлений можно заключить, что сюда должны попасть явления, отношения между которыми аналогичны понятию языковой антонимии. В статье ŚNIEG в эту зону попадают такие факты, как оппозиция снег–солнце (по признаку холодный–теплый), снег–огонь, снег–зелень (зима–весна, лето), по признаку белый–черный снег может противопоставляться смоле, саже

и земле. В статье GRUSZKA в этой рубрике указывается, что груша может противопоставляться иногда яблоне: *gruszka jest matka, co kocha, jablko jest ojcem, co bije (bo kwaskowe)* (SSSL 2/5: 161). Из многих примеров такого рода можно заключить, что категория «оппозиция» оказывается шире понятия языковой антонимии и охватывает такие отношения, которые не могут быть подведены под это понятие. Например, в пословицах отношением антитезы (оппозиции могут) быть связаны такие явления (предметные сущности), как солнце–луна, море–лука, поле–лес; верба–яблоня/груша, береза–дуб, пчела–оса, яйцо–кура, вода–молоко, вода–камень, дом–могила, голова–ноги, голова–волосы, голова–шапка; мать–мачеха, хозяин–хозяйка, сани–телега, скатерть–онуча, нож–топор, церковь–кабак и т.д. Такие оппозиции строятся на разных признаках и основаниях: семантических, ценностных, окказиональных, логических и др. Ближе к понятию языковой омонимии такие оппозиции, которые касаются предикатов (глаголов): *прийти–уйти, ехать–идти, закрыть–открыть, связать–разрезать, дать–взять, родиться–умереть* и т.п. Часто сюда попадают конверсивы, предикаты действия и его результата: *купить–продать, ударить–убить, плыть–утонуть, жить–умереть* и т.п. Большинство из них не вписывается в категорию антонимии (подробнее см. Толстая 2015, 2015а). Опозиции (или антитезы) содержательно богаче антонимов, потому что они наделены дополнительным функциональным смыслом и оценкой.

Эквивалентность и синонимия

Рассмотрим еще одну рубрику люблинского словаря – «*Ekwiwalencje kulturowe oraz wewnątrz- i zewnątrztekstowe*». Казалось бы, эта рубрика должна быть близкой к языковой категории синонимии. Обратимся опять к статье ŚNIEG. Что же оказывается эквивалентным снегу? В разных ситуациях это могут быть его когипонимы: для грешных душ, ищущих укрытия, одинаковы небо, чистилище, тучи, ветры, снега, град, ад, но в конце концов их принимает Matka Boska. Ясно, что этот набор не составляет синонимический ряд. В других ситуациях снег может быть эквивалентен разного рода природным катаклизмам, символизирующим конец света: кровавый дождь, гаснущие звезды, потухшее солнце, мороз, потоп и др.

В концепции московской школы синонимия культурных знаков понимается как изофункциональность, т.е. способность разных знаков выступать в одной и той же ритуальной, магической функции и в одних и тех же ситуациях. Обнаруживаемые в таких случаях ряды предметов или явлений, выступающих в одной и той же роли (функции или значении), могут никак не соотноситься с языковыми синонимическими рядами. Например, орудиями защиты от нечистой силы могут выступать как колющие и режущие предметы

– нож, иголка, серп, коса, борона и др., так и крапива или другие колючие растения, а также зеркало, щепки от разбитого молнией дерева и многое другое. В каждом таком изофункциональном ряду актуализируется какой-то один признак, на котором основывается магическая функция реалии. В такой синонимический (изофункциональный) ряд могут входить даже элементы разных категорий, например, предметы наравне с действиями или признаками, скажем, высокие или длинные предметы наряду с длинной дорогой или отгонные предметы наряду с переворачиванием предметов и т.п. (см. Толстая 2010).

Заключение

Таким образом, семантика применительно к языку культуры должна пониматься как категория не сугубо семантическая, а семантико-функциональная: полисемия – как полифункциональность, синонимия – как изофункциональность, антонимия – как антитетичность. Это значит, что многозначности культурного знака не обязательно соответствует многозначность слова, синонимии культурных знаков – синонимичность соответствующих слов, антонимии культурных знаков – антонимия обозначающих их слов. Например, слово *бердо* ‘деталь ткацкого станка’ не многозначно, тогда как культурный знак «бердо» многозначен: это символ множественности и продуктивности, орудие отгона нечистой силы, атрибут нечистой силы. Культурными знаками множественности могут быть квазисинонимы песок, звезды, листья, зерно, муравьи и т.п., языковые знаки которых отнюдь не являются синонимами. В языке культуры «антонимами» становятся, например, солнце и месяц, ложка и нож, вода и молоко, дверь и окно, церковь и кабак, глаза и уши, золото и серебро и т.п., обозначаемые в языке словами, не являющимися лексическими антонимами.

Все эти категориальные группировки предметов и явлений, так же как и парадигматические связи в лексике, являются своего рода способом структурирования действительности, классификации и упорядочения элементов мира. В этом отношении этнолингвистика и лексическая семантика оказываются едиными, поскольку обе дисциплины стремятся к раскрытию способов категоризации мира человеком посредством языка и культуры. Более того, мы можем наблюдать их взаимное сближение и неуклонное притяжение: в лексической семантике по мере углубления анализа и совершенствования инструментария все большую роль играют сведения, касающиеся реальных ситуаций и их восприятия человеком, а в этнолингвистике все большее внимание уделяется культурной терминологии, фразеологии и языковому и текстологическому воплощению ментальных образов.

Литература

- Апресян Юрий Д., 1969, *Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики*, „Известия АН СССР”. Серия лит. и яз. № 1. С. 49–61.
- Апресян Юрий Д., 2006, *Установка на реконструкцию языковой картины мира*, [в:] *Языковая картина мира и системная лексикография*, отв. ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры. С. 34–41.
- Апресян Юрий Д., 2010, *Введение*, [в:] *Перспектив Активного словаря русского языка*, отв. ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры. С. 17–55.
- Апресян Юрий Д., 2010а, *Инструкция по составлению словарных статей*, [в:] *Перспектив Активного словаря русского языка*, отв. ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры. С. 56–154.
- Апресян Юрий Д., 2014, *Об активном словаре русского языка*, [в:] *Активный словарь русского языка*, отв. ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры. Т. 1. С. 5–36.
- АС – *Активный словарь русского языка* / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. А–Б; Т. 2. В–Г; Москва, Санкт-Петербург, 2017. Т. 3. Д–З; Москва, Санкт-Петербург, 2017.
- Кибрик Александр Е., 1992, *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. Москва: МГУ.
- НОСС – *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, руководитель акад. Ю.Д. Апресян. 2-е изд., испр. и доп. Москва–Вена, 2004.
- СД – *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь, ред. Н.И. Толстой. Москва: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
- Толстая Светлана М., 1997, [Рец.] *Словарь народных стереотипов и символов*, т. 1: *Космос*, ч. 1, “Живая старина”. 1997. № 4. С. 52–53.
- Толстая Светлана М., [Рец.] *Словарь народных стереотипов и символов*, т. 1: *Космос*, ч. 2, “Живая старина”. 2000. № 2. С. 58–59.
- Толстая Светлана М., 2010, *Постулаты московской этнолингвистики*, [в:] С.М. Толстая. *Семантические категории языка культуры*. Москва: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”. С. 7–19.
- Толстая Светлана М., 2014, [Рец.] *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński; zastępca redaktora: S. Niebrzegowska-Bartmińska, t. I: *Kosmos*, cz. 3: *Meteorologia*, 521 s.; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, „Славяноведение”. № 6. С. 104–109.
- Толстая Светлана М., 2015, *Предметные оппозиции и их символические функции*, [в:] С.М. Толстая. *Образ мира в тексте и ритуале*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского. С. 235–242.
- Толстая Светлана М., 2015а, *Антитеза и антонимия (на материале сербских пословиц)*, [в:] С.М. Толстая. *Образ мира в тексте и ритуале*. М.: Университет Дмитрия Пожарского. С. 243–253.
- Толстая Светлана М., 2018, [Рец.] *Символика растений в польской народной традиции*. *Злаки*, „Rocznik slawistyczny”. Т. 67. S. 189–195.
- Толстая Светлана М., 2020, *Новый выпуск «Словаря народных стереотипов и символов»* [Рец. на *Słownik stereotypów i symboli ludowych* / Koncepcja całości i redakcja Jerzy

- Bartmiński. T. II. *Rośliny*. [Cz. 3] Kwiaty. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej, 2019. 295 s.], „Rocznik slawistyczny”. T. 69. S. 237–244.
- Толстая Светлана М., 2021, *Очередные выпуски «Словаря народных стереотипов и символов»* [Рец. на: Słownik stereotypów i symboli ludowych, koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński, T. 2: *Rośliny*, cz. 4: *Ziola*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej, Lublin 2019, 494 s.; cz. 5: *Drzewa owocowe i iglaste*, Lublin 2020, 299 s.; cz. 6: *Drzewa liściaste*, Lublin 2021, 430 s]. „Rocznik Slawistyczny”. T. 70, s. 241–250.
- Buck Carl D., 1949, *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. A Contribution to the History of Ideas. Chicago & London.
- Bartmiński Jerzy, 1988, *Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji*, [w:] *Konotacja*, red. Jerzy Bartmiński. Lublin, s. 169–183.
- Bartmiński Jerzy, 1990, *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. Jerzy Bartmiński, Lublin, s. 103–120.
- Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława, 2020, *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce*, Lublin.
- Rak Maciej, 2021, *Jan Karłowicz w świetle materiałów archiwalnych. Dialektologia, etnolingwistyka i lituanistyka*, Kraków [Biblioteka LingVariów, t. 30].
- SSSL – *Słownik stereotypów i symboli ludowych, koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński, zastępca redaktora Stanisława Niebrzegowska* [od 2001 – Niebrzegowska-Bartmińska]:
- T. 1. *Kosmos*, cz. 1. *Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie*, Lublin 1996; cz. 2. *Ziemia, woda, podziemie*, Lublin 1999; cz. 3. *Meteorologia*, Lublin 2012; cz. 4. *Świat, światło, metale*.
- T. 2. *Rośliny*, cz. 1. *Zboża*, Lublin 2017; cz. 2. *Warzywa, przyprawy, rośliny przemysłowe*, Lublin 2018; cz. 3. *Kwiaty*, Lublin 2019; cz. 4. *Ziola*, Lublin 2019; cz. 5. *Drzewa owocowe i iglaste*, Lublin 2020; cz. 6. *Drzewa liściaste*, Lublin 2021.

Ethnolinguistics and lexical semantics

Abstract: The main task of both ethnolinguistics and lexical semantics is to reconstruct linguistic worldviews. The difference between them lies in the proportion of linguistic and extralinguistic data used for the reconstruction, the understanding of the tasks and methods of lexicographic representation, the recognition of the relevant categories and parameters of description. Two major lexicographic projects are compared: the *Active Dictionary of the Russian Language*, compiled in Moscow under the leadership of Yu. D. Apresyan, and the *Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols*, compiled in Lublin under the leadership of J. Bartmiński. There are both similarities and differences between them. The semantic system of natural language corresponds to the semantics of the “language of culture”, which should be understood as a semantic-functional category: polysemy corresponds to polyfunctionality, synonymy – to isofunctionality, antonymy – to antitheticism. It means that the polysemy of a cultural sign does not necessarily correspond to the polysemy of a word, the synonymy of cultural signs – to the synonymy of the corresponding words, the antonymy of cultural signs – to the antonymy of the words denoting them.

Keywords: ethnolinguistics; semantics; “language of culture”; linguistic worldview; lexicography; polysemy; synonymy; antonymy

Przemysław Łozowski

UMCS Lublin, Polska

ORCID: 0000-0001-6685-9713

e-mail: przemyslaw.lozowski@mail.umcs.pl

Etnolingwistyka jako teoria języka – uwagi i propozycje

Streszczenie: W artykule wysoce pozytywnej ocenie dorobku etnolingwistyki towarzyszą próby wskazania dalszych potencjalnych dróg rozwoju etnolingwistycznego oglądu języka. Postuluje się zatem środowiskową dyskusję trzech szczegółowych zagadnień ogólnojęzykoznawczych, wszystkie w kontekście dokonań i na miarę potrzeb etnolingwistyki kognitywnej – definicji języka, atrybutów języka i funkcji języka. Również sugeruje się potrzebę opracowania podręcznikowego wstępu do językoznawstwa o nachyleniu całkowicie i wyłącznie etnolingwistycznym jako sposobu popularyzacji osiągnięć etnolingwistów i ich poświadczeń materiałowych.

Słowa kluczowe: etnolingwistyka kognitywna; definicja języka; funkcje i atrybuty języka; popularyzacja nauki

1. Wstęp

Dotychczasowy dorobek etnolingwistów skupionych wokół projektów takich, jak SSiSL, LASiS, SD, WwJOSiS, EUROJOS, oraz ich bieżąca aktywność badawcza (np. I Kongres Etnolingwistyczny) upoważniają do zaproponowania jeszcze bardziej ambitnych i jednocześnie integrujących planów w wymiarze zadań metodologicznych i działań praktycznych. Przez te pierwsze będziemy rozumieć tutaj konsolidację założeń teoretycznych i schematów badawczych, a przez te drugie – popularyzację i promocję osiągnięć środowiska. I jedno, i drugie miałyby na celu uczynienie z etnolingwistyki całościowej teorii języka, a nie jedynie jednej z możliwych gałęzi językoznawstwa. W 2. i 3. części tego eseju sugerujemy zatem konieczność wypracowania definicji języka oraz dopracowania funkcji i atrybutów języka – wszystkie zorientowane etnolingwistycznie i tylko etnolingwistycznie. W 4. części podpowiadamy konieczność opracowania podręcznika akademickiego w postaci wstępu do językoznawstwa (ogólnego), również uwzględniającego wyłącznie perspektywę etnolingwistyczną, na potrzeby dydaktyki i w celu lepszej dyseminacji dorobku etnolingwistyki.

W tym wszystkim towarzyszy nam przekonanie, że z dostępnych i możliwych sposobów opisu zjawisk językowych właśnie ten identyfikowany z etnolingwistyką stwarza szansę na najbardziej ogólny i najlepiej poświadczony ogląd języka. W przeciwieństwie do innych gałęzi językoznawstwa, czy to tych tradycyjnie wyróżnianych jako poziomy organizacji materiału językowego (fonologia, składnia, semantyka, pragmatyka itd.), czy tych przekraczających granice tak wyróżnionych poziomów (językoznawstwo kulturowe, językoznawstwo kognitywne, językoznawstwo historyczne), etnolingwistyka z zasady i z definicji najsilniej wiąże język ze wspólnotą i wszystkimi oraz wszelkimi przejawami wspólnotowych poczynań. Przypomnijmy, że zwrócenie języka ponownie, i po nowemu, ku człowiekowi – po latach opisywania języka wyłącznie w kategoriach niezależnej formy i struktury, stanowi największe osiągnięcie językoznawstwa przelomu wieków. Etnolingwistyka idzie dalej, umieszczając język w naturalnym środowisku człowieka – we wspólnocie, którą można rozumieć, w zależności od potrzeb badawczych, jako mniejszościową grupę, ale także jako lud, naród, społeczeństwo, państwo. Dopóki zatem w języku występuje coś niezbywalnie ważnego dla wspólnoty i jego członków, stanowi to przedmiot zainteresowania etnolingwisty. Rzecz w tym, żeby, jak pisze ostatnio Jerzy Bartmiński, nie zgubić informacji o człowieku i nie ukrywać go w metodologicznych presupozycjach, ale wysunąć na plan pierwszy i nazwać z imienia (Bartmiński 2021). A to obejmuje i psychologizm językoznawstwa kognitywnego, i antropologizm językoznawstwa kulturowego, i historyzm językoznawstwa historycznego, i inne.

2. Koncepcja języka

W chwili obecnej niezdecydowana wydaje się być na gruncie etnolingwistyki koncepcja języka. Ta jest bardziej domniemywana niż stwierdzana, a na podstawie badań szczegółowych należy w zasadzie mówić o stosowaniu szeregu definicji języka, jakie w zależności od preferencji poszczególnych badaczy dają się zidentyfikować. W konkretnych analizach można doszukać się echa saussurowskiej definicji języka jako systemu, generatywnej definicji języka jako uniwersalnej kompetencji / wiedzy językowej, jak i kognitywnej definicji języka jako metafory doświadczenia, często w obrębie jednej i tej samej pracy. Ten synkretyzm i eklektyzm, czy raczej: niekonsekwencja, naturalnie nie powstrzymują rozwoju etnolingwistyki, ale pozbawiają ją wyrazistości i czynią z niej coś w rodzaju pojemnego omnibusa, w którym na gapę podróż może odbyć równie dobrze rdzenny formalista, zamaskowany krypto-generatywista, jak i nawrócony funkcjonalista, wszyscy trzej święcie przekonani, że udają się w tą samą stronę.

Powiedzmy wyraźnie, że nie chodzi tutaj o dopracowanie któregośkolwiek z aparatów badawczych funkcjonujących z powodzeniem w obrębie szkół

etnolingwistycznych (tj. dialektologiczna, etymologiczna, onomastyczna, i kognitywna; por. Niebrzegowska-Bartmińska 2020: 45–67), bo te wszystkie tworzą zwarte całości i podlegają szczegółowej i bieżącej weryfikacji przez ich zwolenników wraz z rozwojem ich badań. Chodzi o sprawne i rozpoznawalne uogólnienie w postaci (jednozdaniowej) odpowiedzi na pytanie, czym dla etnolingwisty jest język.

Przypomnijmy, że scena językoznawcza jest w tej chwili, tzn. od narodzin językoznawstwa kognitywnego w latach 80. XX wieku, wyraźnie spolaryzowana między dwiema koncepcjami globalnymi. Formaliści (w tym: strukturaliści i generatywiści) wciąż upatrują w języku autonomiczny system znaków dowolnych, podczas gdy funkcjoniści (w tym: kognitywiści) – otwarty zbiór znaków koniecznych. W kategoriach globalnych do wyboru jest więc jedna z opcji w kolejnych opozycjach: językoznawstwo otwarte czy autonomiczne (dylemat przy uwzględnianiu danych pozajęzykowych, np. zwyczajów i obrzędów), zbiór czy system (pytanie zasadne przy konstruowaniu słowników, leksykonów, i tezaurusów), konieczny czy arbitralny charakter znaku językowego (problem aktualny np. przy definiowaniu wyrażeń: *z* czy *bez* wiedzy encyklopedycznej).

Zdaje się, że ze względu na nierzadko interdyscyplinarny charakter swoich badań etnolingwiści będą preferować opcję funkcjonalistyczną. Ta rzeczywiście jest bardziej obiecująca, szczególnie w przypadku tej etnolingwistyki, która bywa określana mianem *kognitywnej*. Ale czy jest to wybór na tyle świadomy i konsekwentny, żeby podpisać się bez zastrzeżeń pod definicjami języka kognitywistów lub zaproponować podobne? Na przykład, za Ronalda Langackera roboczą definicję języka mogą uchodzić te dwa jego stwierdzenia:

W swojej naturze język jest symboliczny. Dostarcza użytkownikowi – w celu porozumiewania się lub dla potrzeb osobistych – otwartego zbioru językowych znaków lub wyrażeń, z których każdy/każde kojarzy daną reprezentację semantyczną z daną reprezentacją fonologiczną (Langacker 1987: 11).

Gramatyka języka ma charakter symboliczny. [...] Symbol [to] połączenie struktury semantycznej i fonologicznej, tak iż jedna z nich przywołuje drugą (Langacker 2009: 19–20).

Utrzymując retoryczny ton naszej wypowiedzi, czy na pewno etnolingwiści są gotowi zaakceptować koncepcję znaku językowego jako symbolu, w którym dochodzi do umotywowanego/skojarzeniowego, a nie: arbitralnego/dowolnego, połączenia formy i treści?¹

---

¹ Por. Langacker (2009: 128): „Liczy się [...] sposób obrazowania sytuacji, do czego potrzebna jest nasza wiedza ogólna i kontekstowa, a także pełny zakres naszych zdolności wyobraźniowych i interpretacyjnych. [...] Stąd w gramatyce kognitywnej teza, że praktycznie wszystko jest umotywowane, choć bardzo niewiele daje się przewidywać w sposób absolutny”.

Cała tradycja współczesnego polskiego językoznawstwa jest przecież temu przeciwna, a składa się na nią koncepcja języka jako kodu Tadeusza Milewskiego i unilateralizm Leona Zawadowskiego². Dla tego pierwszego

[występujące w języku] znaki [...] wzajemnie warunkują swe istnienie, tworzą system znaków, czyli kod[, a] znaki należące do tego samego systemu, różniąc się od siebie, tworzą w jego obrębie opozycje (Milewski 1967: 26).

A zatem niewskazane i nieuprawnione są odniesienia poświadczeń językowych do pozajęzykowej rzeczywistości *ethnos*, i w ogóle do *ethnos* w jakimkolwiek kontekście, bo skoro to nie warunkuje systemu (warunkuje się on sam na zasadzie wewnętrznej samoregulacji), pozajęzykowe badanie *ethnos* co najwyżej może dostarczyć encyklopedycznych ciekawostek i anegdot.

Z kolei Zawadowski, obstając jedynie za funkcją reprezentatywną języka, twierdził, że

Wszystkie typy funkcji ekspresywnej i impresywnej [...] zachodzą między wytworami [...] a ich wytwórcą względnie odbiorcą [i] robienie z nich problemu językoznawczego, mniemanie, że są to jakieś funkcje językowe, że opis ich należy do opisu języka itd., wszystko to są niebezpieczne błędy (Zawadowski 1966: 150–151).

Tymczasem etnolingwista znajduje główny sens swoich badań właśnie w ekspresyjności i impresyjności konceptualnych wyobrażeń o świecie (por. Bartmińskiego „zespół sądów o świecie [...] mity i rytuały” (Bartmiński 2006: 12) i Wierzbickiej „słowa klucze” (ang. *key concepts*, Wierzbicka 2007).

Gdyby jednak etnolingwistycznie zorientowana definicja języka miała mieć nachylenie funkcjonalne/kognitywne, a nie formalistyczne/strukturalistyczne, warto zwrócić uwagę na propozycję Adele Goldberg, przedstawicielki drugiego pokolenia amerykańskich językoznawców-kognitywistów³. Rozwijając program Gramatyki Konstrukcji (ang. *Construction Grammar*) Goldberg przyjmuje, że przedmiotem wyjściowym analizy językoznawczej, porównywalnym do znaku językowego, jest konstrukcja, którą w swojej najnowszej monografii proponuje definiować następująco:

Przez konstrukcję rozumiemy przywoływane zbitki nieostrych [w sensie: „niekompletnych”] śladów/strzępów pamięci, które zostają odniesione do złożonych przestrzeni konceptualnych

² Także autorzy, którzy pod wieloma względami „otwierają” język i językoznawstwo, w kwestii zasadniczej, tj. definicji języka, widzą w nim niezmiennie system znaków nieumotywowanych – Furdal (2000: 71), Grzegorzczkowska (2007: 13–14).

³ Pierwsze monografie Goldberg ukazały się odpowiednio 15 i 25 lat po rewolucyjnych publikacjach George’a Lakoffa i Ronalda Langackera.

wyższego rzędu na podstawie posiadanych wspólnych form, funkcji, i aplikacji kontekstowych (Goldberg 2019: 7)⁴.

Przyznajemy, że na gruncie kognitywizmu nie jest nam znana definicja języka, która by wyraźniej wiązała formę, treść, pamięć i kontekst, a te mają pierwszorzędne zastosowanie w etnolingwistyce. Wartości, nierozzerwalna część lingwokultury, to nic innego niż skontekstualizowana pamięć tego, co wspólnota decyduje się utrwalić w swoich artefaktach, zachowaniach, werbalizacjach, lub, jakby Goldberg przeddefiniowała te ostatnie, w swoich konstrukcjach.

Będzie niesłychanie trudno, o ile w ogóle to zasadne, wypracować w środowisku etnolingwistów zgodę na jedną, wspólną, „etnopodobną” definicję języka. Wśród powodów są i te praktyczne – jeżeli etnolingwistyka ma się dobrze, to czemu ma służyć dyskusja nad tym, czy badania osadzone są w spójnej koncepcji języka lub w ogóle jakiegokolwiek koncepcji języka? Odpowiadamy: bez pozytywnej odpowiedzi na to pytanie etnolingwistyka pozostanie przybraną, aczkolwiek dorodną i nadobną, siostrzyczką semantyki, pragmatyki, leksykografii, dialektologii, itp. i nigdy nie stanie się ich starszym bratem, a JOS, NSM, i inne metodologie cząstkowymi sposobami postępowania badawczego, ale nie teorią języka.

3. Funkcje i atrybuty języka

Dużo większe szanse powodzenia może mieć środowiskowa dyskusja nad funkcjami i atrybutami języka. Te wprawdzie wynikają i rzutują na ogólną koncepcję języka, ale historia językoznawstwa zna przykłady, które dowodzą, że te dwie kwestie nie muszą niestety funkcjonować łącznie.

W pierwszej kolejności myślimy tutaj o Antonim Furdalu i jego *Językoznawstwie otwartym* (2000). Swoją typologię funkcji języka kończy rozważaniami na temat funkcji poznawczej, i przez moment można odnieść wrażenie, że czytamy refleksje kognitywnie zorientowanego etnolingwisty:

---

⁴ Por. angielski oryginał: „Constructions are understood to be emergent clusters of lossy [“not fully specified in all detail”] memory traces that are aligned within our high-dimensional conceptual space on the basis of shared form, function, and contextual dimensions” (Goldberg 2019: 7). Bez wdawania się w szczegóły, w przypadku ‘konstrukcji’ w wydaniu Goldberg należy porzucić jakiegokolwiek strukturalistyczne myślenie o konstrukcji jako złożenia czegoś bardziej zaawansowanego z czegoś bardziej podstawowego. Ilekroć dochodzi do połączenia formy i treści na zasadzie związków skojarzeniowych (ang. „associations”), mamy konstrukcję, bez względu na to, czy jest to pojedyncze słowo, przysłowie, czy wyrażenie gramatyczne. Z tego powodu wszystkie trzy w języku angielskim – formant *-ing*, słowo *avocado*, jak i związek frazeologiczny (idiom) *going great guns* ‘przeć do przodu odnosząc sukcesy; iść jak po masle’ – są przykładami konstrukcji (Goldberg 2006: 5).

[...] język [...] przyczynia się do poznawania otaczającej nas rzeczywistości. [...] Czemu przypisać, że [...] wszystkie ludy świata *po swojemu* nazywają gwiazdy i konstelacje, jakie się tylko dadzą dostrzec? [...] Owe gwiazdy muszą być *symbolem* czegoś niezmiernie ważnego w życiu człowieka. I tak jest w rzeczywistości. Są one *znamieniem* poznania ludzkiego (Furdal 2000: 69; wyróżn. PŁ).

Furdal łączy tutaj ze sobą wszystko, co etnolingwistyce bliskie i miłe – język, poznanie, rzeczywistość, wspólnotę. Co więcej, oddany w języku efekt ludzkiego poznawania świata nazywa „symbolem” („znamieniem”), czyli znakiem koniecznym. Nie wspomina wartości, ale te niezaprzeczalnie biorą się z werbalizowania efektów poznawania „czegoś niezmiernie ważnego” w sposób, który zostaje tutaj określony jako „po swojemu”. To „po swojemu” odnosi się do językowego nazywania rzeczywistości, ale żeby coś nazwać „po swojemu” najpierw trzeba „po swojemu” tego doświadczyć, a potem stwierdzić, także „po swojemu”, w ogóle potrzebę nazwania tego czegoś. Razem prowadzi go to do wyróżnienia funkcji poznawczej, niezbywalnej dla kognitywistów, i w zasadzie nieznanej strukturalistom⁵.

Ale gdybyśmy zechcieli odnieść tę refleksję do jego koncepcji języka, stwierdzimy z rozczarowaniem, że dla niego ani język nie jest symbolem, ani to „po swojemu” nie oznacza związków umotywowanych: „więź łącząca treść i formę znaku nie jest niczym umotywowana, czyli nie ma racjonalnego uzasadnienia” (Furdal 2000: 71). Nie ma więc sensu zagłębiać się we wspólnotę i wszystko, co dla niej było i jest ważne, skoro i tak interpretacja ostatecznie umyka ludzkiej umysłowości. Klóci się to wprawdzie z wcześniejszym wywodem („człowiek tworzy znaki językowe na podstawie zaobserwowanych przez siebie elementów rzeczywistości”, s. 66), ale najwyraźniej koncepcja języka i funkcje języka nie muszą iść ze sobą w parze. Szkoda.

Przechodząc do problemu funkcji języka, za punkt wyjścia do dyskusji proponujemy przyjąć dwie z najnowszych refleksji na ten temat Stanisławy Niebrzeżowskiej-Bartmińskiej (2020: 18–34) i Przemysława Łozowskiego (2018: 30–37). Pierwsza powstała w bezpośrednim związku z badaniami etnolingwistycznymi i ma charakter opisowy, a druga jest bardziej wyrazem rygorów językoznawstwa kognitywnego i stanowi wstępną propozycję typologii. Chociaż to, jak poszczególne funkcje nazwać, jak i ile ich wyróżnić, jest drugorzędne w stosunku do ogólnej koncepcji, gdzie i w czym je upatrywać, przytaczamy obie propozycje poniżej w bardzo ogólnym i jedynie poglądowym odniesieniu do klasyfikacji Romana Jakobsona (1990), z zachowaniem jego oryginalnej terminologii angielskiej:

---

⁵ Zdaje się, że w niektórych polskich tłumaczeniach typologii Romana Jakobsona funkcję, którą on nazywa *referential*, tłumaczy się jako *poznawcza* (a nie jako na przykład *denotatywna*). Jest to całkowicie nieuzasadnione, ani w kategoriach przekładowych, ani w świetle ogólnego zamysłu badawczego Jakobsona, ani w kontekście jego klasyfikacji funkcji języka.

Niebrzegowska-Bartmińska (2020)	Łozowski (2018)	Jakobson (1990)
„język jest podstawowym środkiem komunikacji i wielką siłą [...] konsolidującą grupę”	informacyjna	referential
„język jest twórczym organem myśli” [za Humboldtem]	identyfikacyjna	Phatic
„funkcja symboliczna”	społeczna	Emotive
„język jest źródłem wiedzy o człowieku [...] i przewodnikiem po kulturze”	ekspresywna	Connative
„język jest [...], archiwum kultury i ludzkiej pamięci”	kategoryzacyjna	Poetic
„język jest czułem sejsmografem zmian zachodzących w rzeczywistości”	performatywna	Metalingual
„funkcja kreatywna”	estetyczna	
„język jest przestrzenią, w której się mieszka”		
„język jest przewodnikiem po wartościach”		
„język jest [...] podstawą tożsamości wspólnotowej”		

Danych w powyższym zestawieniu nie należy czytać w układzie porównawczym, tzn. traktować jako bezpośrednie zamienniki w relacji jeden do jednego, co sugeruje horyzontalny zapis w tabeli. Naturalnie łatwo dają się zauważyć zbieżności: funkcja kreatywna Niebrzegowskiej-Bartmińskiej może nawiązywać do funkcji estetycznej Łozowskiego i „metalingual” Jakobsona. Funkcję kategoryzacyjną Łozowskiego można odnaleźć w kilku sformułowaniach Niebrzegowskiej-Bartmińskiej, jak i w funkcji „referential” Jakobsona. Z kolei Jakobsona funkcja „phatic” to prawdopodobnie Łozowskiego funkcja społeczna i Niebrzegowskiej-Bartmińskiej „siła konsolidująca grupę”. Są też braki bezpośrednich nawiązań, na przykład o ile funkcję tożsamościową Bartmińskiej-Niebrzegowskiej da się łatwo skorelować z funkcją identyfikacyjną Łozowskiego, o tyle nie ma czegoś podobnego w klasyfikacji Jakobsona.

Przywołujemy model Jakobsona głównie po to, by pokazać, jak odmienne jest naszym zdaniem konsekwentnie etnolingwistyczne podejście do kwestii funkcji języka. Przypomnijmy, że jego model oparty jest niemal wyłącznie na parametrach formalnych ograniczonych do wewnętrznej samoregulacji języka. Jakobson bierze pod uwagę takie względy jak to, czy zdanie ma formę oznajmienia, wykrzyknika, wołacza, rozkazu – to pierwsze wskazuje według niego na funkcję denotatywną, jak przy opisie zdarzeń i przedmiotów realności, to drugie na funkcję emotywną, jak w przypadku spontanicznych wyrażen stanów emocjonalnych, a trzecie i czwarte na funkcję konatywną, jak przy powodowaniu zmian w zachowaniu interlokutorów. Co więcej, ważne są dla niego takie względy formalne, jak to, czy samogłoska jest względnie dłuższa czy krótsza, by zilustrować funkcję emotywną i odróżnić ją od funkcji denotatywnej. Przykład paronomazji (aliteracji), czy odpowiedzi na pytania, w jakich konfiguracjach syntagmatycznych może wystąpić *Harry*, i jaka

jest pożądana sekwencja składniowa wyrazów, z których jeden jest dłuższy, a drugi krótszy (pod względem ilości sylab), mają dowodzić istnienia funkcji poetyckiej. W każdym z tych przypadków o funkcjonalności języka decyduje sam język, pozostając zamkniętym systemem relacji, systemem odartym ze związków i odniesień do przedmiotów świata rzeczywistego, a tym bardziej do poznawczego i doświadczeniowego oglądu tych przedmiotów przez użytkownika języka. Zgodnie z tym Jakobson kategorycznie stwierdza, że istnieje „podstawowa dychotomia między znakami [w języku] i przedmiotami [w świecie]” (tamże: 76), co trudno uznać za wnioskowanie wskazujące na gotowość uwzględnienia czynników doświadczeniowych, tak podstawowych, wręcz: niezwykłych, dla językoznawstwa kognitywnego. Krótko mówiąc, nie zgodziłby się ani na pojęcie lingwokultury, ani na to, że znak jest symbolicznym wyrazem ludzkiego oglądu przedmiotu.

Poza tym, typologiczny zamysł Jakobsona sprowadza się właściwie do rozpisania struktury sytuacji komunikatywnej z językiem w roli głównej i determinującej. Nic dziwnego zatem, że pozycję naczelną zajmuje w tym modelu nie użytkownik języka (podmiot, konceptualizator, *homo loquens*, spiker, nadawca, „Ja”) razem ze swoim bagażem doświadczeniowo-poznawczym, czy światem wyobraźniowo-pojęciowym, ale jego narzędzie – język. W tym sensie można mówić o prymacie narzędzia (i jego struktury) nad użytkownikiem (i jego potrzebami). Dla Jakobsona to nie użytkownik kreuje funkcje języka, ale sam język decyduje o tym, jakie może mieć odniesienia, zastosowania, aplikacje. Zatem, jako narzędzie użyte w akcie mowy język ma takie funkcje, na jakie zezwała jego kierunkowość, tzn. funkcja zależy od tego, na który z elementów aktu mowy język zostaje zrzucony, a zrzucony może zostać tylko na to, co sam wymusza swoją strukturą w akcie mowy.

Badawca praktyka etnolingwistyczna zbyt głęboko wchodzi w substancję znaczeniową języka, poszukując jej w szeroko rozumianej lingwokulturze wspólnoty, by zadowolić się formalizmem Jakobsona. Zwróćmy uwagę na to, że na przykład ze względu na swoją oznajmującą formę przysłówia ludowe stanowią dla Jakobsona zapewne przykłady funkcji denotatywnej, a dla etnolingwisty to wyraz wartościowania i zapis wartości, dla pierwszego źródło wiedzy o tym, co się dzieje w świecie, a dla drugiego o tym, co się dzieje w umyśle człowieka. Podobnie forma wołacza zwrotów grzecznościowych (*Szanowny Panie, Jego Magnificencjo, Jego Eminencjo*), a w ich liczbie także zwrotów do obiektu wiary religijnej (*Ojcze nasz – do Boga, Matko Najświętsza i Zdrowaś Mario – do Maryi*) ilustrują funkcję konatywną, a dla etnolingwisty zapewniają wgląd w strukturę społeczną wspólnoty, w tym podzielane przekonania światopoglądowe.

Uważamy, że w kontekście etnolingwistyki perspektywę Jakobsona należy odwrócić, za punkt wyjścia przyjmując nie język, ale potrzeby konceptualizatora – jednostkowego (człowieka) lub zbiorowego (wspólnoty). A zatem, funkcji języka nie należy wyprowadzać z form językowych i struktury aktu mowy, ale raczej trzeba wiązać z treściami konceptualnymi, jakie użytkownik w procesie

poznawczego oglądu świata uznaje za stosowne wyrażać w języku. Oznacza to znaczącą zmianę optyki badawczej – z języka na użytkownika, z formy na treść, z komunikatu na sposób jego wyrażania. O ile pierwszy z diagramów poniżej ma ilustrować funkcjonalność języka w zamyśle Jakobsona, o tyle w tym drugim ukryte jest pytanie zgoła etnolingwistyczne – jakie potrzeby wspólnota uznaje za konieczne zaspokoić przy pomocy języka.

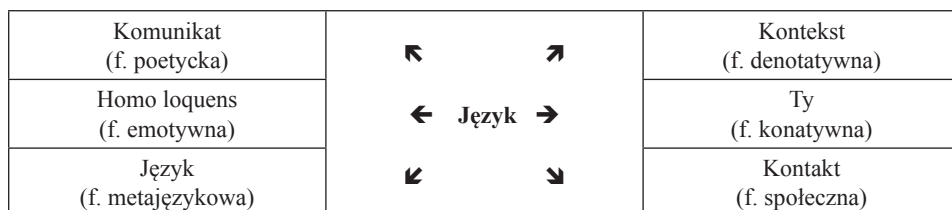

Diagram 1. Funkcjonalność języka wg Jakobsona

Opracowanie na podstawie: Jakobson 1990

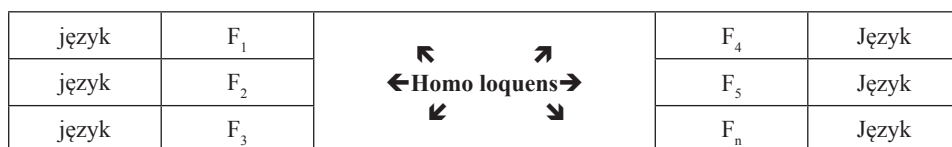

Diagram 2. Funkcjonalność języka z perspektywy konceptualizatora

Opracowanie własne

Propozycje Niebrzegowskiej-Bartmińskiej i Łozowskiego na to pytanie odpowiadają. I z jednej i drugiej refleksji wiemy, jak rozumieć funkcjonalność języka, gdy się w języku widzi nie autonomiczny system przyporządkowania oznaczającego i oznaczanego (Saussure) lub równie odczłowieczony generator wiązek sygnałów i interpretacji (Chomsky), ale narzędzie zaspokajania potrzeb człowieka. Te Niebrzegowska-Bartmińska sumarycznie określa jako „kulturowe, komunikacyjne i symboliczne” (2020: 18) i rozpisuje jak w tabeli powyżej. Zaspokajane przez język i w języku potrzeby człowieka Łozowski nazwałby bardziej ogólnie – jako potrzeby konceptualne, czyli potrzeby werbalizowania treści poznawczych. Dalsza dyskusja na temat etnolingwistycznie zorientowanych funkcji języka, szczególnie jeśli zostanie osadzona w bogatym i reprezentatywnym materiale językowym, mogłaby zaowocować typologią, która jednocześnie podkreśli oryginalność i odrębność etnolingwistyki jako teorii języka⁶.

⁶ Po szczegółową argumentację i egzemplifikację proponowanego rozumienia funkcji języka, patrz Niebrzegowska-Bartmińska (2020) i Łozowski (2018). Tej pierwszej dowodzenie jest

Sygnalizujemy wprawdzie powyżej, że oprócz wypracowania własnej definicji języka i zestawu funkcji języka etnolingwistyka potrzebuje także dyskusji na temat atrybutów języka, ale nie rozwijamy tutaj tego problemu. To, jakie atrybuty etnolingwista jest gotowy przypisać językowi na podstawie swoich badań, będzie zależało od tego, jak zdefiniuje język i jakie funkcje zechce w nim odnaleźć. Jeżeli język pozostanie samoregulującym się systemem, arbitralność znaku językowego, chyba najważniejsze ustalenie saussurowskiego strukturalizmu i jednocześnie największa zhora współczesnego językoznawstwa, pozostanie prymarną cechą języka. Ale jeżeli wzorem kognitywistów byty językowe to metafory (Lakoff), amalgamaty/blendy (Turner i Fauconnier), konstrukcje (Goldberg), złożenia symboliczne (Langacker), arbitralność (dowolność) zejdzie na plan dalszy, albo zniknie z badań etnolingwistycznych całkowicie.

4. Wstęp do językoznawstwa

Bez względu na to, czym zakończy się, jeśli w ogóle zostanie podjęta, etnolingwistyczna dyskusja szczegółowych zagadnień ogólnojęzykoznawczych, zauważamy, że etnolingwistom potrzebny jest ich własny akademicki podręcznik typu wstęp do językoznawstwa, w którym całość zagadnień językowych zostałaby przedstawiona i egzemplifikowana z perspektywy i z uwzględnieniem badań etnolingwistycznych. I znowu, nie chodzi o wstęp do etnolingwistyki, wstęp do JOS-u, ekspozycję NSM, itp., bo takie prace już są i znakomicie spełniają swoją rolę (monografie Bartmińskiego i Wierzbickiej; Tolstaja 2015 i 2019; Niebrzegowska-Bartmińska 2020), a w kolejnych ich autorzy zapewne zechcą uwzględnić badania i osiągnięcia najnowsze, ale o, dosłownie, wstęp do językoznawstwa ogólnego. Tłumaczony na inne języki mógłby zyskać popularność i stać się znakomitym narzędziem krzewienia dorobku etnolingwistów.

Obok zrozumiałych powodów merytorycznych przemawiają za tym również względy praktyczne, a wśród nich dydaktyczne. Na kierunkach (neo)filologicznych z zagadnieniami ogólnojęzykoznawczymi studenci zapoznają się stosunkowo wcześniej, tj. najczęściej już w 1. semestrze 1. roku studiów. O etnolingwistyce dowiadują się – o ile w ogóle – znacznie później, a w sytuacji typowej dopiero jako seminarzyści podejmujący własną etnolingwistycznie ukierunkowaną analizę materiału językowego. Kiedy przychodzi im przekonywać się, że język i kultura są nierozzerwalną całością, odnoszą to do wiedzy z podręczników, w których stwierdza się wręcz coś przeciwnego, czyli autonomiczność języka w relacji do doświadczenia i poznania, wyższość formy nad treścią, dychotomiczność semantyki i pragmatyki,

---

raczej teoretyczne i erudycyjne, tego drugiego bardziej materiałowe, gdy usiłuje wyróżnione funkcje zilustrować jednym i tym samym wyrażeniem *Dzień dobry!*

jedynie drugorzędną/ilustrującą rolę dociekań historycznych, itd. W tym momencie zaczyna się więc najczęściej edukacja ogólnojęzykoznawcza „od początku” i polega ona na pokazywaniu „drugiej strony medalu”.

Sytuacja UMCS-owskiej anglistyki jest pod tym względem boleśnie typowa: mimo że z wyjątkiem prac dyplomowych z zakresu fonologii nie prowadzi się już od lat seminariów o nachyleniu strukturalistycznym i generatywnym, wciąż zastosowanie w przedmiocie „wstęp do językoznawstwa” ma flagowy podręcznik generatywistów autorstwa Victorii Fromkin i in. (11 wydań od 1974 roku) oraz równie generatywny podręcznik George’a Yule’a (7 wydań od 1985 roku). I o ile angliści z powodzeniem mogą korzystać z szeregu niestrukturalistycznych i niegeneratywnych anglojęzycznych wstępów do językoznawstwa, a przypadek podręczników Fromkin i Yule’a uznać za zasiedziałą zaszczość, o tyle inni (neo) filolodzy najczęściej jeszcze nie. Stąd paląca potrzeba ostatecznego dowodu pełnej dojrzałości etnolingwistyki – etnolingwistyka to nie tylko program badawczy, ale przedmiot kształcenia ogólnojęzykoznawczego.

Korzystamy tutaj z przykładu językoznawstwa anglosaskiego, gdzie rozwojowi danej teorii/paradygmatu nieodzownie towarzyszą (rozliczne) podręczniki jako ekspozycja problematyki językoznawczej widzianej i rozumianej z perspektywy danej teorii, ale nie jako bezpośredni wyraz apologii teje preferowanej teorii. Żaden z tych dwóch generatywnych podręczników wspomnianych przed chwilą nie może służyć jako wstęp czy zarys językoznawstwa generatywno-transformacyjnego Noama Chomsky’ego, ale są jednak przedstawieniem zjawisk językowych właściwych dla tego podejścia teoretycznego. Podobnie jest/było w przypadku językoznawstwa kognitywnego. Jeżeli przyjmiemy umownie rok 1980 za widomy i niedwuznaczny znak narodzin językoznawstwa kognitywnego (publikacja monografii *Metaphors We Live By* Lakoffa i Johnsona i zeszytu próbnego *Słownika ludowych stereotypów językowych* – zob. SLSJ 1980), to dzisiaj możemy mówić już o kilkunastu wstępach do językoznawstwa w języku angielskim utrzymanych konsekwentnie w duchu kognitywizmu, chociaż na pierwszy znaczący trzeba było czekać niemal 10 lat (Taylor 1989), a na następny prawie dwa razy dłużej (Dirven, Verspoor 1997).

Nie bez znaczenia będzie w takim podręczniku układ i podział treści, kolejność rozdziałów i ich nazewnictwo. Generatywiści i strukturaliści stosują na ogół sprawdzoną zasadę gramatyki opisowej, czyli „według budowy języka”, przedstawiając po kolei, czym są poszczególne poziomy organizacji językowej, zaczynając od opisu elementów najbardziej podstawowych (dźwięki) i przechodząc do bardziej złożonych (morfemy, leksemy, zdania), zakładając tym samym hierarchiczną strukturę języka oraz utrwalając rzekomo jego modułarną strukturę i autonomiczność poszczególnych poziomów opisu (fonologia, morfologia, składnia, semantyka, pragmatyka). Ponieważ jedni i drudzy traktują język jako autonomiczny system autonomicznych (pod)systemów, w sumie bez znaczenia jest dla nich, czy rozpoczną swój opis od tego, czy innego poziomu. Najlepszym znanym nam tego

przykładem są kolejne wydania podręcznika Fromkin i in. W pierwszych wydaniach opis rozpoczyna się od fonetyki, następnie obejmuje fonologię, morfologię, składnię, i kończy semantyką. W późniejszych wydaniach podręcznik otwiera morfologia, potem jest składnia, następnie semantyka, fonetyka, i wreszcie fonologia. Jeszcze inaczej jest w pokrewnym podręczniku autorstwa generatywistów Akmajana i in. (7 wydań): opis zaczyna się od morfologii, potem następują systemy fonetyczny, fonologiczny, składniowy, i na końcu semantyczny. Jak pisze nie bez zgryźliwości Łozowski, „w systemie – z zasady – nie ma nic naturalnego, niczego zdrowo-rozrządkowego, niczego, co by miało swoją przyczynę i racjonalną podstawę istnienia, to i opis systemu może być równie dowolny” (Łozowski 2012: 67).

Z polskich autorów Milewski wyróżnia 4 systemy języka (fonologiczny, semantyczny, składniowy, stylistyczny), podobnie Grzegorzczkova (fonologiczny, morfologiczny, składniowy, słownictwo), a Furdal tylko dwa (syntaktyczny i semantyczny).

Ponieważ dla kognitywistów język nie jest systemem w ogóle, albo nie jest systemem przede wszystkim, to, ile poziomów opisu się wyróżni, i w jakiej kolejności je przedstawi, jest sprawą drugorzędną. Podobnie mogą zdecydować etnolingwiści. Ale dla potrzeb zachowania ciągłości tradycji badań językoznawczych można uszanować podejście opisowe, dokonując etnolingwistycznego przeformułowania tradycyjnych gałęzi/działów językoznawstwa. Tak się dzieje w podręczniku Dirvena i Verspoor, gdzie rozdział o składni już w swoim tytule każe zapomnieć o tym, że będzie mowa o formalistycznych układankach zwanych zdaniami – „Putting concepts together: syntax”. Składnia zatem to gra pojęć, a nie zabawa w rozsypanki wyrazowe. Równie konceptualny jest rozdział poświęcony temu, co zazwyczaj nazywamy semantyką. Kluczowe dla formalistów dystynktywne relacje leksykalne typu synonimia, antonimia, polisemia, homonimia są ledwie wspomniane, bo dużo ważniejsze są onomazjologia i semazjologia jako konceptualne sposoby wiązania i porządkowania szeregów form i znaczeń.

W innych podręcznikowych wstępach kognitywistów układ i podział treści nie ma już zupełnie nic wspólnego z poziomami organizacji języka typu gramatyka opisowa. Całość jest od pierwszej strony podporządkowana tezie o zakotwiczeniu języka w doświadczeniu oraz poznaniu, i czytając spis treści trudno nawet domyślać się, że czeka nas lektura wstępu do językoznawstwa. W takim wypadku dość powszechne jest rozpoczynanie od przedstawienia mechanizmu kategoryzacji i teorii prototypów, co czyni z językoznawstwa naukę o kategoryzowaniu świata i definiowaniu jego obiektów przez język bardziej niż naukę o samym języku. Analogicznie, przyjmując, że etnolingwistyka bada sposoby i mechanizmy, za pomocą których wspólnota odkłada w języku motywowane kulturowo wartości, można rozpocząć od wartościowania w ogóle, by dopiero następnie pokazywać, jak to wygląda w języku. I gdyby przyszło przededefiniować na potrzeby etnolingwistyki np. tradycyjne części mowy, to rzeczowniki, czasowniki i inne nie byłyby

już tylko klasami leksemów, ale zbiorami wartości⁷. Teraz chodziłoby o przekucie tego dorobku na publikację dla studentów.

Na koniec pragniemy zwrócić uwagę na walor etnolingwistycznie ukierunkowanego wstępu do językoznawstwa, o którym w innych przypadkach można jedynie pomarzyć – egzemplifikację. Materiałowy dorobek etnolingwistyki jest niewspółmiernie bogatszy od wydumanych i wyizolowanych przykładów strukturalistów i generatywistów, ale także od powtarzanych i odgrzewanych poświadczeń kognitywistów. Dla tych pierwszych egzemplifikacja nigdy nie była pożądanym zamierzeniem, bo chodzi zawsze o relację, proces, mechanizm, więc wystarczają pojedyncze przykłady sfabrykowane na potrzeby ilustracji. Żeby zobrazować konstrukcję znaku Saussure sięgnął po, nie wiedzieć, czemu, łacińskie *arbor* ‘drzewo’ i *equos* ‘koń’, jakby brakowało odpowiednich przykładów francuskich, a żeby zilustrować swoje rozumienie gramatyczności i przy okazji wykazać ostrą granicę między składnią i semantyką Chomsky sfabrykował nieistniejące *Colorless green ideas sleep furiously*. Językoznawstwo kognitywne w pełni docenia zaplecze materiałowe, a nawet bez niego by nie zaistniało, więc języki są nieustannie przeczesywane w poszukiwaniu kolejnych poświadczeń metafor, metonimii, amalgamatów itd., ale ileż razy na potrzeby edukacyjne można powtarzać studentom, że miłość to podróż, czas to pieniądz, *Veni, vidi, vici* to ikoniczność, a *matka* to radialna kategoria polisemiczna? Potrzeba nowych i świeżych poświadczeń. Te kryją się w leksykograficznych zasobach etnolingwistycznych dla wtajemniczonych (lub przynajmniej zainteresowanych) i najwyższy czas, żeby je upublicznić w formie nieco bardziej popularnej, jaką jest wstęp do językoznawstwa. Podejrzewamy, że „materiał dowodowy” tylko jednego tomu SSiSL w zupełności by wystarczył do zilustrowania wszystkich możliwych zjawisk językowych, z wariantywnością fonologiczną włącznie. A gdyby jeszcze wykorzystać materiał z komparatywnych projektów LASiS i WwJOSiS, atrakcyjność i wiarygodność przykładów wzrosłaby wielokrotnie, także w części ćwiczeniowej/zadaniowej podręcznika.

5. Uwaga końcowa

Powyższe refleksje nie wyczerpują listy potencjalnych zadań, których realizacja pomogłaby sprowadzić etnolingwistykę ze ścieżki, powiedzmy, „szkół amalgamatu” i wprowadzić na drogę do „globalnego paradygmatu”. Od jakiegoś czasu

---

⁷ Te postulaty spełniał już encyklopedyczny tom *Współczesny język polski* pod red. J. Bartmińskiego (Bartmiński, red., 1993; II wyd. rozszerzone 2001), w którym przyjęto układ „od góry” – od odmian i stylów, poprzez teksty/wypowiedzi do słownictwa, gramatyki i fonologii; wcześniej taki układ „od góry” J. Bartmiński uzasadnił i zastosował w tomie *Pojęcie derywacji w lingwistyce* z roku 1981 (Bartmiński, red., 1981).

językoznawstwo „zawiesiło się” między dwiema skrajnościami (formalizmem i funkcjonalizmem), i obie strony prowadzą tyleż wyczerpujący, co jałowy atak pozycyjny. Ze swoim dorobkiem teoretycznym i analitycznym, jak i bazą materiałową, etnolingwiści z pewnością wybudziliby językoznawstwo z tego *status quo*, dostarczając nowych pytań i perspektyw badawczych.

Literatura

- Bartmiński Jerzy, 2006, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin.
- Bartmiński Jerzy, 2021, *Lingwistyka kulturowa (etnolingwistyka) i lingwokulturologia – dwie perspektywy badawcze. Głos w dyskusji na temat relacji „język – kultura”, „Quaestio Rossica”, t. 9, nr 4, s. 1389–1408.*
- Bartmiński Jerzy, red., 1981, *Pojęcie derywacji w lingwistyce*, Lublin.
- Bartmiński Jerzy, red., 1993, *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t. 2. Współczesny język polski*, Wrocław.
- Bartmiński Jerzy, red., 2001, *Współczesny język polski*, Lublin (wyd. kolejne: 2010, 2012, 2014).
- Dirven Rene and Marjolijn Verspoor, 1997, *Cognitive Exploration of Language and Linguistics*, Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.
- Furdal Antoni, 2000, *Językoznawstwo otwarte*, wydanie 3. poprawione i uzupełnione, Wrocław.
- Goldberg Adele, 2019, *Explain me this. Creativity, Competition, and the Partial Productivity of Constructions*, Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Grzegorzczak Renata, 2008, *Wstęp do językoznawstwa*, Warszawa.
- Jakobson Roman, 1990, “The speech event and the functions of language,” [in:] Linda R. Waugh i Monique Monville-Burstin (eds.), *Roman Jakobson: On Language*, 69–79, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Langacker Ronald W., 1987, *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites*, Stanford, California.
- Langacker Ronald W., 2009, *Gramatyka kognitywna. Wprowadzenie*, tłum. Elżbieta Tabakowska i inni, Kraków.
- LASiS – *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, red. Jerzy Bartmiński:
T. 1. *DOM*, red. Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, Beata Żywicka, Lublin 2015.
T. 2. *EUROPA*, red. Wojciech Chlebda, Lublin–Opole 2018.
T. 3. *PRACA*, red. Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Lublin 2016.
T. 4. *WOLNOŚĆ*, red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński, Lublin–Warszawa 2019.
T. 5. *HONOR*, red. Petar Sotirov, Dejan Ajdačić, Lublin 2017.
- Łozowski Przemysław, 2012, *W poszukiwaniu terminologii językoznawczej: system w czasach symbolu czy symbol na potrzeby systemu?*, [w:] *Termin w językoznawstwie*, red. Dorota Brzozowska, Władysław Chłopicki, Kraków, s. 65–73 [Język a komunikacja 31], [także: „Półrocznik Językoznawczy Tertium” 1/1&2/2016, 29–39 oraz w j. angielskim: „Półrocznik Językoznawczy Tertium” 5/2/2020, 20–30].

- Łozowski Przemysław, 2018, *Dzień dobry!, czyli w poszukiwaniu funkcji językowych*, [w:] *Tradycja dla współczesności. Ciągłość i zmiana*, t. 12. *Kultura jako komunikacja*, red. Małgorzata Dziekanowska. Marta Wójcicka, Lublin, s. 25–38.
- Milewski Tadeusz, 2004 [1965] *Językoznawstwo*, wydanie VII uzupełnione, Warszawa.
- Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława, 2020, *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce*, Lublin.
- SD–1–5–*Slavjanskie drevnosti: ètnolingvističeskij slovar*’, red. Nikita I. Tolstoj, Svetlana M. Tolstaja, Moskwa 1995–2011.
- SLSJ – *Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny*, red. Jerzy Bartmiński, Wrocław 1980.
- SSiSL – *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński, zastępca redaktora Stanisława Niebrzegowska [od 2001 – Niebrzegowska-Bartmińska]:
- T. 1. *Kosmos*, cz. 1. *Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie*, Lublin 1996; cz. 2. *Ziemia, woda, podziemie*, Lublin 1999; cz. 3. *Meteorologia*, Lublin 2012; cz. 4. *Świat, światło, metale*.
  - T. 2. *Rośliny*, cz. 1. *Zboża*, Lublin 2017; cz. 2. *Warzywa, przyprawy, rośliny przemysłowe*, Lublin 2018; cz. 3. *Kwiaty*, Lublin 2019; cz. 4. *Ziola*, Lublin 2019; cz. 5. *Drzewa owocowe i iglaste*, Lublin 2020; cz. 6. *Drzewa liściaste*, Lublin 2021.
- Taylor John T., 1989, *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*, Oxford.
- Tolstaja Svetlana M., 2015, *Obraz mira v tekste i rituale*, Moskwa.
- Tolstaja Svetlana M., 2019, *Mir čeloveka v zerkale jazyka. Očerki po slavjanskomu jazykoznaniju i ètnolingvistike*, Moskwa.
- Wierzbicka Anna, 2007, *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, przekład Izabela Duraj-Nowosielska, Warszawa.
- WJOSS 1–6 – *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*:
- T. 1, red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, Lublin 2012.
  - T. 2. *Wokół europejskiej aksjofery*, red. Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Lublin 2014.
  - T. 3. *Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*, red. Iwona Bielińska-Gardziel, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura, Lublin 2014.
  - T. 4. *Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w perspektywie badań porównawczych*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura, Beata Żywicka, Lublin 2018.
  - T. 5. *Koncepty i ich eksplikowanie*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Dorota Pazio-Wlazłowska, Lublin 2019.
  - T. 6. *Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjofery*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Dorota Pazio-Wlazłowska, Lublin 2019.
- Zawadowski, Leon, 1966, *Lingwistyczna teoria języka*, Warszawa.

**Ethnolinguistics on the way to postmodernism:
From the collective to the individual, from nationhood to citizenship**

Abstract: In the article, a highly positive assessment of the achievements of ethnolinguistics is accompanied by attempts to indicate further potential paths for the development of the ethnolinguistic approach to language. Therefore, a discussion of three specific general linguistics issues is postulated, all in the context of the achievements and needs of cognitive ethnolinguistics – the definition of language, language attributes and functions of language. Also, the need to develop an all-ethnolinguistic textbook-like introduction to general linguistics is suggested as a way to popularize the accomplishments of ethnolinguists and their material/textual analyses.

Keywords: cognitive ethnolinguistics; definition of language; functions and attributes of language; popularization of scholarly achievements

Anna Wierzbicka

Australian National University, Canberra, Australia

ORCID: 0000-0002-6074-7865

email: anna.wierzbicka@anu.edu.au

Ethno-theology, ethno-Christianity: Differences in the ways of relating to God, Jesus and Mary in Polish and in English, identified through NSM

Abstract: Many languages, e.g. Polish, Russian and English, bear an imprint of Christianity, which has been, for many centuries, the religion of most of their speakers. In such languages, the words that speakers customarily use to refer to God, Jesus and Jesus' mother Mary, are an integral and culturally revealing part of the vocabulary. This paper seeks to demonstrate that the customary ways of referring to God, Jesus and Mary differ across these languages and reflect different culturally sanctioned ways of doing so. The faith may be the same but it is coloured in each case by the religious culture reflected in, and transmitted by, some key words and collocations.

Focussing in particular on ways of referring to Jesus' mother Mary, the paper seeks to show that different attitudes to God, Jesus and Mary embedded in Polish and in English can be identified with clarity and precision if the meanings of these key words and collocations are articulated through the Natural Semantic Metalanguage (NSM), developed and perfected over many years by the author and colleagues.

Keywords: Christianity; Jesus' mother Mary; ethno-theology; referring to God; NSM; Polish word *Maryja*; Russian word *Bogoroditsa*

1. Ways of referring to God in Polish and in English

This chapter will be devoted, in particular, to the customary ways of referring to Jesus' mother Mary in English and in Polish (with a quick glance at Russian). Before turning to this main theme, however, I would like to say something, at least briefly, about the customary ways of referring to God and Jesus.

To do this, I will draw on my own recent experience of writing a book for small children about God. I first wrote this book in English, and then tried to translate it into Polish. In English, the book is called *God Is Good*. The subtitle says: *The Nicene Creed unpacked for kids* and the title of the first chapter is simply "God".

But when translating this little book into Polish, I realised that the Polish title could not be the literal equivalent of the English one: *Bóg jest dobry*; and the Polish title for the first chapter cannot be the literal equivalent of the English one: *Bóg*. Instead, I had to use as the Polish title the phrase *Pan Bóg*, where *Pan* can be compared to a title, and then, throughout the book, to render the English *God* as *Pan Bóg*, rather than simply *Bóg*. The word *Pan* is used in Polish to render both *Lord* and *Mr.*, and it shares some semantic components with both these words.

Anticipating the description of the framework which I will be using throughout this paper, I will say that in the phrase *Pan Bóg* the word *Pan* (with a capital “P”) includes the semantic component “he is above us”, which is also part of the meaning of the English word *Lord*. In addition, however, *Pan* (as in the phrase *Pan Bóg*) implies, roughly speaking, respect, familiarity, and good feelings. Thus, referring to God in the Polish book for children as *Pan Bóg* implies an attitude to God which the English word *God* does not convey.

As I wrote in a study in which I compared ways of addressing God in Polish and in German (Wierzbicka 2016),¹ *Pan Bóg* is almost a household word in Polish, being saturated with “naïve” popular piety, whereas *Herr Gott* belongs to a much higher register of German. I also noted in that earlier study that “the attitude to God embedded in the Polish vocative phrase *Panie Boże* is nothing like that conveyed by the English phrase *Lord God*, and is in fact much closer to *Dear God* than to *Lord* or *Lord God*” (Wierzbicka 2016: 42). In that article, I was comparing Polish and German ways of *addressing* God, not ways of *referring* to God – but much of what was said then about the vocative phrase *Panie Boże* applies also to Polish ways of referring to God, as in the title of the book for children I mentioned. I have also discussed Polish ways of addressing God, in a comparative perspective, in Wierzbicka (2018). In the present chapter, I am not focussing on Polish ways of *addressing* God, but rather, on Polish ways of *referring* to God. But many points made in those two earlier articles apply also to Polish ways of referring to God.

In my framework, these aspects can be captured by positing several semantic components, not for the word *Pan* in all its uses but for its use in the phrase *Pan Bóg*:

Pan Bóg

- a. when we think about God, we think like this:
- b. God is above us, God is above all people
- c. at the same time, we can know God well
- d. we think very good things about God
- e. when we think like this, we feel something very good

¹ See also Wierzbicka (2020).

Component (a) shows that the expression *Pan Bóg* conveys a certain way of thinking about God, and that this way of thinking is shared by a community of believers (the word *we* is crucial here). Component (b), shared with the English word *Lord*, indicates something like “reverence”, again, a reverence shared by a community. Component (c) shows that this reverence does not carry with it a sense of distance, but on the contrary, is combined with something like a feeling of familiarity. Component (d) implies something like praise. Component (e) expresses very good feelings engendered by the thinking articulated in components (b), (c), and (d).

Thus, returning to the title of the book *God Is Good* and its Polish translation *Pan Bóg jest dobry*, I want to note that while the words *God* and *Bóg* mean exactly the same, from a pragmatic point of view, *God* and *Bóg* are not equivalent, and the word *God*, when used to refer to God in the English version, cannot be rendered in the Polish version simply as *Bóg*. Rather, the “normal” Polish way of referring to God in the Polish version has to do so with a semantically richer expression, conveying something like reverence, familiarity, and good feelings. My main point here is that the customary ways of referring to God (and also, to Jesus and Mary) in Polish and in English are different, and that these differences reflect different cultural attitudes.

Many languages, e.g. Polish, Russian, and English, bear an imprint of Christianity, which has been, for many centuries, the religion of many, or most, of their speakers. In such languages, the words that speakers customarily use to refer to God, Jesus, and Jesus’ mother Mary are an integral and culturally revealing part of the vocabulary. For example (to shift the focus to Mary), the multi-volume *Dictionary of the Russian Language* published by the Soviet Academy of Sciences (*Slovar’ russkogo yazyka* 1981) includes an entry on the word *Bogoroditsa*, literally ‘God-bearer (feminine)’. It says: “*Bogoroditsa*: v khristianskoy religii, nazvanie materi Khrista” (“in Christian religion, this is what the mother of Christ is called”). But in fact, the concept of *BOGORODITSA* (‘the woman who gave birth to God, because she gave birth to Jesus, and Jesus is God’) is not only part of Christian religion: it is also part of the Russian language.

The concept is indeed part of Christian faith, solemnly endorsed as such (in the Greek form *Theotokos*) by the ecumenical Council at Ephesus in A.D. 431, but it is not part of English in the same way as it is part of Russian. The large *Russian-English Dictionary (Russko-Angliyskiy Slovar’* 1958), edited by Aleksandr Ivanovich Smirnitkiy, glosses *Bogoroditsa* as “the Virgin, Our Lady”, thus showing that it can find no literal English equivalent.

Turning, for comparison, to Polish, I will note that the Collins Polish-English Dictionary (*Collins. Słownik angielsko-polski* 1996) doesn’t include the old Polish equivalent of *Bogoroditsa* (namely *Bogurodzica*) at all, but it does include the phrase *Matka Boska*, which it glosses as “the Virgin Mary”. I will also note that, conversely, the Collins English-Polish Dictionary (*Collins. Słownik polsko-angielski* 1996) includes the phrase *the Blessed Virgin*, which it glosses as “Najświętsza Panna” (‘the Holiest Virgin’), but does not include any English phrase about Mary with the word *mother*.

My main thesis is that (judging by the evidence of linguistic usage) speakers of Polish don't relate to God, Jesus, and Mary Jesus' mother in the same ways that speakers of English do. These different relationships are reflected in, and transmitted by, words and phrases which Polish and English provide speakers with as customary ways of referring to God, Jesus, and Mary. These are not differences of faith but differences of culture. In particular, English-speaking Catholics do not hold different beliefs from Polish Catholics. But the faith is coloured in each case by the religious culture reflected in, and transmitted by, some key words and collocations.

2. Ways of referring to Jesus in Polish and in English

Turning now to customary Polish ways of referring to Jesus, I will start again with my book for young children, *God Is Good*. In the English version, chapter 3 of this book is entitled "Jesus", and throughout all the chapters Jesus is referred to as *Jesus*. But in the Polish version I could not refer to Jesus simply as *Jeżus*. As soon as I started to translate chapter 3 from English into Polish, I realised that its title has to be *Pan Jeżus*, rather than simply *Jeżus*. This is how people normally refer to Jesus when speaking to children, and very often, not only to children. The phrases *Pan Jeżus* and *Pan Bóg* have a great deal in common, yet the relationship between *Jeżus* and *Pan Jeżus* is not exactly the same as that between *Bóg* and *Pan Bóg*. The reason, or one of the reasons, for this difference is that *Jeżus* is perceived in Polish as a name, whereas *Bóg* is not.

When I say that Jesus is normally referred to, in spoken language, as *Pan Jeżus* rather than *Jeżus*, I'm talking about the nominative form *Jeżus*, not about the vocative form *Jeżu*, which has a somewhat different semantics and a different emotional tone. The vocative *Jeżu* does occur in prayers intended for children, for example, in the popular bedtime prayer "O dobry Jeżu, kładę się spać, nic mi się złego nie może stać" ("O, sweet Jesus, I'm going to bed, nothing bad can happen to me"), where it is entirely at home. But in the nominative, the phrase *Pan Jeżus* is used more widely than the bare name *Jeżus*. The vocative phrase *Panie Jeżu* is also used very widely, but *Jeżu* without an adjective is also common, especially when combined with an interjection: *O Jeżu!*

As I wrote in Wierzbicka (2016), comparing the use of the Polish word *Pan* with the German word *Herr*:

...the vocative phrase *Panie Jeżu* is imbued with "naïve" good feelings somewhat like *Dear Jesus* is in English. In this case, however, even the nominative phrase *Pan Jeżus* sounds somewhat "naïve" and affectionate – and it is precisely this phrase which is normally used in Polish to talk to children about Jesus. (The popular Polish poet Jan Twardowski, a Catholic priest, frequently used the phrase "Pan Jeżus" in his religious poetry, but it would not be used in any

theological publications.) Since *Pan Jezus* is, in a sense, the most basic colloquial way to refer to Jesus for Polish Catholics, *Jezus* by itself sounds rather bare in Polish and is usually avoided in spoken language, while at the same time, *Pan Jezus* may be avoided in written language because it sounds “naïve”. (Wierzbicka 2016: 42)

I’m not talking here about other phrases which include the word *Jezus*, such as, for example, the opening phrase of the Christmas carol “*Jezus malusieńki leży wśród stajenki*” (“Little Jesus is lying in the stable”), but about the bare form *Jezus*, without any accompanying adjectives.

It is important to stress, in this context, that the Polish phrase *Pan Jezus* does not mean the same as the English phrase *Lord Jesus* and that the attitudes embedded in these two phrases are quite different. The difference can be dramatically illustrated with a popular Polish religious song (sung by the worshippers just before receiving the Holy Communion) and its English translation provided on the internet. In Polish, the song starts with the phrase “*Pan Jezus już się zbliża*”, and in English, with the words “*Jesus the Lord is coming*”:

Polish

Pan Jezus już się zbliża,
Już puka do mych drzwi,
Pobiegnę Go przywitać,
Z radości serce drży.

Chorus:

O szczęście niepojęte,
Bóg sam odwiedza mnie.
O Jezu, wspomóż łaską,
Bym godnie przyjął Cię.

English

Jesus the Lord is coming,
On my door He is knocking,
To greet Him I will run,
A heart trembles with joy.

Chorus:

Oh, what an unimaginable happiness,
God Himself is visiting me.
Oh, Jesus, help with Your Grace,
So I can take You worthily.

One has to be not only truly bilingual but also truly bicultural to fully appreciate the difference in the speakers’ (or singers’) attitudes expressed in these two lines. But even a modest level of bilingual competence should be enough to grasp that the phrases *Pan Jezus* and *Jesus the Lord* do not mean the same. Granted, *Jesus the Lord* is even syntactically different from *Pan Jezus*, but *Lord Jesus* is also very different from *Pan Jezus* and normally does not occur in books and prayers for young children.

I do not have the space here for a proper semantic analysis of these phrases, but I do want to try to pinpoint some differences between them first, in informal prose, and then, in NSM explications.²

² For relatively recent presentation of the NSM approach, see e.g. Wierzbicka (2014) or Goddard and Wierzbicka (2014).

3. Some differences between *Pan Jezus* and *Lord Jesus*

The first point to note is that the Polish phrase *Pan Jezus* is perceived as comparable, not entirely but to some extent, to ordinary ways of referring to people outside the circle of one's family and friends. It brings to mind phrases such as *Pan Marek* or *Pan Michał*, that is, phrases which combine a man's first name with the polite title *Pan* used in Polish in most social interactions – far more broadly than *Mr.* is used in English. In English, the title *Mr.* normally combines only with a man's surname, not with a man's first name, and thus implies a certain distance. By contrast, the Polish title *Pan* combines readily with the first name, and indeed with an affectionate, diminutive form of the name, as in *Pan Jaś*, literally 'Mr. Johnny', or *Pan Staś* 'Mr. Stanislaus-DIM'.

Jezus in *Pan Jezus* is not a diminutive, but neither is it perceived as non-diminutive (or anti-diminutive) as names like *Stanisław* (Stanislaus) or *Jan* (John) are. The reason is that the forms *Stanisław* and *Jan* do have an unmarked diminutive version, whereas *Jezus* does not – it is like *Marek*, *Michał* or *Andrzej*, which are perceived as unmarked, neither diminutive nor non-diminutive.³ So against the background of the common use of Polish names and courtesy titles, *Pan Jezus* sounds neither formal nor distant and is compatible with a close personal relationship – not like a family member but like a close family friend.

By contrast, the English phrase *Lord Jesus* suggests a collective perspective, a solemn occasion, and a formal setting (unlike, of course, the word *Mr.*). It also implies a great distance, and conveys something like homage and honour. Arguably, it also implies something like authority. But in Polish, the phrase *Pan Jezus* has no such associations. On the contrary, it implies intimacy, familiarity, closeness and something like warmth or "good feelings". The English phrase *Lord Jesus* does not necessarily imply warmth. It does suggest some feelings on the part of the speaker, but these feelings are unspecified; they could include something like awe. By contrast, the phrase *Pan Jezus* does not seem compatible with awe:

PAN JEZUS

someone, this someone's name is Jesus

we think about this someone like this:

no one else is like this someone

this someone is above us, at the same time this someone is close to us

we know this someone very well

we know very good things about this someone

we can speak to this someone

when we think like this, we feel something very good

³ I have studied such difference in detail in Wierzbicka (1992).

LORD JESUS

someone, this someone's name is Jesus
 we think about this someone like this:
     no one else is like this someone
     this someone is above us, this someone is above all people
     we know very good things about this someone
     we want to do everything as this someone wants
 when we think like this about this someone, we feel something good

These explications are only provisional and more work is needed before they can be validated or amended. As they stand now, the most distinctive components of *Pan Jezus* are these: “this someone is close to us”, “we know this someone very well”, “we can speak to this someone”, and “when we think like this, we feel something very good”. The most distinctive components of *Lord Jesus* are: “this someone is above all people” and “we want to do everything as this someone wants”.

The general point which I want to emphasise is that the differences in meaning and use between *Pan Jezus* and *Lord Jesus* have implications for the pragmatic value of the words *Jezus* and *Jesus* used by themselves. I do not claim that *Jezus* and *Jesus* have different meanings. But since in Polish the phrase *Pan Jezus* is very widely used, the bare form *Jezus* can be perceived as marked and as chosen in preference to *Pan Jezus*, and therefore as bracketing, as it were, the distinctive semantic components of *Pan Jezus*. In English, on the other hand, *Jesus* used by itself is not perceived as chosen in preference to *Lord Jesus* and does not imply any bracketing of reverential and deferential components embedded in the meaning of *Lord Jesus*. As a consequence, it can be used more widely than *Jezus* is in Polish – even in books for young children. This is why a chapter in *God Is Good* can be entitled “Jesus”, whereas the closest pragmatic equivalent of this title in the Polish version of the book needs to be, I feel, “Pan Jezus” rather than simply “Jezus”.

For example, the book entitled *To Know, Worship, and Love: Prep/Kindergarten* (Catholic Archdiocese of Melbourne 2000), which is widely used in Australian Catholic schools, and has been repeatedly reprinted, refers to Jesus as *Jesus* throughout. The phrase *Lord Jesus* is used only once in a formal collective prayer (p. 139):

Leader: We wait for God's promise.

All: Come Lord Jesus.

4. Ways of referring to Mary

So far, I have sought to demonstrate that different attitudes to God, Jesus, and Mary embedded in English and in Polish can be identified with clarity and precision if the meanings of these key words and collocations are articulated through the

Natural Semantic Metalanguage (NSM). I will now illustrate my main thesis with some examples showing different “ethno-linguistic relationships” to Mary, Jesus’ mother. I will start with a small personal vignette. At a recent birthday party in Canberra, where several fellow Catholics were present, I asked a few of them: “Who is your favourite saint?” Two of them answered: “Our Lady”. A literal Polish translation would be *Nasza Pani*. But I doubt that anyone would answer this question in Polish with these words (although the phrase *O Pani nasza* does occur in public prayers and hymns). One reason for this, I think, is that few speakers of Polish would think of Mary Jesus’ mother as “one of the saints”. Normally, in Polish Mary is not described as *święta* ‘saint’ but as *Najświętsza* ‘the Most Holy’, especially when it is used as a form of address, in the vocative *Matko Najświętsza* ‘Holiest Mother’.

It is revealing that the Sydney Cathedral dedicated to Mary is called *Saint Mary’s Cathedral*, whereas the full name of its counterpart in the Polish city of Kraków, known in colloquial Polish as *Kościół Mariacki*, is *Kościół Wniebowzięcia Najświętszej Marii Panny* (literally, ‘the church of the Assumption of the Holiest Virgin Mary’). It is also revealing that the English rendering of this name in the Polish Wikipedia is *St. Mary’s Basilica in Krakow*.

So on the one hand, Jesus’ mother is often referred to in English as either *Mary* or *St. Mary* (as if no special reverence or devotion needed to be shown), whereas in Polish she is normally not referred to as *Maria* or *święta Maria* and it is felt that considerable reverence and devotion needs to be shown. On the other hand, the reverential phrase *Our Lady* can be used in English by Catholics in ordinary conversation, whereas in Polish, the literal counterpart *Nasza Pani* (or *Pani Nasza*) would sound excessively “pious” in a similar context.

It is true that in English too, when Catholics answer the question about their favourite saint with the phrase *Our Lady*, they sometimes seem to say it with a little smile and in a somewhat apologetic tone, as if they too felt that this could sound a little bit “too pious” or “too Catholic” (the phrase is normally not used by English-speaking Protestants). But they may feel that they have no alternative, because the “neutral” way of referring to Mary Jesus’ mother as simply *Mary* expresses no devotion or reverence at all, and this may not be quite right. So the choice appears to be between the totally neutral, as it were secular, answer *Mary* and the highly reverential, and Catholic-sounding, *Our Lady*.

In Polish, the situation is quite different. The word *Maria* (the equivalent of *Mary*) is not used about Jesus’ mother at all, except in traditional prayers such as “*Zdrowaś Mario*” (‘Hail Mary’, a vocative).

The special name reserved by Polish speakers for Jesus’ mother, *Maryja*, is not used for anyone else, and thus implies uniqueness, as well as reverence and devotion. If asked, in conversation, “Who is your favourite saint?”, Polish Catholics may reply – perhaps with an apologetic smile – *Matka Boska* (literally ‘Divine

Mother', unsayable in English about Mary); they would be unlikely, however, to reply *Maryja*. The form *Maryja* is used widely in church singing and in collective prayer. It is also used by theologians and others writing on religious topics, in contexts where in English, the neutral form *Mary* would be used.

Remarkably, the Polish version of the Catechism of the Catholic Church (*Katechizm Kościoła Katolickiego* 1994) refers to Mary, reverently, as *Maryja*, whereas the English version refers to her simply as *Mary*. To my mind (and my ear) this represents a very significant difference between the two versions of Catholicism, that embedded in Polish and that embedded in English.

It needs to be emphasised that the choice of the reverent form *Maryja* over the neutral *Maria* is not due to the Polish translators' personal devotion to Mary: the point is that there is simply no neutral way to refer to Jesus' mother in Polish, as there is in English (the word *Mary*). The common name *Maria* is simply never used about her (outside of traditional prayers and hymns). In public prayers, hymns and church singing, the form *Maryja* is omnipresent. As for private prayer and private reflection, Polish Catholics may be more likely to use the phrase *Matka Boża* than either *Maryja* (with its emphasis on how "we" think and feel) or *Matka Boska* – a phrase which even non-believers can use, even though it is not totally devoid of religious sentiment either.⁴

My guess is that in private prayer, Polish Catholics tend to use the appellation *Matka Boża* rather than *Matka Boska* (where (*Matka*) *Boża* is an adjective derived from *Bóg* 'God', but different in register and more loving than (*Matka*) *Boska*). The monumental Polish Language Dictionary edited by Witold Doroszewski (*Słownik języka polskiego* 1958–1969) describes both *boski* (feminine form *boska*) and *Boży* (feminine form *Boża*) as "adjectives derived from the noun *Bóg* ('God')", but it also shows that the collocations of these two adjectives are quite different. In relation to *Matka Boska* and *Matka Boża* I will only mention, for the moment, the fact that the phrase *statua Matki Boskiej* ('a statue of (*Matka*) *Boska*') can be used by both believers and non-believers, whereas *statua (Matki) Bożej* ('a statue of *Matka Boża*') would normally be used only by believers (because it clearly implies faith and devotion).⁵

I would also like to mention the following observation. In a large volume of collected poems by the Catholic priest Father Jan Twardowski (*Nie przyszedłem*

⁴ As the Polish poet Jan Lechoń, not a Christian believer, wrote about the Polish Black Madonna of Częstochowa, known in Polish as *Matka Boska Częstochowska*, she is one "in whom believe even those who don't believe in anything".

⁵ When I recently asked a friend in Poland to check for me how the Polish version of the Catechism of the Catholic Church refers to *Matka Boska*, the answer was (in Polish): "It refers to *Matka Boża* as *Maryja*". What this shows is that while my question was phrased in a way as close to neutral as possible, my friend, who has a great personal devotion to Mary, reflexively substituted *Matka Boża* for my more neutral *Matka Boska*.

Pana nawracać; Twardowski 2017), the most common ways of referring to Mary Jesus' mother are *Matka Boska* and *Matka Boża* (literally something like 'Divine Mother'), and the most common way of addressing her is *Matko Najświętsza* (literally, 'Holiest Mother'). Father Twardowski's religious poetry is utterly down-to-earth, keeps very close to everyday language, so his frequent use of these three phrases is very significant. It is also significant that he refers to the words *Matko Najświętsza* as "the simplest way of speaking". In his own words: "żebym... nie zamykał się w budce poezji — kiedy trzeba mówić najprościej o Matce Najświętszej". Literally, this means: "[I pray] not to close myself off in a box of poetry when there is a need for someone to speak about the Holiest Mother in the simplest of words". One can hardly speak about Mary Jesus' mother in this way in English, and if someone did, these would certainly not be seen as "the simplest of words".

Let me add here a personal testimony as a bilingual and bicultural speaker of English and Polish. In church, in Canberra, I am immersed in the ethno-linguistic world in which referring to Jesus' mother as either *Mary* or *Our Lady* is common. In my head, and in conversation with Polish friends, I think of the same person as *Matka Boska*. And when I want to mention her in conversation with English-speaking friends in Canberra, I am stuck: I feel I cannot simply say *Mary*, but I feel unable to say *Our Lady* either. So for example, during my regular theology discussions ("Unpacking the Creed") with a church-based group (once a month) and with a university-based group (once a fortnight) I experience a real difficulty in referring to Jesus' mother at all: I am literally lost for words.

For a linguist, and especially a semanticist, all these and other similar facts of linguistic usage raise tantalising questions about the differences in meaning between Polish terms like *Maryja*, *Matka Boska*, *Matka Boża* and *Najświętsza Maria Panna*. They also raise questions about the differences in meaning between English phrases like *Our Lady*, *Blessed Virgin Mary* and *Saint Mary* (as in the name of a church). For an ethnolinguist and student of culture, such facts raise questions about different religious cultures reflected in different languages. Why is it that *Mary* and *Saint Mary* are acceptable in English, whereas *Maria* and *Święta Maria* are, generally speaking, not acceptable in Polish? And why is *Our Lady* acceptable in conversational usage of English-speaking Catholics, whereas *Nasza Pani* (or *Pani Nasza*) is not part of the conversational usage of Polish Catholics (although it is certainly part of the language of public worship, religious hymns, litanies, and collective prayers)? Why is it that in some contexts it is acceptable, even normal, to refer to Jesus' mother in English as *the Blessed Virgin Mary*, whereas it is not acceptable in Polish (in similar contexts) to refer to her as *Błogosławiona Dziewica Maria* or even *Błogosławiona Panna Maria*?

Needless to say, differences of this kind are not restricted to Polish and English. When one compares words and collocations ordinarily used in Polish with those used in Russian, significant differences also come to light. My point is that such

differences are not trivial and accidental but have deep roots in the historical religious cultures of the speakers. Further, my claim is that such differences can be articulated with clarity and precision through the cross-translatable vocabulary of NSM (the Natural Semantic Metalanguage) and that by making them explicit, we can come to a better understanding of the cultural perspectives reflected in some key religious expressions and transmitted through them across generations.

So let me finish with some NSM explications (followed by “A Coda”). I will not seek to explain at this stage how the differences between individual components of the explications account for the differences in the usage of these expressions. I will only note that some of these words and phrases can be used by both believers and non-believers, whereas some others belong only to the language of believers. Some of them reflect a collective, “we” perspective, whereas some others are more compatible with private prayer and religious reflection.

5. Selected NSM explications

MARYJA (Polish)

someone not like anyone else, a woman not like any other woman

the mother of Jesus

we call her “Maryja”; we don’t call anyone else this

we think about her like this: no one else is like her; she is very close to God

when we think about her like this, we feel something very good

MATKA NAJŚWIĘTSZA (Polish)

someone not like anyone else, a woman not like any other women

a mother not like any other mother

the mother of Jesus

I think about her like this:

she is the mother of Jesus, at the same time she is like the mother of us all

she wants to do good things for us all, she can do good things for us all

she is above us, at the same time she is very close to us

she is very close to God, like no one else

when I think about her like this, I feel something very good

OUR LADY

someone not like anyone else, a woman not like any other women

the mother of Jesus

we think about her like this:

she is above us all, as Jesus is above us all

she can do very good things for us, she wants to do very good things for us

when we speak to her, she hears us

when we think about her like this, we feel something very good

MATKA BOSKA (Polish)

someone not like anyone else, a woman not like any other woman

a mother not like any other mother

the mother of Jesus

people can think about her like this:

she is someone of one kind, there is no one else of this kind

she is the mother of Jesus, Jesus is God, she is the mother of God

at the same time, they can think like this:

she is like the mother of all people

she wants to do good things for all people, she can do good things for all people

she is above all people, at the same time she is very close to all people

when people think about her like this, they feel something very good

MATKA BOŻA (Polish)

someone not like anyone else, a woman not like any other woman

a mother not like any other mother

the mother of Jesus

I think about her like this:

she is the mother of Jesus, Jesus is God, she is the mother of God

at the same time, I think like this:

she is like the mother of all people

she wants to do good things for all people, she can do good things for all people

she is above all people, at the same time she is very close to all people

when I think about her like this, I feel something very good

THE BLESSED VIRGIN MARY

someone not like anyone else, a woman not like any other woman

the mother of Jesus

she is called "Mary"

we think about her like this:

she never lived with a man like a woman lives with her husband

if he is the father of her children

she is very close to Jesus, she is very close to God

when we think about her like this, we feel something very good

6. A coda

The acclaimed recent book by the Catholic theologian Brant Pitre, *Jesus and the Jewish Roots of Mary* (2018), makes three points about Mary which are all very relevant to the topic of this paper:

The New Testament portrait of Mary as the virgin mother of Immanuel and the queen mother of the kingdom of God provides us with the biblical foundations for three central but

controversial ancient Christian beliefs and practices: (1) Mary's identity as "Mother of God" (Greek *Theotokos*), (2) honouring Mary and asking for her intercession; and (3) the difference between the veneration of Mary and the worship of God. (Pitre 2018: 89)

To start with Pitre's third point, none of the explications presented here includes the component which I have assigned (in other work) to "God": "you are above everyone, you are about everything". Instead, the various explications proposed here for words and phrases referring to Mary include the far more limited component: "you are above us all". This in itself accounts, it seems to me, for the difference between the worship of God and the veneration of Mary, as reflected in all the expressions discussed here.

Turning to the differences between Russian, Polish, and English, Mary's identity as "the birth-giver of God" (*Theotokos*) is particularly highlighted in the Russian word *Bogoroditsa*. The Polish phrases *Matka Boska*, *Matka Boża*, and *Matka Najświętsza* emphasise, in addition, her intercessory role: they present her as not only the mother of Jesus (and therefore the mother of God) but also as the mother of us all. The English phrases *Our Lady* and *the Blessed Virgin Mary*, which appear to be specifically Catholic, reflect the veneration of Mary without highlighting her intercessory and maternal role as "the mother who wants to help all people". There can be little doubt that this divergence in ways of talking about Mary is related to the impact of the Reformation on the English language.

The lack of veneration of Mary as the "Mother of the Church" in the Church of England is no doubt one reason why phrases referring to Mary as *Mother* (comparable to *Matka Najświętsza*) are not common in the English-speaking world.⁶ The topic requires investigation and cannot be further developed here.

Adapting Wittgenstein, one could say that there is here a whole cloud of history, condensed in a few drops of language.

References

- Catholic Archdiocese of Melbourne. 2000. *To Know, Worship, and Love: Prep/Kindergarten*. Melbourne: James Goold House Publications.
- Collins. *Słownik angielsko-polski*. 1996. Ed. Jacek Fisiak. Polska Oficyna Wydawnicza BGW.
- Collins. *Słownik polsko-angielski*. 2006. Warszawa: eMKa.
- Słownik języka polskiego*. 1958–1969. Ed. Witold Doroszewski. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka. 2014. *Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.

⁶ I will note that, for example, the prominent American Catholic writer and activist Dorothy Day does use, occasionally, the phrase *the Blessed Mother*, but this is rare.

- Katechizm Kościoła Katolickiego*. 1994. Poznań: Pallottinum.
- Pitre, Brant James. 2018. *Jesus and the Jewish Roots of Mary: Unveiling the Mother of the Messiah*. New York: Image.
- Slovar' ruskogo yazyka*. 1981. Moskva: Sovetskaya akademiya nauk.
- Russko-angliyskiy slovar'*. 1958. Ed. Aleksandr I. Smirnitkiy. Moskva: Gosudarstvennoye Izdatel'stvo Innostrannykh i Natsionalnykh Slovarey.
- Twardowski, Jan. 2017. *Nie przyszedłem pana nawracać. Wiersze 1945–2006*. Poznań: Święty Wojciech Dom Medialny – Wydawnictwo.
- Wierzbicka, Anna. 1992. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2014. *Imprisoned in English: The Hazards of English as a Default Language*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2016. Terms of address as keys to culture and society: German *Herr* vs. Polish *Pan*. *Acta Philologica* 49: 29–44.
- Wierzbicka, Anna. 2018. Polskie słowo „Boże” w perspektywie porównawczej. In Jolanta Chojak and Zofia Zaron (eds.) *Ku rzeczom niebiałym*. 221–234. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Wierzbicka, Anna. 2020. Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes. *Russian Journal of Linguistics* 24(2): 259–293. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293

Etno-teologia i etno-chrześcijaństwo. Różnice w sposobach odnoszenia się do Boga, Jezusa i Maryi w języku polskim i angielskim w świetle NMS

Streszczenie: W wielu językach, np. w polskim, rosyjskim i angielskim, widzimy silny wpływ chrześcijaństwa, które przez kilkadziesiąt lat było religią większości ich użytkowników. Obecne w tych językach słowa i wyrażenia odnoszące się do Boga, Jezusa i Maryi stanowią integralną i kulturowo znaczącą część ich słownictwa. Rozdział ukazuje, jak różnią się w tych językach zwyczajowe, kulturowo ukształtowane sposoby mówienia o Bogu, Jezusie i Maryi. Ta sama wiara jest inaczej zabarwiona specyficzną kulturą religijną, zawartą w kulturowo istotnych słowach, wyrażeniach i zwrotach. Szczególną uwagę zwraca autorka na Maryję, Matkę Jezusa – różny, kulturowo uwarunkowany stosunek do Boga, Jezusa i Maryi, odzwierciedlony w języku polskim i angielskim, można precyzyjnie oddać posługując się modelem Naturalnego Metajęzyka Semantycznego, rozwijanym przez autorkę i jej współpracowników od wielu lat.

Słowa kluczowe: chrześcijaństwo; Maryja, Matka Jezusa; etnoteologia; mówienie o Bogu; Naturalny Metajęzyk Semantyczny; *Maryja*; *Bogorodica*

Нина Мечковская

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ORCID: 0000-0003-2726-0083

e-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com

Универсальное, типичное и индивидуальное в семантике языков: биологические и культурно-исторические источки сходств

Резюме: Одноименные языковые сущности представлены в языках мира в разной мере, образуя континуум, на одном полюсе которого находятся универсалии и фреквенталии, в его срединной части – феномены типичные и характерные; на противоположном полюсе – явления редкие и уникальные. Языковые феномены названных групп охарактеризованы с учетом их биологической и/или культурно-познавательной обусловленности. Показано, что конституирующая черта языка заключается в его уровне строения; такое устройство позволяло людям справляться с задачами обозначения элементов растущего опыта, строить и понимать сложные знаки. Основная масса универсального в языках обусловлена эволюционно и передается генетически. В области грамматической семантики универсальны или широко распространены следующие феномены: оппозиция двух классов слов, нужных для выражения оппозиции “субъект-предикат”; грамматические категории лица, залога, модальности; два разряда неполнозначных слов (местоимения и союзы). Неуниверсальные черты (групповые и индивидуальные) могут быть обусловлены как естественными (вероятностными) вариациями в проявлении природных сил, так и культурно-историческими факторами. Индивидуальное своеобразие отдельного языка целиком определяется культурно-историческими факторами.

Ключевые слова: универсалия; сходство; уровни языка; континуум.

Биология задает базовые параметры поведения и развития homo sapiens. История разворачивается внутри заданных биологией рамок.

Юваль Ной Харари

1. Континуум “одноименных” языковых сущностей в аспекте их представленности в языках мира: от абсолютных универсалий и до явлений редких и уникальных

Сходные в разных языках сущности (или феномены, классы, категории, оппозиции, черты и т.п.) будем называть «одноименными»; в этом же смысле иногда употребляют слово «параллельные» (категории и т.п.), например, оппозиция согласных по глухости-звонкости, категория падежа, артикли и т.п.). Одноименные сущности представлены в языках земного шара в разной мере, образуя по степени своей представленности континуум. На его одном полюсе находятся абсолютные универсалии, затем «почти»-универсалии, далее (фреквенталии), затем феномены типичные, характерные; наконец, на противоположном полюсе, – явления редкие (но не уникальные) и, наконец, уникальные – неповторимые черты отдельного языка. Индивидуальный облик конкретного языка в целом создается присущим ему континуумом черт – сложившейся конфигурацией как универсальных и типичных категорий, так и редких и уникальных особенностей. Основное внимание в статье будет обращено на три точки континуума языковых сходств: универсальное, широко распространенное и индивидуальное¹.

---

¹ Субстантивы, используемые для обозначения сопоставляемых языковых фактов и их групп – *сущности, феномены, категории, классы, оппозиции, черты* и др., – в статье не являются терминами и не образуют иерархии, поскольку их значения лингвистически не определены. На практике исследователи, конечно, видят различия между сопоставляемыми объектами по их «крупности» или «сложности» (напр., «категория падежа» и «категория одушевленности-неодушевленности»), однако эти объекты остаются несоизмеримыми, поскольку в лингвистике не используется понятие «атомарный факт» и нет правил объединения атомарных фактов в сложные (или, наоборот, вычленения атомарных фактов из их комплексов).

2. Основные лингвистические и онтологические оппозиции, релевантные для исследуемого континуума языковых сущностей

2.1. Явления, относимые к плану выражения, vs явления, относимые к плану содержания языка. В соответствии с темой статьи, приоритетное внимание уделяется функционально-содержательным (семантическим и прагматическим) языковым феноменам, т.е. плану содержания языка. Но, чтобы избежать односторонности, будут называться также сущности, относящиеся к плану выражения. Термины Луи Ельмслева «план выражения» и «план содержания» языка в контексте статьи синонимичны оппозициям «форма vs содержание», «структура vs семантика». При всех диалектических взаимосвязях и амбивалентностях членов этих оппозиций (ср. такие констатации, как «грамматика структурирует лексику»; «грамматическое значение оформляет слово»; «система грамматических форм включает в себе грамматическую семантику, которая является ядром языковой семантики» и т.п.) в лингвистике достаточно дефиниций и терминов, чтобы различать оба плана. По отношению к лексике в целом грамматика – это форма, но по отношению к языку в целом морфология и синтаксис – это две системы грамматических значений, каждая со своим планом выражения.

2.2. Два класса каузальных сил, обусловивших существование исследуемых феноменов: природа (биология) vs культура. При всей фундаментальности оппозиции природы и культуры имеется область, где современная наука не может провести границу между ними: это сознание. Оно амбивалентно: в нем есть как материальное начало (анатомическое, физиологическое, электрическое, структурирующее), так и идеальное (содержательное, информационное, стимулирующее структурирование). В содружестве наук, исследующих сознание, у лингвистики есть свои интересы и возможности.

Названные принципы систематизации языковых феноменов (категорий, оппозиций, фактов, черт) и каузальных сил ниже представлены для удобства обозрения в таблице.

Казалось бы, что биология объясняет в первую очередь структурные (формальные) сходства языков, а культура и история обуславливают содержательные сходства. Но это не так. Есть биологические корни у некоторых семантических универсалий, как есть и культурно-историческая обусловленность (прежде всего языковые контакты) важных тенденций в истории плана выражения групп языков (напр., существование родственных систем письма).

Таблица

Число языков, в которых представлены "одноименные" феномены	Отнесенность к плану выражения или к плану содержания	Примеры сходных языковых феноменов. факторы, обуславливающие сходства языков	
		Биологические факторы, включая деятельность мозга	Культурно-исторические факторы; содержание коллективного сознания
1. Во всех языках	План выражения	Уровневое строение языка. Преобладают сложные системно мотивированные знаки. Местомимения.	Нет ?
	План содержания	Категории лица, залога (диатезы)	Двойные оппозиции: 'муж-жена', 'день-ночь' и т. п. Метафоры (модели) мифологического происхождения
	План выражения	Экспираторное ударение. Мелодическое ударение. Экспликация значенный союзов.	Иероглифика. Деванагари. Финикийское письмо и произ-водные алфавиты: греческий, латиница, кириллица
2. В группах языков	План содержания	Модели метонимических переносов	Категории числа, времени, наклонения и др. Модели метафор. Заимствования
	План выражения	Фонетико-фонологический строй языка	Графика и орфография
3. В одном языке	План содержания	Нет ?	Индивидуальное своеобразие нормативно-стилистического уклада языка. Количество и происхождение заимствований

3. Биология как фактор универсалий в строении языков

3.1. Уровневое строение языков. Феномен мотивированности большинства языковых знаков. В XX в., благодаря нейробиологии мозга, кибернетике, психологии (и зоопсихологии), семиотике, гипотезам фантастов и философов, были обнаружены биологические границы человеческого сознания – в объеме оперативной и долговременной памяти, в скорости и логичности (последовательности и связности) мышления, в силе ума (дедуктивной и индуктивной), в креативности и критичности мышления, в сообразительности, в роли интуиции и тренированности интеллекта. Стало понятно, что силы разума далеко не безграничны.

Как языки справляются с задачей назвать то необозримое множество и разнообразие явлений мира, которое человечеству надо понять, о котором надо говорить и писать, с которым надо уметь действовать, которому надо учить детей? Главный и универсальный языковой механизм, который позволил и позволяет людям решать задачи обозначения элементов опыта, – это уровневое строение всех языков, иначе говоря, членораздельность речи: из примерно 15–20 тыс. морфем (корней и аффиксов) строятся сотни (200–500) тыс. слов. Из этих тысяч слов (многочисленных, но всё-таки исчислимых) строится не поддающееся счету множество словосочетаний и предложений (высказываний). Уровневое устройство является главным структурным отличием языка людей от средств коммуникации в мире животных: ни один вид животных не обладает способностью из простых знаков строить знаки сложные.

С уровнем строением языков связана еще одна фундаментальная универсалия: в любом языке преобладают мотивированные сложные знаки, поскольку во всех языках большинство слов (примерно 65–70%) составляют слова производные (т.е. слова, мотивированные благодаря своим словообразовательным связям). Что касается еще более сложных знаков – высказываний (предложений), то их мотивированность существенно полнее, чем мотивированность производных слов; к тому же мотивированность высказываний более логична и эксплицитна.

Помимо морфемной деривации, во всех языках имеет место семантическая деривация – еще один источник мотивированных знаков, облегчающих задачи номинации новых элементов опыта и усвоения опыта новыми поколениями говорящих.

3.2. Аудиальные и артикуляционные возможности *homo sapiens*. Фонетико-фонологические универсалии. Биологические факторы (анатомия и физиология речевого и слухового аппарата) определяют волновой диапазон звуков речи, разнообразие звуков и степень их взаимных различий. Количество разных звукотипов, артикуляция которых доступна речевому аппарату и распознать которые может человеческое ухо, не превышает

81 фонему; такое количество отмечено в одном из говоров абхазского языка (Успенский 1965: 198). "Фонологический минимум", достаточный, чтобы различать звуковые оболочки слов бесписьменного языка, составляют 10 звуко-типов; столько фонем имеется в одном из индейских языков бассейна Амазонки (Иванов 1988: 118). Почти в любом языке согласных больше, чем гласных, а закрытых гласных (т.е. верхнего подъема) больше, чем гласных среднего и нижнего подъема. Биология определяет «легкость» или «трудность» произнесения отдельных звуков и сочетаний звуков и, следовательно, относительную хронологию их появления в детской речи. Эта очередность универсальна и мало зависит от этнического языка. Так, у детей до трех лет первичная артикуляционная группа превышает фонему; различие гласных по подъему появляется раньше, чем различие гласных по ряду; передние согласные (губные и переднеязычные) появляются раньше, чем непередние (средне- и заднеязычные); слоги модели СГ [согласный + гласный] появляются раньше, чем слоги модели ССГ, и др.

3.3. Структурно-грамматические и количественные универсалии, обусловленные объемом оперативной памяти. Оперативная память кратковременна: слышимая адресатом информация, подлежащая анализу и реагированию, удерживается в сознании примерно 20 секунд. Между тем, по данным инженерной психологии (Victor Yngve), объем оперативной памяти колеблется вокруг «магического числа» 7 ± 2 элементов информации. Именно этому числу соответствуют такие параметры языка, как средняя длина устного предложения; количество частей речи; количество членов предложения; количество слов в лексико-семантических группах и слово-образовательных гнездах; длина синонимического ряда; средняя "ширина" и особенно "глубина" дерева подчинения (определяемая количеством членов предложения в цепочках последовательного подчинения) в синтаксической организации высказывания².

С психофизиологией общения, с ограничениями в скорости и адекватности понимания сообщений связана такая черта речевой коммуникации, как высокая избыточность в передаче информации: в письменных текстах на любом языке – до 70%. Некоторый противовес избыточности можно видеть в местоимениях – этот разряд слов-заместителей имеется в каждом языке. Впрочем, это универсалия семантическая.

---

² Ср. цепочку из семи последовательно подчиненных генитивов: *Иван, сосед друга врача заместителя капитана команды факультета журналистики, видел происшествие в подробностях* При устном восприятии фразы понимание отношений между существительными (особенно между названиями лиц) крайне затруднено.

4. Биология как фактор универсалий в грамматической семантике языков

Большинство «одноименных» грамматических категорий и семантических оппозиций (число, падеж, глагольное время, наклонение, глагольный вид, оппозиция субстантивов и адъективов, оппозиция адъективов и глаголов, выделенность числительных как отдельной части речи) распространены в языках мира широко, однако неуниверсально. И только значения двух грамматических категорий – лица и залога (или, шире, диатезы) – так или иначе выражаются во всех языках мира. Универсальность грамматического лица и залога обусловлена, с одной стороны, важностью их содержания для адекватного восприятия высказывания, а с другой, – природными границами интеллекта, который при имплицитном присутствии соответствующих значений не всегда может их осознать.

4.1. Универсальность грамматической категории лица. Для понимания высказывания необходимо различать три рода субъектов того действия, о котором идет речь: является ли субъектом действия сам говорящий (*иду*), или слушающий (*идешь*), или не-участник разговора, т.е. «третье» лицо (или «не-лицо», а неодушевленный предмет) – (*идет, идут*). Ср. бытовую фразу *Надо сходить за картошкой*, сказанную хозяйкой на кухне в присутствии еще 4 членов семьи. Именно такого рода неопределенности ведут к коммуникативным неудачам. Если бы интеллект и психологическая чуткость присутствующих были сильнее, то участники общения и без грамматики легко понимали бы, кто, по мысли говорящего, должен быть субъектом этого действия («пойти за картошкой»). Категория лица эксплицитно определяет роли участников и неучастников коммуникативной ситуации в том действии, о котором говорит 1-ое лицо. Невыраженность в высказывании значения лица оборачивается не лакуной, не эллипсисом, но вариациями в представлении субъекта действия и самого действия), семантически и модально дифференцированными. Ср.: *Шутить и век шутить! И как не надоест?; Стерпится – слюбится*. О важности категории лица высказыванию говорит тот факт, что во многих неиндоевропейских языках различается, наряду с лицом субъекта действия, также лицо (и число) объекта (Володин 2002). Различение трех лиц представляет собой глубокую коммуникативно-психологическую универсалию. Неслучайно тройственная оппозиция 1-ого, 2-го и 3-его лица лежит в основе главного жанрового разделения в искусстве слова – лирики, драмы и эпоса.

4.2. Универсальность категории залога (диатезы). Залоговые значения указывают, кто из актантов (в сообщении о действии) является субъектом действия, а кто объектом. Если эти значения не выразить, то смысл высказывания может оказаться непонятным адресату. Эдвард Сепир о высказываниях, в которых есть значения ‘крестьянин’, ‘тигр’, ‘убить’, писал: «Можно

умолчать о времени, месте и числе и о множестве других значений всякого рода, но нельзя увернуться от вопроса, кто кого убивает» (Сепир [1921] 1993: 95). Однако, будь у *homo sapiens* более сильный интеллект (хотя бы как у античных богов или дельфинов (по данным ряда зоопсихологов), не говоря о мыслящем Океане у Станислава Лема), человек, слыша ситуативно обусловленное высказывание с двумя актантами, понимал бы все «залоговые» отношения без «подсказки» грамматики.

5. Культурно-познавательные истоки семантических универсалий

Все лингвистические утверждения, выдвигаемые в качестве семантических и лексико-семантических универсалий, представляют собой индуктивные гипотезы, далеко не полные, однако основанные на некоторых заслуживающих доверия посылках. Видеть в этом содержании универсалии позволяют три его черты: (1) глубокая древность (но не архаичность) содержащихся в нем мифологем или мотивов; (2) представленность в географически отдаленных друг от друга культурах; (3) созвучность некоторым современным или вневременным идеям или мотивам.

5.1. Двоичные противопоставления в древнейших картинах мира. Еще в доклассической Греции, в учениях пифагорейцев о врожденных идеях, развивались мысли о том, что у всех людей имеется врожденное знание о парных и противопоставленных «началах», лежащих в основании мироустройства. Два века спустя Аристотель в «Метафизике» перечисляет эти универсальные базовые категории: "Другие пифагорейцы утверждают, что имеется десять начал, расположенных попарно: предел и беспредельное, нечетное и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое" (Цит. по: Иванов 1978: 84). Перечисленные противоположные смыслы лексически выражены в любом языке, причем всюду первый член в каждой паре оценивается (если допускает оценку) лучше, чем второй.

Основываясь на данных антропологии, Вяч. Вс. Иванов пришел к выводу, что пифагорейское учение о парных началах было продолжением традиции, корни которой уходят в первобытные времена. «Главной чертой наиболее ранних мифологий является именно их дуалистический характер» (Иванов 1978: 85). Основным парным противоположением было противоположение мужского и женского начала, «но замечательно, что сам *homo sapiens* на самых ранних этапах своей истории уже связывал различие между полами (мужским и женским) с асимметрией правой и левой руки, делением [племени] на две

экзогамные половины и наличием парных противоположностей (например, цветовых) в природе» (Иванов 1978: 87).

Древнегреческому учению о парных началах соответствуют древнекитайские представления о двух противоположных и взаимосвязанных сущностях Инь и Ян (V–III вв. до н.э.). Их противоборство изображалось в виде сражающихся тигра и дракона; позже, в даосизме, появились знаменитые чёрно-белые “рыбки” Инь и Ян. Взаимосвязь противоположностей графически выражалась в том, что внутри обеих противоположностей появлялись контрастные цвета – белый и чёрный. Противоположность мыслилась как противоборство света и тьмы, затем дня и ночи, солнца и луны, неба и земли, жары и холода, мужчины и женщины, положительного и отрицательного, чётного и нечётного и т. д.

Об универсальной значимости двоичных противопоставлений в истории культуры и языков см. также в книге Иванов, Топоров 1965, в статьях Вячеслава Вс. Иванова и Владимира Н. Топорова "Близнечные мифы", "Двуполые существа", "Древо жизни", "Дуалистические мифы", "Лунарные мифы" в энциклопедии "Мифы народов мира" (М., 1991–1992).

5.2. Мифологические источники обозначений элементов рельефа по аналогии с названиями частей тела человека. Согласно космогоническому мифу древних индоевропейцев, сотворение мира происходило по воле (слову) Бога-демиурга Брахмы: земля и небо, первоначально слитые в мировом яйце, разделились; мир образовался из огромного тела первочеловека и первожертвы *Пуруши*³, у которого было множество глаз, голов, рук, ног. Сотворение мира предстало как каскад превращений частей тела Пуруши: его дух стал луной, глаз – солнцем, дыхание – ветром, пуп – воздушным пространством, голова – небом, ноги – землей, уста – священной рекой Индрой и огнем (Елизаренкова, Топоров 1984). Из частей тела Пуруши образовался также социальный организм древнеиндийского общества: его рот стал брахманами (жрецами), руки – воинами, бедра – земледельцами, ноги – самым низшим сословием (Топоров 1992).

Мифологическая картина сотворения мира из тела первочеловека сохранялась в течение тысячелетий в преданиях разных народов – в индуистских жреческих учениях и ритуальных загадках о мироустройстве, в традициях иранской, исландской («Старшая Эдда»), африканских (западносуданской, малийской), удмуртской (Елизаренкова, Топоров 1984: 44–45). В народной восточнославянской культуре миф и космогонические загадки о теле человека отозвались в апокрифах («Беседа трех святителей»), духовных стихах

---

³ На ведийском языке это слово означало ‘человек’ и было образовано от глагола со значением ‘наполнять’. Пуруша выступает как материальный “заполнитель” вселенной (В.Н. Топоров).

и пениях («Голубиная книга», «Повесть о Волоте Волотовиче»). В семантике и ономастологии разных языков с мифом о сотворении земли из тела первочеловека связана модель метафорического переноса названий с частей тела на части земной поверхности. Следует подчеркнуть, что речь идет о почти универсальной в языках именно модели семантической деривации, но не о ее конкретных лексических реализациях. Их количество и лексический состав, конечно, могут различаться.

В иллюстрации ограничусь примерами антропоморфных (по происхождению) географических апеллятивов из русского и английского языков: *горный хребет*, *устье* и *рукав реки*, *подошва* и *подножие горы*, *перешеек*, *губа* (название морских далеко вдающихся в сушу заливов и бухт на севере, напр., *Обская губа*, *Онежская губа*), *бровка тротуара* (*бровка* – край канавы, кювета или обочины дороги), *жерло вулкана* (родственно слову *горло*), *обочина дороги* (от *бок*), *нос* (обозначение мыса в топонимах на севере Евразии, напр., *Канин нос*); ср. также топонимы *Лысая Гора*, *Морское Око*, польск. *Morskie Oko* (озеро в Татрах); характерны также более поздние названия, восходящие к антропоморфным метафорам (в том числе индивидуально-авторские): *Чрево Парижа* (перевод названия романа Э. Золя с франц. «*Le Ventre de Paris*»), *легкие города* (о массивах зеленых насаждений), *подбрюшье России* (А. Солженицын о севере Казахстана); *карманы* (*на шоссе*)⁴. В английском: *mouth* – рот, уста; устье реки; вход (в гавань, пещеру, шахту); *mouth of a volcano* – жерло вулкана; *foot* – ступня, нога; основание, опора, подножие, подошва; *arm* – рука, *arm of a river* – рукав реки; *eye* – глаз, око; устье шахты; *neck* – шея; перешеек, коса, узкий пролив; *head* – голова; мыс; исток реки; *head of a mountain* – вершина горы; *back* – спина; гребень (волны, холма); *throat* – горло, глотка; узкий проход, узкое отверстие, жерло вулкана; *brow* – бровь; выступ (скалы), кромка уступа, бровка; *the lungs of London* – легкие Лондона. (О антропоморфных метафорах см. также в: Мечковская 2020[a:] 40–43).

5.3. Архетипы: гипотеза Карла Густава Юнга о врожденных образах коллективного подсознания. Последователь, но и в чем-то антагонист Фрейда, Юнг постулировал существование в сознании людей врождённых и потому универсальных образов (смысловых структур), выработанных на протяжении многих тысячелетий дописьменной истории человечества и ставших содержанием коллективного неосознаваемого, безотчетного знания, общего для человечества. Эти универсальные смыслы-образы Юнг назвал **архетипами**, т.е. «первообразами» (если калькировать термин)

⁴ *Карман*, *заездной карман* – место остановки транспортных средств на шоссе; боковой проезд, идущий параллельно основной проезжей части (по Википедии). Напр., в таком контексте: *Завершено строительство четырех заездных карманов для безопасной остановки на шоссе.*

и относил к ним такие представления, как «Я сам», «(Мой) Друг (второй)», «Дитя», «Тень (Враг, соперник)», «Война, борьба», «(Моя) Женщина», «Мать», «Мудрый старик», «Волшебный помощник», «Запрет», «Плата, Обмен» (впрочем, «список» архетипов варьировался уже у классиков психоанализа). Действительно, эти смыслы содержатся в древнейших мифах, их наследуют волшебные сказки (самый древний сказочный жанр, известный всем народам), их отзвуки слышны в поговорках. В преобразованном виде архетипы живут в произведениях искусств, составляя универсальное содержание всех культур. Поэтому лексически архетипы так или иначе выражены в любом языке, т.е. в сознании всего человечества.

Однако необязательно видеть в архетипах именно наследуемые когнитивные образования (поскольку в биологии это пока не доказано). Человек усваивает «архетипические» смыслы годам к 5–7, что называется с молоком матери, однако не с генами, но в процессах обычной социализации.

6. Универсалии или фреквенталии? Сомнения в универсальности некоторых индуктивных лингвистических обобщений

Индуктивные универсалии никогда не бывали абсолютными: число языков, на материале которых были выявлены универсалии в фонологии и грамматике, а также для местоимений, не превышало несколько сотен; некоторые универсалии были обнаружены на материале 30–50 языков и позже подтверждены данными большего числа языков (при том, что языков на земном шаре примерно 7 тыс). В континууме языковых сущностей “от универсального до уникального” значительный лингвистический интерес представляет область “почти универсального”. Одновременно с ними в поле зрения попадают “исключения” – явления нетипичные и редкие (что для понимания природы языка не менее значимо, чем универсальное и почти-универсальное).

На уровне лексики полные индуктивные универсалии вообще едва ли возможны. Тем не менее сходства в принципах номинации, в развитии полисемии, в строении лексико-семантических групп, обнаруженные на материале “всего лишь” 30–50 генетически и географически далеких языков, неслучайны и лингвистически ценны. Однако возникает вопрос о единицах сопоставительного анализа, а с ним и вечный выбор между «деревьями», которые мешают увидеть «лес», и «лесом», не позволяющим как следует разглядеть «дерево»⁵.

---

⁵ В проекте «Каталог семантических переходов в языках мира» (см. Зализняк Анна 2001, Зализняк Анна 2013) единица анализа («семантический переход») предельно конкретна: это факт тождественной бинарной семантической деривации, отмеченный в двух

6.1. Фреквенталии в плане выражения. Универсальны ли союзы? Чарлз Хоккет в 1963 г. считал наличие союзов универсалией. Борис А. Успенский также включил союзы в список универсалий, хотя отмечал, что подразумеваемые в речи союзные отношения могут быть не выражены (Успенский 1965: 88–89; 215). Однако вот фрагмент из древнеегипетского текста без единого союза (приводимый Карлом Бюлером ([1934] 1993: 364)): *Я совершил хождение на юг / я не намеревался идти в резиденцию / я полагаю: возникнут битвы / я не верил: я буду жить после них / я перешел воды Маати [...]*. Чувствуется, что речь идет о сложных, драматических событиях, и как бы не хватает показателей противительных, причинных, уступительных, изъяснительных и иных отношений; эксплицитно представлены только очередность высказываний и их соположение (аппозиция).

Аналогичный случай связан с выражением подчинительных отношений: от эпохи неандертальцев, т.е. 500 тысяч лет назад наши предки понимали причинно-следственные связи явлений, иначе австралопитеки и питекантропы не стали бы сапиенсами. Но экспликация приходила постепенно. Вот как Нестор-летописец в “Повести временных лет” (рубеж XI–XII вв.) передает библейский рассказ о Вавилонском столпотворении. В пересказе еще нет подчинительных союзов, хотя в первоисточниках летописного рассказа такие союзы были.

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого (Быт 11, 5–7).
(Синодальный перевод, 1876).

И сошел Господь Бог видеть город и столп. И сказал Господь: «Вот род един и народ един». И смешал Бог народы и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смещении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном [...] (Повесть временных лет. Рубеж XI–XII вв.).

или более языках, напр., ‘плыть (активно, о человеке)’ – ‘плыть (пассивно, о предмете)’, ‘синий’ – ‘голубой’, ‘теща’ – ‘свекровь’; использован материал 319 языков семи языковых семей. Естественно, возникает вопрос о семантических дериватах за пределами пар и, как следствие, – сомнения в репрезентативности корпуса выявленных пар для общей картины семантических процессов в лексической системе конкретного языка, а также вопрос о сопоставимости исходных данных по разным языкам. Трудно сказать, стремились ли разработчики проекта выявить такие «семантические переходы», в которых можно видеть универсалии или фреквенталии. Тем не менее количественные характеристики некоторых результатов проекта весьма информативны для оценки перспектив открытия универсалий в области лексической семантики: «На настоящий момент (сентябрь 2012 г.) база данных по семантическим переходам в языках мира включает 3685 семантических переходов, имеющих от двух до сорока реализаций» (Зализняк Анна 2013: 46).

Итак, применительно к современным языкам наличие союзов, хотя бы сочинительных, – это универсалия. Однако полные универсалии – панхроничны. Поэтому наличие союзов лучше рассматривать как фреквенталию.

6.2. Фреквенталии в плане содержания. Насколько универсальна модель метафорического переноса названия животного на приспособление или инструмент (*журавль* ‘птица’ → *журавль* ‘колодец’)? Факты семантической или морфемной деривации, отвечающей указанной модели, более многочисленны, чем переносы типа *уста* → *устье реки*. Ср. рус. *быки* (опоры моста), *волчок* (игрушка), *воронок* (машина для перевозки арестованных), *губка* (неподвижное низшее морское животное; изделие из резины и других материалов, хорошо впитывающее влагу и служащее для мытья), *еж* (противотанковое заграждение), *ери* (щетка), *жучок* (самодельный предохранитель электропробки; скрытое подслушивающее устройство), *змеевик* от *змея*, *зуб* (пилы), *клещи* (металлические щипцы), *козёл* (в спортзале), *козлы* (подставка для пилки дров), *козья ножка* (инструмент для удаления зубов), *коньки* (для катания или бега на льду), *крыло* (самолета), *кукушка* (небольшой маневровый паровоз; поезд местного назначения), *лебедка* (машина для подъёма и перемещения грузов), *рог* (сосуд, сделанный из рога или повторяющий его форму; музыкальный или сигнальный инструмент в виде изогнутой трубы), *собачка* (спусковой механизм в огнестрельном оружии; приспособление, препятствующее обратному движению зубчатого колеса), *хвост* (поезда), *червячная передача*, *утка* (для лежачих больных), *язык* (во рту и в колоколе) и т.п., включая компьютерные термины: *мышь*, *вирус*, *червяк* (‘особо опасный вирус’), *паук* (в поисковых системах: ‘поисковый робот; программы извлечения информации из веб-сайтов’; калька англ. *spider* ‘паук’). Примеры аналогичной деривации в некоторых других языках, в том числе неиндоевропейских: (1) греч. *κάραβος* ‘жук-рогач’, ‘краб’ → *καράβιον* ‘судно’ (откуда рус. *корабль*); *αμφίβιον* (*ζῷον*) – в греч.: ‘земноводное животное’ → интернационализм *амфибия*; (2) лат. *torpedo* – ‘электрический скат, угорь’ → интернационализм *торпедка*; (3) англ. *dog* ‘собака’, ‘гвоздодёр’, ‘крюк’; *cat* ‘кот, кошка’, ‘плеть’, ‘двойной треножник’; *krane* ‘журавль’, ‘грузоподъемный кран’, ‘сифон’; *bug* ‘жук’, ‘диктофон’, ‘устройство для подслушивания’; (4) словен. *petelnik* ‘петух’, ‘флюгер’, ‘кран’, ‘курок’; (5) нем. *Kranich* ‘журавль’, *Kran* ‘подъемный кран’; *Hahn* ‘петух’, ‘кран’, ‘курок’; (6) франц. *grue* ‘журавль’, ‘подъемный кран’; (7) венгр. *daru* ‘журавль’, ‘подъемный кран’, *gem* ‘цапля’, ‘журавль’, ‘стрела в подъемном кране’, *kakas* ‘петух’, ‘курок’, ‘собачка’, *kutya* ‘собака’, ‘вагонетка’, *kígyó* ‘змея’, *kígyókő* ‘змеевик’; (8) турецк. *horoz* ‘петух’, ‘курок’, ‘дверная защелка’, *hortum* ‘хобот (слона)’, ‘шланг’.

Разумеется, примеров из 9 языков недостаточно для вывода об универсальности представленной модели деривации, но наличие подобных фактов

также и в других языках достаточно вероятно. Однако, в отличие от деривации по модели *уста* → *устье реки*, восходящих к древнейшим мифологическим представлениям, деривация модели *журавль* ('птица' → 'колодец') относится к той относительно поздней ступени развития производительных сил, когда изобретаются новые орудия труда. Панхроническим и, следовательно, по-настоящему универсальным такой перенос названий признать трудно.

7. Фреквенталии плана выражения: биологические vs культурные предпосылки

7.1. Примеры биологически обусловленных фреквенталий в плане выражения: экспираторное ударение (как и мелодическое ударение); наличие шипящих согласных; оппозиция согласных по твердости-мягкости; наличие двух носовых согласных.

7.2. Примеры культурно обусловленных фреквенталий в плане выражения: тот или иной алфавит: иероглифика, деванагари (и близкие системы индийского письма), финикийское письмо (и близкие к нему системы: греческое письмо, латинца, кирилица и др.).

8. Фреквенталии плана содержания: биологические vs культурно-познавательные предпосылки

Фреквенталии плана содержания имеют место как в грамматике, так и в лексике. На грамматическом уровне к ним относятся широко распространенные, но неуниверсальные грамматические категории – такие, как грамматическое число, время, наклонение, оппозиции глаголов по виду, по способу действия, оппозиции существительных и прилагательных, глаголов и прилагательных, оппозиции субстантивных подклассов, категориальные значения частеречных классов слов ('субстантивность', 'адвербиальность' и т.п.). Формирование подобных единиц и оппозиций обусловлено тысячелетними познавательными тенденциями к обобщению и укрупнению категорий языковой семантики.

В сфере лексической семантики наиболее значительные фреквенталии – это метонимии и метафоры, трактуемые как два основных механизма полисемии (т.е. как две модели перехода от исходного значения к производному), но не как факты семантического развития конкретных слов, которые в межязыковом плане были бы переводными соответствиями. Метонимия и метафора, представляя собой типы процессов семантического развития слов, являются универсалиями. Конкретные процессы семантического развития слова, соответствующие метонимии или метафоре, происходили и происходят

всегда и в любом языке, однако они слабо предсказуемы в своих конкретных проявлениях. Наблюдая текущие лексико-семантические процессы, невозможно предвидеть, в каких именно словах разовьется многозначность и в каком направлении пойдет тот или иной конкретный процесс – по пути метонимических или по пути метафорических переносов названий.

Метонимии более распространены, чем метафоры, они семантически проще, более регулярны и потому более предсказуемы. Поэтому в отличие от хаоса узуальных метафорических значений, в массе метонимий различимы некоторые модели метонимических переносов: название части используется для названия целого и наоборот (*чехи обычно миролюбивы ↔ по жеребьевке чехи играют с болгарами*); название вместилища переносится на название содержимого и обратно (*класс сразу опустел ↔ класс насторожился*); название действия переносится на название результата действия (*чеканка проводится вручную ↔ чеканка почти стерлась*) и др.

Различия между метонимией и метафорой в аспекте универсалий обусловлены разной природой их когнитивных механизмов: метонимии связаны с биологией мыслительной работы, метафоры – с культурно-познавательными стимулами. В метонимиях проявляется техника раннего, еще незрелого, неточного, логически неискушенного мышления, с характерным для него неразличением части и целого, вместилища и содержимого, действия и результата, причинной и временной связи, причины и следствия и др. Вот почему о метонимии здесь говорится как о феномене, который обусловлен биологически, а именно, филогенетической незрелостью мышления. Метонимически перенесенное название не выходит за границы своей тематической области; название как бы перетягивается на смежный, соседний участок своей области: говорится *путь из варяг в греки*, а понимается ‘путь из земли варягов в землю греков’. Естественно, что метонимические переносы легко понимаются, поскольку они органичны для сознания и, в отличие от метафор, не так круты и разнообразны.

Появление метафор обусловлено содержанием сознания, а именно, возникшей необходимостью понять новый фрагмент реальности. Когда колодец по сходству с длинноногой болотной птицей был назван журавлем, то в возникшей метафоре оказался запечатленным акт познания, т.е. перемена в картине мира, прорыв в другую область жизни, где реалья, которая до произошедшего метафорического переноса еще была не названа. Метафорические переносы названий нерегулярны и слабо предсказуемы; поэтому, кроме двух отмеченных выше моделей метафорических переносов (‘части тела человека → элементы рельефа’ и ‘название животного → название инструмента или устройства’) в массе метафор нет универсалий и фреквенталий (хотя близкие образы в разных языках, конечно, имеются: *утро жизни* или *осень жизни*, *свет знаний*, *тяжесть на сердце* и т.п.).

В истории лексики недостаточная дифференцированность ранних метонимий постепенно преодолевалась. Яркий пример такого развития связан с лексемами **кѣниги, боуки, писма**. В старославянских, церковнославянских и древнерусских памятниках **каждая из них** отмечена в нескольких метонимически связанных значениях: (1) буква-звук; (2) письмо, послание, сочинение, текст; (3) деловой документ (акт, грамота, расписка); (4) Священное Писание; Завет (Ветхий или Новый); (5) отдельная книга, свиток, том (кодекс); (6) грамотность; умение читать и писать. (Подробнее см. Мечковская 2016: 198–208). Ср. в Зографском евангелии (X–XI вв.), в рассказе о казни Иисуса, о надписи на трех языках (греческом, латинском и древнееврейском), прибитой над распятым сыном Божиим, сказано: **Бѣ же і написанье нап’сано надъ нимъ кѣнигами елинъскими і римъскими і еврѣйскими** (Лука 23, 38; цит. по: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994: 301). В современных языках метонимическая текучесть семантики названных лексем вполне преодолена.

9. Индивидуальное своеобразие этнического языка: вклад биологии и вклад культуры в организацию и содержание языка

9.1. Биологические факторы, обуславливающие индивидуальные особенности языков в плане выражения. Наиболее значительный объект влияния природных сил на план выражения этнического языка – это его фонетико-фонологический и просодический строй, передаваемый из поколения в поколение. Подражая родителям, дети вырабатывают как специфическую для данного языка артикуляцию, так и акустические навыки различения звукотипов и звуковых оболочек слов. Более того, Мэрвин Минский допускает, что природа воздвигла генетические барьеры, мешающие экспансии “детского лепета” в речь родителей; это позволяет ребенку полнее усвоить язык взрослых и замедляет процесс языковых изменений (Минский 1988: 308).

9.2. Социокультурные факторы, обуславливающие индивидуальные особенности языков в плане выражения. Названные особенности системно и множественно проявляются в их графике и орфографии. Алфавит и нормы письма, помимо буквенной передачи звучащей речи, важны для социально-культурной презентация языка. Недаром у Пушкина сказано: «орфография, сия геральдика языка...». Общество и его институции, проводящие языковую и образовательную политику, относятся к графике и орфографии внимательно, а в годы (ожидаемых) реформ письма, – пристрастно. Асемантическим по природе буквам люди могут приписать и порой приписывают любую значимость: святость или религиозную враждебность, политическую ангажированность, патриотичность или недостаточный патриотизм, или нежелательную культурную ориентацию, или бескультурье, популизм и т. д.

У всех славянских языков, имеющих статус государственного языка, в графике и орфографии есть уникальные особенности, связанные со своими собственными традициями письма. Национальная интеллигенция гордится и дорожит этими знаками культурной самобытности. У украинского поэта Ивана Малковича есть стихи ("Напучування сільського вчителя"), воспевающие украинские буквы, которых нет в кириллице других славянских языков, – **Ї** и **Є**. Учитель призывает молоденькую учительницу или ученицу хранить эти буквы: *захищати своїми долоньками крихітну свічку букву ї [...] оберігати місячний серпик букви Є*. Белорусской букве **Ў** ("у кароткае") в Полоцке поставили памятник. Эта буква, а также **І** ("і з кропкай") долго входили в дизайн обложки «Весніка БДУ», его филологической серии. (Подробно о социокультурной семиотике графико-орфографически реформ в истории славянской письменности см. Мечковская 1998/2013).

9.3. Индивидуальные особенности языка в плане его содержания, обусловленные биологическими факторами. Эмпирические данные о влиянии генетического фактора, включая биологию мозга, на план содержания этнического языка неизвестны. Однако, с учетом успехов генетики и нейролингвистики, появление таких данных ожидаемо.

9.4. Социокультурные факторы, обусловившие индивидуальные особенности языка в плане его содержания (семантики и функций). Самые заметные и системные индивидуальные черты плана содержания языков, связанные с культурой, проявляются в индивидуальном своеобразии нормативно-стилистического уклада языка, включая взаимоотношения литературного языка с ненормативными идиомами. Для культурологической характеристики языка существенны также данные о том, какое место в общенародной лексике занимают заимствования, с учетом их происхождения и количества на разных этапах истории исследуемого языка.

В качестве иллюстрации к сформулированному тезису назову одну яркую особенность русского языка и затем еще одну его черту, которая является следствием первой. Для русского языка характерна максимальная в Славии продолжительность непрерывной письменно-литературной традиции, в том числе письменности на церковнославянском языке, который был «русским литературным языком средневековья» (Виноградов [1934] 1972: 10). Церковнославянский [далее: цсл] язык использовался в книжно-письменной культуре русских шире и дольше, чем у других народов *Slavia Orthodoxa*. Достаточно сказать, что переводы Писания на украинский язык появились в середине XVI в. (рукописное Пересопницкое Евангелие 1556–1561 гг.), на белорусский – в конце 1570-х гг. (печатное Евангелие от Матфея и начало Евангелия от Марка в переводе Василия Тяпинского), между тем первая русская Псалтырь (перевод с польского толмача Посольского приказа Авраамия Фирсова) появилась позже более чем на столетие: в 1683 г. Судьба переводчика и рукописи неизвестны. Долгое время

попытки перевода библейских книг на русский язык пресекались, и только в 1876 г. Синод разрешил издать Библию в русском переводе (стал известен как *Синодальный перевод*) – позже, чем вышли в свет полные библии на языках православных славян, освобождавшихся от османского ига, – на болгарском (1864) и сербском (1868). Таким образом, русский язык дольше всех других славянских языков находился под влиянием цсл языка и в наибольшей мере наследовал стилистические традиции цсл книжности.

Одно из следствий названной черты (и это еще одна особенность русского языка): в нем больше библейских фразеологизмов, чем в других славянских языках, а также в английском и немецком. Дело в том, что в европейские языки библейские смыслы и образы приходили из Библии, переведенной на “свой” (народные) языки⁶ и поэтому образные выражения и афоризмы были достаточно понятны⁷. Однако в Библии на цсл. языке – для русских родственном, но не родном (не материнском) – встречались слова и выражения, понятные лишь в контексте (*глас вопиющего в пустыне, притча во языцех, темна вода во облацех, чающие движения воды, яко тать в нощи* и т.п.). В русском языке подобные обороты приобретали черты идиоматичности и устойчивости, т.е. становились фразеологизмами, при этом в силу архаичности у многих из них развились шуточные и/или иронические коннотации, напр., *благую часть избрать, во время оно, и иже с ними, ничтоже сумняшеся, разверзлись хляби небесные, своя своих не познаша* и др. Подробнее о профессиональном факторе в истории языков см. в: Мечковская 2016: 322–359.

Назову еще один мощный фактор индивидуального своеобразия языков: удельный вес и употребительность лексических заимствований, а также метаязыковой аспект проблемы: отношение общества к заимствованиям в своем языке. Вот один из результатов исследования заимствований в составе первой тысячи слов в частотных словарях белорусского, русского и словенского языков: относительный объем заимствований в языке и речи уменьшается в направлении от белорусского языка к русскому и далее к словенскому; распространенность заимствований в конкретном языке тем больше, чем менее специфичны и тематически обусловлены в нем заимствованные слова. Белорусские и русские заимствования в тематическом и прагматическом аспектах не отделены от исконной лексики или не так сильно отделены, как заимствования в словенском языке. (Подробно см. Мечковская 2020[b], Мечковская 2020[c]).

⁶ Ср. годы выхода в свет первых полных печатных Библий на народных языках: немецкий перевод: 1466, итальянский: 1471, чешский: 1488, французский: 1530, английский: 1535, польский: 1561, словенский: 1584.

⁷ Примерно так, как в русском языке понятны и не кажутся заимствованиями библейские выражения *строить на песке, власть тьмы, камня на камне не оставить; всему свое время; кто не работает, тот не ест; не рой другому яму* и т.п., поскольку их лексика не отличается от русской.

10. Язык как продукт эволюции и объект культурно-исторических влияний

Чарльз Дарвин в 1871 г. писал, что у человека есть инстинктивная потребность говорить; об этом свидетельствует лепет младенцев. Современные антропологи, лингвисты, психологи (Вячеслав Вс. Иванов, Стивен Пинкер, Евгений Н. Панов, Рэй Джекендофф, Светлана А. Бурлак и др.) находят новые аргументы и факты, доказывающие, что язык – это врожденный инстинкт сапиенсов; язык создан не культурой, но миллионами лет эволюции гоминидов. «Язык не в большей степени является продуктом культуры, чем прямохождение» (Пинкер [1994] 2004: 11).

Эволюционное назначение вида *homo sapiens* состоит в познании мира и, в первую очередь, в ответах на вопрос «Почему?» (Светлана Бурлак). Язык является «адаптацией человека к когнитивной нише», он сформирован эволюционным назначением человека – понимать. В геноме человека есть гены, ответственные за его способность строить сложные знаки (Иванов 2008; Панов 2011; Пинкер [1994] 2004; Бурлак 2013; Бурлак 2019).

«Язык – это следствие приспособления к окружающей среде путем всё более детализированного понимания мироустройства и постижения причинно-следственных связей» (Бурлак 2013: 5). Язык был нужен первобытному человеку для того, «чтобы обращать внимание сородичей на релевантные детали» актуальной ситуации, т.е. «для комментирования событий окружающей действительности». Потребность познавать создала язык как семиотику, которая, оставаясь «в своей основе биологическим феноменом» (Р.О. Якобсон), соединяет в себе возможности коммуникации и познания. В ходе эволюции язык приспособлялся к человеку, к возможностям его памяти, интеллекта, артикуляции звуков и распознавания звучащей речи. Основная черта языка, конституирующая его устройство, сформировалась в эпоху ископаемого Гейдельбергского человека (примерно 350 тыс лет назад). Эта черта заключается в уровне строения языков, что позволяло людям справляться с задачами обозначения элементов растущего опыта, строить и понимать сложные знаки. Основная масса универсального в языках обусловлена эволюционно и передается генетически.

Если универсальное в языках обусловлено единством человеческой природы, то неуниверсальные черты и явления (групповые и индивидуальные) могут быть обусловлены как естественными (вероятностными) вариациями в проявлении природных сил, так и культурно-историческими факторами. Индивидуальное своеобразие отдельного языка целиком определяется культурно-историческими факторами, при этом влияние может исходить из разных источников, может быть противоречивым, может затрагивать не один язык, а сразу несколько языков. По мере движения человечества от

первобытно-общинного строя к новым формациям влияние культурно-исторических сил на языки постепенно возрастает. Это влияние может быть разным: как спонтанным, неожиданным, так и сознательно планируемым.

Литература

- Бурлак Светлана А., 2013, *Эволюционные механизмы и этапы формирования человеческого языка*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Москва: Институт востоковедения РАН.
- Бурлак Светлана А., 2019, *Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы*, 2-е изд. Москва: Изд-во «Альпина нон-фикшн».
- Бюлер Карл, 1993, *Теория языка: Репрезентативная функция языка* [1934]. Москва: Прогресс.
- Виноградов Виктор В., 1982, *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков* [1934]. Москва: Высш. школа.
- Володин Александр П., 2002, *Лицо*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, Главн. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Большая Рос. энцикл. С.271–272.
- Елизаренкова Тамара Я., Топоров Владимир Н., 1984, *О ведийской загадке типа b r a h m o d y a*, [в:] *Паремнологические исследования*. Сборник статей. Москва: Наука. С.14–46.
- Зализняк Анна А., 2001, *Семантическая деривация в синхронии и диахронии*. Проект «Каталога семантических переходов», "Вопросы языкознания", № 2. С. 13–25.
- Зализняк Анна А., 1978, *Семантический переход как объект типологии*, "Вопросы языкознания", № 2. С. 32–51.
- Иванов Вячеслав Вс., 1978, *Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем*. Москва: Сов. радио.
- Иванов Вячеслав Вс., 1988, *Современные проблемы типологии (К новым работам по американским индейским языкам бассейна Амазонки)*, "Вопросы языкознания", № 1. С.118–131.
- Иванов Вячеслав Вс., 2008, *Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных*, [в:] *Разумное поведение и язык*. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. Москва: Языки славянской культуры. С. 173–191.
- Иванов Вячеслав Вс., Топоров Владимир Н., 1965, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*. Москва: Наука.
- Мечковская Нина Б., 1998, *Типология графико-орфографических реформ в истории славянской письменности: фонетико-фонологические и социо-семиотические аспекты*. Минск: Белгосуниверситет. См. репринт в издании: *Беларуская мовазнаўчая славістыка на з'ездах славістаў: Да XV Міжнароднага з'езда славістаў / Нац. акад. навук Беларусі, Беларус. нац. камітэт славістаў, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ-ры, Філіял "Ін-т мовы і літ-ры імя Я. Коласа і Я. Купалы"*. Мінск: Беларус. навука, 2013. С. 376–406.

- Мечковская Нина Б., 2016, *История языка и история коммуникации: от клинописи до интернета*: Курс лекций по общему языкознанию, изд. 2-ое. Москва: Флинта.
- Мечковская Нина Б., 2000а, *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков*, изд. 10. Москва: Флинта; Наука.
- Мечковская Нина Б., 2020b, *Заемствования в первой тысяче самых частых белорусских, словенских и русских слов: опыт интерпретации количественных и содержательных различий*, «Slavistična revija», № 3. S. 311–334.
- Мечковская Нина Б., 2020с, *Пуризм vs либерализм в лингвистической идеологии и языковой практике*, [в:] *Pogled v jezik in iz jezika*. Adi Vidivič Muha ob jubileju / Edited by Mira Krajnc Ivič; Andreja Žele. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha. S.213–230. doi.org/10.18690/978-961-286–334-0.
- Минский Мэрвин, 1988, *Остроумие и логика коллективного бессознательного*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. Москва: Прогресс. С. 281–309.
- Панов Евгений Н., 2011, *Знаки. Символы. Языки. Коммуникация в царстве животных и в мире людей*, изд. 6-е, Москва: URSS.
- Пинкер Стивен, 2004, *Язык как инстинкт* [1994]. Москва: УРСС.
- Сепир Э., 1993, *Язык: Введение в изучение речи* [1921], [в:] Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва: Прогресс. С. 26–203.
- Топоров Владимир Н., 1992, *Пуруша*, [в:] *Мифы народов мира*. Энциклопедия в двух томах. Т. II. К-Я. Издание 2-ое. Москва: Сов. энциклопедия. С. 351.
- Успенский Борис А., 1965, *Структурная типология языков*. Москва: Наука.

The universal, the typical, and the individual in the semantics of languages: Biological, cultural, and historical sources of convergence

Abstract: The linguistic categories that have the same name are represented in the languages of the world to a different extent, forming a continuum, at one pole of which are universals and universal tendencies, through typical phenomena, to the opposite pole with phenomena that are rare and unique. The linguistic categories of these groups are characterized with respect to their biological and/or cultural-cognitive conditioning. The structure of a language is makes it possible for its speakers to refer to elements of their experience, to build and understand complex signs. The bulk of the universal categories in languages is determined by language evolution and is passed on to other languages through genetic relationships. In the field of grammatical semantics, the following phenomena are universal or nearly universal: the opposition of two word classes that express the opposition “subject-predicate”; the grammatical categories of person, voice, modality; two categories of function words (pronouns and conjunctions). Non-universal features and phenomena can be caused both by natural (probabilistic) variations in the manifestation of natural forces, and by cultural and historical factors. The individual features of a language are entirely determined by cultural and historical factors.

Keywords: universals; convergence; levels of language; continuum

Aleksandra Niewiara

Uniwersytet Śląski, Katowice, Polska

ORCID: 000-0002-5230-8547

aleksandra.niewiara@us.edu.pl

Granice etnolingwistyki. Obraz i słowo w badaniu konceptualizacji kulturowych

Streszczenie: Przedmiotem artykułu są rozważania na temat poznania kulturowego, którego efektem są konceptualizacje kulturowe rozproszone w umysłach użytkowników kultury. Podstawowe pytanie dotyczy natury tych konceptualizacji jako reprezentacji mentalnych. Wykorzystując ustalenia psychologii poznawczej na temat przetwarzania danych w umyśle, kodowania i dekodowania informacji, zwrócono uwagę na udział w konstruowaniu konceptualizacji kulturowych nie tylko danych językowych, ale także danych wizualnych, czy ogólniej: danych wynikających z przetwarzania niewerbalnych języków umysłu. Jako przykład służą wyniki badań na temat korelacji danych językowych i wizualnych w konstrukcji polskich wyobrażeń o narodach i na temat profilowania kategorii *ZDROWIE*. Podstawą porównania są wyniki ankiet rysunkowych (a. *Narysuj X-a*; np. *Niemca, Polaka*; b. *Narysuj ZDROWIE*) i materiału językowego (wyników ankiet werbalnych na temat stereotypów narodowości oraz dekompozycji frazeologizmów dotyczących zdrowia). Celem rozważań jest zaprezentowanie zarówno pozytywnych efektów analizy porównującej udział danych werbalnych i wizualnych w konstruowaniu konceptualizacji kulturowych, jak i trudności związanych z zastosowaniem metody.

Słowa kluczowe: konceptualizacje kulturowe; reprezentacje mentalne; przetwarzanie danych werbalnych i wizualnych; ankieta asocjacyjna

Wyznaczanie (i przekraczanie) granic etnolingwistyki / lingwistyki kulturowej jest ściśle związane z przyjmowaną definicją tej dyscypliny, czyli z jej postulowanym zakresem (obszarem badawczym), celem i metodami. W niniejszych rozważaniach interesuje mnie spojrzenie na etnolingwistykę jako na dziedzinę nakładającą się w swym zakresie i metodach z antropologią kognitywną. Szczególnie inspirujące są w tym wypadku twierdzenia przedstawiające kulturę jako zjawisko poznawcze. Znamy to z propozycji dawniejszych, np. wypowiedzi Ronalda W. Langackera, iż kultura jest przede wszystkim zjawiskiem poznawczym (kognitywnym) umiejscowionym w umysłach jednostek (Langacker 1994: 26), opinii Dana Sperbera i Lawrence'a Hirschfelda przekonujących, iż jest ona jednocześnie i końcowym efektem, i manifestacją poznawczych umiejętności człowieka (Sperber i Hirschfeld 1999: cxv). Odnajdujemy tę myśl w koncepcjach ostatnich lat, np.

w pracach Farzada Sharifiana (2015, 2017) projektującego badania lingwistyki kulturowej, który wykorzystywał koncepcje poznania kulturowego rozproszonego, badając konceptualizacje kulturowe nierównomiernie rozdystrybuowane w umysłach osób należących do danej kultury lub mających z nią kontakt. Fundamentalną rolę odgrywa w tej koncepcji język, który owo poznanie kulturowe „przechowuje i komunikuje”, będąc zarówno „bankiem pamięci, jak i plastycznym nośnikiem poznania kulturowego”. Kwintesencją takiego podejścia jest traktowanie języka i kultury jako bytu trwale połączonego: *lingwokultury*.

Czy jednak, projektując badanie poznania kulturowego, powinniśmy ograniczyć się jedynie do analizy danych językowych? Farzad Sharifian odpowiada negatywnie: „Oprócz języka konceptualizacje kulturowe mogą konkretyzować się w rozmaitych innych aspektach ludzkiego życia. Obejmuje to (choć do tego się nie ogranicza) sztukę, literaturę, wydarzenia kulturalne, pieśni ludowe, rytuały, zachowania niewerbalne i emocje. Badanie konceptualizacji kulturowych jest zatem istotne nie tylko dla języka (i językoznawstwa), jako że owe konceptualizacje odzwierciedlają się w wielu aspektach ludzkiego życia”¹.

W konsekwencji – stwierdza uczony – badania konceptualizacji kulturowych mogą być przedsięwzięte przez badaczy z wielu dyscyplin i wymienia antropologię, psychologię, literaturę, socjologię, teologię i sztuki piękne. Za tymi konstatacjami kryją się jednak poważne problemy natury metodologicznej. Dla Sharifiana, który był językoznawcą kulturowym, punktem wyjścia w jego własnych pracach był język. Inne dane wykorzystywał sporadycznie. Podobnie w lubelskiej szkole etnolingwistycznej punktem wyjścia jest język, a inne dane (zresztą bez mała te same, które wymienił Sharifian) określane są mianem „przyjęzycznych” (Bartmiński 1988; Niebrzegowska-Bartmińska 2020). Język jest tu najważniejszy, reszta to dodatki. Można w tym miejscu zatem zapytać, jaką rolę i status mają w tych badaniach językoznawcy, a jaką „badacze z innych dyscyplin”?, jak dalece w głąb nie własnej dyscypliny można się posunąć bez popełnienia ignoranckich błędów?, czy możliwe jest postawienie wspólnych celów badawczych, patrząc z perspektywy różnych dyscyplin? Mimo wątpliwości w udzielaniu odpowiedzi na takie pytania, podejmowanie różnoaspektowych badań lingwokultury jest potrzebne. Spojrzenie z różnych perspektyw, z pogranicza, z perspektywy – metaforycznie rzecz ujmując – „między i między” – charakteryzowało prace prekursorów i twórców polskiej XX-wiecznej etnolingwistyki: Kazimierza Moszyńskiego działającego na styku

¹ „Apart from language, cultural conceptualisations may also be instantiated in various other aspects of people’s lives. These include (but are not necessarily limited to) cultural art, literature, cultural events, folk songs, ritual, non-verbal behaviour, and emotion. Exploring cultural conceptualisations is thus not only relevant to language (and linguistics), for these conceptualisations are reflected in many aspects of human life.. Consequently, research into cultural conceptualisations can be undertaken by scholars across a wide range of disciplines, including anthropology, psychology, literature, sociology, theology, and fine arts (Sharifian 2017: 6).

etnografii, etnologii, językoznawstwa czy Jana Stanisława Bystronia – językoznawcy, kulturoznawcy, literaturoznawcy, socjologa.

W niniejszym artykule referuję badania, które sytuują się na pograniczu co najmniej trzech dyscyplin: lingwistyki kulturowej, psychologii poznawczej i antropologii kulturowej. Dotyczą one konceptualizacji kulturowych, na które patrzy się jak na reprezentacje mentalne, a to oznacza, że w ich badaniu uwzględnia się dane wynikające z przetwarzania informacji pochodzących z różnych języków umysłu. W prezentowanych badaniach porównuje się dane wizualne i werbalne, sprawdzając, czy reprezentacje poznawcze powstające w wyniku przetwarzania obu tych typów informacji w umysłach jednostkowych są reprezentatywne nie tylko dla jednostek, ale także dla (wybranej) grupy, dla badanej populacji, *ergo* dla kultury, czyli są konceptualizacjami kulturowymi.

Interpretacje konceptów kulturowych wykorzystujące dane wizualne nie są oczywiście nowością w pracy kulturoznawców, historyków, a także kognitywistów (w tym językoznawców). Badacze dyskursu propagandowego, badacze stereotypów narodowych wskazują na funkcje zarówno ilustracyjne, jak i perswazyjne malarstwa, karykatury, komiksu, plakatu czy filmu propagandowego. Znamy to np. z prac polskiego historyka referującego dzieje niemieckiego autostereotypu (Szarota 1988), charakteryzującego niemieckie karykatury (Szarota 1991), czy z publikacji historyków idei i kultury analizujących wzajemne uprzedzenia między Polakami a Rosjanami odzwierciedlone w karykaturach (de Lazari, Riabow 2008) albo koncept „ruskiego//rosyjskiego niedźwiedzia” (Riabow, de Lazari 2012). W teoriach kognitywistycznych dane wizualne stają się czasem przedmiotem odrębnych analiz, jak w studium amalgamatów w realizacji i odbiorze cyklu malarzkiego *Golgota Jasnogórska* autorstwa Jerzego Dudy Gracza, wykorzystującego liczne skojarzenia z ważnymi konceptami polskiej kultury i historii (Kaźmierska 2007). To, co łączy wymienione prace, to fakt, że analizuje się w nich dane kulturowe zastane, co do których nie można mieć wątpliwości, że można je traktować jako efekt i emanację kultury.

W przedstawionej w niniejszym artykule propozycji analizowane dane wizualne są inne. Należą one do typu danych wywołanych (w toku przeprowadzenia w wybranej populacji ankiety rysunkowej), a całe badanie zostało przeprowadzone w sposób umożliwiający porównywanie danych werbalnych i wizualnych, odkrycie ich korelacji. Obserwacja wyników ankiet rysunkowych i językowych polegająca na sprawdzeniu powtarzalności reakcji na bodziec prowadziła ostatecznie do ustalenia, czy mamy do czynienia z jednostkową reprezentacją mentalną² czy

² „Reprezentacja poznawcza – 1. Ogólny obraz świata w umyśle, 2. umysłowy odpowiednik obiektów – realnie istniejących, jak też fikcyjnych lub hipotetycznych. Obiektem reprezentacji może być przedmiot, osoba, kategoria lub relacja. Reprezentacja poznawcza zastępuje swój obiekt w procesach przetwarzania informacji (E. Nęcka, J. Orzechowski, B. Szymura,

konceptualizacją kulturową właściwą badanej populacji. Analizy pochodzą z prac na temat: danych językowych i wizualnych w konstrukcji polskich wyobrażeń o narodach (Niewiara 2019) i na temat profilowania kategorii *ZDROWIE* (Dąbrowska 2019). W obu pracach badania zostały zaprojektowane dwutorowo, tzn. przeprowadzano je w dwóch wariantach: rysunkowym i językowym.

Asocjacyjną ankietę rysunkową, której celem było otrzymanie skojarzeń wizualnych na temat różnych narodowości zaproponowałam i przeprowadziłam w latach 1994, 2012, 2016, 2017³. Biorący udział w badaniach uczniowie sosnowieckiego Liceum Ogólnokształcącego im. Jana Bosko oraz studenci Uniwersytetu Śląskiego zostali wyposażeni w identyczne przybory do rysowania i otrzymali polecenie: *Narysuj X-a*; np. *Niemca, Polaka, Czecha* (Σ 16 narodowości). Czas rysowania jednej postaci wynosił 3 minuty. W sumie uzyskano 1072 rysunki (por. przykładowe na Ryc. 1).

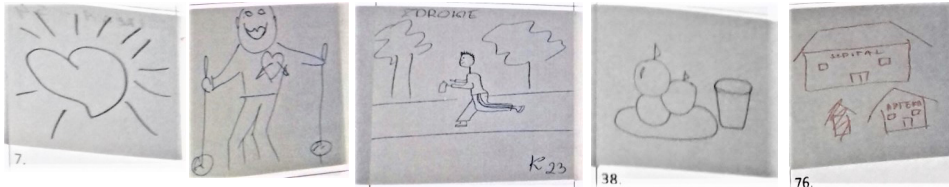
Rycina 1. Wybrane wyniki obrazkowego testu asocjacyjnego. W kolejności reakcje na polecenie „Narysuj Hiszpana, Amerykanina, Żyda, Polaka, Niemca” (za: Niewiara 2019)

Według tego wzoru postępowala pisząca pod moim kierunkiem pracę magisterską Agnieszka Dąbrowska (2018)⁴, która skierowała do 80 osób polecenie: *Narysuj ZDROWIE* (czas rysowania 30 sekund). Przykładowe rezultaty asocjacyjnego badania rysunkowego przedstawione są na Rycinie 2.

Psychologia poznawcza. Warszawa 2013: 652). „Przetwarzanie informacji – zmiana formy i sposobu reprezentacji informacji na jej drodze między receptorem a efektem” (tamże: 651).

³ Szczegółowy opis badania wraz z charakterystyką populacji oraz pełnymi wynikami zob. Niewiara 2019.

⁴ Praca powstawała w ramach seminarium magisterskiego na polonistyce Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach w latach 2016–2018 r.; jest dostępna w archiwum prac magisterskich Instytutu Językoznawstwa UŚ.

Rycina 2. Wybrane wyniki obrazkowego testu asocjacyjnego z poleceniem „Narysuj ZDROWIE” (za: Dąbrowska 2018).

Uzyskane dane wizualne zostały skonfrontowane z danymi werbalnymi. W przypadku stereotypów narodowości były to wyniki przeprowadzonych wśród uczniów sosnowieckiego Liceum Ogólnokształcącego im. Stanisława Staszica ankiet asocjacyjnych polegających na podaniu skojarzenia rzeczownikowego i przymiotnikowego z nazwą narodowości⁵. W ankiecie werbalnej otrzymano 5705 reakcji na 2693 asocjatyw. Przykładowo podaję skojarzenia z bodźcem Polak dotyczące relacji międzyludzkich, towarzyskich (pogrubionym pismem zaznaczam elementy powtarzające się w badaniach w 1990 i 2012 r.):

Polak 1990 r.: *gościnnie*, *gościnnie*, *impreza*, *lubiący hulanki* *lubiący rozrywki* i *hulanki* *hulanka*, *serdeczny*, *śmieszny*, *śmiech*, *pomocny*, *pomoc*, *przyjaźń*, *przyjazny*, *wesoły*, *zabawny*, *zabawa*, *dowcipniś*, *towarzyski*, *wylewny*, *z fantazją*.

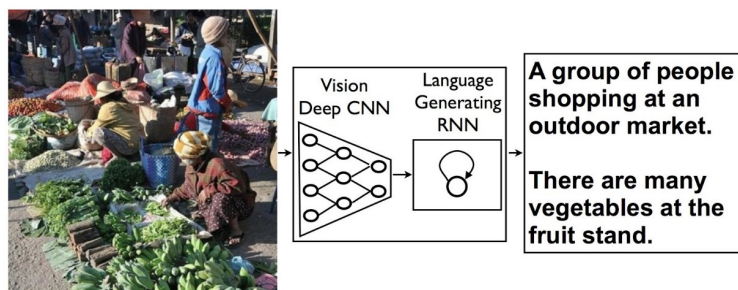
Polak 2012 r.: *gościnnie*, *zabawny*, *zabawa*, *zabawowy*, *zabawiarz*, *imprezowicz*, *impreza*, *otwarty*, *wesoły*, *fantazja*, *ulańska fantazja*, *pomocny*, *przyjazny*, *dusza towarzysztwa*, *kawalarz*, *lekkoduch*, *poważny*, *rozrywkowy*, *szczęśliwy*, *towarzyski*, *wylewny*.

W przypadku *ZDROWIA* przeprowadzono dekompozycję 30 frazeologizmów dotyczących zdrowia, czyli zawierających element leksykalny: *zdrowie*, *zdrowy/a/e*, *zdrowo*, w celu uzyskania składowych semantycznych tego pojęcia (np. *Szlachetne zdrowie*, *nikt się nie dowie*, *jako smakujesz*, *aż się zepsujesz*; *sport to zdrowie*, *śmiech to zdrowie*; *żebyśmy tylko zdrowi byli*; *w zdrowym ciele zdrowy duch*; *kosztować dużo zdrowia*; *przyplacić coś zdrowiem*, *żelazne zdrowie*; *wracać do zdrowia*, *zdrowe jedzenie*).

Możliwość porównania wyników ankiet obrazkowych i językowych uzyskano dzięki opracowaniu metody tłumaczenia danych wizualnych na werbalne. Konceptyjnie przypominało to tłumaczenie obrazu na słowa w systemie automatycznej deskrypcji, było jednak (a) nieautomatyczne, lecz ręczne, (b) znacznie bardziej szczegółowe. Przykładowo na Rycinie 3. przedstawiono zaczerpnięty z Internetu schemat działania systemu automatycznej deskrypcji stanowiącego połączenie mechanizmu analizy treści zdjęcia z algorytmami analizy i generowania treści

⁵ Polecenie brzmiało: „Podaj pięć pierwszych skojarzeń (a) rzeczownikowych, (b) przymiotnikowych związanych z podanymi nazwami narodowości według wzoru: Włoch (a) *makaroniarz*, (b) *spontaniczny*” (szczegóły zob. Niewiara 2019)

słownych⁶. Jak widać, tłumaczenie obrazu na słowo w automatycznej deskrypcji nie jest bardzo szczegółowe. Wizualna treść zdjęcia została przełożona na komunikat: „Grupa ludzi sprzedających na targu. Wiele warzyw na straganach”.

Rycina 3. Schemat działania systemu automatycznej deskrypcji stanowiącego połączenie mechanizmu analizy treści zdjęcia CNN (ang. Convolutional Neural Network) z algorytmami analizy i generowania treści słownych RNN (ang. Recurrent Neural Network); za <https://www.swiatobrazu.pl/mobile/google-pracuje-nad-kompleksowym-systemem-analazy-tresci-zdjec-31753.html>.

W tłumaczeniu, które zastosowano w omawianych tutaj pracach szczegółów byłoby znacznie więcej. Odnotowanoby płeć osób na zdjęciu, rodzaj nakrycia głowy (kapelusz i turban), usytuowanie stanowisk sprzedawców na ziemi, gatunek

⁶ Zob. <https://www.swiatobrazu.pl/mobile/google-pracuje-nad-kompleksowym-systemem-analazy-tresci-zdjec-31753.html>. W komentarzu do ryciny czytamy: „Jak działa mechanizm opracowany przez zespół czterech naukowców? Punktem wyjścia do całego projektu były mechanizmy stosowane w najlepszych systemach automatycznego tłumaczenia języków – tzw. RNN (ang. Recurrent Neural Network). Ich działanie opiera się na zamianie treści zdania napisanego w jednym języku na jego wektorowy ekwiwalent (ze zdania automat wyłuskuje konkretne obiekty oraz relacje między nimi) stanowiący coś w rodzaju matematycznego modelu sensu i treści zdania. Następnie bliźniaczy algorytm RNN opracowany dla języka docelowego tłumaczy wektorowy model na nowe zdanie. W tym konkretnym przypadku pierwszy mechanizm RNN zastąpiono jednak systemem analizy obrazu CNN (ang. Convolutional Neural Network), realizujący podobne zadanie w stosunku do obrazu – pierwotnym celem jego powstania było wyszukiwanie określonych obiektów w obrębie sceny. W obydwu systemach stosowane są bowiem mechanizmy wektorowych ekwiwalentów, dzięki czemu pojawia się element wspólny pozwalający przełożyć przeanalizowaną treść obrazu na słowny opis. [kn_advert]” (dostęp: 12.06.2021).

Prace nad tłumaczeniem obrazu na słowo są już dzisiaj popularne, a nawet konieczne z powodów prawnych, o czym świadczy polska Ustawa z dnia 4 kwietnia 2019 r. o dostępności cyfrowej stron internetowych i aplikacji mobilnych podmiotów publicznych. Znajdujemy w niej wytyczne dotyczące dostępności treści internetowych dla osób niepełnosprawnych, a pośród nich zalecenie stosowania audiodeskrypcji obrazu dla osób niewidomych, <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20190000848/O/D20190848.pdf> (dostęp: 12.06.2021).

warzyw itd. Stopień szczegółowości translacji w zaproponowanym przeze mnie w badaniu przedstawionym w książce Niewiara (2019) ilustrują ryciny (Rycina 4 i 5), na których zamieszczono przykładowe rysunki, reakcje na polecenie *Narysuj Rosjanina* z 1994 r. oraz ich częściowe translacje na słowo (fragmentaryczne wyniki tłumaczenia asocjatyw zgrupowanych w klastry sieci konceptualizacji kulturowych: Wygląd zewnętrzny). W tej propozycji tłumaczenie polegało na odnotowaniu każdego elementu rysunku bez oceny, czy można go uznać za relewantny: wysoka czapka, futro, kozuch, płaszcz, wojskowy płaszcz, spódnica w kwiaty, podkolanówki, chusteczka, silny makijaż, ale i uśmiech, zła mina, dłonie zaciśnięte w pięść, flaga, gwiazda, cerkiew, Lenin itd.

Przygotowanie do porównania z danymi werbalnymi wymagało odpowiedniego uporządkowania reakcji na bodźce. Polegało ono na pogrupowaniu wydobytych elementów rysunków w sposób, w jaki grupują się pojęcia w sieci neuronowej, a więc w klastry, np. zbierające pojęcia dotyczące wyglądu albo ideologii i religii czy np. języka. Jako że w taki sam sposób opracowano dane pochodzące z ankiet asocjacyjnych werbalnych, można było przeprowadzić porównanie.

Rycina 4. Rysunkowe asocjaty uzyskane w 1994 r. w wyniku podania polecenia: *Narysuj Rosjanina* (fragment, za Niewiara 2019).

W przypadku eksperymentu dotyczącego pojęcia *ZDROWIE* obróbka materiału rysunkowego była podobna: rozkładano rysunek na elementy: serce, kwitnąca gałązka/kwiat, drzewo, słońce, człowiek uprawia jogging, butelka mleka, owoce na talerzu (por. Rycina 2). Nieco bardziej skomplikowane było przygotowanie materiału

Rosjanin 1994-O – 30a/47r.	Rosjanin 2012-O – 19a/28r.
<p>(5) kożuch lub futro [rys. 4, 23–25, 29]</p> <p>(4) futrzana wysoka czapa, papacha [rys. 24–26, 29]</p> <p>(3) = plaszcz [rys. 10, 26] + plaszcz munduru wojskowego [rys. 5]</p> <p>(3) wysoka czapa [rys. 30, 3, 7, 12]</p> <p>(2) czapka z daszkiem jak wojskowa lub leninówka [rys. 11, 14]</p> <p>(2) kufajka (?) [rys. 1, 27]</p> <p>(2) ludowy męski strój [rys. 3, 12]</p> <p>(2) rubaszka [rys. 3, 16]</p> <p>(2) walenki (?) [rys. 28, 29]</p> <p>(1) beret z pomponem i kurtka na wielkie guziki [rys. 15]</p> <p>(1) buty z rozwiązanymi sznurówkami [rys. 27]</p> <p>(1) kwadratowa czapka [rys. 16]</p> <p>(1) mundur polowy gruby, ciepły (?) [rys. 13]</p> <p>(1) połatany ubiór [rys. 2]</p> <p>(1) spodnie z bocznymi kieszeniami: robocze [rys. 27]</p> <p>(2) ludowy damski strój [rys. 17, 18]</p> <p>(1) bardzo silny makijaz [rys. 19]</p> <p>(1) beret [rys. 21]</p> <p>(1) chustka pionierki na szyi [rys. 8]</p> <p>(1) chusteczka na głowie [rys. 30]</p> <p>(1) koszyk w reku [rys. 30]</p> <p>(1) naszyjniki/koraliki [rys. 19]</p> <p>(1) podkolanówki [rys. 21]</p> <p>(1) strój we wzory kwiatowe [rys. 19]</p> <p>(1) wstążka we włosach [rys. 20]</p> <p>(1) broń jądrowa (?) opad radioaktywny [rys. 31]</p> <p>(1) czolg [rys. 31]</p> <p>(1) kałasznikow [rys. 18]</p> <p>(1) karabin [rys. 13]</p> <p>(1) pistolet [rys. 14]</p>	<p>(3) = wysoka futrzana czapa, beret [rys. 15] + czapka + czapka [rys. 22]</p> <p>(2) czapka welniana i rima [rys. 11, 14]</p> <p>(1) beret (?) [rys. 4]</p> <p>(1) czapka z daszkiem jak leninówka [rys. 24–26, 29]</p> <p>(1) garnitur/smoking [rys. 21]</p> <p>(1) rubaszka [rys. 7]</p> <p>(1) order przy mundurze [rys. 13]</p> <p>(1) spodnie Adidas i bluza</p> <p>(1) sweter (?), kufajka (?) [rys. 1, 27]</p> <p>(1) ubranie pobrudzone łutem</p> <p>(1) plaszcz damski [rys. 2]</p> <p>(1) sukienka wizytowa [rys. 17, 18]</p> <p>(4) pistolet [rys. 11–13]</p> <p>(2) kałasznikow [rys. 18]</p> <p>(2) karabin [rys. 10, 17]</p> <p>(2) kij/knut [rys. 8, 15]</p> <p>(1) działko pancernie [rys. 13]</p> <p>(1) kij bejsbolowy/dobry [rys. 14]</p> <p>(1) nóż [rys. 11]</p>
<p>Rosjanin 1994-O – 6a/22r.</p> <p>(9) = sierp i młot [rys. 1–3, 5, 7, 8, 10, 11] + sierp i kowalco (lub coś tam) [rys. 6] na fladze, czapce</p> <p>(6) gwiazda [rys. 1, 2, 5, 9, 11, 14]</p> <p>(3) = Lenin: LENIN DO WŁADZY! LENIN NA PREZYDENTA [rys. 1] + Lenin [rys. 17] + Mauzoleum Lenina [rys. 17]</p>	<p>Rosjanin 2012-O – 5</p> <p>(3) cerkiew [rys. 10]</p> <p>(6) = sierp i młot [rys. 1–3, 5, 7, 8, 10, 11] + sierp i kowalco [rys. 6] na fladze, czapce</p> <p>(2) = władza komunistyczna [rys. 17]</p>

Rycina 5. Przetłumaczone na słowa asocjaty z ankiety rysunkowej. Fragment tabeli z Niewiara (2019) obejmujący klaster Wygląd zewnętrzny oraz część klastra Postawy religijne. Religia. Stosunek do ojczyzny (widoczne wyniki badania z r. 1994 i 2012).

językowego. Dekompozycji frazeologizmów towarzyszyła analiza ich struktury wewnętrznej – obie mające na celu ustalenie zestawu składników semantycznych, które można by porównać z elementami przedstawionymi na rysunkach. Oto przykłady: *przyplacić coś zdrowiem, kosztować dużo zdrowia* > zdrowie jako środek płatniczy > zdrowie ma wartość > zdrowie jest cenne; *Szlachetne zdrowie...* zdrowie jest wartościowe w różnym wymiarze, można o nim mówić jak o szlachetnym kruszcu, jak o szlachetnym człowieku; *żebyśmy tylko zdrowi byli* – zdrowie jest najważniejszą spośród wartości, jest centralną wartością; [...] *jako smakujesz, aż się zepsujesz* > jest wartością nietrwałą, psuje się; *sport to zdrowie, śmiech to zdrowie, zdrowe jedzenie* > zdrowie jest skutkiem uprawiania aktywności fizycznej, radości, odczuwania pozytywnych emocji, odpowiedniego pożywienia itd. Porównanie z rysunkami polegało na poszukiwaniu w obrazkach elementów odpowiadających wyselekcjonowanemu komponentom semantycznym. Centralność wartości zdrowia została połączona z rysunkami serca. Konceptualizacja zdrowia jako organu środkowego jest zawarta w etymologii słowa *serce* (**sr'dko*) czy np. w licznych frazeologizmach: *serce dzwoni, serce Polski, serce karczocha* itp. Psuciu się zdrowia odpowiadają

rysunki przedstawiające chorobę (np. rysunek raka w postaci zwierzęcia), a także liczne rysunki przedstawiające lekarzy, stetoskopy, szpitale.

***

Z porównania danych werbalnych i wizualnych oraz z porównania danych uzyskanych na dwóch etapach badania 1990 r./1994 r. – 2012 r. / 2016 r./2017 r. wynika kilka wniosków.

(1) Elementy narysowane w odpowiedziach na bodziec nie są przypadkowe. W badanej populacji asocjaty wizualne (w obu badaniach) były powtarzalne w nie mniejszym stopniu niż werbalne, a to prowadzi do wniosku, że można na ich podstawie (tak samo jak na podstawie danych werbalnych) wnioskować nie tylko na temat zawartości reprezentacji mentalnych w indywidualnym umyśle, ale również na temat wyobrażeń wspólnych dla grupy, na temat konceptualizacji kulturowych.

(2) Asocjaty wizualne i werbalne bardzo często pokrywały się i występowały między nimi relacje podobieństwa. Najprostsza korelacja w przypadku obu testów asocjacyjnych polegała na podaniu słownej i rysunkowej odpowiedzi ujawniających istnienie jakiejś konceptualizacji kulturowej. W badaniu dotyczącym wyobrażeń o narodach przykładowo w odpowiedzi na bodziec Francuz w ankiecie słownej otrzymano np. wyniki *żabojad*, „*żabiarz*”, *żaba*, *żaby*, *żabie udka*, a w ankiecie obrazkowej – rysunki *żaby*; w innym przypadku w ankiecie słownej podano w odniesieniu do Francuza słowo *nos*, w obrazkowej widać przykłady narysowania wydatnego nosa (por. Rycina 4); mimo że ankiety były przeprowadzone w dwu różnych grupach (w innych liceach) to samo, wydawałoby się marginalne, skojarzenie zostało odnotowane.

*żabojad 21k, 44m + „żabiarz” 2m +
żaba 2k + żaby 2m + żabie udka*

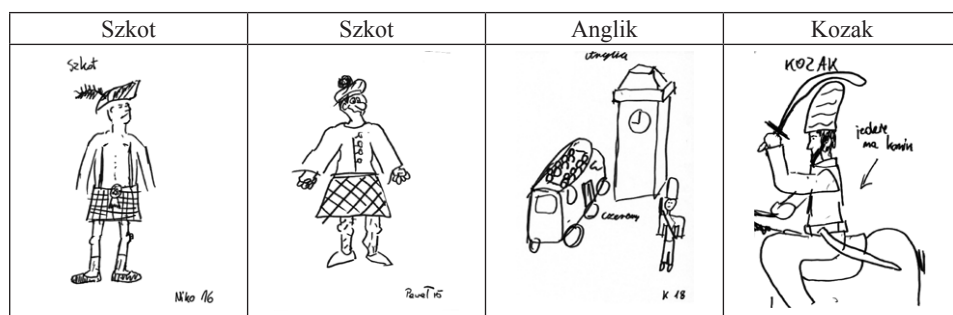
nos 1k

Rycina 6. Przykłady paralelnych wyników ankiet słownych (LO im. Staszica w Sosnowcu) i rysunkowych (LO im. Jana Bosko) w odpowiedziach na temat Francuzów. W części słownej podano dodatkowo informację na temat odpowiedzi udzielonych przez kobiety (k) i mężczyzn (m).

Korelacja między rysunkowymi a werbalnymi reprezentacjami abstrakcyjnej kategorii *ZDROWIE* polegała na pokrywaniu się cech wyabstrahowanych z tłumaczeń rysunków wskutek dekompozycji frazeologizmów, np. [ważne], [centralne], [psuje się] z odpowiednimi elementami rysunków. Rysunek serca odpowiadał centralnej pozycji zdrowia jako najważniejszej wartości, rysunek szpitala, stetoskopu i innych podobnych elementów wykazywał powiązanie z zestawieniem *szłuzba zdrowia*, a jednocześnie wskazywał wartość *ochrony zdrowia* oraz cechy jego nietrwałości (por. Rycina 2).

(3) Znaczące różnice wynikają z odmiennego przetwarzania danych werbalnych i wizualnych w procesie reakcji na bodziec. Imaginy⁷ przetwarzane równolegle realizują się w rysunkach w postaci całościowych, bogatych w szczegóły obrazów, niekiedy o wiele bardziej szczegółowych niż logogeny; Na niektóre elementy obrazów, które przyplływają do umysłu jako reakcja na bodziec w polszczyźnie ogólnej brak słów, nie mają polskiej nazwy. Np. nakrycia głowy cudzoziemców w ankiecie asocjacyjnej słownej zostaną nazwane ogólną nazwą *czapka*, ale w ankiecie asocjacyjnej rysunkowej narysowano różnorodne i identyfikowalne faktyczne typy nakryć głowy: jołom, kuczma, glengarry, balmoral bonnet (por. Rycina 7).

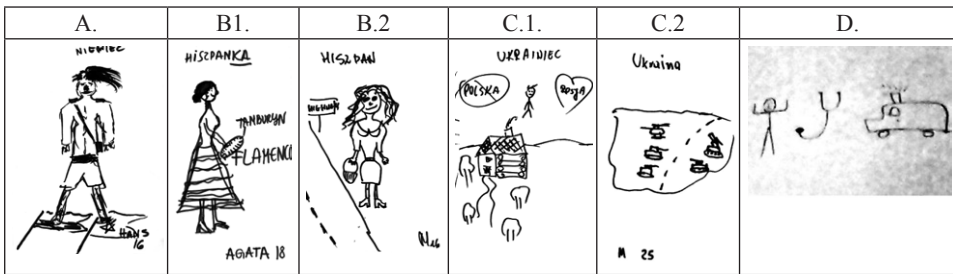

Rycina 7. Przykłady reakcji w ankiecie obrazkowej przedstawiających rysunki specyficznych nakryć głowy. Szkot – glengary i Balmoral bonnet, Anglik – bermysca, Kozak jołom lub kuczma

(4) W ankiecie rysunkowej bardzo widoczny jest faktyczny stopień napełnienia treściowego wyobrażenia wylaniającego się w umyśle w postaci prototypu czy scenariusza (por. Rycina 8). Gdy istnieje silny prototyp, przebija się on przez inne skojarzenia, napływa jako pierwsze skojarzenie, a rysunek zostaje odpowiednio skomponowany. W przypadku polecenia *Narysuj Niemca*, jak widzimy na Rycinie 8.A. centralną postacią jest Hitler, prototyp wyposażony w utrwalone,

⁷ W teorii podwójnego kodowania termin *imagen* odnosi się do reprezentacji niewerbalnych (tj. wynikających ze zmysłu wzroku, słuchu, węchu, dotyku, smaku), zaś *logogen* – do reprezentacji werbalnych (za Nęcka, Orzechowski, Szymura 2013).

stereotypowe cechy konceptualizacji kulturowej: grzywka, mundur. Uruchomiony (i odzwierciedlony na rysunku) zostaje także scenariusz: Hitler depcze dwie flagi polską i radziecką, co symbolicznie przedstawia wydarzenie historyczne: napaść na Polskę i ZSRR w czasie II wojny światowej. Narysuj Hiszpana (por. Rycina 1) może przywołać nie tylko postać historyczną w odpowiednim rysunku, ale i cały scenariusz zamorskiej wyprawy, odkrycia i podboju Ameryki. Reakcją na bodziec Narysuj Ukraińca w 2012 r. (Rycina 8. C.1) jest aktywacja schematu ‘mieszka w wiejskim domku’ (co zgadza się z innymi rysunkami w tamtym czasie, a także w 1994 r., przedstawiającymi Ukraińca jako rolnika). Dodatkowo (z układu rysunków na kartce można wnioskować, że już w wyniku linearnego przetwarzania informacji) w umyśle pojawia się pojawia się sąd ‘nie lubi Polski, kocha Rosję’. W 2017 r. na plan pierwszy wysuwa się jednak prototypowa informacja ‘w jego kraju toczy się wojna’ odnosząca się do wyobrażonego scenariusza zawierającego takie elementy, jak czołgi, granica państwa, konfrontacja zbrojna (Rycina 8. C.2). Podobnie, scenariusz może być odzwierciedlony w rysunkach odnoszących się pojęcia *ZDROWIE*. Na Rycinie 8.D. widzimy reakcję na bodziec, którą można paralelnie zestawić z frazeologizmem *służba zdrowia*, ale jednocześnie jesteśmy też w stanie zrekonstruować scenariusz: osoba z podniesionymi rękami wzywa kogoś (na pomoc z powodu załamania się zdrowia), wzywa lekarza, co symbolizuje stetoskop, karetka odpowiada akcji pogotowia ratunkowego.

Rycina 8. Prototyp i scenariusz w przetwarzaniu informacji uwidocznione w ankiecie rysunkowej (A. Narysuj Niemca 1994 r., B.1. Narysuj Hiszpana 1994 r. B.2. Narysuj Hiszpana 2012, C.1. Narysuj Ukraińca 2012, r., C.2. Narysuj Ukraińca 2016; D. Narysuj ZDROWIE).

Wyniki ankiety rysunkowej pokazują lepiej niż ankiety słowne, że prototyp bywa bardzo silny. Jest on tak utrwalaony i wyrazisty, że niekiedy może dojść do unieważnienia propozycji zawartej w słowie – bodźcu, np. odnośnie do jego formy gramatycznej, do rodzaju gramatycznego. Oto np. w odpowiedzi na bodźce nazwy narodowości w rodzaju męskim, np. Narysuj Hiszpana, Rosjanina, Polaka, Francuza, Anglika zdarzało się, że młodzież rysowała kobiety, niekiedy kobiety w parze z mężczyznami (por. Ryciny 4 oraz 8.B.1–2). Ciekawe, że działo się to w przypadku tych narodów, co do których w polskim dyskursie tradycyjnie i od wieków

zauważało się przedstawicielki płci żeńskiej jako szczególnie interesujące, choć niekoniecznie przedstawiane w pozytywnym świetle (por. Niewiara 2005).

(5) Badania dotyczące skojarzeń na temat narodów pozwoliły zauważyć także ogólniejsze zjawisko, ważne dla zrozumienia funkcjonowania konceptualizacji kulturowych w banku pamięci wspólnotowej oraz mechanizmu przekazu pokoleniowego. Udało się to zaobserwować nie tylko dzięki porównywaniu danych wizualnych i werbalnych, ale także dzięki dużemu rozłożeniu badania w czasie. Porównywany okres bez mała trzech dekad, od 1990 do 2017 r., obejmuje życie jednego pokolenia biologicznego, kilku pokoleń socjologicznych, a dodatkowo jest to czas radykalnych przekształceń społeczeństwa w okresie od transformacji ustrojowej w 1989 r. po członkostwo Polski do Unii Europejskiej.

Widzimy, że w danym momencie (np. na początku lat dziewięćdziesiątych XX w. lub na początku drugiej dekady XXI w.) istnieje pewna różnica w wyobrażeniach o narodach ujawnianych w rysunkach i odpowiedziach słownych. Owszem, jak pisałam w p. 2., pewne elementy często się powtarzają w wynikach obu testów. Są jednak dowody, że występuje pomiędzy nimi także znaczna odmienność. Istotnym elementem charakterystyki danych językowych uzyskanych w badaniu jest ich pewne „opóźnienie” w stosunku do terażniejszości. Obrazy, rysunki, mimo iż przejawiają cechy reprezentacji trwałych, często bywają analogowym odzwierciedleniem rzeczywistości pochodzącym ze zmysłowej obserwacji aktualnej rzeczywistości. Asocjaty werbalne, przeciwnie, mimo iż odnajdujemy pośród nich reakcje odnoszące się do bardzo aktualnych spraw, częściej są skojarzeniami trwałymi, utrwalonymi i wynegocjonowanymi w dyskursie, a proces owej negocjacji przebiega w odpowiednim tempie i czasie. Dobrze ilustruje to przykład odpowiedzi

POLAK 1990 (36) gościnnie, gościnność (30) patriota, patriotka na zewnątrz, patriotyzm, patriotyczny (27) leniwy, leń, leniuch, leniwiec (23) ojczyzna (20) Polska, polski (19) biedny, biedak (19) handlarz, handel (19) Warszawa, warszawianin (17) sprytny, spryciarz, spryt (17) waleczny, walka, walczący (16) pijany, pijący nadmiernie, pijak (13) rodak (10) kombinator, kombinacje

POLAK 1994

POLAK 2012 (22) złodziej, złodziej, tak podobno twierdzą ludzie spoza Polski (20) leniwy, leń (18) pijak, pijany (16) patriota, patryjota, patriotyczny (12) gościnnie (12) maruda, marudny, marudzący (11) alkohol, alkoholik (11) biedny, biedak (11) sprytny, spryciarz (10) cwaniak, cwaniaczek

POLAK 2012

Rycina 9. Konfrontacja wyników ankiet werbalnych i wizualnych. Asocjaty słowne, bazujące na utrwalonych w dyskursie konstrukcjach, są opóźnione w stosunku do obrazkowych, oddających wyobrażenia aktualne.

uzyskanych w wyniku zadania bodźca Polak. Na Rycinie 9. przedstawiono w kolumnie po lewej stronie wyniki ankiet słownych od mających najwyższą frekwencję do poświadczonych 10-krotnie. W kolumnie po prawej stronie zamieszczono rysunki reprezentujące wprawdzie radykalne, ale mające w uzyskanym materiale sobie podobne poświadczenia. Na obu etapach badania słownego widzimy odpowiedzi *gościnnie, patriota, pijany, leń*, zmienia się jednak ich kolejność i otoczenie. W 1990: *waleczny, rodak, Warszawa, ojczyzna, Polska*; w 2012: *złodziej, maruda, alkoholik*. Nastąpiła więc w 2012 r. pejoratywizacja wizerunku. Rysunki pokazują coś wręcz przeciwnego: polepszenie obrazu (będzie ono tym bardziej widoczne, gdy zauważymy, że w 1994 r. różnica w przedstawianiu różnych narodów europejskich i Polaków wypadła pod względem oceny zamożności, obyczajów na naszą niekorzyść, zaś w 2012 właściwie nie istniała).

Przyczyny tego zjawiska należy upatrywać właśnie w specyfice przekazywania i przetwarzania w umysłach danych. Sądy wytwarzane często w postaci powtarzanych w dyskursie klisz utrwała szkoła, wytwarzają media. W 1990 r. młodzież знаła dyskurs szkolny, medialny, rodzinny, który operował pojęciami wspólnoty, odwoływał się do polskiej historii i polskiego etosu bohaterskiego. Obrazy codzienności, biedy, bezrobocia, pospolitości nie były zgodne z tym, co mówiło słowo. Pojawiały się jednak, co widać na rysunkach. W 2012 r. sytuacja jest odwrotna. Dyskurs medialny wytwarzający obraz Polaka w oparciu o te negatywne wyobrażenia z lat 90. (*złodziej, alkoholik*) ustabilizował swoje nowe sądy i nowe klisze (efektem są reakcje w ankiecie werbalnej). Rysunki informują natomiast o napływności obrazów całkowicie odmiennych, skojarzeń pozytywnych. Można powiedzieć, że jest to zjawisko uniwersalne. Na każdym etapie rozwoju kultury konceptualizacje kulturowe zawierają specyficzne składniki pochodzące z obu typów reprezentacji mentalnych: werbalnych i sensorycznych (w tym wizualnych). Dzięki temu kultura ewoluuje. W tym kontekście za niewystarczającą trzeba by uznać zasadę *sola lingua*, opierającą się na przekonaniu, że można w duchu językoznawstwa autonomicznego opisać mentalny obraz świata wyłącznie w oparciu o zgromadzone dane językowe, że można konceptualizacje kulturowe utożsamiać z tym, co zostało spetryfikowane w języku. Upojęciowienie, konceptualizacja dokonuje się na bazie różnych języków umysłu. Tezy kognitywistycznych zwolenników umysłu enaktywnego i umysłu ucieleśnionego, a także przedstawione tu obserwacje dotyczące złożonej werbalno-wizualnej natury wyobrażeń o narodach, a nawet wyniki wstępnych badań na temat mentalnych reprezentacji *ZDROWIA* prowadzą ku narzucającemu się problemowi istoty trwania w kulturze np. takich konceptualizacji kulturowych, jak omawiane tu werbalne, wizualne, sensoryczne. Podobnie jak inne kategorie w umyśle jednostkowym stają się, wyłaniają się w momencie zadziałania bodźca, a ich aktualny kształt zależy od właściwego w danej chwili i zależnego od niezbadanej liczby czynników tempa nasuwania się obrazów lub słów. Są one więc strukturami trwałymi czy nietrwałymi? Czy można się nimi dzielić, jeśli są niemymi obrazami w głowach? Są indywidualne

czy społeczne? Raczej nie mamy wątpliwości, że to drugie. Tak słusznie uczy tradycja badania stereotypów. Tego też doświadczamy, patrząc na rysunki stworzone przez młodzież i nie mając poważniejszych trudności ze zrozumieniem poszczególnych elementów kodu wizualnego, za pomocą którego zakodowano podzielane i przez nas treści. Istota tej wspólnoty obrazów umysłowych (przetwarzanych imagenów i logogenów) tkwi w pamięci, którą rozumiemy jako pamięć zbiorową, kolektywną, ale także w dziedziczeniu kulturowym, które rozumiemy jako przekaz kulturowy.

Literatura

- Bartmiński Jerzy, 1988, *Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji słowa*, [w:] *Konotacja*, red. Jerzy Bartmiński, Lublin, s.169–183.
- Dąbrowska Agnieszka, 2018, *Zdrowie. Kognitywna analiza werbalnych i wizualnych składników reprezentacji mentalnych*. Praca magisterska w archiwum prac dyplomowych Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, promotor: Aleksandra Niewiara, Katowice.
- Każmierska Ewelina: *Golgota Jasnogórska Jerzego Dudy Gracza. Stapianie pojęć w siatkach wielozakresowych*, [w:] *Amalgamaty kognitywne w sztuce*, red. Agnieszka Libura, Kraków, s.113–132.
- Langacker Ronald W., 1994, *Culture, Cognition, and Grammar*, [in:] *Language Contact and Language Conflict*, ed. Martin Pütz, Amsterdam–Philadelphia, s. 25–53.
- Lazari Andrzej, de, Oleg Riabow, 2008, *Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze*, Warszawa.
- Riabov Oleg, Lazari Andrzej, de, 2012, *Russkij Medved'. Istorija, Semiotika, Politika*, Moskwa.
- Necka Edward, Orzechowski Jarosław, Szymura Błażej, 2013, *Psychologia poznawcza*, Warszawa.
- Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława, 2020, *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce*, Lublin.
- Aleksandra Niewiara, 2005, *Charakterystyki kobiet w polskich relacjach podróżniczych (XVI–XIX w.)*, [w:] *Wokół reportażu podróżniczego*, red. Ewa Malinowska, Dariusz Rott, Katowice, s. 18–46.
- Niewiara Aleksandra, 2019, *Imagologia – pamięć zbiorowa – umysł i kultura*, Katowice.
- Sharifian Farzad (ed.), 2015, *The Routledge Handbook of Language and Culture*, London–New York
- Sharifian Farzad, 2017, *Cultural Linguistics. Cultural conceptualizations and Language*, Amsterdam–Philadelphia.
- Sperber Dan, Hirschfeld Lawrence, 1999, *Culture, Cognition, and Evolution*, [in:] *MIT Encyclopedia of the Cognitive Studies*, eds. Robert Wilson, Frank Keil, Cambridge (Mass), p. 61–82
- Szarota Tomasz, 1988: *Niemiecki Michel: dzieje narodowego symbolu i autostereotypu*. Warszawa [Der deutsche Michel. Die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps, Osnabrück 1998].
- Szarota Tomasz, 1991, *Polak w karykaturze niemieckiej (1914–1944). Przyczynek do badań stereotypów narodowych*, [w:] *Wokół stereotypów Polaków i Niemców*, red. Wojciech Wrzesiński, Wrocław, s. 69–93.

Limits of ethnolinguistics. Image and word in the study of cultural conceptualization

Abstract: The chapter deals with cultural cognition and its effect on cultural conceptualizations in the minds of the members of a given culture. The basic question relates to the nature of these conceptualizations as mental representations. The findings of cognitive psychology on mental data processing are used to compare the contribution of processing linguistic and visual data (or, non-verbal “languages” of the mind). These considerations are illustrated with research on the construction of Polish perceptions of different nationalities and on profiling in the domain of HEALTH. Examples come from drawings elicited through surveys (i.e., “Draw an X” [a German, a Pole]; “Draw HEALTH”) and from linguistic data (questionnaires concerning national stereotypes and the understanding of multi-word units relating to health). The aim of the study is to present both the advantages and the difficulties involved in comparing verbal and visual data in the construction of cultural conceptualizations.

Keywords: cultural conceptualizations; mental representations; verbal and visual data processing; association test

Марина М. Валенцова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6541-4269

e-mail: mvalent@mail.ru

Московская этнолингвистическая школа: идеи, исследования, люди

Резюме: В обзоре кратко излагается история возникновения Московской школы этнолингвистики Н.И. Толстого, описываются предмет, цели и задачи, методы исследования этой дисциплины, ее связи с другими гуманитарными науками. Освещаются основные положения этого направления славистики, разработанные академиком Н.И. Толстым и развитые акад. С.М. Толстой. Особо отмечена роль изучения Полесья как одной из архаических славянских зон в создании уникального этнолингвистического словаря «Славянские древности», первого энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов. Статья знакомит в тематикой (изучение разных сегментов духовной культуры славян – календарной, семейной,okkaциональной обрядности) и направлениями исследования Московской этнолингвистики: выявление культурной семантики, изучение лексической и семантической типологии, семантическая реконструкция славянской лексики и фразеологии и др. Кратко охарактеризованы основные, преимущественно монографические, работы членов Школы, а также их преподавательская деятельность в России и за рубежом. Названы близкие по духу, по тематике и методам (изучающие разные сегменты традиционной славянской культуры, включая мифологию и фольклор этнолингвистическими методами) школы и коллективы ученых в России (в Екатеринбурге, Курске, Перми и др.) и за рубежом (в Беларуси, Польше, Болгарии и др.).

Ключевые слова: славянская этнолингвистика; история славистики; Московская этнолингвистическая школа; Н.И. и С.М. Толстые; Полесье; этнолингвистический словарь «Славянские древности»

Об этнолингвистике вообще и о Московской этнолингвистической школе (далее – МЭШ) в частности написано уже достаточно много, поэтому целью настоящей статьи я вижу краткое изложение, или реферирование известных и очень хорошо известных работ, касающихся концепции, теоретических идей, методологии и направлений исследования школы московской этнолингвистики, а также презентацию основных трудов ученых, работающих в этом направлении.

Разработал теоретические основы новой дисциплины – славянской этнолингвистики – и создал Московскую школу этнолингвистики академик РАН

Никита Ильич Толстой (1923–1996) (о Никите Ильиче и его пути в этнолингвистику см. специальную статью: Толстая 2015: 18–28).

Н.И. Толстой долгое время параллельно с работой в Институте славяноведения преподавал в МГУ им. М.В. Ломоносова, где не только читал лекции, но и почти 25 лет, с 1972 г., вел Этнолингвистический семинар, воспитавший многих учеников, которые посвятили себя впоследствии этнолингвистике, руководил дипломными и кандидатскими работами и в том числе благодаря этой деятельности создал, вместе со Светланой Михайловной Толстой, целую школу последователей. Нельзя не оценить дальновидность Никиты Ильича, заботившегося о воспитании следующих поколений продолжателей его дела. Талантливых и заинтересованных студентов Никита Ильич приглашал на работу в Институт славяноведения и балканистики АН СССР, где с 1977 г. он заведовал сначала группой, потом сектором этнолингвистики и фольклора. В настоящее время отдел этнолингвистики и фольклора состоит практически целиком из прямых учеников Н.И. Толстого.

Почти с самого начала, с первых лет зарождения московской этнолингвистики рядом с Никитой Ильичом была жена и соратница, Светлана Михайловна Толстая. С нею в соавторстве написан ряд статей, в том числе, по теории новой дисциплины (часть из них вошла в книгу: Толстой, Толстая 2013).

Само название школы говорит о том, что она была создана и функционирует в Москве. Ее составляют, прежде всего, сотрудники Института славяноведения РАН (в том числе бывшие сотрудники), к ней примыкают и другие ученые, которые разделяют концепцию и следуют теоретическим постулатам Школы (как правило, обучавшиеся в аспирантуре в Инславе РАН и защитившие здесь диссертации).

Никита Ильич, разрабатывая основы новой дисциплины, отмечал принципиальную возможность создания разных вариантов этнолингвистики, например, славянской, романской, германской и др., а в рамках славянской – русской, польской, болгарской и т.п.

Славянская этнолингвистика возникла в конце 70-х – начале 80-х гг. как комплексная дисциплина на стыке лингвистики, этнографии, фольклора, мифологии, народного искусства, – дисциплина, которая изучает «план содержания» традиционной народной культуры, мифологии и психологии славянских народов независимо от средств и способов их формального выражения (слово, предмет, обряд, изображение и т.п.) (Толстой 1995: 39). Она вобрала в себя идеи Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, обогатилась мыслями И.Г. Гердера и В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, Д.К. Зеленина и др. видных ученых, объединив и творчески переосмыслив их положения.

В узком смысле она понимается как направление в языкознании, изучающее соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества в их взаимозависимости и корреспонденции,

то есть изучает отражение в языке культурных, народно-психологических и мифологических представлений (Толстой 1995: 39, 27)¹.

Предметом этнолингвистики является содержательный план духовной культуры, все формы выражения коллективного сознания, народного менталитета, а также семантический (символический) язык культуры, ее категории и механизмы (Толстая, лекция). То есть объектом изучения в этнолингвистике являются все виды, жанры и формы народной культуры (вербальные, акциональные, ментальные).

Цель этнолингвистики – семантическая реконструкция традиционной (архаической, дохристианской, мифопоэтической в своей основе) картины мира, мировоззрения, системы ценностей – то есть всей жизни древних славян – с опорой на показания языка (Толстая, лекция). Или иначе: Для этнолингвистических разысканий существенен ряд «язык, религия, верования, обычаи, искусство», изучаемый в диахроническом аспекте с целью реконструкции древних соотношений языка и этноса, языка и культуры, праславянской духовной культуры и лексического фонда праславянского языка (Толстой 1995: 29, 37), то есть воссоздания архаической картины мира. Эта цель находится в прямой связи с проблемой этно- и глоттогенеза славян, их миграций и контактов.

Определяя этнолингвистику как науку, Н.И. Толстой характеризовал ее отношения с другими гуманитарными дисциплинами, чтобы определить ее место в системе филологического знания. Для надежной верификации своих идей этнолингвистика использует данные истории и археологии, поскольку она занимается изучением языка в аспекте его соотношения с этносом, имеющим свою историю. В известном смысле этнолингвистика сближается с социолнгвистикой, также изучающей этносы, но в аспекте их социальной структуры и, как правило, на поздней стадии их развития и «прежде всего в коммуникативно-функциональном, структурно-описательном и нормативно-синхронных аспектах» (Толстой 1995: 28). Этнолингвистика же обращена к историческим, историко-генетическим проблемам, проблемам реконструкции разных этапов древнего существования языка и культуры. В этом плане она существенно влияет на развитие сравнительно-исторических исследований, в том числе в балто-славистике и индоевропеистике. При реконструкции праславянского состояния этнолингвистика использует не только традиционные для этой сферы знаний данные археологии и лингвистики, но привлекает для этого материал этнографии, фольклористики, мифологии.

---

¹ «Узкому» пониманию этнолингвистики близки работы таких представителей современной «антропологической лингвистики», как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, А. Вежицка и др.

В своих исследованиях этнолингвистика опирается, прежде всего, на данные языка. Никита Ильич определяет язык «как зеркало народной культуры, народной психологии и философии» (Толстой 1995: 15), считая его источником истории народа, компонентом культуры и одновременно орудием культуры, «основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса» (Толстой 1995: 34). Язык и культура имеют сходную структуру, из чего вытекает возможность применения в отношении культуры ряда терминов и понятий, используемых в языкознании, таких как синонимия, полисемия, диалект, понятие текста, явлений субстрата, адстрата и суперстрата и т.п.

В опытах реконструкции более древних состояний (слоев разного уровня) духовной культуры этнолингвистика пользуется методом ретроспекции, то есть поэтапного восстановления предшествующих реконструируемых культурно-языковых ландшафтов, для которых существенной чертой является их непрерывность, континуальность. Определяющую роль в этом играет язык как основной признак этноса.

Этнолингвисты пользуются и методами классического типологического анализа, применяемого для внутренней (внутри славянской семьи) реконструкции славянской духовной культуры. Вслед за этим этапом следует внешняя реконструкция, метод, требующий привлечения родственного (балтийского, германского, иранского и т.п.) материала. После этого возможно обращение к неродственным языкам и культурам для типологического анализа широкого масштаба, способного выявить языковые, культурные и семиологические универсалии.

К традиционной культуре, как и к языку, применим и при ее исследовании весьма продуктивен метод картографирования и вычленения ареалов, поскольку культура столь же диалектна, как и язык. В том числе для изучения народной духовной культуры релевантна методика сбора информации для картографирования, использование вопросников и т.п.

Огромное значение придается историческому прочтению карт, то есть анализу информации о типе ареалов (архаических, контактных; сплошных или разорванных), их взаимоотношениях (интерференциях, дисперсии), микроареалах, соотношении центра и периферии и т.п. Одновременный анализ изоглосс, изопрагм и изодокс (линий, относящихся соответственно к языку, материальной культуре и культуре духовной) дает возможность надежно интерпретировать исторические судьбы и связи отдельных ареалов. Актуальными становятся понятия культурного субстрата, территориального культурного диалекта и др.

В основе наблюдаемых на карте исторических процессов лежит неравномерное развитие языка и культуры, когда в разных диалектах (языковых или культурных) архаические элементы сохраняются в разной мере и в разное время. Неравномерно развиты отдельные уровни системы и даже отдельные

ее элементы. Поэтому чем больше рефлексов одного явления картографировано, тем более достоверна его реконструкция. При этнолингвистическом подходе на карте должны одновременно рассматриваться языковое и этническое развитие.

Часто для более надежных результатов реконструкции используется одновременно несколько методов: сравнительно-исторический, ареально-типологический и культурно- и лингвогеографический.

Диалектологический подход вкупе с реконструкцией и картографированием Никита Ильич считал более адекватно отражающим реальную историческую ситуацию, чем обращение к письменной фиксации слов и явлений в ряде древних индоевропейских традиций, поскольку письменный источник мог отражать лишь одну, «книжную» форму слова (или мифологемы), одну (привилегированную, официальную) идею, опуская возможные диалектные народные представления и их реализации.

Подробнее вопросы этногенетической интерпретации данных языка и традиционной духовной культуры рассмотрены в: Толстой 1999: 10–50.

Н.И. Толстой в разных работах сформулировал ряд важных для реконструкции древнеславянской духовной культуры положений, многие из которых стали научными афоризмами. Они многократно применялись и применяются последователями Школы и другими исследователями.

(1) Таково, например, положение о сохранении и «наслоении» культурных традиций: «элементы новой культуры не сметают и не сменяют элементов старой, а проникают в нее, уживаются с ней, вступают в различного вида соотношения (синонимии, дополнительного распределения, вариантности и диалектности в географическом плане), тем самым усложняя прежнюю систему, видоизменяя ее в значительной или меньшей степени, но, как правило, не разрушая ее» (Толстой 1995: 46). Никита Ильич цитирует акад. Б.А. Рыбакова, который выразил эту мысль так: «...новое не вытесняет старого, а наслаивается на него, добавляется к старому...» (Толстой 1995: 251–252). В языке же система оказывает унифицирующее воздействие, и «многослойным» остается только лексический слой языка (Толстой 1995: 46).

(2) Подобно языку, праславянская народная культура имела довольно сильное диалектное дробление (ср. ее современную диалектность). Тот факт, что в диалектах культуры так же, как и в диалектах языка, наблюдается неравномерность развития отдельных явлений и форм, позволяет фиксировать в разных диалектах разные этапы развития одного и того же явления, иными словами «дает возможность наблюдать развернутую в пространстве диахронию» (Толстой 1995: 46). Н.И. Толстой считал весьма актуальным создание диалектологии славянской духовной культуры, включая выделение дифференционных признаков, картографирование диалектных явлений, интерпретацию диалектных фактов (культурный диалект должен

включать языковые, этнографические и фольклорные, мифологические показатели). «Разнообразие славянской народной изустной традиции в сфере обрядов, поверий и обычаев, т.е. диалектность духовной культуры, делает ее незаменимым и почти единственным источником для истории мифологических воззрений и форм, для диахронических мифологических штудий, для определения динамики развития отдельных мифологических систем, для их этнического, территориального и хронологического приурочения в прошлом» (Толстой 1995: 32), то есть для внутренней реконструкции древнейшего состояния верований, обрядов, фольклорных мотивов.

(3) Особое внимание в этнолингвистических исследованиях уделяется локальным, может быть, единичным, явлениям, которые могут указывать на более ранние этноязыковые и культурные слои данной территории.

(4) Признавая ценность фольклора для реконструкции и изучения верований, мифологии и картины мира народа и важность учета его материала, Никита Ильич все же считал, что фольклор (в узком смысле, как словесное народное творчество) «может служить лишь как вторичный источник, так как первичным источником должны быть сами верования и мифологические, сакральные представления, содержащиеся, как правило, не в «художественных» текстах традиционных жанров, а в различных предписаниях, запретах, предсказаниях и иных регулирующих религиозно-мифологического поведения непозитических текстах» (Толстой 1995: 54).

(5) Для Средневековья следует говорить о ситуации двоеверия в славянских землях (наряду с язычеством, унаследованным от праславянского периода, существовало также христианство, привнесенное вместе с церковной догматикой из Византии и Рима), или даже троеверия, если учитывать ахристианскую (не христианскую) традицию неславянского по происхождению язычества, попавшую в народную среду вместе с христианством. Язычество и христианство могли быть противопоставлены друг другу в одних позициях, и почти смыкаться в других (например, взаимозаменяемость в быличках о нарушении запретов на прядение карающих образов демонических (кикимора, домовая, мокоша) и народно-христианских (св. Варвара, Богородица, св. Параскева) персонажей). Разные генетические пласты выявляются лишь при диахроническом подходе.

(6) Особенностью обрядового «языка» является одновременная разнородность: обрядовый символ может выражаться в реальном (предметном), акциональном (действенном) и вербальном (речевом) кодах. Использование разных кодов вызвано тенденцией к повторению одного и того же смысла разными способами, к «своеобразному нанизыванию отдельных обрядовых символических форм» (Толстой 1995: 64). Такое «нанизывание» свойственно особо значимым для культуры смыслам. Все вместе эти знаки разной природы (разной субстанции) создают полный и разносторонний образ ментального мира, или концепт (Толстой, Толстая 2013: 109).

С 1962 г. по 1986 (год Чернобыльской катастрофы) основным объектом этнолингвистических исследований было **Полесье**, один из наиболее архаичных в этнокультурном отношении регионов славянского мира, охватывающий южные области Белоруссии и северные области Украины, на востоке – часть Брянской области России; на западе к этому региону примыкает польское Подлясье, в известной степени продолжая традиции полесской культуры.

Н.И. и С.М. Толстые называли Полесье «заповедником языковой и духовной культуры». Туда более 25 лет снаряжались экспедиции Института славяноведения и балканистики АН СССР и филологического факультета МГУ, которыми руководил Никита Ильич. Вначале экспедиции ставили целью собрать диалектный материал для полесского диалектного словаря, но позже, с середины 70-х годов, превратились в комплексные этнолингвистические, задачей которых был сбор материала для Полесского этнолингвистического атласа. Специально разработанная программа-вопросник была обращена к разным сферам духовной культуры славян: семейной и календарной обрядности, обрядности хозяйственного цикла, мифологии, фольклору, народной медицине, представлениями о животных, птицах, растениях, астрономии и метеорологии. Конечно же, специальное внимание собиратели уделяли фиксации терминологии и лексики. Обследовались села по заранее определенной сетке, поэтому материалы по областям представлены достаточно равномерно. О полесских экспедициях, задачах, трудностях, участниках написаны специальные очерки².

На собранных рукописных материалах, хранящихся в Институте славяноведения РАН, выполнено большое количество исследований. Полесью посвящены тематические сборники: «Полесский этнолингвистический сборник» (ПЭС), «Славянский и балканский фольклор» (СБФ 1986, 1995), монографические исследования, например, народного календаря (Толстая 2005), заговоров (Агапкина, Левкиевская, Топорков 2003), низшей мифологии Полесья (Виноградова, Левкиевская 2010–2019).

В настоящее время Полесский архив оцифровывается (см. об этом информацию на сайте Института славяноведения: <https://inslav.ru/publication/baza-dannyh-polesskiy-arhiv-otdela-etnolingvistiki-i-folklor>).

Опыт полевой работы в Полесье, богатые данные по традиционной культуре этого региона, интересные результаты сравнения полесского материала с материалом других славянских традиций привели Н.И. Толстого к идее создания общеславянского **этнолингвистического словаря** *Славянские*

---

² См. Гура А.В. Хроника полесских экспедиций // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 280–285; Антропов Н.П., Плотникова А.А. Хроника полесских экспедиций // Славянский и балканский фольклор. М., 1995. С. 383–391; Полесские экспедиции // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 89–99; Толстая С.М. Полесские экспедиции: Взгляд через 50 лет // Живая старина. 2012. № 4. С. 19–21.

древности, в котором сделана попытка выделить и истолковать основные семантические единицы языка культуры, т.е. сами существенные для культуры смыслы, независимо от того, в какой форме и какой субстанцией они выражены – выражены ли они в слове, или в действии, закреплены ли эти смыслы за предметом, за свойством предмета и т.п. «Полесские данные во многих случаях оказались важнейшим звеном общеславянских реконструкций и нередко ключом к интерпретации инославянских ритуальных, ментальных и вербальных форм традиционной культуры» (Толстая 2010: 18).

Замысел общеславянского этнолингвистического словаря традиционной народной культуры относится к концу 70-х гг. Он был представлен для обсуждения научной общественности Н.И. и С.М. Толстыми на IX Международном съезде славистов в Киеве в 1983 г. (Толстые 1983). Идея этнолингвистического словаря славянских древностей высказывались и ранее (в 1929 г. Э. Шневайсом, в 1936 г. Х. Вакарелским), в том числе, задумывались и словари отдельных славянских традиций (см. об этом Толстая 2010: 21–22), но для реализации этих идей тогда не было накоплено достаточно материала.

Словарь «Славянские древности» стал первым в славистике опытом энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов, подвел итоги более чем вековому изучению славянского фольклора, этнографии, народного искусства в неразрывной связи с языком. Его задачей было воссоздать традиционную «картину мира», мировоззрение древних славян, их космологические, мифологические, естественнонаучные представления и верования, выявить содержательные категории славянской духовной культуры и отраженные в ней ментальные, этические, социальные стереотипы и ценности, ее символику и систему образов и т.п. (Толстой, Толстая 2013: 83).

Использование формы словаря позволило систематизировать и компактно изложить разнородный материал. В центре внимания оказались концепты, культурные символы, повторяющиеся в разных фрагментах духовной культуры, то есть «инвентарь основных значимых элементов языка культуры», «знаков языка культуры» (Толстая 2010: 23, 25). Эти имена культурных знаков (чаще всего совпадающие с названием манифестирующей их реалии) часто выступают в качестве заглавных слов. Словарь содержит статьи, посвященные символике и функциям предметов (например, Печь, Борона, Веник), ритуальных предметов («Паук», Яйцо пасхальное, «Пальма»), действий (Пить, Бить, Крутить), состояний (Вдовство, Девственность, Холостой), растений (Бузина, Липа, Омела), животных (Змея, Заяц, Вошь), птиц (Аист, Ворон, Орел), явлений природы (Гром, Град, Радуга). В качестве заглавных слов могут выступать семантические оппозиции (Верх-низ, Внутренний – внешний, Молодой – старый), цветообозначения (Цвет, Белый цвет, Черный цвет, Красный цвет); временные точки и интервалы (Полдень, Пятница, Время), персонажи высшей (Перун, Белый бог, Боги) и низшей мифологии (Упырь,

Мара, Богинка), обряды (Королевские обряды, Овсень, Кормление ритуальное), праздники (Рождество, Троица, Юрьев день), лица и персонажи (Трубочист, Близнецы, Кукеры), и т.п.

Авторы словаря ставили своей целью выделить эти значимые элементы языка культуры, интерпретировать их (определить их функции, значения, символику), составить их ареальную характеристику, выстроить их синонимические (изофункциональные) ряды (например, синонимический ряд способов избавления от болезни: изгнание, выманивание, задабривание, обман, вызывание у болезни отвращения к человеческому телу, и т.п.), а также соотнести культурные коды, т.е. символы, принадлежащие разным сферам, через которые кодируется один и тот же смысл: например, символику девственности невесты на свадьбе дублируют дендрологический (дерево калина), колористический (красный цвет), вкусовой (сладкий вкус), предметный (целый сосуд) коды. О Словаре «Славянские древности», отраженных в нем представлениях о мире и человеке см. статью С.М. Толстой (Толстая 2015: 29–44).

Словарь можно считать главным результатом деятельности МЭШ на сегодняшний день – и это несмотря на то, что в рамках московской этнолингвистики издано более десяти тысяч работ (включая сборники и коллективные труды), написаны десятки монографий, защищено множество дипломных, кандидатских и докторских диссертаций. (Ежегодно обновляемая библиография «Славянская этнолингвистика» опубликована на сайте: https://inslav.ru/sites/default/files/etnolingvisty_2021.pdf).

Никита Ильич увидел вышедшим в свет только первый том словаря. В 1996 г. его не стало. Он похоронен рядом с другими представителями рода Толстых в селе Кочаки (недалеко от Ясной Поляны) на территории Свято-Никольского храма.

Памяти Н.И. Толстого посвящены конференции под названием «**Толстовские чтения**», инициатором и основным участником которых является Отдел этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН и семья Толстых. В чтениях принимают участие также коллеги из других отделов Института славяноведения РАН, из МГУ им. М.В. Ломоносова, представители Екатеринбургской этнолингвистики, ученые из некоторых зарубежных стран – ученики Н.И. Толстого и ученики его учеников, коллеги и друзья. Проходившие сначала в Москве, в последние годы заседания были перенесены в Ясную Поляну, где находится музей-усадьба Л.Н. Толстого. Каждый год по дороге в Ясную участники Чтений заезжают в Кочаки, чтобы посетить могилу и отдать дань памяти, уважения и любви к Учителю.

В 1997–1999 гг. был подготовлен и вышел в свет трехтомник «Избранных трудов» Н.И. Толстого (под ред. С.М. Толстой), включивший работы ученого по славянской лексикологии и семасиологии (Толстой 1997), славянской литературно-языковой ситуации (Толстой 1998) и очерки по славянскому

языкознанию, в котором опубликована также полная библиография Н.И. Толстого (Толстой 1999).

Академик РАН **Светлана Михайловна Толстая**, возглавившая МЭШ с 1996 г., много сделала для развития, уточнения и разъяснения постулатов и понятий этнолингвистики, основываясь на опыте работы над словарем «Славянские древности», учитывая научную и публикационную деятельность членов Школы, результаты полевых исследований в разных славянских зонах (см. теоретические статьи в: Толстая 2010: 7–69; Толстая 2015: 9–120; Толстой, Толстая 2013, и др.).

Программой надо считать статью С.М. Толстой «Постулаты московской этнолингвистики», в которой объясняется термин этнолингвистика, состоящий из двух частей: *этно* («традиционная культура изучается в ее этнических, региональных и «диалектных» формах) и *лингвистика* (что означает, что главным источником для изучения традиционной культуры является язык; что культура понимается как язык в семиотическом смысле слова; что этнолингвистика пользуется лингвистическими понятиями и методами). Подробно, на примерах, демонстрируется сходство и различие языковых и культурных знаков (к различиям относится неодинаковый характер используемых знаков: гетерогенность культурных знаков в отличие от языковых; символическая природа культурной семантики в отличие от языковой).

В статье Светлана Михайловна рассматривает границу между культурной и языковой семантикой, которая иногда расплывчата, но она все же существует; говорит об основаниях для формирования культурной семантики (как правило, это основание – какое-то значимое свойство объекта); о многозначности (полифункциональности) материального знака (предмета, действия), то есть о наличии у него разных ритуальных функций, и способности выступать в разных культурных контекстах; о синонимии, или изофункциональности, т.е. способности разных знаков выступать в одной и той же ритуальной функции и в одинаковых контекстах. О взаимной связи языка и культуры: лингвистическая реконструкция (особенно культурной лексики) не может обойтись без этнографических и фольклорных данных, а реконструкция народных представлений немыслима без учета языковых данных.

По словам С.М. Толстой, «главная для этнолингвистики идея – об интегральности традиционной духовной культуры, о содержательном (семантическом) единстве всех ее жанров и форм», «одни и те же смыслы выражаются в языке, фразеологии, верованиях, обрядовых действиях, фольклорных текстах», поэтому «одни жанры и формы культуры помогают в семантической реконструкции и истолковании других» (Толстая, лекция). Действительно, например, смысл фразеологизма *душа отлетела* 'о смерти человека' на акциональном уровне выражен ритуальными действиями: открыванием окна, дверей; обрядом «караулить душу», когда наблюдали, не колыхнется ли вода

в сосуде; в фольклоре – соответствующими текстами обрядовых причитаний; в поверьях – нарративами о душе, вылетающей изо рта умершего в виде пара, воздуха или мухи, и т.п.

Отдельную работу посвятила Светлана Михайловна славянской ареалогии и картографированию в этнолингвистике, считая это направление чрезвычайно важным. Если собрать воедино все преимущества использования метода географического представления результатов исследования – возможность определить генезис картографируемого явления, раскрыть историю явления («развернутую в пространстве диахронию»), увидеть готовую типологию изучаемого явления, удостовериться в полноте собранного материала, а также охарактеризовать саму изучаемую территорию, которую изоглоссы и изодоксы членят, объединяют или разделяют с другими территориями (Толстая 2010: 34), – то станет ясно, что использование картографирования или хотя бы оценка географической привязки явлений и глосс должна стать для исследователя-этнолингвиста насущной необходимостью. Метод картографирования применим к терминологии и обрядовой лексике, а также к верованиям, обрядам и их частям, быличкам о мифологических персонажах и т.п.

Для ареальной характеристики славянского мира в целом важно не только составление карт, которые являются наглядным и экономным способом и средством представления результатов, но также создание региональных описаний больших и малых областей, а также частных исследований, посвященных вариантам отдельных обрядов, поверий, представлений (Толстая 2010: 34–42).

Существенным вопросом, требовавшим разъяснений, была постулированная Н.И. Толстым разнокодность символов в народной культуре и связанные с нею вопросы функционирования этого механизма в традиционной культуре, а также само понятие кода.

Светлана Михайловна эксплицировала эти и другие теоретические положения в специальной статье. Взаимосвязь языка и культуры выражается в том, что один и тот же смысл может выражаться вербально (словом, текстом), ритуально (обрядовым действием) и предметно. Это так называемые субстанциональные коды. Например, лечение *сглаза* включает обмывание больного водой с брошенными туда угольками, использование ножа как острого (отгонного) предмета и нашептывание заговора. Однако под «кодами» понимаются не только субстанционально разные знаки, «но и такие системы знаков, которые объединяются на основе их значения независимо от субстанции самих знаков», например, к растительному коду относятся и фитонимы, произнесенные или написанные, и сами растения, и их изображения, приготовленная из них пища или лекарство, и их стереотипы и коннотации. Такие коды представляют собой ментальные образы и могут быть названы концептуальными кодами (Толстой, Толстая 2013: 109–110).

Одним из важных свойств концептуальных кодов является их вторичность, однако при использовании их для обозначения других объектов, первичное символическое значение не утрачивается, а включается во вторичный символ.

Для изучения культурных кодов, как писала С.М. Толстая, существенно рассмотрение их с разных сторон: со стороны самого кода, его элементов и их первичных значений, возможностей использования в других денотативных областях; со стороны кодируемого ими содержания, то есть причины применения к этому содержанию разных кодов, набор этих кодов, и т.п.; со стороны оснований для сближения разных сфер действительности, то есть донорской и реципиентной, их ментальных представлений; со стороны функции разных культурных кодов (табуирование, магическое усиление и др.). При этом язык не только является одним из субстанциональных кодов культуры, но и ее первоначальной основой, он стоит за любым другим культурным знаком и может выразить любое содержание своими средствами.

Теоретические вопросы этнолингвистики и фольклористики обсуждаются в МЭШ постоянно: статьи разных авторов по теоретическим проблемам публиковались в выпусках продолжающейся серии «Славянский и балканский фольклор» и продолжают печататься в тематических сборниках, посвященных ключевым вопросам изучения символического языка культуры (так называемая «красная серия»). Концептуальные статьи С.М. Толстой в этих сборниках представляют собой обобщающее теоретическое осмысление выбранной проблемы, которая далее подробно и в разных аспектах рассматривается авторами в книге; таковы, например, статьи Светланы Михайловны об изучении в этнолингвистической перспективе акционального и звукового кодов, категорий оценки, родства, признака и признакового пространства, понятий счета и числа, антропоцентризма и антропоморфизма, параметров пространства и времени в языке культуры и др. До сих пор опубликовано 10 сборников:

Символический язык традиционной культуры / Отв. ред. С.М. Толстая, И.А. Седакова. М., 1993;

Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М., 1996;

Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 1999;

Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002;

Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009;

Пространство и время в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2011;

Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2015;

Антропоцентризм в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2017;

Образ человека в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2018;

Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2019.

Многие теоретические проблемы, освещенные в вышеперечисленных трудах, прежде становились темами на ежегодных конференциях «Толстовские чтения», например, на обсуждение выносились категории признака, числа и количества, текста, синонимии, антропоцентризма в языке культуры, географический ландшафт культуры, и др.

Направления исследований членов МЭШ обусловлены основными целями и задачами школы, развивают идеи и методы этнолингвистических исследований и анализа, намеченные Н.И. и С.М. Толстыми. Работы членов Школы как бы выросли из новаторских и до сих пор актуальных трудов Н.И. Толстого 60-х гг., таких как «Из опыта типологического исследования славянского словарного состава» (I) и (II) (Толстой 1963, 1966), «Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии» (Толстой 1968), «Славянская географическая терминология» (Толстой 1969) и др.

В последние два-три десятилетия в центре внимания московской этнолингвистики оставалась культурная лексика, то есть специальные наименования обрядовых предметов, названия обрядов и праздников, мифологических персонажей и т.п. Эта лексика и фразеология, включающая как обрядовые термины (*русалка, кутья, греть покойников*), так и семантические дериваты общеупотребительных слов (*колодка, шептать, солнце играет*), принадлежит одновременно языку и культуре и входит соответственно в системные отношения языка (семантическая организация, принципы номинации и под.) и культуры (определенным образом соотносится с другими элементами семиотического языка культуры, является носителем знаковой функции). Результатом исследования культурной лексики, ее семантики и символики стали объемные монографии и научные статьи, диссертации и публикации архивных и полевых материалов, доклады на конференциях и тезисы. В одних работах применяются сравнительно-исторический или ареальный методы, в других в фокусе оказывается лексическая семантика, принципы номинации и т.п.

Упомяну лишь монографические исследования **крупных тем** традиционной славянской культуры в МЭШ.

Тема «народный календарь» представлена несколькими изданиями. Монография С.М. Толстой «Полесский календарь» (Толстая 2005) создана на основе материалов Полесского архива и собственных полевых записей. Помимо словаря календарных терминов, в толкование которых включены обычаи, запреты, предписания, относящиеся к описываемым праздникам, во второй части книги полесский народный календарь рассматривается в широком этнокультурном контексте в его ареальных и типологических связях с другими славянскими традициями.

Книга Т.А. Агапкиной о мифопоэтических основах славянского календаря (Агапкина 2002) имеет дело, скорее, со смысловой стороной обрядности

весенне-летнего цикла, его темами и сюжетами; она написана на материале всех славянских традиций и в совокупности всех его текстов и жанров (фольклорных, мифологических и обрядовых).

Терминологией календарной обрядности чехов и словаков занималась М.М. Валенцова (Валенцова 2016). Основную часть книги составляют этнолингвистические словари календарных терминов (хрононимов, обрядовых реалий, обрядов, исполнителей) с широким толкованием, во второй части обсуждаются некоторые вопросы изучения народного календаря чехов и словаков в разных аспектах.

Символический язык славянской свадьбы разрабатывался в книге Е.С. Узеновой (Узенева 2001), в которой изучалась болгарская свадьба, ее терминология, механизмы формирования ее символических значений, связи с мотивами свадебной обрядности; книга снабжена картами, показывающими распространение свадебных ритуалов, персонажей и предметов.

На материале всех славянских традиций выполнена объемная монография А.В. Гуры (Гура 2012), своеобразная энциклопедия славянской свадьбы. Это систематизированный свод фактов, показывающий место брака и свадьбы в жизненном цикле; раскрывающий основные понятия, связанные с браком, систематизирующий типы значений мотива брака, представленного в других сегментах славянской духовной культуры; обобщающий данные по ареалогии и типологии славянской свадьбы и предлагающий пути реконструкции праславянского свадебного обряда. Книга снабжена предметно-тематическим и лексическим указателем.

Родинной обрядности и «женскому тексту» посвятили свои монографии И.А. Седакова и Г.И. Кабакова. В книге И.А. Седаковой (Седакова 2007) внимание сосредоточено на балканских чертах болгарского родинного «текста» в единстве его обрядности, языка (терминологии) и фольклора. Лексика родин, антропонимикон, этнография речевого поведения демонстрируют характерную для Балкан пестроту «своего» и «чужого».

Книга Г.И. Кабаковой (Кабакова 2001) посвящена мифологии женского тела в славянском мире. В центре комплексного исследования – женщина во всем многообразии ее функций и жизненных ролей, отражающихся в языке и ритуалах семейного цикла (родины, свадьба, похороны). Женский взгляд на физиологию и на работу, на долю и на семью формирует тот самый «женский» текст славянской традиционной культуры.

По погребальной обрядности славян в 1983 г. защитила диссертацию О.А. Седакова, позже диссертация была переработана в монографию (Седакова О. 2004). В ней рассматриваются архаические представления о смерти, об умерших и их посмертном существовании, о душе и загробном мире; погребальная и поминальная обрядность; фольклорные источники. Последняя часть книги посвящена собственно христианской православной традиции

церковного поминовения усопших. На основании представленного материала выдвигаются некоторые общие гипотезы о «двоеверии».

Народной демонологией в разной степени занимались все члены МЭШ, поскольку это, по словам Л.Н. Виноградской, содержательный стержень всей традиционной культуры. Демонологии славян посвящены многочисленные работы самой Л.Н. Виноградской, монографии, статьи, доклады, касающиеся разных тем и аспектов славянской низшей мифологии. В первой монографии (Виноградова 2000) автор затрагивает проблемы идентификации и сравнения персонажей низшей мифологии, их происхождения, связи с календарем, а также подробно рассматривает образы русалки, ведьмы, домового и некоторых других духов. Вторая монография (Виноградова 2016) включает три раздела: народная демонология (общие теоретические вопросы об устройстве низшей мифологии и изучение конкретных образов), верования и обряды (преимущественно календарные) и малые фольклорные жанры (заговоры, благопожелания, проклятия, мотивировки ритуальных действий и т.п.) – три сферы, связанные с темой нечистой силы. Основное внимание в книге уделяется проблемам изучения народной демонологии.

Основательный 4-томный труд по народной демонологии Полесья (Виноградова, Левкиевская 2010–2019) может по праву считаться энциклопедией полесской демонологии. Он представляет собой результат огромной работы по обработке, классификации, комментированию и подготовке к публикации полевых материалов этнолингвистических экспедиций в украинское, белорусское и русское Полесье в 80-х–начале 90-х гг. XX в. Данные о каждом персонаже представлены в виде краткого аналитического описания и пространного корпуса мифологических сюжетов, каждый из которых снабжен отдельным научным комментарием. Опубликованный материал позволяет проследить диалектные различия в мифологических верованиях разных районов Полесья.

Также в 1990 г. в секторе этнолингвистики и фольклора была выполнена кандидатская диссертация О.В. Санниковой по польской мифологической лексике (научный руководитель – С.М. Толстая), которая и до сих пор используется как источник, содержащий польские (а также для сравнения германские, балтийские) демонимы и их лингвистический и контекстуальный анализ (Санникова 1990; диссертация, к сожалению, в виде монографии не издана). Демонология стала темой одного из сборников в серии «Славянский и балканский фольклор» (СБФ 2000).

Монография А.В. Гуры (Гура 1997), посвящена народным представлениям о животных (зверях, птицах, рыбах, «гадах», насекомых) и символике животных, выявляемой на основе сопоставительного анализа материала всех славянских традиций в его разнообразных формах (верования, фольклор, языковой материал, элементы материальной и книжной культуры). В ней предлагается модель наиболее полного описания образов животных,

устанавливается набор смыслообразительных признаков животных как особых мифологических персонажей. Книга с энциклопедическим охватом материала снабжена предметно-тематическим указателем.

В монографии А.Ф. Журавлева (Журавлев 1994) изучается домашний скот в продуцирующей, коммерческой и профилактической магии восточных славян; издание оснащено идеографическим и лексико-фразеологическим указателями.

Исследование В.В. Усачёвой по славянской ихтиологической терминологии (Усачёва 2003) демонстрирует принципы номинации пресноводных рыб. Основное внимание уделено ономастическому признаку, лежащему в основе номинативной единицы. Обширный корпус славянских ихтионимов (около 9 тыс. единиц) предоставляет материал для реконструкции словарного состава праславянского периода, этимологии и истории слов. Ценность представляет обратный словарь названий рыб.

О народной ботанике и медицине, в традиционной культуре неразрывно связанных, речь идет в двух разделах книги В.В. Усачёвой (Усачёва 2008): втором (мифологические представления о происхождении растений, растения-апотропеи у славян, этноботанический этюд о базилике и этюд об истории картофеля) и третьем (представления о здоровье и болезни и магические приемы лечения).

«Дендрологическая» монография Т.А. Агапкиной (Агапкина 2019) – комплексное исследование мифологических представлений, фольклора, обрядов и предписаний славян, связанных с деревьями и кустарниками. В ней обобщены легенды и былички, обрядовые и необрядовые песни, паремии, заговоры, поверья, приметы, традиционные знания и магические практики, обряды, диалектная лексика и фразеология и т.п., определяющие символику деревьев. В книге собраны очерки-«портреты» деревьев, а также обсуждаются более общие темы взаимоотношения дерева и человека, дерева и народной демонологии, дерева и Священного писания и т.д.

Исследования народной метеорологии – вызывание дождя, защита от града и т.п. в разных славянских зонах (Н.И. и С.М. Толстые), мотив «тучи – говяда, дождь – молоко» (Н.И. Толстой) – собраны в главу «Метеорологическая магия» в книге: Толстой 2003: 75–266.

Тема взаимодействия устной и книжной традиции разрабатывается О.В. Беловой. «Славянский бестиарий» (Белова 2000) – это первый опыт словаря, объединяющего словарь названий и словарь символики животных, построенный на материале памятников восточно- и южнославянской средневековой книжности. Особенностью этих памятников является включение в книжные сказания о животных фрагментов традиционных народных представлений, таких как этиологические легенды, приметы, поверья, а также «мифологических» названий животных. Другая книга – «Народная Библия»

(Белова 2004) представляет собой комментированное издание фольклорных пересказов Священного Писания в восточнославянских традициях, также принятое впервые. Основу фонда, насчитывающего более 1300 исследуемых текстов, составили архивные и полевые материалы, впервые вводимые в научный оборот. Третья книга, «Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции» (Белова 2005), посвящена комплексному анализу славянских народных верований о «чужих» – представителях других этносов и конфессий – верований, составляющих неотъемлемую часть фольклорной картины мира.

Коллективная монография О.В. Беловой и В.Я. Петрухина «Фольклор и книжность» (Белова, Петрухин 2008) отражает проблематику взаимодействия славянской фольклорной и книжной традиций, рецепции книжных сюжетов в народной культуре и связанные с нею вопросы сохранения архаики, адаптации инокультурных элементов, формирования «фольклорной концепции истории» и т.п.

Тема «фольклор и книжная традиция» отражена во второй главе монографии С.М. Толстой (Толстая 2015).

Среди этнолингвистических исследований фольклора перечислю работы по изучению обрядовой песни: в монографии Л.Н. Виноградовой о зимней календарной поэзии (Виноградова 1982) рассматривается состав, структура и генетические истоки славянских народных коляд; в работе Т.А. Агапкиной об этнографических связях календарных песен (Агапкина 2000) анализируется фольклорный репертуар восточнославянских весенних обрядов «закликая весны» и «жаворонки» с точки зрения их соотношения с фольклорным контекстом, ритуальной практикой и универсальными мифологемами.

Серия изданий фольклорной прозы включает, во-первых, собрание русских этимологических сказок и легенд, повествующих о возникновении и изменении мира и человека, природных и культурных объектов, т.е. отражающих фольклорно-мифологическую картину мира; книгу составляют тексты из малодоступных изданий XIX–XX вв., архивов России, а также записанные в фольклорных экспедициях XX–XXI вв. (Белова, Кабакова 2014). Следующим появился энциклопедический словарь сюжетов и мотивов восточнославянских этимологических сказок и легенд (Кабакова (ред.) 2019). Материалы словаря позволяют проанализировать сюжеты, мотивы и набор персонажей, характерные для восточнославянского ареала в целом, отдельных национальных традиций и традиций региональных, а также выделить универсалии и раритеты, архаические и инновационные элементы в системе народной этимологии.

Местом фольклора в этнолингвистических исследованиях, структурой и поэтикой фольклорного текста занималась С.М. Толстая (I и III главы монографии Толстая 2015).

К фольклору относится также вербальная магия и ритуалы, т.е. заговоры, благопожелания, отгонные формулы, проклятия и др. Вербальные формы оберега, их прагматика в системе магических способов охраны человека от опасности рассматривались в книге Е.Е. Левкиевской о славянском обереге (Левкиевская 2002).

Заговорной традиции посвящена целая серия публикаций, среди которых: сборник материалов по полесским заговорам, включающий около 1100 текстов из Полесского архива Института славяноведения РАН с комментариями (Агапкина, Левкиевская, Топорков 2003); изучение восточнославянских лечебных заговоров с историко-этнографической и фольклорно-исторической точки зрения (Агапкина 2010); библиографический указатель к восточнославянским заговорам (Агапкина, Топорков 2011), материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов восточнославянских заговоров (Агапкина, Топорков 2014), а также имена камней (Алатырь и др.) в восточнославянских заговорах (Агапкина, Березович, Сурикова 2020).

Большая работа по выявлению, систематизации, введению в научный оборот и изучению заговорных текстов устной и письменной традиции позволила Т.А. Агапкиной и А.Л. Топоркову создать аналитическое описание основных повествовательных единиц, выделенных в корпусе лечебных, социальных, промысловых и воинских заговоров восточнославянских народов. Авторы вплотную подошли к составлению указателя, опубликовав в 2014 г. пробные варианты указателей лечебных и отдельно промысловых и др. заговоров.

Наряду с тематическим изучением разных сегментов и разделов народной духовной культуры, разрабатываются и другие направления, более ориентированные на положения **теоретической семантики и сравнительной семасиологии**. Их цель – «постижение устройства смысловой стороны языка, установление семантической структуры его единиц и связывающих их регулярных отношений, механизмов номинации и семантической деривации», выявление способов «языковой категоризации действительности» (Толстая 2008: 7).

К этому направлению относятся изучение лексической и семантической типологии, выявление культурной семантики и семантическая реконструкция славянской лексики и фразеологии, как обрядовой, так и используемой в культурных контекстах лексики общеупотребительной.

Возможностям типологического анализа славянской лексики методами семантического микрополя (с выведением правил построения микрополей и конкретными примерами: дождь–погода, гора–лес–пастбище, названия леса) и лексико-семантической реконструкции, изучению лексического и семантического параллелизма (сербохорватская лексика vs общеславянская, болгарско- и македонско-русские, белорусско-украинские параллели и др.), анализу семантики слов во взаимосвязи с их географией (слова *дождь*, *радуга*, *полено*

и др.), проблемам сравнительной ономастики и др. важным вопросам посвящен первый том «Избранных трудов» Н.И. Толстого (Толстой 1997).

Особый интерес для этнолингвистики представляют «культурные» значения, приобретаемые словом (фраземой) в контексте культуры, которые редко и лишь случайно фиксируются словарями, и их труднее вскрыть. Их главное отличие от общеязыковых значений в том, что они имеют символическую природу. **Культурная семантика** формируется на основе разных признаков или функций денотата (например, семантика веретена – действием кручения; семантика узла – функцией связывать, скреплять; семантика поднимания, подпрыгивания – признаком «верх», и т.п.), и благодаря полифункциональности культурных знаков бывает множественной и амбивалентной.

Различают две модели выявления культурной семантики. В первой, от слова к значению (семантический подход), сопоставляются разные, кажущиеся далекими значения слова, специально обращается внимание на символические значения и культурные коннотации, демонстрируется их мотивированность и связь с разными элементами традиционной культуры – поверьями, обрядами и т.п.

Примерами такого подхода служит изучение слов *веселый, кривой, найтись (находиться), ходить, свой* (Толстая 2008: 175–332), *пресный, пустой* (Толстая 2008: 53–98), *вить (вертеть, крутить)* (Плотникова 1996), *чистый* (Валенцова 2001), *щекотка* (Виноградова, Гура 2021) и др. К этой же модели относится изучение семантического параллелизма, например, таких пар, как *играть и гулять, хоронить, ховать и прятать, труд и мука, глухой и слепой* (Толстая 2008: 102–172), *прощание и прощение* (Седакова 2004), *кожа и шкура* (Березович, Седакова 2012), и др.

Вторая модель реализует «идеографический» подход, от значения (от культурных смыслов) к слову, их языковому выражению. В этом случае анализируется лексико-семантическое поле выбранного концепта, включая все культурные корреляты. Например, описывались концепты *судьба, душа, грех, смерть, движение* и др. (Толстая 2008: 333–485); «палитра чувств», «лики любви» лексическое поле *пищи и питания*, смысловое поле *ошибки* и др. (Толстая 2019: 153–296), семантика *второго* (Седакова 2002), концепты *легкость и тяжесть/трудность* (Седакова 2013), концепт *любовь* (Седакова 2018), *сладкий* в болгарском языке и культуре (Седакова 2000), образ *испуга* у болгар (Седакова 2010). К этому кругу относятся и работы М.В. Ясинской, в том числе диссертация «Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян» (научный руководитель С.М. Толстая), защищенная в 2015 г. (https://inslav.ru/images/stories/other/2015_jasinskaja_dissertacija.pdf).

Выявление культурной семантики, глубинных значений исследуемых слов (корней, гнезд) неизбежно ведет к реконструкции их протозначения. Задача **семантической реконструкции** слов, гнезд, фразем может ставиться

и самостоятельно. «Для ее успешного выполнения, однако, должна быть предварительно проделана работа по определению типов семантических систем (в первую очередь микросистем) в современных языках и диалектах и по выработке приемов их приведения к общему знаменателю, т. е. установления единой системы соответствий» (Толстой 1997: 44). Не менее важным при реконструкции праславянского состояния языка Н.И. Толстой считал учет типологически сходных экстралингвистических факторов.

С целью семантической реконструкции исследовались этимологические гнезда **mirь*, **svěť*, **věra*, **pravьda*, **xorniti*, **xovati*, **veselь*, **radь*, **svojb*, **želati*, **žaleti*, **čist-* и др. (Толстая 2019: 13–150).

Задача семантической реконструкции сближает этнолингвистику с этимологией, которая также реконструирует помимо формальной семантическую сторону языкового знака. Оба направления применяют сходные методы и приемы, используют материал друг друга. Однако если этимология собирает и перечисляет значения лексемы в разных славянских языках и диалектах, но не объясняет их, то для этнолингвистики важно объяснить наличие этих значений, их сочетаемость, мотивированность, повлиявшие на их развитие культурные контексты и т.п. Можно было бы назвать такой подход «этимологическим». Примером работ этого направления являются статьи С.М. Толстой о чешских и словацких названиях болезни *nádcha* / *nátcha* / *nátka* и о н.-луж. мифологическом персонаже *chódota* (Толстая 2019: 531–548), статьи М.М. Валенцовой, в которых на основе этнолингвистических данных этимологизируются термины *упырь* (Валенцова 2015а) *волколак* (Валенцова 2015b), карп.-укр. *осинавец* (Валенцова 2020), *юда* (Валенцова 2021а), словац. *grgolica*, *Bendúš* (Валенцова 2021b) и др., рассматриваются вопросы контаминации этимологических гнезд (Валенцова 2017).

Совершенно очевидно, что реконструкция праславянского лексического фонда неразрешима без типологического критерия и лингвогеографического аспекта (Толстой 1997: 111).

Именно поэтому **этнолингвистическая ареалогия** – «одно из важных направлений московской этнолингвистики с самого начала. Интерес к географии и "диалектологии" традиционной культуры присутствует во всех без исключения трудах – и в словаре «Славянские древности», и в монографиях, и в статьях» (Толстая 2010: 18). Славянской лексике в ареальном аспекте, включая изучение географии конкретных славянских слов (9 этюдов) посвящена вторая глава первого тома «Избранных трудов» Н.И. Толстого (Толстой 1997: 122–142).

Последовательно и плодотворно применением ареального метода и этнолингвистической географии занимается А.А. Плотникова. Ее монография «Этнолингвистическая география Южной Славии» (Плотникова 2004) посвящена ареальному изучению терминологической лексики духовной культуры

(фрагменты календарной, семейной обрядности и народной мифологии) южных славян. В книгу включено 47 этнолингвистических карт, на которые нанесены как термины, так и экстралингвистические явления. Исследование позволяет выделить культурно-языковые ареалы в пространстве Южной Славии. Во второй книге (Плотникова 2013) южнославянские традиции изучаются в контексте Балкан и на общеславянском фоне, анализируются региональные и общие явления в народном календаре, семейной обрядности и мифологии. В центре внимания в третьей книге – отдельные островные ареалы славянского мира (русские старообрядцы в Румынии, хорваты Бургенланда (Градища) в Австрии, мусульмане в Боснии) (Плотникова 2016).

Вниманием к географии терминов и культурных явлений характеризуется книга Т.А. Агапкиной о славянском календаре (Агапкина 2002), где также представлены карты (картографируются как термины, например, распространение хрононимов на ⁺*rusal*-/⁺*rusan*-/⁺*rus*-, так и мотивы, например, мотив отбирания молока в Юрьевском цикле, или темпоральные характеристики обряда, например, день поминок «нечистых» покойников).

Как самостоятельные области ареальных исследований в МЭШ сложились карпатистика, балканистика и сравнительно-сопоставительные карпато-балканские исследования. Горные регионы – Карпаты и Балканы – области широких контактов славян между собой и с неславянскими народами (восточные романцы, венгры, германцы в Карпатах и греки, албанцы, турки, гагаузы, древние болгары на Балканах). В связи с этим возникла необходимость в привлечении специалистов по иноэтническим традициям. В рядах московских этнолингвистов работают два специалиста по греческому языку и культуре – О.В. Чёха и К.А. Климова (доцент МГУ, которая окончила аспирантуру и защитила диссертацию в Институте славяноведения), занимающиеся проблематикой славяно-греческих этнолингвистических связей. Проходит подготовку в аспирантуре А.И. Чиварзина, владеющая помимо македонского и других южнославянских также албанским языком.

Еще одно направление балканистики в широком смысле слова связано с областью старославянского языка, изучением рукописных и старопечатных памятников, их вклада в развитие языков и культур православного славянского мира. Этой проблематикой занимался Н.И. Толстой (Толстой 1998), продолжает заниматься этими темами О.В. Трефилова, см. исследование глаголов *читать*, *считать*, *почитать* в старославянском языке (Трефилова 2013), редких глаголов говорения в старославянском (Трефилова 2003) и др.

В целом вопросы балканистики и карпатистики достаточно широко отражены в научном творчестве членов Школы (сюда относится, например, и упомянутая выше монография И.А. Седаковой 2007 года). Пристальное внимание привлекает и актуальная для изучения вопросов этно- и глоттогенеза славян тема карпато-балканских исследований, которой посвящена

серия сборников «Карпато-балканский диалектный ландшафт» (КБДЛ) под ред. А.А. Плотниковой, ориентированных на ареалогический аспект изучения этой проблематики, а также коллективная монография, освещающая вопросы сравнительного изучения карпатских и балканских традиций в ареальном аспекте (Plotnikovová, Uzeňovová 2018).

Все упомянутые выше труды, а также множество другой научной литературы доступно на сайте Института славяноведения РАН: <https://inslav.ru/resursy>. В том числе, там можно найти юбилейные сборники в честь Н.И. и С.М. Толстых, в которых принимали участие ведущие ученые-слависты разных специальностей из разных стран, выражая этим свою любовь и уважение к юбилярам.

Единство школы обеспечивается общей проблематикой научных исследований. Долгое время таким объединяющим трудом был этнолингвистический словарь «Славянские древности» (М., 1995–2012), в последнее пятилетие – исследовательский проект «Архаические славянские зоны в пространстве Европы: этнолингвистический подход» (руководитель – акад. С.М. Толстая), цель которого – изучение языка и традиционной народной культуры архаических регионов Славии с помощью комплексных методов, разработанных МЭШ и апробированных в том числе в ходе работы над словарем «Славянские древности». К архаическим регионам отнесены Полесье, Подлясье (Польша), Карпаты по обе стороны восточно-западнославянской границы; Русский Север; в Южной Славии – зоны сербско-болгарского и македонского пограничья, словенское Прекмурье и некоторые другие, а также островные славянские ареалы в Венгрии, Румынии, Австрии и др. В 2019 г. вышел сборник статей и материалов, отражающих результаты работы над проектом (Славянские ареалы 2019). В основу многих статей сборника положены полевые и архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот. В 2021 г. вышла из печати коллективная монография по этому проекту (Славянские ареалы 2021).

В отделе этнолингвистики и фольклора постоянно обучаются аспиранты (в настоящее время это А.И. Чиварзина), многие из которых защищают кандидатские диссертации и остаются работать в Институте. Кроме того, члены Школы читают лекции по этнолингвистике в разных вузах. Например, в Институте славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина на направлениях «филология», «искусствоведение» и «народно-художественная культура» проф. Е.С. Узенева с 2016 г. читает два курса: «Этнолингвистика» и «Актуальные проблемы этнолингвистики и этнокультурологии». В МГУ им. М.В. Ломоносова доцент кафедры византийской и новогреческой филологии К.А. Климова более 10 лет читает спецкурс «Греческая традиционная культура в этнолингвистическом аспекте» (в том числе вариант, адаптированный для бакалавров русского отделения со специализацией «Русское устное народное творчество»), а также курсы «Греческий фольклор», «Введение в балканистику», оба с этнолингвистическим акцентом.

Члены МЭШ выступают также с приглашенными лекциями, посвященными проблемам славянской этнолингвистики, как в России, так и в других странах (Литва, Чехия).

Необходимо сказать коротко о близких МЭШ школах, коллективах и отдельных ученых, также занимающихся изучением взаимодействия языка и культуры, самого языка культуры и фольклора – но в немного иных аспектах.

В первую очередь, надо упомянуть направление, представленное трудами В.В. Иванова и В.Н. Топорова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР, потом Институт славяноведения РАН), о котором С.М. Толстая писала, что оно пытается реконструировать с помощью сравнительно-исторического метода «не только древнейшие индоевропейские языковые элементы и структуры, но и индоевропейские этнокультурные древности, т.е. древнейшую мифопоэтическую “картину мира” индоевропейцев и – славян как одной из индоевропейских ветвей» (Толстая 2002: 2).

В других городах России идейно близкой, родственной МЭШ является Екатеринбургская этнолингвистическая школа, образованная сотрудниками Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации: Е.Л. Березович, М.Э. Рут, Ю.Б. Воронцова, К.В. Осипова, О.Д. Сурикова, Ю.А. Кривошапова и др.), сосредоточившаяся, помимо русской диалектной лексики, также на топонимическом и в целом ономастическом векторе исследований.

Взаимный интерес связывает московских этнолингвистов с Курской школой лингвофольклористики А.Т. Хроленко (Курский государственный университет, кафедра русского языка), занимающейся в основном фольклорной лексикографией, изучением устно-поэтической речи (И.С. Климас, М.А. Бобунова, С.П. Праведников и др.).

В направлении этнолингвистических исследований работает коллектив ученых Пермского государственного национального исследовательского университета (кафедра теоретического и прикладного языкознания: И.И. Русинова, Ю.А. Шкуратов, С.Ю. Королева и др.), Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (кафедра общего языкознания: И.А. Подюков и др.), интересы которых лежат как в области языка (терминологии) традиционной культуры коми-пермяков, так и русских Пермского края.

За рубежом наиболее тесные связи у МЭШ с белорусскими коллегами из Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск (руководители отделов Н.П. Антропов, Т.В. Володина); с Польской этнолингвистической школой Е. Бартминьского (Университет им. М. Кюри-Склодовской, Люблин: Е. Бартминьский, С. Небжеговская-Бартминьская, М. Марчевская, Й. Шадура, К. Пророк и др.); с болгарским коллективом из Института болгарского языка БАН (М. Китанова и др.); сербским Институтом балканистики САНИ в Белграде (Л. Раденкович, Б. Сикимич

и др.), с молодой словацкой этнолингвистикой, развивающейся в Институте славистики САН в Братиславе (К. Женюхова и др.). Поддерживаются традиционные контакты с учеными во Франции (Г.И. Кабакова), на Украине и в некоторых других странах.

Литература

- Агапкина Татьяна А., 2000, *Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян*. Москва: «Индрик».
- Агапкина Татьяна А., 2002, *Мифопоэтические основы славянского народного календаря*. Москва: «Индрик».
- Агапкина Татьяна А., 2010, *Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира*. Москва: «Индрик».
- Агапкина Татьяна А., 2019, *Деревья в славянской народной традиции. Очерки*. Москва: «Индрик».
- Агапкина Татьяна А., Березович Елена Л., Сурикова Олеся Д., 2020, *Имена камней в заговорах восточных славян*. Москва: РАН.
- Агапкина Татьяна А., Левкиевская Елена Е., Топорков Андрей Л. (сост. и коммент.), 2003, *Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.)*. Москва: «Индрик».
- Агапкина Татьяна А., Топорков Андрей Л. (авторы-составители), 2011, *Восточнославянские заговоры: Аннотированный библиографический указатель*. Москва: «Индрик».
- Агапкина Татьяна А., Топорков Андрей Л. (авторы-составители), 2014, *Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография*. Москва: «Индрик».
- Белова Ольга В., 2000, *Славянский бестиарий. Словарь названий и символики*. Москва: «Индрик».
- Белова Ольга В., 2004, *"Народная библия": Восточнославянские этимологические легенды*. Москва: «Индрик».
- Белова Ольга В., 2005, *Этнокультурные стереотипы в славянской культурной традиции*. Москва: «Индрик».
- Белова Ольга В., Петрухин Владимир Я., 2008, *Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии*. Москва: «Наука».
- Белова Ольга В., Кабакова Галина И. (сост. и коммент.), 2014, *У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды*. Москва: Неолит.
- Березович Елена Л., Седакова Ирина А., 2012, *Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения*, "Известия РАН". Серия литературы и языка, Т. 71. № 6. С. 12–24.
- Валенцова Марина М., 2001, *Понятие «чистый» в славянской культуре*, "Живая старина". № 3. С. 3–8.
- Валенцова Марина М., 2015а, *Этнолингвистический комментарий к этимологии слова утырь*, "Труды Института русского языка". IV. Этимология. Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. Москва. С. 101–125.
- Валенцова Марина М., 2015б, *Этнолингвистический комментарий к слав. *vľkodlak-, [в:] Этнолингвистика. Ономастика. Этимология*. Материалы III Международной

- научной конференции. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 45–48.
- Валенцова Марина М., 2016, *Народный календарь чехов и словаков*. Москва: «Индрик».
- Валенцова Марина М., 2017, *К вопросу о контаминации этимологических гнезд (на примере названий мифологических персонажей)*, [в:] *Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky*, eds. Žeňuchová, K., Китанова М., Žeňuch P. Bratislava; Sofia: VEDA. S. 167–182.
- Валенцова Марина М., 2020, *К семантике и этимологии карпато-украинского осинавец, "Slavica Slovaca"*. R. 55. S. 399–407.
- Валенцова Марина М., 2021а, *Еще раз о демониме ю д а*, [в:] *Балто-славянские исследования*. Москва (в печати).
- Валенцова Марина М., 2021б, *Этимологические методы в этнолингвистических исследованиях мифологической лексики*, [в:] *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 38–54.
- Виноградова Людмила Н., 1982, *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования*. Москва: «Наука».
- Виноградова Людмила Н., 2000, *Народная демонология и мифоритуальная традиция славян*. Москва: «Индрик».
- Виноградова Людмила Н., 2016, *Мифологический аспект славянской фольклорной традиции*. Москва: «Индрик».
- Виноградова Людмила Н., Гура Александр В., 2021, *Щеколка в свете славянской лексики и мифологии (полесские данные на общеславянском фоне)*, «Славянский мир в третьем тысячелетии». №1–2. С. 7–38.
- Виноградова Людмила Н., Левкиевская Елена Е. (сост.), 2010–2019, *Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века*. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами (Москва: Языки славянских культур, 2010); Т. 2. Демонологизация умерших людей (Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012); Т. 3. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний (Москва: Издательский дом ЯСК, 2016); Т. 4. Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи (Москва: Издательский дом ЯСК, 2019).
- Гура Александр В., 1997, *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: «Индрик».
- Гура Александр В., 2012, *Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика*. Москва: «Индрик».
- Журавлев Анатолий Ф., 1994, *Домашний скот в поверьях и магии восточных славян*. Москва: «Индрик».
- Кабакова Галина И., 2001, *Антропология женского тела в славянской традиции*. Москва: «Ладомир».
- Кабакова Галина И. (ред.), 2019, *Восточнославянские этимологические сказки и легенды. Энциклопедический словарь*; ред. Г.И. Кабакова; сост. О.В. Белова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, С.М. Толстая. Москва: «Неолит».
- КБДЛ – *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клетиковой* / Отв. ред. А.А. Плотникова. Москва: «Индрик», 2008; *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011* / Отв. ред. А.А. Плотникова. Вып. 2. Москва: «Индрик», 2012; *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2012–2014* / Отв. ред. А.А. Плотникова. Вып. 3. Москва: «Индрик», 2014.

- Левкиевская Елена Е., 2002, *Славянский оберег: Семантика и структура*. Москва: «Индрик».
- Плотникова Анна А., 1996, *Слав. *viti в этнокультурном аспекте* [в:] *Концепт движения в языке и культуре*. Москва: «Индрик». С. 104–113.
- Плотникова Анна А., 2004, *Этнолингвистическая география Южной Славии*. Москва: «Индрик».
- Плотникова Анна А., 2013, *Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки*. Москва: ИСЛ РАН.
- Плотникова Анна А., 2016, *Славянские островные ареалы: Архаика и инновации*. Москва: ИСЛ РАН.
- ПЭС – *Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования*. Москва: «Наука», 1983.
- Санникова Ольга В., 1990, *Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении*. Дисс. канд. наук. Москва, Институт славяноведения и балканистики АН СССР.
- СБФ – *Славянский и балканский фольклор*:
1986 – *Духовная культура Полесья на общеславянском фоне*, отв. ред. Никита И. Толстой. Москва: «Наука».
1995 – *Этнолингвистическое изучение Полесья*, отв. ред. Никита И. Толстой. Москва: «Индрик».
2000 – *Народная демонология*, отв. ред. Светлана М. Толстая. Москва: «Индрик».
- Седакова Ирина А., 2000, *О сладком в языке и культуре болгар*, “Etnolingwistyka”. 12. Lublin. S. 55–65.
- Седакова Ирина А., 2002, *Семантика и символика второго у болгар (с некоторыми славянскими параллелями)* [в:] *Признаковое пространство культуры*. М., 2002: «Индрик». С. 209–224.
- Седакова Ирина А., 2004, *Прощание и прощение. Опыт этнолингвистического анализа*, [в:] *Язык культуры: семантика и грамматика*. К 80-летию академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996), ред. С. М. Толстая. Москва: «Индрик». С. 401–411.
- Седакова Ольга А., 2004, *Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян*. Москва: «Индрик».
- Седакова Ирина А., 2007, *Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст*. Москва: «Индрик».
- Седакова Ирина А., 2010, *Фольклорно-языковой образ испуга у болгар (на материале народной медицины)*, [в:] *Топоровские чтения I — IV*. Избранное. Москва: ИСЛ РАН. С. 171–180.
- Седакова Ирина А., 2013, *О ‘легкости’ и ‘тяжести’/‘трудности’ в языке и культуре славян: Этнолингвистический анализ*, [в:] *XV Міжнародны з’езд славістаў* (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г.). Тэзісы дакладаў. Том 1. Мовознаўства. Мінск: «Беларуская навука». С. 157–158.
- Седакова Ирина А., 2018, *Концепт «любовь» в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале)*, [в:] *Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов*. Белград. 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. Москва: ИСЛ РАН. С. 472–490.

- Славянские ареалы, 2019, *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы*. Отв. ред. С.М. Толстая. Москва: «Индрик».
- Славянские ареалы, 2021, *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы*. 2. Отв. ред. С.М. Толстая. Москва: «Индрик».
- Толстая Светлана М., 2002, *Московская школа этнолингвистики*, “Opera Slavica. Slavistické rozhledy”. Brno, го. XII, ч. 2. S. 1–9.
- Толстая Светлана М., 2005, *Полесский народный календарь*. Москва: «Индрик».
- Толстая Светлана М., 2008, *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва: «Индрик».
- Толстая Светлана М., 2010, *Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике*. Москва: Книжный дом «Либроком».
- Толстая Светлана М., 2015, *Образ мира в тексте и ритуале*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Толстая Светлана М., 2019, *Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике*. Москва: «Индрик».
- Толстая Светлана М., лекция, *Этнолингвистика: современное состояние*. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html>.
- Толстой Никита И., 1963, *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава* (I), “Вопросы языкознания”. № 1. С. 29–45.
- Толстой Никита И., 1966, *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава* (II), “Вопросы языкознания”. № 5. С. 16–36.
- Толстой Никита И., 1968, *Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии*, [в:] *Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов*. Доклады советской делегации. Москва: «Наука». С. 339–365.
- Толстой Никита И., 1969, *Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды*. Москва: «Наука».
- Толстой Никита И., 1995, *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва: «Индрик».
- Толстой Никита И., 1997, *Избранные труды*. Т. 1. *Славянская лексикология и семасиология*, ред. С. М. Толстая. Москва: «Языки русской культуры».
- Толстой Никита И., 1998, *Избранные труды*. Т. II. *Славянская литературно-языковая ситуация*, ред. С. М. Толстая. Москва: «Языки русской культуры».
- Толстой Никита И., 1999, *Избранные труды*. Том III. *Очерки по славянскому языкознанию*, ред. С. М. Толстая. Москва: «Языки русской культуры».
- Толстой Никита И., 2003, *Очерки славянского язычества*. Москва: «Индрик».
- Толстой Никита И., Толстая Светлана М., 2013, *Славянская этнолингвистика. Вопросы теории*. Москва: ИСл РАН.
- Толстые Никита И. и Светлана М., 1983, *Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей*, [в:] *Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов*. Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации. Москва: «Наука». С. 213–231.
- Трефилова Ольга В., 2003, *Редкие глаголы говорения в старославянском языке*, [в:] *Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых*. Вып. 1. Москва: ИСл РАН. С. 252–258.
- Трефилова Ольга В., 2013, *Читать, считать, почитать в старославянском языке*, [в:] *Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Н.И. Толстого*. Москва: «Индрик». С. 377–396.

- Узенева Елена С., 2001, *Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование*. Москва: «Индрик».
- Усачёва Валерия В., 2003, *Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации. Обратный словарь*. Москва: «Индрик».
- Усачёва Валерия В., 2008, *Магия слова и действия в народной культуре славян*. Москва: ИСЛ РАН.
- Plotnikovová Anna A., Uzeňovová Elena S., 2018, *Karpatské tradice v balkánské perspektivě: etnolingvistické aspekty / Карпатские традиции в балканской перспективе: этнолингвистические аспекты*. Ostrava: Ostravská univerzita – Ústav slavistiky Ruské akademie věd.

Moscow Ethnolinguistic School: ideas, investigations, researchers

Abstract: This review outlines the origins of the Moscow Ethnolinguistic School of N.I. Tolstoy. It describes the object of ethnolinguistic research, its objectives, research methods, and its relationship with other disciplines in the humanities. The main postulates of this area of Slavic studies were developed by the members of the Academy of Sciences N.I. Tolstoy and S.M. Tolstaya. Special attention is paid here to the study of Polesye as one of the archaic Slavic areas, for the compilation of a unique ethnolinguistic dictionary *Slavic Antiquities*, the first encyclopedic dictionary of the traditional spiritual culture of all Slavic peoples. The chapter introduces specific topics of research (the calendar, the family, the rituals) and the lines of research of Moscow ethnolinguistics: cultural semantics, lexical and semantic typology, the semantic reconstruction of Slavic vocabulary and phraseology, etc. The main publications of the members of the School, mostly monographs, are briefly characterized, as well as the teaching of these scholars in the universities in Russia and abroad. References are also made to other schools and research teams in Russia (Yekaterinburg, Kursk, Perm, etc.) and other countries (Belarus, Poland, Bulgaria, etc.) that are close in spirit, subject matter, and methodology; they study various segments of traditional Slavic culture, including mythology and folklore, using ethnolinguistic methodology.

Keywords: Slavic ethnolinguistics; history of Slavic studies; Moscow ethnolinguistic school; N.I. and S.M. Tolstaya; Polesye; ethnolinguistic dictionary *Slavic Antiquities*

Елена Л. Березович

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-1688-2808

e-mail: berezovich@yandex.ru

Ксения В. Осипова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-2285-6112

e-mail: K.V.Osipova@urfu.ru

Уральская школа этимологии, ономастики и этнолингвистики¹

Резюме: В статье рассматриваются актуальные направления научных исследований Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики под руководством Марии Э. Рут и Елены Л. Березович. Предлагается обзор ключевых работ, выполненных за последние 15 лет. Уральскими лингвистами продолжается начатая 60 лет назад Александром А. Матвеевым работа по полевому сбору севернорусской диалектной лексики и ономастики, их лексикографическому представлению, а также семантико-мотивационной, этимологической и этнолингвистической интерпретации. К новым направлениям деятельности Школы относятся региональные этнолингвистические исследования, ориентированные на комплексный анализ и представление языковых и этнокультурных сведений о локальной традиции, а также лингвистическое изучение корпуса фольклорной лексики, предполагающее ее семантико-мотивационную реконструкцию и лексикографическую обработку. Развиваются исследования, посвященные феномену наивной лингвистики. Силами большой группы исследователей предпринимается этнолингвистическое изучение апеллятивной и проприальной лексики, относящейся к народной минералогии. Исследуемый материал включает не только факты диалекта, но лексику социолектов.

Ключевые слова: Уральская школы этимологии, ономастики и этнолингвистики, этнолингвистика, ономастика, диалектная лексика, этимология, полевые исследования, Русский Север.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Если представить, что лингвистическая аксиология займется когда-либо изучением авторефлексивных исследовательских ценностей, то одной из первых, вероятно, будет выделена такая ценность, как *научная школа*. Отношение к научным школам в XXI веке может быть разным, поскольку коннотации слова *школа*, отсылающие к некоторому традиционному консерватизму, кажутся несколько не стыкующимися со стремительной сменой научных проблем, которую определяет сам калейдоскоп современной жизни. Но для авторов этой статьи, как и для их многочисленных соратников, принадлежность к научной школе является залогом решения самых серьезных научных задач, поэтому говорить об устаревании этого института более чем преждевременно: речь должна идти о способности научных школ к динамичному обновлению. Это можно проиллюстрировать на примере Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики.

В 2006 году в журнале *Etnolingwistyka: Problemy Języka i Kultury* была опубликована статья Любови А. Феоктистовой *Этнолингвистические исследования в Уральском университете*, в которой говорилось, в частности, о том, что в развитии Уральской ономастической школы, существовавшей к тому времени в университете более 40 лет, наступил новый этап. Начало XXI столетия совпало с пониманием того, что основанная Александром К. Матвеевым ономастическая школа² обрела новое направление: привычные для уральских лингвистов системно-структурный и этимологический аспекты изучения ономастики и диалектной лексики дополняются этнолингвистическим уровнем, как бы «надстроенным» над классическими методами лингвистических исследований. Словосочетание *этнолингвистический аспект* все чаще выносится в заголовки научных работ, а значит – становится принципиально важным для уральских ученых, интересы которых составляет не только слово как самодостаточная языковая единица, но слово как источник знаний о традиционных представлениях, как живущий здесь и сейчас реликт культуры (главным образом, архаической).

Обобщающая статья Любови А. Феоктистовой отразила процесс зарождения уральских этнолингвистических исследований, благодатной почвой для которых стали работы уральских топонимистов, шире – ономастов и диалектологов (начавших свою деятельность еще в 60-е гг. XX века), и обозначила новые направления в исследованиях духовной культуры через призму диалектной лексики, апеллятивной и проприальной. С момента выхода статьи прошло 15 лет: за это время выросло новое, молодое поколение ученых, а работы корифеев вышли на новый уровень, который показал, что

---

² О роли Александра К. Матвеева в создании школы см. в (Березович, Варбот, Гусева, Рут 2006). Об истории Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики см. также (Березович 2020).

этнолингвистические исследования на Урале – это не мимолетное увлечение, а долговременное призвание. Было решено переименовать *Уральскую ономастическую школу* в *Уральскую школу этимологии, ономастики и этнолингвистики* (под руководством Марии Э. Рут и Елены Л. Березович). В данной статье мы бы хотели сосредоточиться, прежде всего, на том, что произошло с уральской этнолингвистикой за последние 15 лет – провести линию от первых ее исследований к новым темам, методам и именам.

В прошлом году школа Александра К. Матвеева отметила 60-летие. Именно в 1961 г. появилось ее научное ядро: сотрудники и студенты кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета поехали в первую экспедицию за топонимией. С тех пор уральская Топонимическая экспедиция выросла в крупнейшую в стране, а еще, наверное, в Европе и даже мире: ее участники побывали на обширных территориях от Русского Севера до Западных Саян³. Полевая работа – главный (хоть далеко не единственный) источник научного вдохновения для уральской школы, а ориентация на материал, впервые вводимый в научный оборот, – один из важнейших принципов научной «идеологии». Важно помнить, что лексика национального русского языка, больше всех в мире «растянутого» в пространстве, до сих пор на значительный процент не только не интерпретирована, но даже не собрана. При всей значимости «вторичных» словарей, препарирующих в разных аспектах уже известные данные, составление «первичных» словарей не просто актуально, а жизненно необходимо для спасения языка.

По сей день уральские этнолингвисты продолжают сбор ономастики, диалектной лексики, материала из сферы широкой этнолингвистики на территории Русского Севера. В связи с расширением научных интересов школы, а также существенными изменениями в жизни диалекта (например, неизбежным забвением топонимических систем, географической, промысловой терминологии) – существенно сместились акценты в сборе лексического материала. Сейчас сбор диалектной лексики предполагает восстановление широкого этнографического и фольклорного контекста, т.е. отражение связанных с ней бытовых и обрядовых практик, народной аксиологии. На данный момент завершен фронтальный сбор лексики и ономастики на территории Архангельской и Вологодской областей, впереди – задача фронтально обследовать Верхнее Поволжье, Западное Беломорье – и вернуться на Средний Урал, где экспедиция давно закончила свою деятельность, но в связи с новыми задачами (более пристальный сбор лексики материальной и духовной культуры, лексики и ономастики горного дела и пр.) возникла необходимость повторных полевых исследований.

³ Об истории экспедиции см., например в (Рут 2011).

Изучаемый участниками школы языковой материал (преимущественно полевой) включает:

- русскую ономастику – топонимию, антропонию, хрононимию, астрономию etc., функционирующую главным образом в диалектной среде;
- русскую лексику и фразеологию, фольклорные тексты;
- проприальные и апеллятивные единицы, принадлежащие тем языкам и диалектам, которые значимы для проведения этимологических, контактологических, типологических исследований: финно-угорским языкам (в том числе субстратным), славянским, романо-германским, тюркским.

Говоря о круге интересов уральских ученых, укажем, что этимология и ономастика интересовали их с момента зарождения Школы, этнолингвистика, как говорилось выше, добавилась в последнюю четверть века. Если придерживаться терминологии, которая принята в одной из крупнейших мировых школ этнолингвистики XX–XXI вв. – Московской этнолингвистической школе под руководством Никиты И. и Светланы М. Толстых, то уральские исследования относятся в первую очередь, к «узкой» этнолингвистике, изучающей традиционную духовную культуру в зеркале языка. «Узкую» этнолингвистику в данном случае стоит трактовать как этносемантику языка – в отличие от «широкой» (эталонно проявленной в словаре «Славянские древности»), занимающейся этносемиотикой культуры.

Основные направления исследований Школы таковы.

Этнолингвистическое изучение ономастики

Этнолингвистические штудии в нашей школе начались, как было указано выше, с исследования различных групп имен собственных. Толчком стали работы Марии Э. Рут, предпринявшей масштабное изучение образной номинации на примере севернорусской диалектной ономастики. Поскольку образная номинация «опирается при своем возникновении на мифологическую концептуальную модель отождествления разнокатегориальных предметов реальной действительности» (Рут 1992: 129), ее анализ позволяет реконструировать те категориальные связи, которые характеризуют архаическое сознание. Севернорусская топонимия, астрономия и прозвищные антропонимы отразили традиционную русскую образную систему, воплотившую земледельческую точку зрения: ей присущи конкретные образы-модели, связанные «с предметами, орудиями и результатами, продуктами деятельности крестьянина-земледельца» (Там же: 128).

Другое направление исследований Марии Э. Рут связано с изучением русской народной астрономии как специфической области наименований объектов звездного неба. Результаты этих исследований представлены во многих широко известных публикациях, в числе которых «Словарь астрономов: звездное небо по-русски» (Рут 2010). Своеобразие народной астрономии состоит в том, что, в отличие от международной номенклатуры, она «национальна по своему составу и связана с гораздо меньшим числом объектов: называются только наиболее заметные и наиболее значимые в практическом отношении объекты – те, по которым можно определять время, направление движения, прогнозировать погоду и т. п.» (Там же: 6). Севернорусские астрономы ценны для этнолингвистического исследования тем, что отражают мировосприятие крестьянина-земледельца, особенности его промысловой и хозяйственной деятельности (Там же: 4). Например, в северо-восточных говорах русского языка известны названия *Лось* для Большой Медведицы, *Утиное Гнездо* для Плеяд, *Кичиги* <простейшее молотило> для Пояса Ориона, *Птичий Путь* для Млечного Пути (Там же: 19).

Методы этнолингвистического изучения ономастики в дальнейшем были развиты Еленой Л. Березович в диссертации «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте», магистральной задачей которой стало выявление своеобразия топонимии как языкового источника информации о духовной культуре народа (Березович 1998: 7). Этнолингвистическая информация, извлекаемая из анализа топонимии, не исчерпывается представлениями о пространстве, но, «например, может эксплицитировать информацию, связанную с социальной структурой общества, межличностными отношениями, выражающую представления о сверхъестественном и т. п.» (Там же: 14). Одним из главных методов, используемых для получения традиционных знаний, выбирается идеографический анализ: «Носителем этой информации становится сама идеографическая сетка, структурирующая семантическое пространство топонимии. Этнолингвистически значима не только собственно идеографическая сетка, но и относительная наполненность различных ее разделов, которая выражается в разной частотности названий, реализующих сходные или тематически близкие идеи» (Там же: 41). Идеографический анализ в данном случае близок семантической типологии, а выделяемые идеограммы – семантическим полям: при построении классификации учитывается не только и не столько прямое значение апеллятива, лежащего в основе названия, но и переносное, связанное с характером топонимической семантики, ср. гидронимы типа *Куричий Ручей*, *Куриный Брод*, помещаемые не в группу «Фауна», но интерпретируемые в связи с признаками ‘близкий к деревне’, ‘мелкий’ (Там же: 31). Выстраивая концепцию географического пространства в русской топонимии, автор отвечает на вопросы: как локализуются объекты в пространстве, какова позиция субъекта, какие ландшафтные реалии

маркируются в структуре ментального образа пространства, каков «охват» местности, протяженность и обжитость пространства, а также определяет специфичную для народной топонимической системы концепцию заветного места – например, нечистого или святого, места смерти или захоронения. Исследование севернорусской топонимии сыграло ключевую роль в жизни уральских этнолингвистов: разработанная методика, сочетающая элементы идеографического, семантического и мотивационного анализа, стала использоваться последующими поколениями исследователей.

Основой многих других этнолингвистических исследований также становится ономастический материал, по-настоящему уникальный и родной для Школы, выросшей из работ Александра К. Матвеева и его последователей.

Так, диссертация Юлии Б. Воронцовой «Коллективные прозвища в русских говорах» (Воронцова 2002) вносит существенный вклад в изучение диалектной антропонимии, большую часть которой составили севернорусские прозвища, собранные Топонимической экспедицией Уральского университета. В задачи исследования входит выявление ономаσιологической, идеографической и лингвогеографической специфики этого разряда ономастики (например, типичных моделей номинирования, системных отношений прозвищ и пр.). Поскольку прозвища обладают несомненным этнолингвистическим потенциалом, их анализ позволяет судить не только о месте жительства, но и о промыслово-хозяйственной деятельности, гастрономии, бытовых привычках, психолого-интеллектуальных характеристиках их носителя, а также инокультурных взаимодействиях и пр. Так, «птичья» модель в прозвищах жителей соседних деревень в бассейне р. Мезень (*зелезени, тетеры, кукушки, совы, вороны, дрозды, крохали*) может отражать традиции тотемного номинирования и быть маркером субстратной зоны. Аккумулированные исследователем материалы и разработанные принципы лексикографического описания прозвищ были систематизированы в *Словаре коллективных прозвищ* (СКП).

Ольгой В. Моргуновой (Атрошенко 2013) рассматриваются народные хрононимы – ономастические единицы, отражающие представления о времени и календарном цикле. В поле зрения исследователя попадают наименования отрезков годового времени (дней, недель, постов, мясоедов и т. д.), приуроченных к календарным датам либо к подвижным православным праздникам, а также факты словообразовательной (*афанасьевские морозы* ‘морозы около дня св. Афанасия’) и семантической (*авдотья-сеногнойка* ‘мелкий дождь в день св. Евдокии’) деривации на основе хрононимов. Ольга В. Моргунова выделяет несколько уровней семантики хрононимов – денотативный, мотивационный, коннотативный и прагматический, а также обращает внимание на сквозные компоненты значения (оценочный, этнокультурный и идеологический) и смыслы, возникающие в хрононимических микросистемах (при сопоставлении мотивационных признаков взаимосвязанных хрононимов).

Многоаспектный этнолингвистический анализ выявляет роль календарного наименования в организации повседневной жизни крестьянина, сельскохозяйственных работ и промысловой деятельности, регламентирующую, прогностическую, магическую функции хронима в фольклоре, помогает реконструировать представления о времени, закрепленные в приметах, поверьях, предписаниях, магических практиках и др. На основе собранного материала в соавторстве с Юлией А. Кривошаповой и Ксенией В. Осиповой был выпущен этнолингвистический словарь *Русский народный календарь* (РНК), который насчитывает более 7 000 календарных наименований, фразеологизмов и устойчивых сочетаний с их участием, а также хронимических дериватов. Кроме того, иллюстративная зона статьи включает сопряженные с хронимом обычаи, ритуальные практики, приметы, предписания и пр.

Отдельное направление научных изысканий Школы – исследование производных от ономастических единиц: эта тема особенно дорога уральским этнолингвистам, поскольку, во-первых, соединяет собственно ономастические исследования, с которых начиналась Школа Александра К. Матвеева, и изучение диалектной лексики и традиционной культуры. Во-вторых, обнаруживает зыбкость границ между онимами и апеллятивной лексикой и необходимость выявления механизмов их постоянного взаимодействия.

К первым работам подобного рода относится диссертация Инны В. Родионовой (Родионова 2000), в которой рассматриваются дериваты имен библейских персонажей, выявляющие особенности трансформации библейской лексики в народной традиции, а вместе с этим и фрагмент народной религиозной картины мира. В работе были подвергнуты исследованию функционирующие в русских диалектах лексические единицы, которые являются производными от агонимов – имен персонажей (26 антропонимов) и локусов (7 топонимов) библейско-христианской традиции – всего порядка 780 номинативных фактов. Один из новаторских результатов исследования связан с реконструкцией семантики народного агонима, состоящей из текстового, сакрального и оценочного компонентов.

Если изучение системных отношений нарицательной лексики – довольно традиционная лингвистическая тема, то системные связи между именами собственными, тем более антропонимами, верифицировать достаточно сложно, а факторы, определяющие формирование микросистемы далеко не однозначны. В диссертации Дарьи М. Голиковой (Голикова 2019) предлагается способ верификации языковых и культурных системных связей личных имен путем анализа их семантических дериватов. Рассматривая лексику, фразеологию и паремиологию английского, французского и русского языков и их диалектов, исследователь формулирует несколько факторов возникновения систем онимов. К экстралингвистическим факторам относятся связи на основе прецедентных текстов (ср. англ. *Mary u John* ‘муж и жена’, имеющее

корни в английском фольклоре и литературе), взаимодействие имен или персонажей-носителей этих имен в культурном, ритуальном или бытовом кодах; к собственно лингвистическим – деривация от мужского и женского вариантов имени, а также различные виды фонетической аттракции (Голикова 2019).

Вопросу восстановления системно-языковых и культурных коннотаций личного имени, а вслед за этим – поиску этимологических решений для «темных» слов посвящена серия работ Любови А. Феоктистовой (2019; 2017; 2016) и Елены Л. Березович (см., например, Березович 2007: 278–292). Этимология апеллятивов, формально тождественных имени собственному, должна подтвердить или опровергнуть генетическую связь апеллятива с именем. Необходимая для этимологии реконструкция ассоциативно-деривационной семантики имени невозможна без системного семантико-мотивационного анализа лексики, а также обращения к комплексу экстралингвистических сведений: фольклорным текстам, историко-культурному фону и пр. В силу специфики личных имен – наличия идентичных имен в разных языках – продуктивными оказываются сопоставительные исследования коннотативной семантики имени в разных языках, позволяющие выделить закономерности семантической деривации на базе имен собственных (Feoktistova, Spiridonov 2016).

Этнолингвистический потенциал топонимии раскрывается в серии статей Юлии А. Кривошаповой, посвященных анализу наименований, восходящих к топонимам *Сибирь* (Кривошапова, Макарова 2010), *Путер* (Кривошапова 2012), *Москва* (Березович, Кривошапова 2015; 2014), *Волга* (Кривошапова 2018) и пр. Именно апеллятивная лексика позволяет восстановить коннотативные спектры топонимов, знаковых для русской традиции, и увидеть их национально-культурную специфику.

Результаты многих ономастических исследований Школы опубликованы в журнале «Вопросы ономастики», который выпускается на кафедре с 2004 года, продолжая традиции периодического сборника «Вопросы топонимастики» (затем – «Вопросы ономастики»), выходявшего в Уральском университете с 1962 по 1991 гг.

Семантико-мотивационная реконструкция лексики

Рассмотрение русской (преимущественно севернорусской) диалектной лексики, которое проводилось и проводится уральскими исследователями на широком общерусском, инославянском фоне, а также в сопоставлении с данными финно-угорских, тюркских и германских языков, позволило выделить основные процедуры этнолингвистического анализа, наиболее востребованные нашими учеными. Базовым источником этнолингвистической информации признается внутренняя форма слова, а также его семантико-мотивационные

отношения и смысловые связи в составе устойчивых единств – фразеологизмов, присловий, паремий и пр. Обращение к деривационной и фразеологической семантике требует широкого исследовательского охвата: слово обычно рассматривается в масштабе семантико-деривационного комплекса (т.е. совокупности лексических и фразеологических единиц, для которых данная лексема является мотивирующей), а также семантико-мотивационного поля, которое включает лексемы, объединенные общностью семантики, и единицы, мотивационно с ними связанные. Таким образом, основным принципом изучения лексики становится системность, которая позволяет выявлять мотивационные параллели, заполнять семантические лакуны и даже прогнозировать семантическую деривацию. Комплексность изучения лексики помогает обнаружить такие явления, как системная метафора, регулярная многозначность, а также определить ряд различных вторичных взаимодействий – паронимической аттракции, контаминации и пр.

«Этнолингвистичность» подобного подхода заключается в том, что он позволяет выявить семантически разработанные области, охарактеризовать основные концептуальные (тематические) коды, а значит – определить ключевые смыслы культурно-языковой традиции и закономерности языковой интерпретации. В то же время анализ нередко «раскручивается» от конкретного факта: казалось бы, единичное слово с уникальной семантико-мотивационной структурой становится толчком к исследованию, которое обнаруживает системность и далеко не исключительность данного явления.

Именно поэтому исследования Елены Л. Березович (см.: Березович 2007; 2014) условно делятся на те, где последовательно изучается отдельная семантико-мотивационная группа (например, культурные коннотации прецедентных географических названий; языковой образ соседа, врага или чужого, этнический автостереотип; микросистемы на основе терминов родства; системная метафора, например, «тканевая» и производственная), и те, которые строятся вокруг мотивационной истории конкретного языкового факта: этимолого-мотивационные комментарии к словам и выражениям *ущер, потексы, не в свои сани не садись*, название ветра *мужичок, Иван да Марья, Тунун тебе на язык, Сивого коня в поле не видать*, наблюдения над семантикой слова *люди, романтика* и многие другие.

Групповая семантико-мотивационная реконструкция становится основным методом исследований, проводимых молодым поколением уральских этнолингвистов. За последние 15 лет на кафедре были защищены кандидатские диссертации, посвященные наименованиям категориальных признаков пищи (Пьянкова 2008), лексике семантического поля «Огонь и горение» (Верхотурова 2009), лексике с числовым компонентом (Шабалина 2011), словам со значением быстроты и медлительности (Борисова 2016), лексике, выражающей отношение человека к собственности (Едалина 2016), лексическим

единицам, составляющим семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» (Кучко 2017), словам, обозначающим элементы традиционного костюма (Тихомирова 2013) и др.

Как уже говорилось, уральские исследователи постепенно осваивают изучение славянского фона, включая в свои работы контрастивно-типологический анализ лексической семантики в русских и инославянских диалектах. В связи с этим хочется отметить диссертационное сочинение Ксении В. Осиповой (Пьянкова 2008), в котором воссоздается структурно-ретроспективная модель сложной семантической системы, образованной смысловыми связями русской лексики, обозначающей категориальные признаки пищи – «жирный», «кислый», «соленый», «сладкий» (не только воссоздается, но и интерпретируется с этнолингвистических позиций); это лексико-семантическое пространство в ряде случаев вводится в славянский контекст, что позволяет предложить более объемные и полные мотивационные решения для ряда слов. Можно сказать, что признаковая «пищевая» лексика оказалась «идеальным газом» для анализа семантической системы в двух ее измерениях – гнездовом и полевом, что позволило автору создать алгоритм исследования диахронической семантики, применимый и к другому лексическому материалу.

Диссертация и статьи Олеси Д. Суриковой (Сурикова 2016ab) уточняют роль словообразовательного аспекта в устоявшемся алгоритме семантико-мотивационной реконструкции с этнолингвистическим «прицелом». Автор выбирает для анализа русскую диалектную лексику с определенной приставкой (*без-*) и конструкции с соответствующим предлогом в фольклорных текстах. Олеся Д. Сурикова показывает, что приставка *без-* представляет собой особо благодатный материал для семантико-мотивационного исследования: она обладает относительной смысловой полноценностью (а не «намекami») на смысл, как некоторые другие приставки), аксиологичностью (точнее, антиаксиологичностью, – и это «анти» делает выпуклее отрицаемые ею ценности), широтой корневого сочетаемости и др. Изучая приставку *без-* в составе русской диалектной лексики и предлог *без* в пословицах, поговорках, загадках, заговорах, причитаниях, автор получил доступ к значимому фрагменту картины мира традиционного крестьянского социума.

Методика семантико-мотивационного анализа лексического поля на диалектном материале была отработана в докторской диссертации Татьяны В. Леонтьевой (Леонтьева 2013; 2015). Здесь лексика, связанная с семантикой социальной регуляции, представляется как совокупность мотивационно-семантических полей (среди них – «Гощение», «Воспитание и обучение», «Труд»), каждое из которых может быть рассмотрено с точки зрения идеографической, семантической организации и во взаимосвязи с другими словесными группами. Выбранные лексические группы рассматриваются через призму их мотивационных отношений, что позволяет увидеть диалектную

специфику слов, осуществить этимологическую реконструкцию «темных» лексических единиц, а также сделать выводы об особенностях культурно-языковой традиции (основной корпус изученной лексики относится к севернорусским говорам). Следует особо отметить трудности работы с лексикой социальной регуляции: в данном случае собственно поиск объекта исследования представляет собой более чем нетривиальную задачу, поскольку изучаемая лексическая группа не является объектом логической категоризации, не объединена родовым словом (что могло бы свидетельствовать о категоризации языковой) – и вместе с тем представлена в языке ярко и объемно, поскольку обозначаемые ею феномены имеют большую социокультурную значимость. Отсюда ясно, что в работе ставятся, по сути, две цели – значимая общетеоретическая задача выявления лексических множеств с неявной категоризацией, а также задача этнолингвистической интерпретации изучаемой лексической группы.

Сходные трудности прослеживаются и в работе с другими группами абстрактных слов – скажем, с «лексикой обмана»: многогранность феномена обмана, трудноуловимое переплетение в нем гносеологических, этических, поведенческих, ритуальных аспектов задает сложность анализа языковой рецепции этого явления. Есть и трудность субъективного плана: не раз встретившиеся неточности дефиниций дифференциальных диалектных словарей. Эти сложности удалось преодолеть Валерии С. Кучко (Кучко 2017), которая воссоздала полевую модель, организующую семантику «обманной» лексики говоров, а также осуществила ее мотивационный анализ, примененный не только по отношению к системно-языковой номинации, но и к текстовым словоупотреблениям: автор показывает способы создания образа обмана в произведениях некоторых жанров фольклора.

Этнолингвистическое портретирование

Поиски способа этнолингвистической интерпретации и последующего емкого представления материала приводят к формированию методики этнолингвистического портретирования. Поначалу термин «портрет» использовался в ономасиологических исследованиях как вид обобщения и упорядочения отдельных приписываемых объекту признаков, выявленных в результате ономасиологического анализа наименований (Березович, Рут 2000). Это направление исследований было продолжено в диссертации Александры В. Тихомировой (Тихомирова 2013), посвященной ассоциативно-деривационной и фразеологической семантике наименований одежды в русской языковой традиции. На основе мотивационного анализа выстраиваются ономасиологические портреты наименований одежды, обуви, головных

уборов, которые имеют наибольшую коннотативную нагрузку в русской языковой традиции, среди них – *лапоть, сапог, валенок, калоша, башмак, отопок, портянка* и *онучи; рубаха, сарафан, штаны (портки, брюки), юбка, шуба, варежки (рукавицы); шапка, колтак, шляпа, платок.*

Постепенно термин *ономасиологический портрет* становится тесным для этнолингвистов, в поле зрения которых попадает вся совокупность семантико-деривационных связей слова («левая» и «правая» мотивация), а также соотносимые со словом факты языка культуры – фольклора, верований и обрядов и пр. Впервые понятие *этнолингвистического портрета* как способа выявления и структурирования этнолингвистической информации предложено в диссертации Юлии А. Кривошаповой (Кривошапова 2007), посвященной наименованиям насекомых в русских народных говорах. На основе диалектных данных, а также фольклорных и этнографических сведений, выстраиваются 11 этнолингвистических портретов насекомых (*бабочка, блоха, божья коровка, вошь, жуки, комар, кузнечик, муравей, муха, паук, пчела*), которые раскрывают символику насекомых в традиционной культуре. Этнолингвистический портрет включает систему мотивационных признаков, выделяемых в результате ономасиологического анализа энтомосемизмов, их дериватов, а также символические признаки насекомых в фольклоре и обрядах. Все мотивационные признаки делятся на дескриптивные, которые соответствуют реальным характеристикам денотата, а также эмпатические, связанные с ирреальными свойствами денотата, приписанными ему человеком.

Теоретические основы портретирования как методики этнолингвистического исследования были сформулированы в диссертации Наталии А. Сеницы (Сеница 2018). Этнолингвистический портрет вписывается в ряд других методик лингвистического портретирования (когнитивная дефиниция, тезаурусное описание языка фольклора, схемы описания реалий в практике Московской этнолингвистической школы) и понимается как способ комплексного представления результатов этнолингвистического исследования, который позволяет выявить структуру и основные черты языковых образов и сопоставить образы, сложившиеся в разных лингвокультурных традициях. На основе сформулированных принципов этнолингвистического портретирования предлагается опыт моделирования образа служителей культа в русском, украинском и польском языках. Отметим, что контрастивный анализ данных разных языков и диалектов составляет один из важных методических принципов уральской этнолингвистики. Сопоставление данных севернорусских диалектов с общерусскими, русской лексики – с фактами других славянских (преимущественно польского, украинского, белорусского) и неславянских языков (финно-угорских, тюркских, германских – английский, французский, немецкий) и пр. позволяет уточнить географию слова, восстановить мотивационные лакуны, возможные иноязычные влияния, определить типичные и уникальные культурно-языковые явления и т.д.

Новые направления в деятельности Школы

В последние два-три года выкристаллизовалась новая проблематика Школы, тесно связанная с уже устоявшимися линиями исследований.

Во-первых, планируется развивать региональные этнолингвистические исследования, сосредоточенные на комплексном представлении языковых и этнокультурных сведений о локальной культурно-языковой традиции. Региональными исследованиями (на материале языковых данных Русского Севера, Среднего Урала, Верхнего Поволжья, отдельных зон Западной Сибири) участники Школы занимаются давно, и одним из важнейших итогов таких занятий, к примеру, стала коллективная монография «Русский Север: лексика и ономастика», которая вышла в свет в конце 2021 года. Однако мы говорим о новом направлении, поскольку в данном случае важна именно системная организация, продуманный «симбиоз» собственно языковой и внеязыковой информации. Можно сказать, что данное направление является обращением (на новом уровне) к истокам этнолингвистики в отечественной традиции, к методике «синтетического» описания языка, культуры и быта, которой придерживались этнографы XIX в., предлагая рассматривать язык «в его бытовом и этнографическом применении». Объектом описания выбирается тематическая группа лексики (например, сфера наивной анатомии и народной медицины, область наивной лингвистики, пищевая культура и др.) и стоящая за ней этнокультурная традиция (историко-бытовые сведения, верования, обряды и пр.). Наиболее последовательно эта линия воплощается в работах Ксении В. Осиповой, посвященных севернорусской лексике пищи и питания. В ходе исследования осуществляется переход от тематического описания лексики к концептуально ориентированному и типологически значимому исследованию. Скажем, для лексики пищи таковыми являются промыслово-хозяйственная, социально-историческая, обрядовая etc., котор сферы в условиях Русского Севера получают специфическую реализацию (см. Осипова 2021; 2020; 2017 и др.). Заветная идея – последовательное описание севернорусской традиции, проявленной не только через лексику пищи, но и через наименования других сторон материальной культуры, например, утвари, одежды, построек и пр., а также понятий и явлений социальной и ментальной жизни (возраст, род/семья, дом и пр.). Важно также наладить выпуск региональных этнолингвистических словарей. Эта традиция в Школе заложена несколькими выпусками *Этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области* (ДЭИС): словарь еще не закончен – и его продолжение тоже является перспективой нашей работы.

Во-вторых, новой и значимой становится область лингвофольклористики, где важно сочетать корпусный подход к лексике фольклора и установку на ее семантико-мотивационную реконструкцию. Чувствуя

необходимость создавать жанровые словари языка фольклора, уральские этнолингвисты предприняли первый опыт на этом поприще – подготовку словаря языка причитаний. Исследование фольклорной лексики с точки зрения ее семантики и диалектных истоков стало основным научным интересом Олеси Д. Суриковой, которая готовит материалы к словарю «Причитаний Северного края Е. В. Барсова» (см. Сурикова 2019; 2020), работая в этом направлении совместно с акад. Светланой М. Толстой.

Изучение языка фольклора продолжают увать работы Елены Л. Березович и Олеси Д. Суриковой, посвященные лексике русских проклятий (Березович, Сурикова 2021; 2019 и др.). Этот же авторский коллектив совместно с Татьяной А. Агапкиной (Институт славяноведения РАН, Москва) занимается изучением языка севернорусских заговоров, предлагая расширенные семантические, семантико-мотивационные и этимологические комментарии к заговорной лексике (например, о рус. фольк. *дубоглот* см.: Агапкина, Березович 2020). Крайне интересна и плодотворна возможность масштабного исследования фольклорной ономастики, которое обретает новый поворот при сопоставлении с реально функционирующим ономастиконном определенных территорий: в этом аспекте были рассмотрены наименования городов, земли, гор, островов, морей, рек, камней, а также имена деревьев, упоминаемых в заговорах Русского Севера (см. Агапкина, Березович, Сурикова 2021; 2019, 2018аб).

В-третьих, следствием интенсивной полевой работы стал интерес к диалектной личности и ее метаязыковой рефлексии – это исследовательское направление связано с работами Елены Д. Бондаренко, посвященными феномену наивной лингвистики. В них осмысляются наиболее важные для диалектоносителя языковые проблемы, среди них – дифференциация идиомов внутри языка, дифференциация языков, функционирование имен собственных – проблема имянаречения, присвоения клички или функционирования прозвища и пр.; отдельно определяется роль метаязыковой рефлексии в фольклорном тексте. Еленой Д. Бондаренко проделан огромный труд по сбору и представлению «наивных» рукописных словарей: анализ феномена народной лексикографии позволяет обнаружить несколько типов любительских словарей – «книжка с картинками», «словарь поэта», «словарь-викторина». Результаты исследований обобщены в кандидатской диссертации и обширной монографии (см. Бондаренко 2016; 2021). Книга основана на штудиях широчайшего диапазона – от полевых сборов на границе Костромы и Вятки, чьи жители ведут постоянный метаязыковой диалог друг с другом, до архивных диалектологических исследований в Польше. Важно отметить, что у автора книги есть редкое умение наделить научную работу настоящей гуманитарной ценностью – не только в смысле темы и проблемы, а в смысле внимания и уважения к «объектам анализа» – людям, которые являются для

Е. Д. Бондаренко не просто «носителями метаязыковой рефлексии», но собеседниками и учителями.

Наконец, расширение социолингвистических, лингвогенетических и типологических горизонтов обращает этнолингвистические исследования к проблеме «*Wörter und Sachen*», с разработки которой и начался, по сути, семантический и историко-культурный «бум» в лингвистике последнего столетия (ср. деятельность одноименной школы под руководством Мерингера и Шухардта).

Работа в этом направлении связывается с освоением новых лексических сфер – и, главным образом, с изучением лексики камня, которая ведется сейчас силами большой группы исследователей (Елена Л. Березович, Елизавета О. Борисова, Сергей В. Жужгов, Елена Э. Иванова, Юрий С. Костылев, Валерия С. Кучко, Юлия А. Кривошапова, Анна А. Макарова, Олеся Д. Сурикова). Эта лексическая область (наименования объектов геммологии, минералогии, геологии) – не менее ценный вклад в сокровищницу национального лексикона, чем собственно обозначаемые ею реалии – в культуру материальную; однако этнолингвисты (да и языковеды вообще), к сожалению, ее практически не касались, так как занимались более традиционными «крестьянскими» сферами. Таким образом, необходима этнолингвистическая разработка не только диалектной лексики, но и – преимущественно – социолектной (жаргон горщиков, старателей, минералогов, арго хитников, торговые наименования и проч.). Эта словесная область парадоксальным образом сочетает в себе региональную специфику (кажущуюся новой по отношению, например, к Уралу – крупнейшему в мире центру добычи самоцветов) и способность реализовывать древнейшие мотивационные модели, проявившиеся столетия назад в разных языках мира – арабском, древнегреческом, иврите, старофранцузском и проч. (разумеется, попадая в каждый следующий социохронотоп, модель модифицировалась). Отсюда вытекает необходимость приобретения неведомых для нас ранее источниковедческих, историко-культурных, лингвогенетических знаний. При всей своей сложности это невероятно интересная и важная задача, дающая новый импульс развитию этнолингвистики.

Исследовательские направления школы не ограничиваются изучением исключительно народной традиции. Проблематика уральской этнолингвистики связана с взаимодействием языка и идеологии (Костылев 2012), языка и индивидуального творческого потенциала личности (Гафурова 2012), языка и процессов категоризации в наивном сознании (Попова 2013) и др. Уральская этнолингвистическая школа постоянно прирастает молодыми учеными, которые предлагают новую проблематику и новый поворот в исследованиях. Работы многих из них обещают вылиться в серьезные исследования: Марии О. Леонтьевой о соматической лексике (Леонтьева 2019; Березович, Леонтьева 2021), Яны В. Мальковой о лексике с семантикой отвращения, вражды или соперничества (Малькова 2019, 2020) и др.

Не прекращается работа Школы по лексикографической интерпретации материала. Помимо того, что продолжается Словарь говоров Русского Севера (выпущено 7 томов, подготовлено 2 тома дополнений – а впереди еще не менее 10 томов), планируется выпуск Словаря говоров Костромской области. В нем этнолингвистический аспект работы будет проявлен еще более ярко, поскольку в последнее время при сборе диалектной лексики особое

внимание уделялось таким темам, как народная медицина, демонология, семейные обряды, игры и развлечения etc. Помимо классических диалектных словарей, постоянно выходят в свет ономастические проекты: среди них – упомянутые выше словари астрономов, коллективных прозвищ, календарных наименований. Кроме того, планируются к выпуску этнолингвистический словарь *Пища Русского Севера*, свод любительских диалектных словарей, словарь уральской лексики камня и горного дела и пр.

Что касается ономастики, то будет осуществляться публикация электронных баз данных (особенно актуальная для масштабного топонимического материала) и продолжаться издание аспектных ономастических словарей этнолингвистической направленности, см. уже изданные словари (РНК; Рут 2010; СКП).

Разумеется, все это невозможно без полевой работы, которая всегда питала уральских этнолингвистов. Кроме Верхнего Поволжья и Среднего Урала, планируется включить в зону исследований Западное Беломорье – Кандалакшский и Терский берега Белого моря: если Восточное (Архангельское) Беломорье изучено неплохо (в том числе нашей экспедицией), то та часть, которая входит в Мурманскую область, практически не становилась объектом внимания этнолингвистов. В то же время в плане сохранения русской архаики и в плане богатейших языковых контактов эта зона является заповедной.

Литература

О школе

- Березович Елена Л., 2020, *Уральская школа этимологии, ономастики, этнолингвистики*, [в:] *Научные школы Уральского федерального университета: энциклопедия*, под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. В. В. Запария, Екатеринбург, с. 263–276.
- Березович Елена Л., Варбот Жанна Ж., Гусева Людмила Г., Рут Мария Э., 2006, *Что такое научные школы и как они рождаются (Уральская топонимическая школа: к 80-летию ее основателя)*, «Русский язык в научном освещении», № 2 (12), с. 258–271.
- Рут Мария Э., 2011, *Топонимической экспедиции Уральского университета 50 лет*, «Вопросы ономастики», № 2 (11), с. 61–69.
- Феокистова Любовь А., 2006, *Этнолингвистические исследования в Уральском университете*, *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*, red. E. Bartmiński, Lublin, nr. 18, s. 29–46.

Кандидатские и докторские диссертации

- Атрошенко Ольга В., 2013, *Русская народная хрономимия: системно-функциональный и лексикографический аспекты*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Бондаренко Елена Д., 2016, *Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Борисова Елизавета О., 2016, *Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Верхотурова Ксения С., 2009, *Огонь в зеркале русского языка*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Воронцова Юлия Б., 2002, *Коллективные прозвища в русских говорах*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Гафурова Мария Н., 2012, *Номинативная личность как реализация языковой личности (опыт экспериментального исследования)*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Голикова Дарья М., 2019, *Системные связи личных имен христианской традиции через призму отантропонимических дериватов*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Едалина Анна А., 2016, *Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров)*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Кабинина Надежда В., 2012, *Субстратная топонимия Архангельского Поморья*: Дисс. докт. .... филол. наук, Екатеринбург.
- Костылев Юрий С., 2012, *Лексические средства создания образа врага (на примере текстов советской массовой печати 1919–1953 гг., освещающих локальные и региональные конфликты)*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Кривошапова Юлия А., 2007, *Русская этимологическая лексика в этнолингвистическом освещении*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Кучко Валерия С., 2017, *Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Леонтьева Татьяна В., 2015, *Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции*: Дисс. ... докт. филол. наук, Екатеринбург.
- Попова Екатерина В., 2013, *Когнитивная интерпретация системно-мотивационных отношений (на примере анализа «территориальных» значений этимологических гнезд гран- и меж(д)- в русском языке)*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Пьянкова Ксения В., 2008, *Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Родионова Инна В., 2000, *Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Синица Наталья А., 2018, *Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках)*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Сурикова Олеся Д., 2016а, *Лексические единицы с приставкой и предлогом без в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.

- Тихомирова Александра В., 2013, *Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции*: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Шабалина Екатерина В., 2011, Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург.

Монографии, словари

- Березович Елена Л., 1998, *Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования*, Екатеринбург.
- Березович Елена Л., 2000, *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте*. Екатеринбург.
- Березович Елена Л., 2007, *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*, Москва.
- Березович Елена Л., 2014, *Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция*, Москва.
- Березович Елена Л., Кабинина Надежда В., Кучко Валерия С., Осипова Ксения В. (редкол.), 2021, *Русский Север: лексика и ономастика*.
- Бондаренко Елена Д., 2021, *Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание*, Москва.
- ДЭС – Востриков Олег В., Липина Вера В., 2000, *Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области*, вып. 1–6–, Екатеринбург.
- Леонтьева Татьяна В., 2013, *Лексика социальной регуляции в русских народных говорах: монография*, науч. ред. Е. Л. Березович, Екатеринбург.
- РНК – Атрошенко Ольга В., Кривошапова Юлия А., Пьянкова Ксения В., 2015, *Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь*, науч. ред. Е. Л. Березович, Москва.
- Рут Мария Э., 1992, *Образная номинация в русском языке*, Екатеринбург.
- Рут Мария Э., 2010, *Словарь астрономов: звездное небо по-русски*, Москва.
- СКП – Воронцова Юлия Б., 2011, *Словарь коллективных прозвищ*, Москва.

Ключевые статьи

- Агапкина Татьяна А., Березович Елена Л., Сурикова Олеся Д., 2021, *Имена деревьев в восточнославянских заговорах*, «Вопросы ономастики», №1(18), с. 9–61.
- Агапкина Татьяна А., Березович Елена Л., 2020, *Рус. дубоглот в заговорах и диалектной лексике (к изучению мифопоэтической мотивации слов)*, Slověne, №2, с. 314–337.
- Агапкина Татьяна А., Березович Елена Л., Сурикова Олеся Д., 2019, *Топонимия заговоров русского севера. III: Камни*, «Вопросы ономастики», 2(16), с. 7–68.
- Агапкина Татьяна А., Березович Елена Л., Сурикова Олеся Д., 2018а, *Топонимия заговоров Русского Севера. I: Моря и реки*, «Вопросы ономастики», №1(15), с. 65–114.

- Агапкина Татьяна А., Березович Елена Л., Сурикова Олеся Д., 2018б, *Топонимия заговоров Русского Севера. II: Земли. Горы. Острова. Города*, «Вопросы ономастики», №2(15), с. 28–69.
- Березович Елена Л., Кривошапова Юлия А., 2015, *Образ Москвы в зеркале русского и иностранного языков: Человек. Культура. Политика и экономика*, Quaestio Rossica, № 1, с. 129–152.
- Березович Елена Л., Кривошапова Юлия А., 2014, *Образ Москвы в зеркале русского и иностранного языков: «География» Москвы*, Quaestio Rossica, № 3, с. 159–183.
- Березович Елена Л., Леонтьева Мария О., 2020, «Чемер» и «утин»: заболевания поясницы и практика их лечения, «Живая старина», № 2 (106), с. 25–28.
- Березович Елена Л., Рут Мария Э., 2000, *Ономастиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания*, «Известия Уральского университета», №3(17), с. 33–38.
- Березович Елена Л., Сурикова Олеся Д., 2019, *Названия болезней в русских проклятиях*, [в:] *Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова*, Москва, с. 111–140.
- Березович Елена Л., Сурикова Олеся Д., 2021, *О лингвопрагматике русских демонимических проклятий*, «Шаги/Steps», т. 7, № 2, с. 268–287.
- Кривошапова Юлия А., 2018, *Образ Волги в русской языковой традиции*, Quaestio Rossica, № 4 (6), с. 1188–1201.
- Кривошапова Юлия А., 2012, *Питер в русской народной языковой традиции*, [в:] *Труды КарНЦ РАН*, № 4, с. 104–113.
- Кривошапова Юлия А., Макарова Анна А., 2010, *Из материалов к Словарю русских топонимических образований: Сибирь (пробная статья)*, «Вопросы ономастики», 2010, № 2 (9), с. 106–122.
- Леонтьева Мария О., 2019, *К вопросу о мотивационном параллелизме русских народных названий болезней и клинических терминов греко-латинского происхождения*, [в:] *Преподавание классических языков в эпоху глобальной информатизации: сб. статей*, Казань, с. 51–61.
- Малькова Яна В., 2019, *Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера)*, [в:] «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология», т. 11, вып. 3, с. 47–56.
- Малькова Яна В., 2020, *Мотивационное своеобразие лексики вражды в говорах Русского Севера*, «Мир русского слова», 2020, № 3, с. 40–45.
- Осипова Ксения В., 2021, «Лесная Паши передала»: к этнолингвистической интерпретации севернорусских названий блюд из грибов и ягод, «Антропологический форум», № 49, с. 30–59.
- Осипова Ксения В., 2020, *Мясо в рационе севернорусских крестьян: этнолингвистический аспект*, «Сибирский филологический журнал», № 4, с. 308–321, DOI: 10.17223/18137083/73/21.
- Осипова Ксения В., 2017, *О принципах составления этнолингвистического словаря «Пища Русского Севера»: на примере статьи «Каша»*, «Научный альманах “Традиционная культура”», №4(68), с. 111–123.
- Сурикова Олеся Д., 2016б, *О нетривиальной семантике русских слов с приставкой без-*, «Русский язык в научном освещении», № 1 (31), с. 130–157.

- Сурикова Олеся Д., 2019, «Причитания Северного края» Е. В. Барсова как источник изучения лексики Русского Севера, [в:] *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы*, отв. ред. С. М. Толстая, Москва, с. 330–354.
- Сурикова Олеся Д., 2020, *Ономастикон «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова*, «Вопросы ономастики», №3 (17), с. 104–155.
- Феоктистова Любовь А., 2019, *Еще раз о паронимической аттракции к личному имени (на примере имени Елена в русских народных говорах)*, «Вопросы ономастики», №1(16), с. 53–70.
- Феоктистова Любовь А., 2017, *Антропонимы в апеллятивных обозначениях хмельных напитков (ерофеич, ероха, ивашико, иванушко и др.)*, «Вопросы ономастики», №2(14), с. 100–114.
- Феоктистова Любовь А., 2016, *К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени*, «Вопросы ономастики», №1(13), с. 85–116.
- Feoktistova L. & Spiridonov D., 2016, *Русский Иван и его «братья»: польск. Jan и фр. Jean (К вопросу о этнокультурной специфике личного имени)*, *Acta Onomastica*, 56, s. 76–92.

Ural School of Etymology, Onomastics and Ethnolinguistics

Abstract: The chapter deals with current research trends of the Ural School of Etymology, Onomastics and Ethnolinguistics under the guidance of Maria E. Root and Elena L. Berezovich. An overview of the school's key works carried out over the past 15 years is offered. Ural linguists continue the work initiated 60 years ago by Alexander A. Matveev on the field collection of Northern Russian dialect vocabulary and onomastics, their lexicographic representation, as well as their semantic-motivational, etymological and ethnolinguistic interpretation. New areas in the school's activities include regional ethnolinguistic research focused on a comprehensive analysis of linguistic and ethnocultural local traditions, as well as the study of folk vocabulary, involving its semantic-motivational reconstruction and lexicographic presentation. Research devoted to the so called "naive linguistics" is developing. Many researchers undertake ethnolinguistic analyses of the lexis of folk mineralogy. The studied material includes not only dialectal but also sociolectal vocabulary.

Keywords: Ural School of Etymology, Onomastics and Ethnolinguistics; ethnolinguistics; onomastics; dialectal vocabulary; etymology; field research; Russian North

Татьяна В. Володина

Институт искусствознания, этнографии и фольклора НАН Беларуси, Минск, Беларусь

ORCID: 0000-0002-9800-2199

e-mail: tanja_volodina@tut.by

Николай П. Антропов

Институт языкознания НАН Беларуси, Минск, Беларусь

ORCID: 0000-0001-6966-572X

e-mail: antropov50@gmail.com

Белорусская этнолингвистика в XXI столетии: состояние, проблемы и перспективы

Резюме: Для белорусской гуманитарной сферы характерно традиционное понимание этнолингвистики в широком смысле, т. е. как самостоятельной отрасли филологической науки, ориентированной на изучение традиционной народной культуры, понимаемой, в свою очередь, как система знаков, исследование которых целесообразно и возможно с использованием законов и методологической базы, выработанных языкознанием. В статье представлен обзор основных этнолингвистических исследований, много- и разноаспектность которых обусловлена широким и при этом достаточно диффузным проблемным полем; отсутствием заметного размежевания лингвокультурологии, этнолингвистики и в некоторой степени этнофразеологии; довольно обособленным функционированием разных научных центров, по преимуществу в вузах страны; собственными интересами исследователей. Для белорусской этнолингвистики на сегодняшний день приоритетным является картографирование явлений духовной культуры и дальнейшее изучение географии культурных явлений в их пространственной интерпретации, причем не только в границах Беларуси, но и в компаративном аспекте.

Ключевые слова: этнолингвистика; фольклористика; лингвокультурология; этнофразеология; лингвогеография; картографирование; атлас.

Этнолингвистическое направление в белорусской гуманитарной сфере в нынешнем XXI столетии продолжило развитие, заложенное исследованиями и разработками предыдущих периодов, о которых нам уже приходилось высказываться в обзорах 2006 и 2008 годов (Антропов, Володина 2006; Антропов 2008).

Для белорусской ситуации характерно понимание этнолингвистики в широком смысле, т. е. как самостоятельной отрасли филологической науки, ориентированной на изучение традиционной народной культуры и понимаемой как система знаков, исследование которых целесообразно и возможно с использованием законов и методологической базы, выработанных языкознанием, – с естественным вниманием к диахронии и синхронии народной культуры, её парадигматике и синтагматике. К работам этого направления, кроме собственно этнолингвистических, следует отнести как те, в которых изучается лингвистическое наполнение этнокультурной терминологии, текстогрфии и под., так и в весьма заметной степени фольклористические исследования, опирающиеся на идеи этнолингвистики. Поэтому разграничение между большинством работ, принадлежащих к смежным научным дисциплинам, представляется весьма условным.

Кроме этого, одним из результатов сложившегося положения явилось то, что в белорусской лингвистике так и не произошло заметного размежевания лингвокультурологии и этнолингвистики – ни по предмету исследования, ни по методологии. Во многих работах, особенно начинающих исследователей, в одном ряду может постулироваться применение методов обоих направлений. Следует также отметить, что ряд исследователей, демонстрируя в целом интересные и результативные опыты изучения фрагментов языкового выражения фактов духовной культуры, по не вполне понятным причинам не соотносят свои работы с этнолингвистикой.

Очевидная много- и разноаспектность белорусских этнолингвистических исследований обусловлена рядом факторов, среди которых следует, прежде всего, назвать

(а) широкое и при этом достаточно диффузное исследовательское проблемное поле;

(б) в значительной степени обособленные научные разработки в разных научных центрах, по преимуществу в вузах страны;

(в) собственные интересы исследователей, не всегда напрямую соотносимые с планами научных работ, также явно недостаточно скоординированными.

Однако при этом представляется совершенно очевидным, что к настоящему времени значительно более выразительно, чем это было ранее, оформилось следование белорусских учёных двум важнейшим европейским этнолингвистическим направлениям, именно *московскому* и *люблинскому*. Но и не только. Вначале диссертация, а затем и монография Татьяны Н. Олиферчик «Тапанімія Заходняга Палесся (этнолінгвістычны аспект)» осуществлена в одной из парадигм *екатеринбургской* этнолингвистики (Аліферчык 2013).

Как самостоятельная научная отрасль белорусская этнолингвистика представлена в рамках работы сотрудников Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. Именно здесь в 2009 г.

состоялась институализация данного направления в рамках организованного Сектора этнолингвистики и фольклора, который возглавила Татьяна В. Володина. С 2012 года сектором заведовала Татьяна Н. Олиферчик, а с 2021 г. им руководит Елена М. Боганева. Основным направлением работы научных сотрудников сектора является этнолингвистическое картографирование явлений духовной культуры белорусов и дальнейшее изучение географии культурных явлений в их пространственной интерпретации, причем не только в границах Беларуси – «Белорусский фольклорно-этнолингвистический атлас», но и в компаративном славистическом аспекте, см., например, ряд статей (частично в соавторстве) Николая П. Антропова 2009–2020 гг.

Для исследований в сфере этнолингвистической ареалогии Виктором В. Скакуном и Тимофеем В. Авилиным с применением IT-технологий создана оригинальная электронная база данных, предполагающая систематизацию и сравнительный анализ значительных корпусов текстов и позволяющая на выходе получать карты по заданным параметрам. Объектом демонстрации на карте наряду с номинацией, обрядово-ритуальным актом, поверьем и другими невербальными знаками, выступает также фольклорный мотив.

В ежегодник «Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні» (публикуется с 2014 г.) включена отдельная рубрика «Беларускі фальклорна-этнолінгвістычны атлас», где на сегодня уже представлены блоки карт (всего около ста), посвященные белорусским версиям легенды о колосе (Боганева 2015); пятнам на луне (Боганева 2017); первому выгону скота в поле (Шрубок 2015а); внешнему виду русалок (Авілін, Антропаў, Боганева 2016); наименованиям сглаза (Шрубок 2016); представлениям, связанным с оборотнями (Авілін, Аліферчык, Боганева 2018); «ходячим» покойникам (Бажок 2020); масленичной колодке (Ляшкевіч 2020). Здесь же читатель найдет богатейшие материалы – наиболее репрезентативные и любопытные полевые записи, представленные в качестве текстового сопровождения этнолингвистических карт. Работы, осуществленные в рамках этого блока, демонстрируют системное изучение традиционной духовной и материальной культуры белорусов, их отличают введение в научный обиход новых крупных массивов качественной информации и надежная интерпретация привлеченной фактографии – с одновременным и естественным расширением за счет возможностей культурно-исторического, этнолингвистического, а при необходимости этимологического характера (Антропов, Авилин, Боганева 2018).

Этнолингвистическую ареалогию с применением новейших технических методов развивает Тимофей В. Авилин. Подготовленные им карты и исследовательские интерпретации предполагают систематизацию и сравнительный анализ значительного корпуса данных (Авилин 2019; Насенник (Авилин) 2017; Avilin 2018). Картографическая проекция народной медицины и заговоров представлена в (Валодзіна 2018; Володина 2019).

Таким образом, белорусская этнолингвистика представляет собой сегодня отдельный сегмент в отечественной гуманитарной сфере с очевидными национальными особенностями и, что принципиально важно, – направление, в рамках которого объединяются не только отдельные исследователи, но специализированный исследовательский коллектив.

В рамках *диалектологического* направления этнолингвистики, постулированного в свое время в работах основателей Московской этнолингвистической школы Никиты И. и Светланы М. Толстых, продолжается изучение тематических групп диалектной лексики, преимущественно называющей предметы и явления народного быта и культуры. Очевидно, «всестороннее этнолингвистическое изучение номинации культурных явлений на фоне их предметно-действенного состава предполагает решение более широкого круга заданий (выявление структуры культурного явления и его пространственных и социальных вариантов; выяснение плана содержания культурного явления и его элементов – основных тем и мотивов, которые формируют культурный текст; описание плана выражения – системы разноплановых единиц культурного текста; прослеживание номинативно-семантических процессов и явлений в развитии вербальных и невербальных средств выражения; реконструкция прасостояния культурного явления, выявление мотивов его номинации и т. д.)» (Конобродская 2008: 108–109).

В этой области опубликован ряд работ, в частности региональные исследования народноветеринарной лексики (Шрубок 2015б), терминологии семейной и календарной обрядности (Воінава, Палуян 2013; Воінава 2015; Воінава, Станкевіч, Хазанава 2015; Селюжыцкая 2005), наименований одежды и обуви (Станкевіч, Воінава 2004), бытовой лексики (Дзядова, Булах 2018), названий болезней (Володина 2013) и др. Идеи и методы этнолингвистики прежде всего воплощены в исследованиях номинации явлений народной духовной культуры, в частности сферы вербальной магии (Дурэйка, Янушкевіч 2017), региональной обрядности (Гапоненка, Трайкоўская 2010).

Традиционный интерес представляют диалектные словари, даже выполненные в русле классической лексикографии, которые исключительно ценны представленной в них лексикой и фразеологией, в значительной степени отражающей народную духовную культуру и интерпретированные на ее фоне¹, см., в частности, тематические словари «Наша рідна остромыцка мова» (2016), но особенно «Слоўнік народных промыслаў і рамэстваў Беларусі» Михаила М. Макаревича (2010) – фактически первый образец комплексного

---

¹ Первым лексикографическим опытом такого рода был широко известный «Тураўскі слоўнік» (1982–1987). В 2016 г. опубликован «Лінгвістычны мікраатлас Тураўшчыны», в котором на 315 картах представлена территориальная дифференциация базовой лексики этого важного региона белорусского Полесья.

описания диалектной лексики промыслов и ремесел, а именно рыболовства, пчеловодства, гончарства и др. Материалы из области народной культуры закономерно входят в состав диалектных словарей; здесь особенно стоит упомянуть такие издания, как “Мова Сенненшчыны” (2015), тематический словарь «Плытніцтва» (2019) и “Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны” (Даніловіч 2020). И словари, и сборники диалектных текстов служат важным подспорьем при реконструкции славянской (балто-славянской) народной культуры и ее архаических состояний, они важны также для понимания ситуации настоящего, сохранившей напластования разных эпох в синхронии. Принципы составления этнолингвистических словарей и соответствующий белорусский опыт на славянском фоне кратко рассматривает Анжелика Л. Садовская (Садоўская 2015).

В 2009 г. в Минске вышел объемный том архивных заметок и материалов замечательного диалектолога, уроженца и исследователя Полесья Вячеслава Л. Веренича (Вярэніч 2009), содержащий полевые записи по лексике и ономастике (имена, прозвища, топонимы и микропонимы, этнонимы) говоров Брестской и Гомельской областей Беларуси и Ровенской области Украины, сведения по истории и терминологии гончарства в Полесье и др.

Этнолингвистическую и паремиологическую картины жизни конкретного локуса на карте Беларуси (поселок Амельное Ветковского района Гомельской области) создает в своих многочисленных статьях Геннадий И. Лопатин. Особенность этих публикаций в том, что в качестве фактического материала использованы полевые записи автора, представившие лексический и фразеологический репертуар одной личности – жительницы поселка Варвары А. Грецкой (Лапацін 2019а; Лопатин 2013, 2014, 2015, 2018). Тематически публикации цикла посвящены представлениям жителей Амельного о семье, питании, ремеслах, проклятиях, животном мире, реалиям советского времени. Особенно примечателен автопортрет носителя традиции (Лопатин 2015, Лапацін 2019, 2019а). Также этнолингвистическому описанию конкретных локальных традиций посвящены сборники Александра Ф. Зайко (Зайка 2015, 2021) и Дмитрия Ф. Санько (Санько 2019).

В современной ситуации глобализации и стирания отличительных особенностей преимущественно на уровне городской культуры, но с последствиями и вызовами для культуры традиционной, актуализируются исследования идентичности. Этнолингвистическая методика в данном случае предоставляет наиболее приемлемый методологический аппарат. Так, соотношение понятий «этничность», «культурно-этническая идентичность» и «языковая картина мира» составили основу работы Ларисы В. Викторко и Натальи А. Хотько, в которой демонстрируется влияние соотношений языка и культуры на этническую идентичность (Вікторка, Хоцька 2016). Экзоэтнониму *бульбаиш* посвятил статью Владимир И. Коваль (Коваль 2010).

Остается востребованным использование этнолингвистической методологии при изучении языковой картины мира, хотя исследовательский акцент с народной культуры переносится в сферу современной ситуации, публицистических текстов, наблюдений над речевыми практиками. Соответственно, в центре внимания находятся концепты, актуальные для более урбанизированного общества, – *Родина, судьба, честь, воля, свобода, демократия* и под. (Калеснікава 2012; Паўлавец, Паўлавец 2016; Гапеева 2017; Руденко 2016, 2019а, б; Rudenka 2018). Как утверждает Елена Н. Руденко, «современные этнолингвисты не довольствуются только изучением взаимоотношений между языком, мышлением и культурой: они видят в своей науке экспланаторный инструмент для социальных процессов. Именно это сближает представителей разных направлений современной этнолингвистики: они раздвигают границы, чтобы помогать своим пользователям в решении социальных и межличностных проблем» (Руденко 2014: 148). Вместе с тем, большинство авторов признает важность обращения к мифопоэтической составляющей концепта.

Языковая и социокультурная ситуация в Беларуси обусловила тот факт, что объектом исследования белорусских этнолингвистов наряду с белорусской культурой выступают язык и культура восточных соседей (Лапицкая 2015а-в; Чернышова 2012, 2017; Холявко 2011 и др.). Интерес к украинской или польской культуре гораздо слабее; в отдельных работах актуализируется славянский фон и – что, безусловно, вызывает сожаление – практически отсутствуют сопоставительные исследования в сфере балто-славянской проблематики. При этом заметно возрастание интереса к белорусско-китайским параллелям (Коваль 2018 и др.).

Европейский контекст белорусской этнолингвистики примечателен в работах молодых исследователей. Так, в работах Анны Д. Садовской (Садовская 2016; Садоўская 2019) в методологическом русле взаимовлияний этнолингвистики и фольклора, этнолингвистики и культуры повседневности проводится сопоставительное исследование паремий свадебной тематики в белорусском и итальянском языках с привлечением иного сопоставительного материала, выявляется национально-культурная специфика и параллели традиционных представлений белорусов и итальянцев о свадьбе, браке и семье. С одной стороны, представленное исследование тесно связано с изучением архаичных форм предсвадебных и свадебных обрядовых действий, а с другой стороны, оно органично вписывается в белорусско-иноэтнический дискурс этнолингвистики. Диссертационное исследование Татьяны П. Ключенович «Этнолингвистическая специфика авторской ремарки в конструкциях с чужой речью (на материале белорусской и британской художественной прозы)» (Ключенович 2019) выполнено в русле этнолингвистики в ее «узком» понимании и посвящено выявлению лингвокультурной специфики избранного для исследования стилистического тропа.

По-прежнему популярной и плодотворной остается в белорусской этнолингвистике *этнофразеология* – лингвистическое направление на пограничье фразеологии и этнолингвистики, предметом которого является изучение устойчивых словосочетаний в этнокультурном аспекте (обзор см.: Садоўская 2014). Актуальность этнолингвистического анализа фразеологии обусловлена мощным культуроведческим потенциалом этой сферы, ее системно-языковым характером. Фразеологический фонд кодирует информацию о восприятии человеком окружающего пространства, которое является важным составляющим модели мира, и тесно взаимодействует с другими сферами традиционной духовной культуры, оказываясь органично вписанным в ее контекст (Садоўская 2008: 36). Наиболее полно этнофразеологическая проблематика представлена в работах признанного главы этого направления в белорусской этнолингвистике гомельского языковеда и этнолингвиста Владимира И. Коваля.

К гомельским фразеологам в последние годы присоединились могилевские, причем Евгений Е. Иванов и Юлия А. Петрушевская в своих работах актуализировали проблему соотношения национального и интернационального. Так, Юлия А. Петрушевская справедливо упрекает отдельных фразеологов в неоправданном преувеличении национального за счет универсального, специфического за счет общего, в результате чего искажаются объем и свойства национально-культурного компонента белорусской паремиологии. Одна из причин этого – в фактографическом анализе, который ограничивается только белорусским или белорусским в сопоставлении с русским материалом, что, естественно, существенно влияет на объективную репрезентативность результатов (Петрушэўская 2015, 2019а, б).

Этнолингвистический анализ конкретных фразеологизмов составил серию публикаций Владимира И. Коваля (2012, 2013а, б и др.), частично обобщенных в монографии (Коваль 2011), и Геннадия И. Лопатина (Лапатін 2013, 2018 и др.). Фразеологизмы как трансляторы культурной информации, как своеобразные культурные знаки рассматриваются в ряде работ Анжелики Л. Садовской (Садоўская, Баравік 2011, 2011а), Татьяны В. Володиной (Валодзіна 2009, Володина 2018а, б), Николая А. Даниловича (Даніловіч 2015), Ольги А. Лещинской (Ляшчынская 2015, 2016, 2020 и др.). На материале фразеологических единиц прослеживаются способы концептуализации и обосновывается категоризация различных эмоций, определяется их место и роль во фразеологической картине мира белорусов (Ляшчынская 2012). Анализ стереотипных характеристик мужчин и женщин и моделей их поведения на материале белорусской фразеологии позволяет выявить особенности гендерной стратификации белорусского общества. Фразеология является наиболее благоприятной почвой для изучения отношений между полами, бытующих в обществе, потому что семантика фразеологических

единиц наиболее полно и четко отражает систему мировоззрений, характерных для определенной культуры (Руденко 2014: 66).

На монографическом и словарном уровнях проработаны комплексы фразеологии с компонентами зоонимами (Мілач 2010), орнитонимами (Садоўская 2011б), соматизмами (Валодзіна 2009, 2013; Дзядова 2013), наименованиями природных стихий (Ляшчынская 2018), колоративами (Садоўская 2018в).

Вопросы исследования устойчивых выражений в этнолингвистическом аспекте регулярно обсуждаются на ставшей уже традиционной научной конференции в Гомеле, организуемой Владимиром И. Ковалем: “Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах” (2001, 2003, 2005), “Славянская фразеология в синхронии и диахронии” (2011, 2014, 2016, 2019). Организованная в 2015 г. конференция “Славянская мифология и этнолингвистика” особенно наглядно продемонстрировала актуальные темы и успехи белорусских гуманитариев (Славянская 2015).

Особую область современной белорусской этнолингвистики составляет проблематика пограничных регионов, но преимущественно белорусско-российского пограничья, которые в 2011–2019 гг. исследовались группой белорусских ученых (Николай П. Антропов, Елена М. Боганева, Татьяна В. Володина, Татьяна И. Кухаронак, Владимир А. Лобач) совместно с российскими коллегами (Ольга В. Белова, Андрей Б. Мороз, Никита В. Петров, Наталья С. Петрова, Мария В. Ясинская и др.). Изучение ареалов этнокультурных зон показало, что они могут рассматриваться не только как стыки пересечения различных традиций, но и как особые культурные коммуникационные модели, когда, по мнению Ольги Беловой, «во многом условная для традиционной культуры административная граница часто становится не столько разделительной полосой между традициями, сколько линией притяжения, вдоль которой наблюдается сокращение этнической дистанции, и культурный синкретизм достигает максимума» (Белова 2013: 205–206).

В определенной степени симбиозом обеих исследовательских парадигм – *московской* и *люблинской* – являются публикации в рамках *фольклористической* ветви белорусской этнолингвистики. Белорусская фольклористика последнего десятилетия успешно продолжает рассмотрение традиционной культуры как сложной системы символических кодов, интерпретация которых совершенно логично приводит к выявлению и описанию существенных для культуры смыслов независимо от того, в какой форме и в какой субстанции они выражены: в слове или действии, закреплены ли эти смыслы за предметом, за свойством предмета и т. п. В этом направлении успешно работает Инна А. Швед: особенно полно (на уровне многочисленных статей и монографий) представлены дендрологический (Швед 2004, 2006), колоративной (Швед 2011), орнитологический (Швед 2019), гидрологический (Швед 2014) коды, рассмотрены ряд позиций пространственного и зоологического кодов

(Швед 2018). Статьи и монографии брестской исследовательницы основываются на полевом опыте по изучению архаических форм традиционной культуры белорусов, семиотическом анализе ее языка, сравнительном изучении культурных традиций белорусов, украинцев, поляков, словаков и других народов.

Первая и результативная попытка обобщения белорусского материала сферы этноастрономии, астрономии и в целом традиционных знаний, касающихся небесных тел, представлена в монографии Тимофея В. Авилина «Паміж небам і зямлёй: этнаастраномія» (Авілін 2015). Целостный текст народной медицины белорусов в единстве языковых, предметных, ритуальных, вербальных составляющих, демонстрирует книга Татьяны В. Володиной «Цела чалавека. Слова, миф, рытуал» (Валодзіна 2009). Монография Владимира А. Лобача «Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у сяміятычнай перспектыве» (Лобач 2013) посвящена семантике и ритуальной функциональности базовых элементов традиционного культурного ландшафта белорусов как природного, так и антропогенного происхождения в системе их взаимосвязи и взаимообусловленности. Этимологический и семасиологический анализ лексем и выражений слав. *svěť* с семантикой 'lux', 'mundus' и др.-инд. *uríh lokáh*: праслав. **volъnъ(jь) svěť* осуществил в двух статьях Сергей И. Санько, что позволило ему выявить мотивы, лежащие в основе номинации, категоризации и концептуализации объектов и явлений внешнего мира (Санько 2016, 2018).

Аспекты белорусской народной культуры как системы культурных знаков (символов), языковые реализации культурных контекстов (собственно, лексике и фразеологии) демонстрирует ряд статей энциклопедического издания «Міфалогія беларусаў» (2011). Объектами этнолингвистического анализа стали и отдельные фольклорные жанры. Анжелика Л. Садовская представила читателю интересные и убедительные примеры этнолингвистической интерпретации народных песен, в том числе песен одного из этапов белорусской свадьбы (Садоўская 2013а, б; 2018). Белорусская лирика стала объектом интереса Владимира И. Ковалья, сумевшего вычленив отдельные устойчивые семантические единицы песенной традиции и рассмотреть их в этнолингвистическом ключе (Коваль 2016, 2019). В работе Анастасии А. Албут рассматриваются проклятия как текст и как этнолингвистический феномен (Албут 2008). Этнолингвистическая проблематика народной духовной культуры белорусов затрагивается также в ряде публикаций более общего характера (Кожинава 2010; Мерзлякова, Руденко, Кожинава 2010, 2011; Коваль 2012а).

Значительные достижения имеют белорусские последователи *люблинской* этнолингвистической школы. Ее наиболее яркие представители Алла А. Кожинава и Елена Н. Руденко приняли деятельное участие в международном исследовательском проекте EUROJOS по гранту «Методы

анализа языкового образа мира в контексте сравнительных исследований», под руководством профессора Е. Бартминьского, в рамках которого опубликованы 5 томов аксиологического словаря «Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów» по этнокультурным концептам «Дом», «Европа», «Свобода», «Труд», «Честь». С 2016 г. в составе международного коллектива исследователей они осуществляют новый проект, который является прямым продолжением первого, а именно «Językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów na tle porównawczym» (EUROJOS-2).

Понимание многих современных проблем в сферах массовой коммуникации, идеологии, социальной стратификации, межэтнических конфликтов предполагает обращение к более ранним состояниям языковой системы, см. работы белорусских исследователей-диахронистов (Кожинава 2017, 2019а; Руденко 2011 и др.). В работах такого рода исследователь проводит реконструкцию того или иного фрагмента модели мира, той или иной концептосферы на основе данных, полученных в результате историко-семантического и/или этимологического исследования отдельных подсистем языка. Так, Елена Н. Руденко на материале обозначений счета в старобелорусском языке проводит увлекательный экскурс в историю математического знания в Великом княжестве Литовском (Руденко 2014).

Фактически в исследовательском русле люблинской этнолингвистики работают также и другие белорусские ученые, например, Ольга Н. Жизневская (Жизневская 2018, 2019а-в), Елена А. Колесникова (Калеснікова 2012), Алексей А. Павловец (Паўлавец 2016) и нек. др., а также, естественно, польские исследователи – выходцы из Беларуси, в частности, Ирина Лаппо и Ядвига Козловская-Дода. В диссертационном исследовании Ольги Н. Жизневской «Языковые стереотипы семейных ролей матери, отца, ребенка (на материале русско- и белорусскоязычных текстов средств массовой информации)» смоделированы профили языковых стереотипов семейных ролей матери, отца и ребенка в диахронии и синхронии белорусской лингвокультуры, эксплицированные на основе лексикографических данных (этимологических словарей, словарных дефиниций, словообразовательных и семантических дериватов и метафор, народных сравнений, фразеологизмов и паремий), с одной стороны, и на материале текстов русско- и белорусскоязычных СМИ – с другой; выявлен оценочный компонент в содержании стереотипов семейных ролей матери, отца и ребенка в медиатекстах, позволяющий говорить о тенденции к десакрализации их образов в современных СМИ Беларуси; определены обновленные фрагменты фасет и новые семантические и прагматические характеристики в составе языковых стереотипов матери, отца, ребенка относительно их традиционных этнокультурных стереотипов (Жизневская 2018).

Преподавание спецкурса этнолингвистики на филологических специальностях в вузах страны обусловило, естественно, создание необходимой

учебной литературы. За последнее десятилетие в Беларуси вышли из печати несколько работ этой направленности. Учебное пособие Елены С. Дедовой (Витебск, 2013) включает конспекты лекций, тесты и экзаменационные материалы для студентов-белорусистов. Учебник Елены Н. Руденко (Минск, 2014) представляет классическое ядро славянской этнолингвистики, определяет ее связи с другими лингвистическими дисциплинами, а также знакомит читателя с авторскими достижениями в рамках данной науки, в том числе посредством републикации двух статей (Светланы М. Толстой и Николая П. Антропова), приведенных в приложении. Отдельное внимание уделяется когнитивной составляющей исследований этноязыковой специфики, понятию концепта, структурной организации и методологии изучения концептов. Несколько ранее Николай Н. Олехнович и Лена В. Леванцевич опубликовали учебно-методическое пособие по лингвокультурологии (Аляхновіч, Леванцэвіч 2006), однако в содержательном плане оно имеет значительно более узкую направленность, так как посвящено, в основном, этнолингвистической интерпретации западнополюсской русальной традиции.

Вместе с тем ситуация в белорусской этнолингвистической науке на сегодня имеет ряд проблемных линий, что осложняется резким падением интереса к гуманитаристике в целом, но особенно среди молодых ученых, и снижением общего квалификационного уровня студентов и, в связи с этим, ряда исследователей. Среди конкретных болевых точек можно выделить следующие. Белорусская ситуация отличается достаточно высоким уровнем сохранности народной культуры и бытования ее в живых формах. Этот факт как значительно обогащает и укрепляет исследовательский фундамент, так и создает ряд трудностей, связанных с вопросами фиксации и введения полевых записей в научный оборот. Увы, все еще отмечаются случаи публикации недобросовестных студенческих записей и опирающихся на них научных изысканий, в итоге демонстрирующих искаженную картину народной культуры белорусов. На повестке дня остаётся проблема развития теоретических основ этого научного направления, усовершенствования методики этнолингвистических исследований, упорядочения понятийного и терминологического аппарата. К сожалению, именно в сфере этнолингвистических исследований встречаются и откровенно тенденциозные работы, насыщенные, казалось бы, прочно забытыми штампами о «польских панах-завоевателях», «восточнославянском менталитете», с чрезвычайно низким уровнем расшифровки и подачи диалектных записей (Этнолингвистическое 2016).

Представленный краткий обзор как реальных достижений, так и проблем белорусской этнолингвистики, показывает, по мнению авторов, что эта сфера белорусской гуманитарной науки развивается достаточно успешно и имеет очевидный исследовательский потенциал.

Літэратура

- Авілін Цімафей, 2015, *Паміж небам і зямлёй: этнаастраномія*. Мінск: Тэхналогія.
- Авілін Цімафей, Аліферчык Таццяна, Боганева Алена, 2018, *Беларускія міфалагічныя наратывы і павер'і пра ваўкалакаў*, [у:] *Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні: зб. навук. прац. Вып. 5*. Мінск: Беларуская навука. С. 191–221.
- Авилин Тимофей В., 2019, *Картографирование некоторых популярных русских астрономов на основе астрономической картотеки УРФУ с привлечением словарных материалов, "Этнография"*. № 3 (5). С.-Петербург. С. 181–192.
- Албут Анастасія, 2008, *Праклёны як тэкст і этналінгвістычны феномен*, [у:] *Працы кафедры сучаснай беларускай мовы*, рэд. Арнольд Я. Міхневіч. Вып. 7. Мінск: РІВШ. С. 13–16.
- Аліферчык Таццяна М., 2013, *Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект*, рэд. Мікалай П. Антропаў, НАН Беларусі; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры. Мінск: Беларуская навука.
- Аляхновіч Мікалай М., Леванцэвіч Лена В., 2006, *Лінгвакраязнаўства: вучэбна-метадычны дапаможнік для студэнтаў філалагічнага факультэта*. Брэст: БрДУ.
- Антропаў Мікалай П., 2009, *Міжкультурная аманімія як дамінанта этналінгвістычнага параўнання*, [in:] *Slavistika v premenách času (štúdie z jazykovednej a literárnovednej komparatistiky): Zbornik príspevkov z medzinár. ved. konf. Prešov: Vyd. Prešovskej univerzity v Prešove*. S. 144–152.
- Антропаў Мікалай П., 2010, *Метэаралагічная магія як рэпрэзентант карціны свету (беларуска-балгарскія этналінгвістычныя паралелі)*, [у:] *Мовазнаўства: Мат-лы IV Міжнар. кангр. беларусістаў "Беларуская культура ў кантэксце культур еўрапейскіх краін"*, рэд. Сяргей Запрудскі, Генадзь Цыхун. Мінск: Лімарыус. С. 8–16 [Беларусіка = Albaruthenica; кн. 30].
- Антропаў Мікалай, 2019, *Назвы вясёлкі ў матэрыялах "Агульнаславянскага лінгвістычнага атласа": погляд з беларускага боку*, "Prace Filologiczne". Т. 74. Warszawa. S. 197–205.
- Антропаў Мікалай, 2021, *Этналінгвістычнае картаграфаванне ў святле працы над «Беларускім фальклорна-этналінгвістычным атласам»*, [in:] *Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: stan badań, metody i postulaty badawcze: Program i tezy referatów I Międzynarodowego Kongresu Etnolingwistycznego*. Lublin: Wydawnictwo UMCS. S. 30–31.
- Антропаў Мікалай П., Авілін, Цімафей В., Боганева, Алена М., 2016, *Беларускі фальклорна-этналінгвістычны атлас. Русалкі: знешні выгляд*, [у:] *Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні: зб. навук. прац. Вып. 3*. Мінск: Беларуская навука. С. 232–273.
- Антропов Николай П., 2008, *Основные направления белорусской этнолингвистики, "Славяноведение"*. № 4. Москва: Наука. С. 89–103.
- Антропов Николай П., 2009, *Белорусская к о м о е д и ц а на фоне южнославянских "медвежьих" дней и ритуалов*, [в:] *Славянские языки: аспекты исследования: сб. науч. ст.*, ред. Елена Н. Руденко. Минск: Изд. центр БГУ. С. 13–19.
- Антропов Николай П., 2010, *Этнолингвистические аллюзии белорусского этимологического словаря, "Palaeoslavica"*, *International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Vol. XVIII. No.1. Cambridge-Massachusetts. С. 1–9.

- Антропов Николай П., 2011, *Аксиологические мотивы этнолингвистической аттракции*, [in:] *Славянский и балканский фольклор*. Вып. 11: “Виноградье”, ред. Александр В. Гура. Москва: Индрик. С. 19–26.
- Антропов Николай П., 2013, «*Вождение К у́ с т а*» в контексте проблематики белорусско-инославянских (/неславянских) этнолингвистических соответствий: докл. на XV Междунар. съезде славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.), НАН Беларуси; Белорусский комитет славистов. Минск: Право и экономика. 46 с.
- Антропов Николай П., 2014, *В о р о ж ю к у с т ы* одного древнерусского поучения, или *Семантический вес запятой*, “*Slavistica Vilnensis*”. Kalbotyra 59 (2). S. 55–62.
- Антропов Николай П., 2015, *К этимологии западнополесско-белорусского обрядового термина «Куст»*, “Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова”. IV: Этимология, ред. Жанна Ж. Варбот. Москва: Вест-Консалтинг. С. 15–50.
- Антропов Николай П., 2019, «*Облачные*» наименования радуги, [в:] *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология*: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. С. 17–19.
- Антропов Николай П., Авилин Тимофей В., Боганева Елена М., 2018, *Белорусско-инославянские изодоксы в картографической проекции*, [у:] *Мовознаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка*: XVI Міжнар. з’езд славістаў (Бялград, 19–27 жніўня 2018 г.): дакл. беларус. дэлегацыі, НАН Беларусі; Беларускі камітэт славістаў. Мінск: Беларуская навука. С. 4–21.
- Антропов Николай П., Белова Ольга В., 2012, *Исследование традиционной культуры белорусско-русского пограничья: проблемы и перспективы*, [в:] Гуманитарное сотрудничество – основа углубления интеграции Союзного государства, Межакадем. совет по пробл. развития Союзного государства. Вып. 4, ред. Сергей М. Дедков и др. Минск: Центр сист. анализа и стратег. иссл. НАН Беларуси. С. 49–60.
- Антропов Николай П., Боганева Елена М., Володина Татьяна В., 2008, *Этнокультурные стереотипы в межконфессиональных отношениях на Беларуси: опыт этнолингвистического комментирования*, “*Etnolingwistyka: Problemy Języka i Kultury*”. Т. 20. S. 269–281.
- Антропов Николай П., Володина Татьяна В., 2006, *Белорусская этнолингвистика сегодня: реализация идей*, “*Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*”. Т. 18. S. 47–65.
- Бажок Юлія, 2020, *Апатрапейныя сродкі і дзеянні супраць нябожчыкаў, якіх ходзяць, у міфалагічных наратывах, павер’ях і імператывах*, [у:] Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні: зб. навук. прац. Вып. 7. Мінск: Беларуская навука. С. 284–317.
- Белова Ольга В., 2013, *Фольклор лингвокультурного пограничья – диалог региональных традиций*, [в:] *Навстречу Третьему Всерос. конгр. фольклористов*: сб. науч. ст., ред. Наталья Е. Котельникова. Москва: ГРЦРФ. С. 204–219.
- Боганева Алена М., 2015, *Беларускія версіі легенды пра колас: варыянтнасць, тыпавыя і рэдкія матывы, геаграфія распаўсюджання*, [у:] *Беларускі фальклор*: Матэрыялы і даследаванні: зб. навук. прац. Вып. 2. Мінск: Беларуская навука. С. 171–189.
- Боганева Алена М., Авілін Цімафей В., 2017, *Плямы на месяцы: беларускія інтэрпрэтацыі*, [у:] *Беларускі фальклор*: Матэрыялы і даследаванні: зб. навук. прац. Вып. 4. Мінск: Беларуская навука. С. 112–149.
- Валодзіна Таццяна В., 2013, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*. Мінск: Тэхналогія.

- Валодзіна Таццяна В., 2013, *Уяўленні славян пра калецтвы і цялесныя хібы ў этнасеміятычнай перспектыве*, [у:] *Мовазнаўства, літаратуразнаўства, фалькларыстыка*. Доклады беларускай дэлегацыі на 15 Міжнародны з'езд славістаў, Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г. Мінск: Беларуская навука. С. 305–320.
- Валодзіна Таццяна, 2018, *Беларускія замовы: дыялектная карціна ў кантэксце еўрапейскіх уплываў*, [у:] *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка*: XVI Міжнар. з'езд славістаў (Бялград, 19–27 жніўня 2018 г.): дакл. беларус. Дэлегацыі, Нац. Акад. навук Беларусі, Беларускі камітэт славістаў. Мінск: Беларуская навука. С. 292–308.
- Вікторка Ларыса, Хацько, Наталля, 2016, *Культурна-этнічная ідэнтычнасць як кампанент моўнай карціны свету*, [у:] *Этналогія: традыцыі і сучаснасць*: зб. навук. арт., рэд. Натэла П. Мартысюк. Мінск: РІВШ. С. 151–155.
- Воінава Алена М., Палуян, Алена М., 2013, *Лексіка радзінна-хрэсьбіннай абраднасці Гомельшчыны*, [у:] *Радзінна-хрэсьбінныя абрады і звычаі беларусаў (на матэрыяле фальклору Гомельскай вобласці)*, аўтары-ўкл. Новак Валянціна С. і інш. Гомель: Барк. С. 92–114.
- Воінава Алена М., Станкевіч, Аляксандра А., Хазанова, Кацярына Л., 2015, *Абрадавая лексіка ў гаворках Гомельшчыны: этналінгвістычны аналіз*. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны.
- Воінава Алена М., 2015, *Абрадавыя тэрміны ў пахавальнай лексіцы гаворак Гомельскага рэгіёна*, [у:] *Компаратывні досліджэння слов'янскіх мов і літаратур*: Пам'яті акадэміка Леоніда Булаховскаго: зб. навук. праць. Вип. 20. Київ. С. 89–95.
- Володина Татьяна В., 2013, *Зубищи, теменник, теменной зуб: опыт этномедицинского исследования*, "Palaeoslavica": International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Vol. XXI. No. 1. Cambridge-Massachusetts. С. 58–86.
- Володина Татьяна, 2018а, *Фразеология и магические практики в контексте антропо-и космогонических легенд (белорусская традиция на европейском фоне)*, [в:] *Миссия выполняема: Перспективы изучения фольклора*, ред.-сост. Маре Кыйва, Татьяна Володина. Тарту: Науч. изд-во ЭЛМ. С. 181–206.
- Володина Татьяна, 2018б, *Хтонические образы сферы эмоций в европейской фразеологии: этнолингвистический комментарий*, "Grazer Studien zur Slavistik". Bd. 9: Slavofraz 2016: Phraseologie und (naive) Psychologie, Hrsgg. von Agnieszka Będkowska-Kopczyk und Heinrich Pfandl. Hamburg: Verlag Dr. Kovač. S. 329–339.
- Володина Татьяна В., 2019, *Этнолингвистическое картографирование и народная медицина белорусов*, [в:] *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология*: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. С. 74–77.
- Вярэніч Вячаслаў Л., 2009, *Палескі архіў: лінгвістычныя, этнаграфічныя і гістарычныя матэрыялы*, рэд. Фёдар Клімчук, Анна Энгелькінг, Эльжбета Смулкова. Мінск: А. Н. Вараксін.
- Гапеева Вольга М., 2017, *Семантыка волі ў наўнай карціне свету: супастаўляльны аспект (на матэрыяле беларускай і англійскай моў)*, "Slavistica Vilnensis". Vol. 62. S. 241–254.
- Гапоненка Ірына А., Трайкоўская Валянціна П., 2010, *З абрадавай лексікі вёскі Камарова Мядзельскага раёна*, [у:] *Беларуская дыялекталогія*. Матэрыялы і даследаванні: зб.

- наук. арт., НАН Беларусі; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры; Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. Мінск: Беларуская навука. С. 11–13.
- Даніловіч Мікалай А., 2015, *Этнакультурная семантыка тапонімаў у складзе фразеалагізмаў*, [у:] *Слова і фразеалагізм у беларускай мове*: зб. наук. арт. Гродна: ЮрСаПрынт. С. 20–24.
- Даніловіч Мікалай А., 2020, *Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзенічыны*. Гродна: ГрДУ.
- Дзядова Алена С., 2013, *Чалавек у люстэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі*: манаграфія. Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава.
- Дзядова Алена С., Булах, Алена С., 2018, *Побытавая лексіка ў мове беларускай народнай казкі як крыніца нацыянальна-культурнай інфармацыі*, “Ученые записки УА “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. П. М. Машэрава””: сб. науч. тр. Т. 26. Витебск: ВГУ. С. 171–176.
- Дзядова Алена С., 2019, *Этналінгвістыка*: вучэбна-метадычны комплекс па вучэбнай дысцыпліне: для спец. 1–21 05 01 “Беларуская філалогія”, УА “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. П. М. Машэрава”, Фак-т філал. Віцебск: ВДУ. 177 с.
- Дурэйка Ірына М., Янушкевіч, Станіслаў А., 2017, *Моўная карціна свету беларускіх вербальных аб’яргаў*, [у:] *Рэспубліканскія Купалаўскія чытання*: зб. наук. прац, рэд. Алена С. Садоўская і інш. Гродна: ЮрСаПрынт. С. 138–143.
- Жизневская Ольга Н., 2018, *Языковые стереотипы семейных ролей матери, отца и ребенка* (на материале русско- и белорусскоязычных текстов средств массовой информации): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.02. Минск.
- Жызнёўская Вольга М., 2019а, *Традыцыйны стэрэатып маці ў беларускай моўнай карціне свету*, “Роднае слова”. № 4. С. 31–33.
- Жызнёўская Вольга М., 2019б, *Традыцыйны стэрэатып бацькі ў беларускай моўнай карціне свету*, “Роднае слова”. № 6. С. 30–32.
- Жызнёўская Вольга М., 2019в, *Традыцыйны стэрэатып дзіцяці ў беларускай моўнай карціне свету*, “Роднае слова”. № 11. С. 38–40.
- Зайка Алесь, 2015, *Прыказкі і прымаўкі, жарты і каламбуры, прыгаворкі і языкаломкі, вясельныя прыгаворкі пры дзяльбе каравая, вітанні і зычэнні, ветлівыя і ласкавыя выразы, засяярогі і прысяганні, праклёны і адкляцці, жартоўныя праклёны і дражнілкі-кепікі, зневажанні і параўнанні, прыкметы народнага календара з Косаўшчыны*. Мінск: Тэхналогія.
- Зайка Алесь Ф., 2021, *Тэматычны слоўнік прыроды Косаўшчыны*. Мінск: Тэхналогія.
- Калеснікава Алена А., 2012, *Радзіма ў моўнай карціне свету беларусаў*, “Вестник Полоцкого гос. ун-та”. № 10. С. 99–104.
- Ключенович Татьяна П., 2019, *Этнолингвистическая специфика авторской ремарки в конструкциях с чужой речью* (на материале белорусской и британской художественной прозы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Минск.
- Коваль Владимир И., 2011, *Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение*. Минск: РИВШ.
- Коваль Владимир И., 2012а, *Текст и язык: поиски истоков*: Монография. Минск: РИВШ.
- Коваль Владимир И., 2012б, *Фразеологизм с ъ е с т ь с о б а к у в пространстве Интернета*, [in:] *Die Phraseologie in Raum und Zeit* (Фразеология во времени и пространстве): сб. науч. тр., науч. ред. Харри Вальтер и др. Greifswald – S.-Petersburg. С. 167–171.

- Коваль Владимир И., 2013а, *Историко-этимологический анализ славянской фразеологии в свете современных компьютерных технологий*, [у:] *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка*: XV Міжнар. з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жн. 2013): дакл. беларус. дэлегацыі, НАН Беларусі [і інш.]; рэд. Аляксандр А. Лукашанец і інш. Мінск: Беларуская навука. С. 73–84.
- Коваль Владимир И., 2013б, *Славянская этнофразеология: и этнография, и лингвистика*, [в:] *Национальное и интернациональное в славянской фразеологии*, XV Международный съезд славистов (20–27 августа 2013 г. Минск, Беларусь). Greifswald. С. 32–36.
- Коваль Владимир И., 2018, *Является ли Конфуций автором афоризма о черной кошке в темной комнате?* [в:] *Изучение китайского языка и культуры как фактор устойчивого развития регионов Беларуси*: Мат-лы междунар. науч.-практ. круглого стола. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы. С. 56–62.
- Коваль Владимир И., 2019, *Проблема морального выбора в текстах традиционных лирических песен гомельско-брянского пограничья*, [в:] *Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье*: Междунар. науч. форум (г. Новозыбков, Брянская область, 23–26 октября 2019 г.): мат-лы. Брянск. С. 271–276.
- Коваль Уладзімір І., 2010, *Аб этнакультурным вызначэнні экзаэтноніма б у л ь б а ш*, [у:] *Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння*: навук. зб. да 60-годдзя Паўла А. Міхайлава, рэд. Аляксандр В. Барысевіч і інш.; адк. рэд. Дзмітрый В. Дзятко. Мінск: Права і эканоміка. С. 55–60.
- Коваль Уладзімір І., 2016, *Матыў наводзін пакрыўджанай дзяўчыны ў тэкстах народных вясельных песен*, [у:] *“Святло душы і таленту святло...”*: зб. навук. арт., прысвеч. 70-годдзю з дня нараджэння праф. Аляксандры А. Станкевіч, рэд. Алена М. Ермакова і інш.; Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны. С. 100–104.
- Кожина Алла А., 2010, *Когнитивная лингвистика и этимология*, [in:] *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik* (Славянские языки в когнитивном аспекте), eds. Anstatt, Tanja, Norman, Boris. Wiesbaden: Harrassowitz. S. 179–196.
- Кожина Алла А., 2012, *Концепт ТРУД в белорусскоязычной периодической печати*, [in:] *Koncepty: DOM, EUROPA, WOLNOŚĆ, PRACA, HONOR w aksjoserze Słowian i ich sąsiadów*, VI konferencja w ramach konwersatorium EUROJOS: Tezy referatów. Lublin: Wydawnictwo UMCS. S. 35–37.
- Кожина Алла А., 2016, *Труд в белорусском языке*, [in:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, red. Jerzy Bartmiński. Т. 3: *Praca*, red. Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska Lublin: Wydawnictwo UMCS. S. 207–247.
- Кожина Алла А., 2017, *Аксиологическое понятие «желание» в исторической перспективе от старославянского языка к русскому*, [в:] *Славянский вклад в мировую цивилизацию*: материалы междунар. конф. Волгоград, 16–19 окт. 2017 г., науч. ред. проф. Лариса А. Шестак. Волгоград: Науч. изд-во ВГСПУ «Перемена». С. 196–202.
- Кожина Алла А., 2018, *Аксиологическое понятие здоровье в церковнославянских текстах*, [in:] *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. 4: *Słownik językowy – leksykon – encyklopedia – w programie badań porównawczych*. Lublin: Wyd-wo UMCS. S. 179–189.

- Кожина Алла А., 2019а, *Внутренняя форма слова и ее реализация в древних славянских текстах*, “Etnolingwistyka: Problemy Języka i Kultury”. Т. 31. S. 27–39.
- Кожина Алла А., 2019, *О некоторых возможностях использования этимологии слова в этнолингвистических исследованиях*, [in:] *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. 5: Koncepty i ich profilowanie*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Dorota Pazio-Wlazłowska, Lublin: Wydawnictwo UMCS. S. 73–85.
- Кожина Алла А., Кузнецова Елена Л., 2010, *О возможности изучения бинарной оппозиции “мужской-женский” по данным Словаря русских народных говоров*, [in:] *Etnolingwistyka a leksykografia*. Tom poświęcony Prof. Jerzemu Bartmińskiemu, red. nauk. Wojciech Chlebda, Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. S. 151–157.
- Кожина Алла А., Широкова Екатерина А., 2010, *К вопросу о картине мира, представленной в русских названиях напитков*, “Мова і культура”. Вип. 13. Т. III (139). Київ: Вид. дім Дмитра Бурого. С. 27–35.
- Конобродская Валентина, 2008, *Украинская этнолингвистика: направления развития, проблемы и задачи*, “Славяноведение”. № 4. Москва: Наука. С. 104–114.
- Лапацін Генадзь І., 2013, *“Танорная работа”. Семантыка фразеалагізма ва ўспрыняцці майстра*, [в:] *Славянские народы и их культуры: история и современность*. Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст., ред. Владимир И. Коваль и др. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. С. 153–156.
- Лапацін Генадзь І., 2018, *Я на сабачай лініі жыву... (з вопыту вывучэння дыялектных парэмій)*, [в:] *Славянская фразеология в свете современных лингвистических парадигм*: сб. науч. ст., ред. Владимир И. Коваль и др. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. С. 111–116.
- Лапацін Генадзь І., 2019а, *Дыялектная парэмія ў жанры аўтапартрэта носьбіта традыцыі*, [в:] *Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме*: сб. науч. ст., ред. Елена В. Ничипорчик и др. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 201–205.
- Лапацін Генадзь І., 2019б, *«Праклёнам праклясць». Праклёны ва ўяўленнях і парэміях жыхароў пасёлка Амяльное на Веткаўшчыне*, [в:] *Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні*: зб. навук. прац. Вып. 6. Мінск: Беларус. навука. С. 277–292.
- Лапицкая Надежда И., 2015а, *Названия предметов домашнего обихода, развивающие этнокультурную семантику в русском и белорусском языках*, [в:] *Славянская мифология и этнолингвистика*: сб. науч. ст., ред. Владимира И. Коваль и др. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. С. 167–169.
- Лапицкая Надежда И., 2015б, *Принципы номинации мифологических персонажей в русских и белорусских заговорах*, [в:] *Научные чтения, посвященные Виктору В. Мартынову (к 90-летию со дня рождения)*: сб. науч. трудов. Вып. II, ред. Геннадий А. Цыхун и др. Минск: РИВШ. С. 53–57.
- Лапицкая, Надежда И., 2015в, *Тексты восточнославянских заговоров как источник этнолингвистических исследований*, [у:] *Скарынаўскія традыцыі: гісторыя і сучаснасць*: зб. навук. арт.: у 2 ч. / рэдкал.: Алена М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.]. Ч. I. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны. С. 78–82.
- Лінгвістычны мікраатлас Тураўшчыны*, 2016, Аляксандр А. Крывіцкі [і інш.]; уклад. Фёдар Д. Клімчук [і інш.]; навук. рэд. Генадзь А. Цыхун. Мінск: Беларус. навука.

- Лобач Уладзімір А., 2013, *Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве* [манаграфія]. Мінск: Тэхналогія.
- Лопатин Геннадий И., 2013, *Варвара Грецкая: “Я гаварю па-амяленскі...”*: Из опыта изучения диалектной фразеологии (Материалы к фразеолого-паремиологическому словарю личности: Варвара Александровна Грецкая. Записи 2005–2012 гг., “Palaeoslavica”: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Vol. XXI. No. 2. Cambridge-Massachusetts. С. 130–201.
- Лопатин Геннадий И., 2014, *Варвара Грецкая: “Я гаварю па-амяленскі...”*: Из опыта изучения диалектной фразеологии (Материалы к фразеолого-паремиологическому словарю личности: Варвара Александровна Грецкая. Записи 2005–2012 гг. II), “Palaeoslavica”: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Vol. XXII. No. 2. Cambridge-Massachusetts. С. 147–221.
- Лопатин Геннадий И., 2015, *“Хто прыказку гаворы і слова ўмесці скажа с прыказкай...”* (Материалы к фразеолого-паремиологическому словарю личности: Варвара Грецкая. Записи 2005–2014 гг.), “Palaeoslavica”: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Vol. XXIII. No. 1. Cambridge-Massachusetts. С. 159–198.
- Лопатин Геннадий И., 2018, *Варвара Грецкая: “Я гаварю па-амяленскі...”*: из опыта изучения диалектной фразеологии (Материалы к фразеолого-паремиологическому словарю личности: Варвара Александровна Грецкая. Записи 2013–2017 гг. III.), “Palaeoslavica”: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Vol. XXVI. No. 1. Cambridge-Massachusetts. С. 164–203.
- Лопатин Геннадий И., 2019, *Варвара Грецкая: “Я гаварю па-амяленскі...”*: из опыта изучения диалектной фразеологии (Материалы к фразеолого-паремиологическому словарю личности: Варвара Александровна Грецкая. Записи 2013–2017 гг. III.). (продолжение), “Palaeoslavica”: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Vol. XXVII. No. 1. Cambridge-Massachusetts. С. 144–173.
- Ляшкевіч Алена, 2020, *Масленічная калодка, сінанімічныя прадметы і пакаранне моладзі за неўступленне ў шлюб*, [у:] *Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні*: зб. навук. пр. Мінск: Беларуская навука. Вып. 7. С. 318–350.
- Ляшчынская Вольга А., 2012, *Фразеалагічная эмацыянальная канцэптасфера беларусаў*: манаграфія. Мінск: РІВШ.
- Ляшчынская Вольга А., 2015, *Культурная канатацыя фразеалагізмаў з агульным значэннем ‘адзенне-абутак’*, “Беларуская лінгвістыка”. Вып. 74. Мінск: Беларуская навука. С. 19–29.
- Ляшчынская Вольга А., 2016, *Сімволіка кампанента і культурны складнік семантыкі фразеалагізма, “Роднае слова”*. № 4. С. 26–30.
- Ляшчынская Вольга А., 2018, *Канцэпты прыродных стыхій у фразеалагічнай карціне свету беларусаў: агонь, вада, зямля і наветра*: манаграфія. Мінск: РІВШ.
- Ляшчынская Вольга А., 2020, *Два фрагменты фразеалагічнай карціны свету беларусаў*. Мінск: РІВШ.
- Макарэвіч Міхаіл М., 2010, *Слоўнік народных промыслаў і рамёстваў Беларусі*, рэд. Мікалай Р. Прыгодзіч. Мінск: Права і эканоміка.

- Мерзлякова Альфия Х., Руденко Елена Н., Кожина Алла А. [и др.], 2010, *Культурные концепты: сопоставительный анализ*: монография. Ижевск: Удмуртский университет.
- Мерзлякова Альфия Х., Руденко Елена Н., Кожина Алла А. [и др.], 2011, *Лингвокультурный анализ языковых картин мира: динамика и сопоставление*: монография, ред. Альфия Х. Мерзлякова. Ижевск: Удмуртский университет.
- Мілач Святлана В., 2010, *Слоўнік фразеалагізмаў з кампанентамі-заонімамі* (на матэрыяле беларускай і нямецкай моў). Брэст: БрДУ.
- Міфалогія беларусаў 2011 – *Міфалогія беларусаў*: энцыкл. слоўнік, склад. Ірына Клімковіч, Віктар Аўтушка; навук. рэд. Таццяна Валодзіна, Сяргей Санько. Мінск: Беларусь, 2011.
- Мова Сенненшчыны 2015 – *Мова Сенненшчыны*: дыялектны слоўнік. У 2 т., навук. рэд. Вераніка М. Курцова, Любоў П. Кунцэвіч. Мінск: Беларуская навука. Т. 1. – 424 с.; Т. 2. – 407 с.
- Насенник (Авилин) Тимофей, 2017, *К истории этимологии лексемы в о л ы н к а*, „Palaeoslavica”: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Vol. XXV. No. 1. Cambridge-Massachusetts. С. 271–287.
- Наша рідна 2016 – *Наша рідна остромыцька мова*: диалектический словарь Остромечево, сост. Иван А. Панасюк. Брест: Альтернатива.
- Паўлавец Аляксей Д., Паўлавец Дзмітрый Д., 2016, *Лёс: слова і канцэпт (спроба лінгвакультуралагічнага аналізу)*, “Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины”. Сер. Гуманитарные науки. № 1(94). С. 69–74.
- Петрушэўская, Юлія А., 2015, *Нацыянальна-культурны кампанент парэміялагічнага фонду беларускай мовы як прадмет этналінгвістыкі, лінгвакультуралогіі лінгвакраіназнаўства* (аналітычны агляд), [в:] *Славянская мифология и этнолингвистика*: сб. науч. ст., ред. Владимир И. Коваль и др. Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины. С. 216–218.
- Петрушэўская Юлія А., 2019а, *Вывучэнне нацыянальна-культурнага кампанента ў парэміялагічным фондзе беларускай мовы*, “Труды БГТУ”. Сер. 4: Принт и медиа технологии. № 1 (219). С. 123–129.
- Петрушэўская Юлія А., 2019б, *Прынцыпы апісання нацыянальнай адметнасці парэміялагічнага фонду беларускай мовы*, [в:] *Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО*: материалы V Междунар. науч.-практ. онлайн-семинара (вебинара). Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова. С. 90–96.
- Плытніцтва 2019 – *Плытніцтва: тэматычны слоўнік*, рэд. Вераніка М. Курцова. Мінск: Беларуская навука.
- Руденко Елена Н., 2010, *Развитие и функционирование понятия свободы на ранних этапах развития восточнославянских языков*, [в:] *Актуальные проблемы филологии: античная культура и славянский мир*: сб. науч. ст., отв. ред. Галина И. Шевченко. Минск: РИВШ. С. 156–161.
- Руденко Елена Н., 2014, *Этнолингвистика без границ*. Введение в лингвистическую антропологию. Минск: БГУ.
- Руденко Елена Н., 2016, *Репрезентация свободы в американской языковой картине мира*, “Вестник МГЛУ”. № 1. С. 21–30.
- Руденко Елена Н., 2019а, *Демократія по-белорусску*, [in:] *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. 6: Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej*

- aksjosfery*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Dorota Pazio-Wlazłowska. Lublin: Wydawnictwo UMCS. S. 219–234.
- Руденко Елена, 2019б, *Концепт СВОБОДА по данным белорусского языка*, [in:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, red. Jerzy Bartmiński. Т. 4: *WOLNOŚĆ*, red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo UMCS. S. 369–392.
- Rudenska, Alena, 2018, *Research on (linguistic) worldview in the USA*, [in:] *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. 4: *Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w programie badań porównawczych*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura, Beata Żywicka. Lublin: Wydawnictwo UMCS. S. 105–114.
- Садовская Анна Д., Садовская Анжелика Л., 2016, *Пареміологічная інтразона концепта «свадьба, женитьба»: белорусско-итальянские параллели*, [у:] *Беларуска-італьянскае культурнае ўзаемадзеянне і праблема захавання нацыянальнай ідэнтычнасці: гістарычны вопыт і сучасныя праблемы: зб. навук. арт., НАН Беларусі, Пасольства Італьянскай Рэспублікі ў РБ; навук. рэд. Сяргей Л. Гаранін, Ірына У. Ялынцава. Мінск: Беларуская навука. С. 168–176.*
- Садоўская Анжэліка Л., 2008, *Фразеалогія ў кантэксце культуры: сучасныя падыходы да вывучэння (этналінгвістычны)*, “Роднае слова”. № 4. С. 35–39.
- Садоўская Анжэліка Л., Баравік, Максім В., 2011, *Суадносiны аптымізму / песімізму ў нацыянальным характары беларусаў (на матэрыяле парэміялогіі)*, “Роднае слова”. 2011. № 3. С.49–52.
- Садоўская Анжэліка Л., 2011а, *Фразеалагізмы з кампанентам-арнітонімам у беларускай мове: этналінгвістычны аспект*. Мінск: БДУ.
- Садоўская Анжэліка Л., 2013а, *Фрагмент этналінгвістычнага аналізу беларускіх народных песень*, [у:] *Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання: матэрыялы II Рэсп. навук.-практ. канф. маладых вучоных, рэд. Павел І. Навойчык. Мінск: Выд. цэнтр БДУ. С. 237–241.*
- Садоўская Анжэліка Л., 2013б, *Этналінгвістычная інтэрпрэтацыя фальклорных тэкстаў*, [у:] *Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі: Мат-лы Рэсп. навук. канф., прысвечанай 75-годдзю з дня нараджэння Г. М. Малажай, рэд. М. І. Новік і інш. Брэст: Альтэрнатыва. С. 285–289.*
- Садоўс5222кая Анжэліка Л., 2014, *Беларуская этнафразеалогія ў дынаміцы развіцця*, [у:] *Працы кафедры сучаснай беларускай мовы*, рэд. Арнольд Я. Міхневіч. Вып. 13. Мінск: РІВШ. С. 46–56.
- Садоўская Анжэліка Л., 2018в, *Каларонімы ў фразеалагічным кантэксце*, [у:] *Беларускае слова: тэрмін і вобраз: зб. артык. Мінск: БДУ. С. 150–159.*
- Садоўская Ганна Дз., 2019, *Парэміі вясельнай тэматыкі ў беларускай і італьянскай мовах: супастаўляльны аспект: Магістар. дыс. Мінск.*
- Санько Зьміцер, Санько, Юрась, 2019, *Слаўнае сяло Азярычына: Свет нашых продкаў*. Мінск: Тэхналогія.
- Санько Сяргей І., 2016, *Слав. svěť 1) 'lux', 2) 'mundus' у святле архаічных уяўленняў аб прыродзе зроку*, “Філасофскіе ісследования”. Мінск: Беларуская навука. № 3. С. 155–166.
- Санько Сергей И., 2018, *Формульные выражения и мировоззрение: др.-инд. urīḥ lokāḥ: праслав. *volъnъ(jъ) svěť*, “Studia Rossica Gedanensia”. Nr 5. S. 27–39.

- Селюжыцкая Жанна М., 2005, *Тэрміналогія вясельных чыноў у арэальным аспекце*, “Беларуская лінгвістыка”. Вып. 56. Мінск: Беларуская навука. С. 94–99.
- Славянская 2015 – *Славянская міфалогія і этнолінгвістыка*: сб. науч. ст., ред. Владимир И. Коваль и др. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015.
- Станкевіч Аляксандра А., Воінава, Алена М., 2004, *Назвы адзення, абутку і галаўных убораў у гаворках Гомельшчыны: этналінгвістычны аналіз*. Гомель: УА “ГДУ імя Ф.Скарыны”.
- Тураўскі слоўнік*: у 5 т., Акадэмія навук Беларускай ССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа, уклад.: Аляксандр А. Крывіцкі, Генадзь А. Цыхун, Іван Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987.
- Холявко Елена И., 2011, *Хоть и не хорошо, да ладно: к семантической реконструкции русского лада*, [в:] *Славянская фразеология в синхронии и диахронии*: сб. науч. статей, ред. Владимир И. Коваль и др. Вып. 1. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. С. 140–163.
- Шрубок Аляксандра У., 2015б, *Народнаветэрынарная наменклатура беларусаў*, [в:] *Славянская міфалогія і этнолінгвістыка*: сб. науч. ст., ред. Владимир И. Коваль и др. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. С. 282–285.
- Шрубок Аляксандра, 2015а, *Першы выган жыўёлы ў поле: арэальная характарыстыка і семантыка*, [у:] А. Шрубок, *Беларускі фальклор*: Матэрыялы і даследаванні: зб. навук. прац. Вып. 2. Мінск: Беларуская навука. С. 190–216.
- Шрубок Аляксандра, 2016, *Сурокі: найменні і арэальная характарыстыка*, [у:] *Беларускі фальклор*: Матэрыялы і даследаванні: зб. навук. прац. Вып. 3. Мінск: Беларуская навука. С. 274–284.
- Чернышова Людмила В., 2012, *Концептуализация сна в русской и белорусской фразеологии*, „Studia Wschodniosłowiańskie”. Т. 12. Białystok. С. 211–227.
- Чернышова Людмила В., 2017, *Фрагмент русской динамической картины мира, связанный с вращательным движением*, „Studia Wschodniosłowiańskie”. Т. 16. Białystok. С. 175–181.
- Швед Ина, 2004, *Дэндэралагічны код беларускага традыцыйнага фальклору*. Брэст: Выд-ва Брэсцкага дзярж. ун-та.
- Швед Ина, 2006, *Космас і чалавек у дэндэралагічным кодзе беларускага фальклору*. Брэст: Выд-ва БрДУ імя А.С. Пушкіна.
- Швед Ина, 2011, *Міфалогія колеру ў беларускай традыцыйнай духоўнай культуры*. Брэст: Выд-ва БрДУ.
- Швед Ина Анатольеўна, 2014, *Гідэралагічны код беларускага фальклору*, [in:] *Białorutenistyka Białostocka*. Т. 2. Białystok. S. 245–268.
- Швед Инна, 2018, *Этнолингвистический портрет царя змей (на белорусском материале)*, [в:] *Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации*: сб. науч. докладов. Ереван: Мисма. С. 131–138.
- Швед Ина, 2019, *Арніталагічны код беларускай традыцыйнай духоўнай культуры*. Брэст: БрДУ.
- Этнолингвистическое, 2016 – *Этнолингвистическое и лексикографическое описание говоров могилевско-смоленского пограничья*. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова.

- Antropov Nikolai, 2018, *On the borders of Ethnolinguistic Equivalence: Belarusian – South Slavic Parallels*, “Folklore”: Electronic Journal of Folklore, ed. Mare Kõiva & Andres Kuperjanov, guest editor Tatsiana Volodzina. Vol. 72. Tartu: Elm Sholarly Press. P. 41–58.
- Avilin Tsimafei, 2018, *The Pleiades in the Belarusian tradition: folklore texts and linguistic areal studies*, “Folklore”: Electronic Journal of Folklore, ed. Mare Kõiva & Andres Kuperjanov, guest editor Tatsiana Volodzina. Vol. 72. Tartu: Elm Sholarly Press. P. 141–158.

Belarusian ethnolinguistics in the 21st c.: Its status, problems, and perspectives

Abstract: Belarusian humanities are characterized by the traditional understanding of ethnolinguistics in a broad sense, that is, as an independent branch of philology focused on studying traditional folk culture. That culture, in turn, is understood as a system of signs, the study of which is expedient and possible within the methodological framework of linguistics. The chapter offers an overview of the main ethnolinguistic studies, of many dimensions and heterogeneous field of inquiry. There is no principled distinction between linguoculturology, ethnolinguistics and, to some extent, ethnophraseology; different research centres are rather isolated and located in various universities in the country; the researchers’ own interests may vary. Contemporary Belarusian ethnolinguistics gives priority to mapping the phenomena of spiritual culture and to the study of the geography of cultural phenomena. Those are not limited to the borders of Belarus but also have a comparative dimension.

Keywords: ethnolinguistics; folklore studies; linguoculturology; ethnophraseology; linguistic geography; mapping; atlas

Катарина Женюхова

Институт славистики Яна Станислава Словацкой академии наук, Братислава, Словакия

ORCID: 0000-0002-1360-3383

e-mail: katarina.zenuchova@savba.sk

Состояние и перспективы развития этнолингвистических исследований в Словакии¹

Резюме: В статье обобщаются результаты современных этнолингвистических исследований в Словакии, посвященных языку как культурному феномену, который нельзя понимать изолированно, как замкнутую структуру, а только в связи с социальным контекстом и национальной культурой. Автор делает акцент на описании этнолингвистических исследований, проводимых в Словакии отечественными и зарубежными учеными, и вводит систематизацию основных источников из области традиционного языка и культуры, релевантных для проведения этнолингвистических исследований. Особое внимание он уделяет рукописи диалектологического словаря Л. Ризнера (*Dialektologický slovník bošácky*) и указывает на широкие возможности его использования в исследованиях культурно-мифопоэтических концептов языковой картины мира. Автор выделяет потенциальные перспективы дальнейшего развития этнолингвистики в Словакии.

Ключевые слова: словацкая этнолингвистика, язык и культура, языковая картина мира, источники этнолингвистических исследований в Словакии.

Внимание лингвистов во многих странах с второй половины XX века все больше сосредоточивалось на восприятии языка как культурного феномена, не изолированного от своего социального и культурного контекста. Эти аспекты в значительной мере повлияли на парадигму лингвистических исследований, главным образом в Польше, России, где возникли тесно связанные этнолингвистические школы, имеющие при этом свои особые черты и собственную методологию. Здесь мы не будем уделять внимание всем странам,

---

¹ Авторская работа выполнена по гранту *Obraz sveta a človeka v démonologických naratívach. Štruktúrne-sémantický výskum démonologických povestí* / Image of World and Man in Demonological Narratives. Structurally-Semantic Research of Demonological Legends (VEGA 2/0133/21).

где этнолингвистическое исследование хорошо развито, однако нельзя не упомянуть тот факт, что за последние 20 лет этнолингвистика конституирована в Болгарии, Хорватии, Белоруссии, Сербии, Словении и Украине и Чехии и т.д.

В Словакии таким образом понимаемое лингвистическое исследование развито мало. В словацком научно-исследовательском контексте имеем лишь частично разработанные отдельные темы, которые нельзя считать систематическим этнолингвистическим исследованием. При обращении к основным справочникам словацкой лингвистики и этнологии обнаруживаем, что определение этнолингвистики как научного направления отсутствует, например, в *Энциклопедии народной культуры Словакии* (Botík, Slavkovský 1995a,b).

Анализ обще лингвистической литературы показывает, что этнолингвистика в Словакии понимается в большей или меньшей степени социолингвистически. В этой связи имею в виду работы словацких лингвистов Юрая Долника или Ольги Оргоновой (Orgoňová, Bohunická 2011; Dolník 2010).

В связи с развитием этнолингвистики в Словакии, следует отметить несколько моментов, которые играют ключевую роль в связи с необходимостью активизировать этнолингвистические исследования в Словакии. Пятитомный энциклопедический словарь *Славянские древности* (1995–2012) представляет собой монументальный славяноведческий труд о традиционной народной культуре славян в течение двух тысячелетий. При изучении данного труда можно заметить, что явления словацкой традиционной культуры в сравнении с примерами других стран славянского мира составляют лишь малую часть. Этот факт можно связать прежде всего с недостаточным развитием этнолингвистических исследований в Словакии, которые бы могли послужить источником для ученых при написании сравнительных работ. Негативным также можем считать тот факт, что многие области словацкой народной культуры недостаточно разработаны на уровне источников, большое количество собранных словацких исходных материалов с середины 19-го и 20-го веков находится в словацких архивно-рукописных фондах. Материалы, собранные с целью создания словарей словацкого языка, с точки зрения этнолингвистического подхода, системно не переработаны и не подготовлены для дальнейшего изучения. В сравнении с другими странами, где этнолингвистические исследования развиваются, в Словакии нет разработанных тематических словарей, посвященных конкретной области культуры, которые могли бы послужить этнолингвистам вторичным источником знаний. На Международном съезде славистов в Белграде в 2018 году на заседании Комиссии по славянской этнолингвистике при МКС ее председатель, профессор Ежи Бартаминьский, указал на недостаточное участие специалистов из Словакии в международных проектах, направленных на изучение символов и стереотипов,

ценностей (проект EUROJOS). Среди словацких ученых принимали участие в проектах Катарина Дудова и Наталия Корина.²

С 2015 года в Институте славистики им. Яна Станислава САН реализуется несколько отечественных и международных проектов, посвященных этнолингвистическим исследованиям. Речь идет о сотрудничестве Института славистики им. Яна Станислава САН с Институтом славяноведения РАН в Москве и Институтом болгарского языка Любомира Андрейчина БАН в Софии. Проекты выполнялись под руководством Ирины Александровны Седаковой, Марии Китановой и Петра Женюха. В рамках проектов получилось организовать несколько научных конференций в Софии, Братиславе. Результаты этого сотрудничества были опубликованы в отдельных статьях и в книжных сборниках (Žeňuchová, Kitanova, Žeňuch 2017; Sedakova, Kitanova, Žeňuch 2019; Седакова, Китанова, Женюх 2019). Тематическое содержание сборников ориентировано на аксиологическую картину мира славянских культур и ее динамику. Работа и сотрудничество продолжается в новых проектах.

На основе импульсов, которые принесло первое международное сотрудничество с Болгарской академией наук и Российской академией наук, были сформулированы и цели проекта словацкого национального агентства VEGA *Состояние и перспективы этнолингвистического исследования в Словакии (Stav a perspektívy etnolingvistického výskumu na Slovensku / State and Prospects of Ethnolinguistic Research in Slovakia (VEGA 2/0045/2017))*. Для того чтобы целенаправленно развивалась этнолингвистика и в Словакии, необходимо: (1) Обобщить существующие этнолингвистические исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященных словацкому национальному контексту, включая также сравнительные работы с использованием словацких материалов; (2) Уделить особое внимание систематизации этнографических, фольклорных и лингвистических источников (печатных и рукописных); (3) В случае недоступности рукописных материалов, сосредоточиться на подготовке серии научных изданий с соответствующими специализированными комментариями.

Результатом этого проекта является Библиография существующих этнолингвистических исследований словацких и зарубежных ученых, посвященных словацкому национальному контексту (в электронном виде / пополняется). Произошли исследования в архивах Словакии с целью систематизации этнографических, фольклорных и лингвистических источников (рукописных), которые можно использовать в этнолингвистических исследованиях. Удалось достать много интересных рукописных словарей, лечебников, этнографических записей.

² Об участии словацких ученых в исследованиях EUROJOS см. (Dudová 2020: 28–40).

В рамках проекта в ноябре 2019 г. в Братиславе состоялась научная конференция *Словацкая этнолингвистика – источники, и перспективы (Slovenská etnolingvistika – pramene, výsledky a perspektívy)*³. Для развития этнолингвистики в Словакии очень важно, что в конференции приняли участие представители словацких университетов, в которых развивается этнолингвистическое исследование и реализуется обучение студентов в этой области. Имеется в виду Философский факультет Университета Константина Философа в Нитре (участие приняла Катарина Дудова), Философский факультет Университета Коменского в Братиславе под руководством Марии Добриковой, которая вокруг себя организует группу молодых коллег.

Необходимо отметить работу и результаты зарубежных ученых, которые уделили внимание этнолингвистическим исследованиям в Словакии. Московскую этнолингвистическую школу представляла Марина М. Валенцова, работа которой занимает важное место в актуализации этнолингвистических исследований в Словакии как в области методологических наставлений, так и благодаря ее собственным полевым исследованиям, проведенным в Словакии.

При ретроспективном взгляде на достигнутые результаты в области этнолингвистики, необходимо особо отметить деятельность зарубежных исследователей. Одной из первых работ зарубежной этнолингвистики является кандидатская диссертация белорусского автора Н. И. Зайцевой *Мифологическая лексика в чешском и словацком языках* (Зайцева 1978). Заслуживают внимания обширные полевые исследования российского этнолингвиста Марины Михайловны Валенцовой, которая многократно посетила отдельные словацкие регионы, иногда вместе со своими коллегами Еленой Узенёвой и Марфой Толстой, свои результаты они регулярно представляют на научных конференциях в Словакии. Надо отметить и полевые исследования Анны А. Плотниковой и Даши Ващенко среди градищанских хорватов в Словакии. Результаты научных экспедиций в Словакию М. М. Валенцова изложила в монографии, посвященной народному календарю чехов и словаков (Валенцова 2016), и многих научных статьях. В 2018 году в переводе на чешский язык вышла работа Е. С. Узенёвой и А. А. Плотниковой об этнолингвистических аспектах карпатских культурных феноменов (Plotnikovová, Uzeňovová 2018). Отдельные работы зарубежных этнолингвистов были опубликованы в течение последних лет на страницах словацкого славистического журнала *Slavica Slovaca* (Kitanova 2015; Колосова 2014; Валенцова 2020; Ипполитова 2020).

Области словацкой традиционной культуры, которые попадают в сферу интересов этнолингвистов, в Словакии разработаны в энциклопедических трудах, например в двухтомнике *Энциклопедия народной культуры Словакии* (Botík, Slavkovský 1995a,b), в энциклопедическом труде *Словакия*

³ Все цитаты в виде научных обзоров доступны в публикации (Žeňuchová 2020).

(Slovensko 1975), а также в монографии З. Бенюшковой *Традиционная культура регионов Словакии* (Beňušková 2005), которые носят скорее общий характер и не охватывают все области национальной культуры.

Изучение традиционной народной культуры в Словакии было сосредоточено, главным образом, в Институте этнографии, позднее – в Институте этнологии САН (в настоящее время Институт этнологии и социальной антропологии САН), где также находится архив записей полевых исследований, записи нарративных жанров архива Франка Воллмана с периода между двумя мировыми войнами. Картотека и избранные рукописные источники по словацким диалектам, исторической лексике и этимологическим исследованиям находятся в Институте языкознания им. Людовита Штура САН. Много ценной информации о народной терминологии и названиях явлений традиционной народной культуры содержит также *Этнографический атлас Словакии* (Etnografický atlas Slovenska 1990). Важным в данном контексте также является *Атлас словацкого языка* (Atlas slovenského jazyka 1968–1984). Очень важно отметить, что в Словакии до сих пор не имеем полного *Словаря словацких диалектов* – к настоящему времени изданы два тома, содержащие лексику словацких диалектов на буквы *A до-K* и *L до-P* (Slovník slovenských nářečí 1994, 2006), очень полезным также *Исторический словарь словацкого языка* (Historický slovník slovenského jazyka 1991–2008), который содержит лексический материал периода истории словацкого языка до первой кодификации литературного языка А. Бернолака.

Наряду с упомянутыми словарными работами, существуют более ранние словацкие словари, датированные XVII и XVIII веками, в которых также отражена часть лексикального материала, являющаяся характерной для конкретного региона или тематической области. Например, рукописный Камальдильский словарь, а также словари Ф. Булёвского, Й. Лыцея, М. Панкла (Palkovič 1993, Naucková 1979). Необходимо отметить тот факт, что многие словарные труды, созданные чешскими лингвистами в XVIII и XIX веках, включают в себя также словацкую (диалектную) лексику той эпохи. Например, Ш. Лешка собирал словацкие диалектные слова как дополнение к словарям К. И. Тама и Ф. Б. Томса; часть собранного лексикального фонда Ш. Лешки позднее использовали Й. Добровский, Й. Юнгман и словацкий патриот Й. Палкович (Laciok 1968: 235–238). За вклад в область лексикографии словацкого языка заслужил признание также Юрай Рибай, который в 1808 году закончил работу над словарем *Idioticon Slovacicum* (около 14 700 слов). Словарь Й. Рибайа, несмотря на интерес словацких лингвистов к данной работе (Blanár 1966; Skladaná 1994; Skladaná 2004; Majtán 2004), не был издан вплоть до 2017 года, когда его подготовил к печати Мирослав Дудок (Dudok 2017).

Среди рукописных источников, которых нам удалось, так сказать, вернуть в научный оборот, особого внимания заслуживает до настоящего времени не

использованный источник этнолингвистических исследований – рукописный словарь Л. Ризнера. В 1896 году Людовит Ризнер закончил обширный *Бошацкий диалектный словарь* (Dialektický slovník bošácky). Изыскания проводились в Бошацкой долине, где ученый собрал большое количество материала в довольно небольшой области западнословацких ниже-треньчанских диалектов. Автор подготовил две версии словаря: первая датируется 1896 г. (726 рукописных страниц); вторая, большая по объему, – 1913 г. (949 рукописных страниц). К созданию второй версии словаря автора подтолкнуло то, что он постоянно уточнял свою первую рукопись, вписывал в нее новые словарные статьи и дополнял культурный контекст. Таким образом, через некоторое время рукопись стала трудночитаема. Ризнер готовил ее к изданию, так как чешский лингвист Ф. Пастрнек обещал, что этот лексикографический труд будет напечатан Чешской академией наук. Однако книга Людовита Ризнера так и не вышла. Первая рукопись, законченная в 1896 году, хранится в Литературном архиве Словацкой национальной библиотеки в Мартине (сигнатура С 992), более поздняя и более полная, вторая версия рукописи зарегистрирована в фондах Центральной библиотеки САН и хранится в Институте языкознания им. Людовита Штура САН (сигнатура S 22573), где используется в качестве источника материала при составлении словарных статей словаря словацких диалектов. Материалы словаря Ризнера также использовал И. Рипка при написании монографий о ниже-треньчанских диалектах (Ripka 1975, 1981).

Изучение лексикографического материала Л. Ризнера показывает, что словарь содержит апеллятивную лексику бошацкого диалекта, личные имена и фамилии жителей, имена домашних или хозяйственных животных – коней, собак, коров, кошек – местные названия (Ripka 1975: 345). В первой версии словаря автор приводил значения слов по-словацки, в отличие от второй, более поздней версии 1913 года, в которой значения слов были записаны по-чешски, так как работу планировалось издать в Чехии. Значение лексем проиллюстрированы богатыми пояснениями на примерах из народной речи, приведены наиболее частные сочетания с заглавным словом. Словарь содержит множество неязыковых фактов, главным образом при лексемах, которые несут в себе так называемый культурный код. К словам, связанным, например, с магическими обрядами, болезнями, суевериями, Л. Ризнер указывал более широкий культурно-семантический контекст, записывал знахарские заговоры, способы лечения болезней, фраземы и фольклорные повествования, этиологические легенды, загадки, народные песни, игры.

Выбираю несколько примеров связанных с болезнями – *čemer* – рус. *охват*:

Čemer, ktorý poznáva sa po hrčkách v zápästí povstalých, rozotierajú slinami. – Niektorí ľudia mávajú často čemer a trpelive podrobujú sa komickej, ale boľastnej masáži. Najdú sa

ženy, ktoré vedia výborne čemer „stierať“, ale i muži rozumejú sa do toho. Polapia jednou rukou očemerému dlaň, a druhou naslineným palcom od zápästia hore celou silou tlačia žily, „aby sannutú krv roztlačili“; zatým silný chlap popadne pacienta od chrbta a zatriasa nim, až to všetko praští. Ešte drastickejšie stieranie čemeru videl som, ktoré konal si pacient sám tak, že celou silou drhnuť si ruku od zádlania hore, o kraj stola! Keď očemerý dá si takto ruky kapitálne vydrhnúť a celou silou domadžať a sťa vrece sa vynatriasat': má dušu na mieste a je po čemerí!⁴

Приведем еще один пример из области диалектных названий болезней, обращая внимание также на латинские эквиваленты народных названий: *Belmo. Spallo tu belmo z očí. (poznáva svoj blud). Belmo (albugo oculi) sháňajú tak, že si vička potierajú hadím sadlom. Najlepšie je z hada pred Jurom chyteného. Belmo rožného statku zafukujú liadkom na prach potlčeným*⁵. Следующий пример из области названия болезни описывает причину болезни и способы ее лечения:

*Bradavica, bradovica. Má na nose jako ljéskovec bradavicu. Dľa domnenia ľudu, povstaní bradavice na rukách tým, keď si kto ruky umýva vo válovcí, z ktorého kury vody pijavajú. Mimo magických prostriedkov užíva sa proti bradaviciam potieranie ich šťavou žabieho mlieka (Euphorbia Cyparissias a E. Esula). Bradavice vraj srezávať neslobodno, lebo kam sa dostane na ruku len špetka krve z rany, povstane z toho bradavica či kuracia riť. Bradavice aby sa ztratily, treba na schode mesiaca obtierať o stenu. Proti bradaviciam na rukách má byť najvýbornejším prostriedkom: ísť do kostola, a keď kňaz pri omši spieva oremus, vtedy mlčky ošúchať bradavice hore kostolným múrom*⁶.

⁴ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 50 (согласно исходной нумерации страниц рукописи). Перевод на русский: *Охват, который распознается по бугоркам на запястье, растирают слюнями. – У некоторых людей часто случается охват, и они терпеливо подвергаются забавному, но болезненному массажу. Есть женщины, которые отлично умеют «стирать» охват, но и у мужчин также есть способ. Обхватят одной рукой пораженную ладонь, и наслонявленным большим пальцем другой руки от запястья вверх со всей силы массируют вены, чтобы «застоявшуюся кровь разогнать»; потом сильный мужчина хватает больного со спины и трясет его так, что все хрустит. Видел я и еще более суровое лечение охвата, которое сделал себе сам пациент, дернув со всей силы свою руку от запястья вверх о край стола!» После того, как подобным образом руку себе капитально надраит и с усилием разомнет, больной успокаивается и боль в животе проходит!*

⁵ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 16 (согласно исходной нумерации страниц рукописи). Перевод на русский: *Бельмо. Пелена с глаз упала (избавился от иллюзий, понял свое заблуждение). Бельмо (albugo oculi) лечат следующим образом: веки мажут змеиным жиром. Лучше всего от змеи, пойманной до Юрьева дня. Бельмо рогатого скота посыпают селитрой, истолченной в мелкую пыль.*

⁶ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 29 (согласно исходной нумерации страниц рукописи). Перевод на русский: *Бородавка. У него на носу бородавка как лесной орех. По мнению людей, бородавки появятся на руках у тех, кто будет мыть руки в корыте, из которого пьют воду куры. Кроме магических средств от бородавок применяется смазывание*

Кроме приведенных выше народных названий болезней, в труде Ризнера можем найти множество иных примеров, которые всегда подробно в разных аспектах комментируются, например: *hodonka* (рус. *озноб*), *zimnica* (рус. *лихорадка*);⁷ *ochvat* (рус. *охват*);⁸ *úrek* (рус. *порча*), *urečejňé* (рус. *сглаз*), *vred* (рус. *чирей*), *zrádnik* (рус. *родимец*);⁹ *svrab* (рус. *чесотка*);¹⁰ *host'ec* (рус. *ревматизм*)¹¹ и т.п.

В связи с жанровым разнообразием словесного фольклора, паремиологические жанры (поговорки и пословицы) и народные песни используются в качестве примеров наиболее часто. Значения некоторых лексем в словаре Л. В. Ризнер иллюстрирует также примерами народных загадок. Нарративные жанры народной прозы представлены также пересказом этиологических (или же этимологических) легенд, суеверных повествований¹².

Изучение словаря и отбор лексем с т. н. культурным кодом позволяет формировать довольно цельный образ различных явлений словацкой народной культуры, фиксировать фольклорные тексты различных жанров. С точки зрения этнолингвистического исследования, стоит также упомянуть обширный сборник демонологем и мифологем, зафиксированных в исследуемом рукописном словаре. Выписки демонологем дают информацию не только о названиях демонологических существ, но и об их экстралингвистических контекстах – о внешнем виде, поведении и способах защиты от них:

*Bjélé panny. O tých hovori sa, že v letných nociach po humnách spievajú*¹³; *Bosorka, čaro-dejnica, stryga. Kto chce vidieť a poznať bosorky, nech od Lucie do Štedrého Večera každý deň*

их жабым молоком (Euphorbia Cyparissias и E. Esula). Однако срезать бородавки нельзя, так как, если попадет на руку хоть капелька крови из раны, вырастет из нее бородавка или куриная задница. Чтобы избавиться от бородавок, нужно на убывающую луну потереть их о стену. Лучшее средство от бородавок на руках: пойти в костел, и когда священник во время богослужения поет Оремус, молча потереть бородавки о стену костёла.

⁷ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 136–137 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

⁸ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 383 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

⁹ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 662 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

¹⁰ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 590 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

¹¹ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 144 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

¹² Например, суеверие о заборе молока у коров (ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 727–728 (согласно исходной нумерации страниц рукописи)).

¹³ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 20 (согласно исходной нумерации страниц рукописи). Перевод на русский: *Белые девы. О них говорится, что летними ночами по гумнам поют.*

*čo len za chvíľku robí stolček tak, aby bol do Št. večera hotový. Keď si tento stolček po Štedrom večeri na polnočnú utiereň vezme do kostola a tam si naň sadne, vidí všetky bosorky, chrptom k oltáru obrátené; ale nesmie čakať kňazovho požehnanja, lebo po požehnaní vychytili by mu bosorky ten stolec a zle by ho doriadili*¹⁴.

Из демонологической лексики можем вспомнить еще несколько примеров: *víla* (рус. *фея*)¹⁵; *svetlonos* (рус. *светоч*)¹⁶; *šarkan* (рус. *змея, дракон*), *škrátek* (рус. *крот, цмок*), *zмок* (рус. *цмок*)¹⁷; *bohúňa* (рус. *богиня*)¹⁸; *veščec* (рус. *ведун*), *veščica* (рус. *ведунья*)¹⁹ и подобные.

Приведенные примеры, без сомнения, иллюстрируют ценность материала Ризнера для использования в этнолингвистическом исследовании. Мы считаем чрезвычайно важным подготовить данный словарный материал к изданию, несмотря на то, что он предлагает информацию только о малой области ниже-треньчанских диалектов окрестностей Бошаца. Методика работы Ризнера указывает нам на возможности более широкого культурологического, этнографического, фольклористического и этнолингвистического использования диалектического словаря, который включает в себя не только состояние диалекта в определенную эпоху в Бошацкой долине, но также дает информацию о культурных и мифопоэтических концептах восприятия мира, образе жизни традиционного словацкого общества того времени.

Что касается диалектологических исследований более раннего периода, нельзя обойти вниманием собирательскую работу языковедов второй половины XIX – начала XX веков: языковеды в службе этнографии и фольклористики Самюэля Цамбела и Франтишка Шуянского. Последний имеет большие заслуги в области собирания паремий, о чем свидетельствует

¹⁴ Центральная библиотека САН, сигнатура S 22573, с. 33 (согласно исходной нумерации страниц рукописи 1913г.). Перевод на русский: *Ведьма, чародейка, колдунья. Тот, кто хочет видеть и узнать ведьм, пусть от дня св. Люсии до Щедрого вечера каждый день по чуть-чуть делает табуретку, чтобы к Щедрому вечеру была готова. Когда этот табурет возьмет с собой в костел на полночную и утреню и там на нее сядет, увидит всех ведьм, спиной к алтарю обращенных; только нельзя ждать напутствия священника, ибо после напутствия ведьмы выхватят табуретку и жестоко с ним расправятся.*

¹⁵ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 654 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

¹⁶ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 589 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

¹⁷ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 592 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

¹⁸ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 25 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

¹⁹ ЛА СНБ в Мартине, сигнатура С 992, с. 653 (согласно исходной нумерации страниц рукописи).

обширная коллекция паремиологических единиц (около 5500), подаренная им А. П. Затурецкому (Tekeliová 2015: 56). Упомянутый ранее Л. Ризнер также передал А. П. Затурецкому 1600 поговорок из своего собрания (Ripka 1973: 343). Что касается печатного издания источников словацкого фольклора, необходимо отметить, что в разные годы были подготовлены к изданию рукописные сборники фольклорных текстов рубежа XIX–XX вв. и более новые диалектологические записи, которые с успехом можно использовать в фольклористических и этнолингвистических исследованиях. Более ста лет прошло с момента создания сборника диалектных записей Самюэля Цамбела, прежде чем в 2014 году вышла в печати его полная версия (Žeňuchová 2014). Мы считаем очень полезным, что в последние годы уделяется внимание тому, чтобы глубже и детальнее проникнуть и в редакционную практику романтических собирателей народных сказок (Pácalová 2015a,b).

Объем нашей статьи не позволяет перечислить все работы, однако в библиографии можно найти соответствующие материалы, описывающие источники отдельных областей словацкой народной культуры (Stano, Žatko 1989; Kubová 1971, 1979, 1984, 1986, 1994; Zajonc, Mészárosová, Kostovská 2013). В работах Эмилии Хорватовой содержится много ценной информации об обычаях (Horváthová 1972, 1986); суеверия и вампиризм в своем предметном обзоре на основе полевых исследований в восточной Словакии изучал Й. Мьяртан (Mjartan 1953); прядение и ткачество – Й. Зайонц (Zajonc 2004); народную кухню описывает в своих работах Р. Столичная (Stoličná 2000, 2004); народному костюму уделяли внимание М. Бенжа (Benža 2015), С. Ковачевичова (Kovačevićová 1955), Я. Паткова (Pátková 1957), В. Носалёва (Nosáľová 1983); народную медицину и магию в Горных Кисуцах описывал Йозеф Марец (Marec 2011). В области фольклорных источников мы располагаем работами В. Гашпариковой в жанровой области народной прозы (Filová, Gašparíková 1993, 2002, 2004); демонологических повествований (Kováč 2004; Bužeková 2007, 2009), паремиологические жанры подготовила З. Профантова (Profantová 1986).

Благодаря упомянутой проектной деятельности в Словакии нам удалось активизировать диалог и сотрудничество известных научных этнолингвистических школ. Мы привели некоторые источники и научные публикации из области этнолингвистически ориентированного исследования, и они позволяют нам сделать вывод о том, что в Словакии этнолингвистика пока не развивается системно, скорее речь идет об индивидуальных изысканиях, ориентированных на разные тематические области. Словацкой этнолингвистике недостает единой программы, внутренней однородности научной парадигмы в понимании московской или люблинской школы, с четко определенной теоретической и методологической базой. Словацкая гуманитарная наука не шла в ногу с этими школами в области целенаправленной многолетней подготовки

базы источников, не проводились организованные полевые исследования, не возникали монографии, словари²⁰.

С точки зрения перспективы дальнейшего развития словацкой этнолингвистики в общетеоретическом плане имеем возможность обращаться к ясно определенным парадигмам российской и польской этнолингвистической школ. В данном направлении стоит задуматься о том, чтобы сделать доступными переводы основополагающих теоретических и методологических трудов представителей обеих этнолингвистических школ, и так пополнить серию переводов подготовленных в Чехии (Tolstoj 2016; Bartmiński 2016). В отдельных сферах этнолингвистического дискурса продуктивной является в Словакии лингвистическая экстраполяция этнолингвистики (московская школа с диахроническим подходом) или когнитивистский подход (польская школа с синхронным видением)²¹. В дальнейшем словацкая этнолингвистика может успешно продолжать исследования в области этнофразеологии. Именно устойчивые языковые единицы представляют область языка и речи, которая обладает огромным культурологическим потенциалом. Фразеологический материал прямо ссылается на этнокультурную информацию, кодирует информацию о том, как человек воспринимает внешнюю реальность. Этнофразеологические исследования в Словакии хорошо представлены в университетской среде – кафедра славянской филологии философского факультета Университета Коменского – под руководством Марии Добриковой (Dobříková 2014, 2015a,b, 2016a,b, 2019a,b). Речь идет о результатах планируемых проектных изысканий, этнолингвистических курсах, которые являются частью учебных программ для студентов, реализуемой целенаправленной подготовке аспирантов в этой области (диссертация – Svitková 2015). Преподавание специальных курсов этнолингвистики в стенах университета в значительной степени увеличит круг желающих заниматься ей в будущем.

В равной мере исследование архаических форм обрядовой культуры, мифологических, мифоритуальных и демонологических представлений народной культуры представляет области, где комплексный этнолингвистический подход является особенно продуктивным и открывает широкие возможности обработки семантических единиц мифологического языка словаков. С 2021-го года в Институте славистики им. Яна Станислава САН реализуется проект национального агентства *Obraz sveta a človeka v démonologických naratívoch. Štruktúrno-sémantický výskum démonologických povestí (Image of*

²⁰ О развитии этнолингвистики в Словакии (см. Đorđević 2020: 70–82).

²¹ Из области когнитивного подхода упомянем некоторые опубликованные в Словакии результаты – (Vaňko 2014; Kaččová 2014). Также обратим внимание на работы К. Баллековой, которые имеют диалектологическую направленность (Balleková 2016, 2017, 2018, 2019).

World and Man in Demonological Narratives. Structurally-Semantic Research of Demonological Legends (VEGA 2/0133/21)). Основной практической целью проекта – систематизация корпуса демонологических нарративов, зарегистрированных в Словакии, которые несут информацию о мифологизации природных явлений (*ветер, буря, молния, гром*), состояний человека (*олицетворение болезней, судьбы, смерти*), о людях со сверхъестественными демоническими способностями (*стрига, ведьма, фея*, и т.п.) или о демонизированных представлениях о мертвых и загробной жизни (*душа, ревенант, некрещеные мертвые, самоубийцы* и т. д.). В рамках проекта будут представлены исходные материалы, которые будут полезны при исследовании языковых номинаций отдельных демонологом и при описании типологии элементов демонологии в словацкой народной культуре, которые прояснят, как система словацкой демонологии соотносится с другими мифологическими системами славянской традиции. При этом нельзя забывать и о полевых изысканиях (например, опросник, ориентированный на отдельные области народной культуры), которые были бы полезны не только при описании синхронного состояния, но также сделали бы возможной последующую интерпретацию собранных данных в диахроническом плане.

В конце остается предполагать, что уникальное положение словацкой народной культуры в центре славянского мира, наряду со словацким языком и его вариациями, многоаспектность, начатое международное сотрудничество с известными этнолингвистическими центрами, актуальность и обозначенные потенциальные перспективы развития этнолингвистики в Словакии указывают на важность и необходимость активного участия словацкого научного сообщества в разработке комплексного языкового образа мира славян.

Литература

- Atlas slovenského jazyka*, 1.–4. zväzok, 1968–1984, Bratislava: Vydavateľstvo SAV.
- Balleková Katarína, 2016, *Kupujte od štrangárov žinky, šnúry, motúzy, špagáty, laná, povrazy* (1). „Kultúra slova“ roč. 50, č. 5, s. 291–295.
- Balleková Katarína, 2017, *Kupujte od štrangárov žinky, šnúry, motúzy, špagáty, laná, povrazy* (2). „Kultúra slova“ roč. 51, č. 4, s. 230–235.
- Balleková Katarína, 2018, *Pomôcť prídu Sirota, Riman, Chovanec aj Pastorok, Macošiar a Vdovin pôjdu do kúta!* „Kultúra slova“ roč. 52, č. 3, s. 165–171.
- Balleková, Katarína, 2019, *Poznáme ešte výrazy vdovica a vdovčisko, zimný otec a nesladká mama?* „Kultúra slova“ roč. 53, č. 2, s. 91–99.
- Bartmiński Jerzy, 2016, *Jazyk v kontextu kultury: dvanásť statí z lublinskej kognitívnej etnolingvistiky*, překlad Irena Vaňková, Praha: Univerzita Karlova.
- Benža Mojmir, 2015, *Tradičný odev Slovenska*, Bratislava: ÚĽUV.
- Beňušková Zuzana, 2005, *Tradičná kultúra regiónov Slovenska*, Bratislava: Vydavateľstvo VEDA.

- Bernolák Anton, 1825, *Slowár Slowenski Češko-Laťinsko-Ňemecko-Uherski*, Budae Typiset Sumtibus Typogr. Reg. Univers. Hungaricae.
- Blanár Vincent, 1966, *Ribayov Idioticon Slovacicum*, [w:] *Jazykovedné štúdie. IX. Dejiny a dialektológia*, Bratislava: Vydavateľstvo SAV, s. 91–114.
- Bužeková Tatiana, 2007, *Za horama, za vodú... Zbierka poverových rozprávani z obce Závod*, Senica: ER-PRINT, a.s. – Ústav etnológie SAV.
- Bužeková, Tatiana, 2009, *Nepriateľ zvnútra*, Bratislava: Veda.
- Dobříková Mária, 2014, *Etnokultúrny status ľudových aerofónov v bulharskej a slovenskej frazeológii*. [w:] *Hudobné motívy vo frazeológii. Frazeologické štúdie VI*, red. Mária Dobříková, Bratislava: Univerzita Komenského, s. 39–50.
- Dobříková Mária, 2015a, *Signalling Function of Musical Instruments from the Aspect of Ethnophraseology*, „Ezikov svjat – Orbis linguarum” roč. 13, č. 2, s. 7–15.
- Dobrikova Maria, 2015b, *Nove možnosti za (etno)frazeološka istraživanja iz perspektive slovačkog frazeološko-muzikološkog projekta*, „Lingvistične aktuelnosti“ 27, s. 1–9.
- Dobříková Mária, 2016a, *Signálne hudobné nástroje ako motívanty frazém v slovenčine*, [w:] *Studia Academica Slovaca 45*, eds. Jana Pekarovičová, Miloslav Vojtech, Bratislava: Univerzita Komenského, s. 418–435.
- Dobříková Mária, 2016b, *Reflexia hudobnej koncepcsféry vo frazeológii*. [w:] *Jihoslovenská frazeologie kotrastivně*, eds. Pavel Krejčí, Elena Krejčová, Brno: MUNIpress, s. 33–38.
- Dobříková Mária (ed.), 2019a, *Slavofraz 2019. Percepčia nadprirodzena vo frazeológii*, Bratislava: Katedra slovanských filológií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave – Slovenská frazeologická komisia pri Slovenskom komitete slavistov.
- Dobříková Mária, 2019b, *Zmok – poverové predstavy a ich percepčia z hľadiska etnofrazeológie*, [w:] *Slavofraz 2019. Percepčia nadprirodzena vo frazeológii*, ed. Mária Dobříková, Bratislava: Katedra slovanských filológií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave – Slovenská frazeologická komisia pri Slovenskom komitete slavistov, s. 82–89.
- Dudová Katarína, 2020, *Participácia slovenskej etnolingvistiky na medzinárodných výskumoch európskeho jazykového obrazu sveta*, [w:] *Etnolingvistický výskum na Slovensku. Súčasný stav a perspektívy*, ed. Katarína Žeňuchová, Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, s. 28–40.
- Dolník Juraj, 2010, *Jazyk – človek – kultúra*, Bratislava: Kalligram.
- Dudok Miroslav, 2017, *Ribayov Idiotikon*, Báčsky Petrovec: Slovenské vydavateľské centrum.
- Duranti Alessandro, 2003, *Languageas Culture in U.S. Anthropology: ThreeParadigms*, „Current Anthropology“ roč. 44, č. 3, s. 323–348.
- Đorđević Kristina, 2020, *Razvoj etnolingvistike u Slovačkoj*, „Komunikacija i kultura“ roč. XI, č. 11, s. 70–82.
- Botík Ján, Slavkovský Peter (eds.), 1995a, *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. 1*. Bratislava: Veda.
- Botík Ján, Slavkovský Peter (eds.), 1995b, *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. 2*. Bratislava: Veda.
- Etnografický atlas Slovenska*, 1990, Bratislava: Etnografický ústav SAV, Slovenská kartografia, 124 s.
- Filová Božena, Gašpariková Viera, 1993, 2002, 2004, *Slovenské ľudové rozprávky*, t. 1–3, Bratislava: Veda.

- Hayeková Matilda, 1979, *Dejiny slovenských slovníkov do roku 1945*, Bratislava: Univerzita Komenského.
- Historický slovník slovenského jazyka*, 1991–2008, t. 1–7, Bratislava: Veda vydavateľstvo SAV.
- Horváthová Emília, 1972, *Zo zvykoslovných a poverových reálií na hornom Spiši*, „Slovenský národopis“ roč. 20, č. 3, s. 484–503.
- Horváthová Emília, 1986, *Rok vo zvykoch nášho ľudu*, Bratislava: Tatran.
- Karčová Agáta, 2014, *Jazykový obraz sveta – fenomén videnia a zraku a ich axiologický rozmer*; [w:] Štefan Peciar a moderná lexikografia. Zborník k 100. výročiu narodenia Štefana Peciara, red. Slavomír Ondrejovič, Lucia Satinská, Júlia Vrábl'ová, Bratislava: Veda, s. 224–248.
- Kitanova Marija, 2015, *Etnolingvistika ta nagranica ta meždu dve stoletija*, „Slavica Slovaca“ roč. 50, č. 2, s. 103–115.
- Kovačevičová Soňa, 1955, *Ludový odev v Hornom Liptove*, Bratislava: SVKL – Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry.
- Kováč Milan, 2004, *Zlatý baran: príbehy ľudovej viery a mágie spod hory Radzim*, Radzim.
- Kubová Milada (red.), 1971, *Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1960–1969*, Bratislava: Národopisný ústav SAV.
- Kubová, Milada (red.), 1979, *Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1970–1975*. Bratislava: Národopisný ústav SAV.
- Kubová Milada (red.), 1984, *Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky 1976–1980*, Bratislava: Národopisný ústav SAV.
- Kubová Milada (red.), 1986, *Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky 1981–1985*, Bratislava: Národopisný ústav SAV.
- Kubová Milada (red.), 1994, *Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky 1986–1990*, Bratislava: Ústav etnológie SAV.
- Laciok Miroslav, 1968, *K jazykovednému dielu Štefana Lešku a jeho vzťahu k slovenčine*, „Slovenská reč“ roč. 33, č. 4, s. 235–238.
- Majtán Milan, 2004, *Nárečový základ Ribayovho Idiotikona*, [w:] Juraj Ribay. 1754–1812. *Život, dielo, doba*, eds. Miroslav Dudok – Miloš Kovačka, Martin: Slovenská národná knižnica, s. 19–22.
- Mistrík Jozef (red.), 1993, *Encyklopédia jazykovedy*, Bratislava: Obzor.
- Mjartan Ján, 1953, *Vampírske povery v Zemplíne*, „Slovenský národopis“ roč. 1, s. 107–134.
- Nosál'ová Viera, 1983, *Slovenský ľudový odev*, Martin: Osveta.
- Orgoňová Oľga, Bohunická Alena, 2011, *Lexikológia slovenčiny. Učebné texty a cvičenia*, Bratislava: Stimul.
- Pácalová Jana, 2015a, *Codexy tisovske. K prameňom slovenských rozprávok*, Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Ústav slovenskej literatúry SAV.
- Pácalová Jana, 2015b, *Rozprávky Janka Rimavského*, Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Ústav slovenskej literatúry SAV.
- Palkovič Konštantín, 1993, *Z dejín slovenskej dialektológie*, „Slovenská reč“ roč. 58, č. 5, s. 261–267.
- Pátková Jarmila, 1957, *Ludový odev v okolí Trnavy*, Bratislava: SVKL – Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry.
- Plotnikovová Anna A., Uzeňonová Jelena S., 2018, *Karpatské tradice v balkánské perspektivě: etnolingvistické aspekty*, Ostrava: Ostravská univerzita – Ústav slavistiky Ruské akademie věd.

- Profantová Zuzana, 1986, *Dúha vodu pije*, Bratislava: Tatran.
- Ripka Ivor, 1973, *Ludovít V. Rizner a jeho Bošácky nárečový slovník*, „Slovenská reč“ roč. 38, č. 6, s. 340–348.
- Ripka Ivor, 1975, *Dolnotrenčianske nárečia*, Bratislava: Veda vydavateľstvo SAV.
- Ripka Ivor, 1981, *Vecný slovník dolnotrenčianskych nárečí*, Bratislava: Veda.
- Sedakova Irina A., Žeňuch Peter, Kitanova Marija et al., 2019, *Axiologický výskum slovanských jazykov / Axiological Investigation into the Slavic Languages*, Bratislava–Moskva: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Институт славяноведения РАН, VEDA, vydavateľstvo SAV.
- Skladaná Jana, 1994, *Frazeológia v Ribayovom Idioticone*, „Kultúra slova“ roč. 28, č. 3, s. 151–155.
- Skladaná Jana, 2004, *Analýza frezém v diele Juraja Ribaya Idioticon Slovacicum z roku 1808*, [w:] *Juraj Ribay. 1754–1812. Život, dielo, doba*, eds. Miroslav Dudok, Miloš Kovačka, Martin: Slovenská národná knižnica, s. 28–33.
- Slovensko*, 1975, *Lud*, 2., Bratislava: Obzor.
- Slovník slovenských nárečí*, 1994, 2006, 1. a 2. zv., Bratislava: Veda vydavateľstvo SAV.
- Stano Pavol, Žatko Rudolf (red.), 1989, *Národopisná literatúra na Slovensku za roky 1901–1959*, Martin: Matica slovenská.
- Stoličná Rastislava, 2000, *Tradičná strava Slovenska. (Prírodné, historické, etnokulinárne, náboženské a sociálne aspekty)*, Bratislava: Veda.
- Stoličná Rastislava, 2004, *Jedlo ako kľúč ku kultúre. Geneticko-historické a sémantické aspekty nášho stravovania*, Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej.
- Svítková Milína, 2015, *Hudobné nástroje ako komponenty slovenských a chorvátskych frazém*. Dizertačná práca, Bratislava: Filozofická fakulta Univerzity Komenského.
- Tekeliová Dominika, 2015, *Zbierka ľudovej prózy Františka Šujanského*, [w:] *Ľudová próza na Slovensku v kontexte dejín slavistiky*, ed. Katarína Žeňuchová, Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov, s. 55–62.
- Tolstoj Nikita I., 2016, *Magie slova a textu: moskevská etnolingvistická škola*, ed. Jana Bauerová, Praha: Univerzita Karlova.
- Urbancová Viera, 1970, *Počiatky slovenskej etnografie*, Bratislava: Vydavateľstvo SAV.
- Vaňko Juraj (ed.), 2014, *Obraz človeka v jazyku*, Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta.
- Zajonc Juraj, 2004, *Tradičné predstavy a názory spojené s pradením a tkaním*, „Slovenský národopis“ roč. 52, č. 4, s. 349–403.
- Zajonc Juraj, Mészárosová Marianna, Kostovská Ingrid (zost.), 2013, *Slovenský národopis 1953–2002*. Bibliografia, 2013.
- Žeňuchová Katarína, Kitanova Maria, Žeňuch Peter (eds.), 2017, *Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach (zo slovanskej etnolingvistiky)*, Bratislava – Sofia.
- Žeňuchová Katarína, 2014, *Zbierka ľudovej prózy Samuela Cambela. Prameň k výskumu rozprávačskej tradície na Slovensku*, Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov.
- Žeňuchová Katarína (ed.), 2020, *Etnolingvistický výskum na Slovensku. Súčasný stav a perspektívy*, Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV.

- Валенцова Марина М., 2016, *Народный календарь чехов и словаков*. Этнолингвистический аспект, Москва: Издательство „Индрик“.
- Валенцова Марина М., 2020, *К семантике и этимологии карпато-украинского о с и н а в е ц*, „Славица Словаца“, 55, ч. 3, с. 399–407.
- Зайцева Наталья И., 1978, Мифологическая лексика в чешском и словацком языках, кандидатская диссертация, Минск.
- Ипполитова Александра Б., 2020, *Папоротник без сердца в русских травниках XVII–XVIII веков*, „Славица Словаца“, 55, ч. 3, с. 368–384.
- Колосова Валерия Б., 2014, *«Медвежьи» растения в словацком языке*, „Славица Словаца“, 49, ч. 1, с. 31–36.
- СД – *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь, ред. Н.И. Толстой. Москва: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
- Седакова Ирина А., Китанова Мария, Женьюх Петер (ред.), 2019, *Взгляд на славянскую аксиологию*, Москва: Институт славяноведения.
- Толстая Светлана М., 2015а, *Образ мира в тексте и ритуале*, Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Толстая Светлана М., 2015б, *Категория оценки в языке и тексте*, [в:] *Категория оценки и система ценностей в языке и культуре*, ред. Светлана М. Толстая, Москва: Издательство „Индрик“, с. 11–32.

Источники

- Literaturnyj archiv, Slovacckaja nacional'naja biblioteka v Martine: Bošackij dialektnyj slovar' (Dialektický slovník bošácky, sign. C 992).
- Central'naja biblioteka SAN, Bratislava: Bošackij dialektnyj slovar' (Dialektický slovník bošácky, sign. S 22573)

The status and perspectives of ethnolinguistic research in Slovakia

Abstract: The chapter summarizes the results of contemporary ethnolinguistic research in Slovakia focused on language as a cultural phenomenon. Language cannot be perceived as an isolated and closed structure, but in relation to the social context and national culture. The author describes ethnolinguistic research of domestic and foreign scholars based in Slovakia. Core linguistic and cultural sources of ethnolinguistic research are systematized. Special attention is paid to the dialectical dictionary by Ľ. Rizner (*Dialektologický slovník bošácky*): a wide array of options of its use in researching cultural and mythopoetic concepts within linguistic worldview is discussed. Perspectives for further development of ethnolinguistics in Slovakia are surveyed.

Keywords: Slovak ethnolinguistics; language and culture; linguistic worldview; sources of ethnolinguistic research in Slovakia

Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska

UMCS Lublin, Poland

ORCID: 0000-0003-0008-8690

e-mail: stanislaw.niebrzegowska-bartminska@mail.umcs.pl

Lublin cognitive ethnolinguistics: From dialectology and folklore studies to cross-cultural semantics¹

Abstract: In the course of its history, the ethnolinguistic research in Lublin has undergone several major transformations. The initial stage focused on the language of folklore: a database of fieldwork data dedicated to this project was started. Then, the focus shifted to a dictionary of song formulae, which eventually developed into the *Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols*. The project was aided by the launch of the annual journal *Etnolingwistyka* (“Ethnolinguistics”) and a book series commonly referred to as “the red series”, where theoretical and methodological issues of the project were discussed. With time, these moved far beyond the problems of folklore and country dialects and were concerned with linguistic worldview, stereotypes and symbols in folk tradition, in standard variety of Polish and other languages. The key areas of research included the profiling of concepts, point of view, the speaking subject, and the semantics of value terms. The latest stage is the international comparative project EUROJOS, concerned with standard varieties of languages and public discourses, and since 2012 also the project (ETNO)EUROJOS, initiated for the study of Slavic folk traditions. A similar endeavour is the Polish–Belarusian–Ukrainian project *The Ethnolinguistic Atlas of Pobuże*, regional in focus (concerned with a portion of the region of the river Bug) but carried out by an international team of researchers.

Keywords: Lublin cognitive ethnolinguistics; linguistic worldview; stereotype; cognitive definition; profiling and profile; point of view; speaking subject; values; comparative semantics; *Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols*; *Axiological Lexicon of Slavs and Their Neighbours*; EUROJOS; (ETNO)EUROJOS

---

¹ This is a slightly modified translation of a chapter in Niebrzegowska-Bartmińska (2020: 69–95) and of Niebrzegowska-Bartmińska (2014a).

1. The linguistic turn “towards humans”

The formative stage of Lublin cognitive ethnolinguistics, and more generally of Polish ethnolinguistics, coincided with the paradigm shifts in linguistics, and – even more broadly – in the global humanities, when, still in the era of structuralism,

the “human factor” began to claim its own place: idiolect, linguistic portraits of speakers, senders and receivers, communicative intentions and effects of speech acts, creation and reception of texts that influence individuals and whole human groups, the role of humans in discourse, history, and cultural spaces. (Chlebda 2010: 8)

In the same article, the author writes:

At the time when the “Lublin School of Ethnolinguistics” was born, as it was later called, the Polish humanities saw not so much a retreat, but a turn from taxonomic linguistics towards anthropological-cultural linguistics, communication studies, linguistic pragmatics, discourse theory, narrative studies, and cognitive linguistics. (Chlebda 2010: 8–9)

This turn in linguistics was linked to a change in the perception of the role of language itself and a shift from the study of its internal structure, generative rules, and their formal description towards word meaning, connotations, metaphors, communicative intentions, presuppositions, irony, etc. This increasing orientation of linguistic research towards cultural, psychological, and social contexts went hand in hand with the view of language as something that “can help [people, SNB] find their lost identities, re-establish contact with their inner selves, other people, and God”, and thus it can help discover “the most important problems and values that they cherish” (Puzynina 2009: 36).

2. Cultural linguistics or ethnolinguistics

In the words of Wojciech Chlebda, ethnolinguistics “has more than one name” and may cover different content, both at the national and transnational level:

One profile of the identity of ethnolinguistics lies in its common ground with sociology (including the sociology of human actions and behaviour), ethnology, ethnic studies, or linguistic ecology [...]; another profile is when it interacts with folklore studies, ethnography, mythology, and other branches of linguistics (including, in particular, etymology and dialectology, as is the case, for instance, in Moscow ethnolinguistics). Yet another profile is actualized when ethnolinguistics opens up to anthropological linguistics, socio- and psycholinguistics (also social psychology), culturology, axiology, history of ideas, and identity studies – as in Lublin ethnolinguistics. Another profile is when ethnolinguistics links with interpersonal communication studies and practical application of its rules (e.g. in teaching or in translation studies, as

it is practised in at Adam Mickiewicz University in Poznań). And finally, a distinct profile is when ethnolinguistic inquiry touches upon cognitive studies (theories of the mind, gnosiology, cognitive science). [...] Ethnolinguistics offers a kind of common denominator for an inquiry that crosses two kinds of borders: those that divide different cognitive sciences, as well as those that divide different national orientations and traditions in the humanities. (Chlebda 2018: 230–231)

I identify Lublin ethnolinguistics, which to some extent is subject to this internal profiling, with cultural linguistics, following the ideas articulated by Jerzy Bartmiński in the “Foreword” to the first issue of the journal *Etnolingwistyka*, over four decades ago:

Ethnolinguistics is a branch of contemporary linguistics concerned with language in its complex relationship to culture. And thus, it deals with the linguistic system as an institutionalized social product, with its varieties, styles, variants, in the whole diversity of its uses, in relation to culture as a unique domain of human activity, with patterns and values inscribed in specific cultural practices, as well as a product of these activities. (Bartmiński 1988c: 5)

The identification of ethnolinguistics with cultural linguistics seems all the more justified in the light of a somewhat later publication by the Wrocław-based researcher Janusz Anusiewicz, who formulated the object of inquiry in cultural linguistics in a manner similar to Bartmiński:

Cultural linguistics is understood, most generally, as a discipline that studies the links and relationships between the language and culture of a given society. More precisely, it studies the culture of reality and the culture of values (the phenomenal and ideational order of culture) contained in language, the system of semantic choices and linguistic categories, as well as the axiological system entrenched in a language. The latter includes value judgements, norms, and evaluations; moral, aesthetic, and cognitive values encoded in a language, their influence on human personality, individual and shared views, beliefs, and attitudes. In consequence, cultural linguistics is concerned with the influence of language on human behaviour, individual and social acts, as well as interpersonal interactions, which stimulate and build the experience and tradition of a given community. This is the real locus of culture, with the latter being often defined a system of overt and covert models of life. (Anusiewicz 1995: 54)²

---

² Recently, similar comments on cultural linguistics came from Waldemar Czachur (2017), who synthesized the results of Polish, German, and English-language research into the language–culture nexus: “The aim of cultural linguistics is thus to show, on the one hand, the culture-creating function of language and, on the other hand, through the analysis of concrete linguistic activities and products, the culturality of language itself. From the linguistic perspective, culturality is understood as the expression of a linguistically entrenched conceptualization of the world by a given community. Schemes, scripts, and patterns are entrenched in language and are constantly activated, including modifiable, knowledge formations that function in communal communication. In this view, linguistic acts become cultural practices that create reality through (re)production of new meanings in constant interaction between group members. Those

In his essay titled “What does ethnolinguistics deal with?”, considered as a kind of manifesto of Lublin ethnolinguistics, Jerzy Bartmiński (1986) included the following areas within the focus of that discipline: cultural functions of language; community-specific and professional language varieties; the languages of sub-cultures; internal stylistic differentiation of languages; genre-specific patterns of speech; lexis as a classifier of social experience; grammatical and semantic categories of language with respect to their functions.

In contrast, constructing the programme of cultural linguistics, Janusz Anusiewicz described its area of interest as including: semantic and grammatical categories of a language (languages) and their cultural aspects; the cultural content contained in the lexical-phraseological, paremiological, and metaphorical system of a given language; linguistic pragmatics and onomastics as sources of knowledge on the culture of a given community (Anusiewicz 1995: 60–61).

The parallel treatment of these two disciplines, or in fact their identification, is possible due to the convergent and twofold view of language itself, in its objective (object-related) and subjective (subject-related) aspects. Anusiewicz articulates this view explicitly:

Language has an objective and subjective side to it. It captures objective reality (i.e., the world as an entity beyond it), but at the same time it is a creation of its subject (the human being, the society) and so constitutes a reality “in itself”. There is, thus, on the one hand, an objective reality (material, physical, substantial), and on the other hand, a subjective reality (non-material, psychic, mental, emotional, volitional). This is an extremely intricate construction, combining heterogeneous phenomena that have to be studied and described by means of diverse categories and research tools. Cultural linguistics, also called anthropological linguistics or ethnolinguistics, proposes to integrate these categories and research tools. (Anusiewicz 1995: 9–10)

3. Why *cognitive ethnolinguistics*?

Lublin ethnolinguistics is sometimes referred to as *cognitive ethnolinguistics*. It relates back to the German (Johann Herder and Wilhelm von Humboldt) and American (Franz Boas, Edward Sapir, Benjamin Lee Whorf) traditions, to the works of Russian scholars, oriented both dialectologically (Nikita Tolstoy, Svetlana Tolstaya) and etymologically (Vyacheslav Ivanov, Vladimir Toporov). It has a “double name”:

(a) it studies folk language and culture – and as such interacts with dialectology, folklore studies, and ethnography; it has its roots in the works of Kazimierz

---

meanings express what is most important to a given social group. Cultural linguistics thus seeks to uncover linguistic mechanisms and ways of conceptualizing socially significant objects, events and experiences of a given social group” (Czachur 2017: 20–21).

Moszyński, Jan Karłowicz, Bronisław Malinowski, Tadeusz Lehr-Splawiński, Bernard Sychta, Wanda Budziszewska, Hanna Popowska-Taborska;

(b) it studies standard language and national culture – and is open to socio- and psycholinguistics, to interpersonal communication studies, drawing on the research of Tadeusz Milewski and especially Anna Wierzbicka.

To reiterate the ideas expressed by Wojciech Chlebda (2018), both the “folk” and the “national” orientation offer a “common denominator” for crossing the borders dividing different cognitive sciences, and those dividing different national traditions. This orientation towards the human factor through language is reflected in the term *cognitive ethnolinguistics*, especially in the element “cognitive” (from Latin *cognosco*).

4. Key concepts of Lublin cognitive ethnolinguistics

When reconstructing the cognitive content hidden behind lexemes, ethnolinguistics uses a conceptual apparatus that includes the following notions: linguistic worldview (LWV), stereotype, cognitive definition, profile and profiling, point of view and interpretative perspective, the conceptualizing and speaking subject, and values. The conceptual apparatus proposed for the discipline by the founder of Lublin ethnolinguistics (Bartmiński 1980, 1984, 1988a,b, 1990, 1993a,b,c), elaborated over the course of many years (cf. Bartmiński 2003a,b, 2005b, 2006a, 2007, 2009a, 2011a, 2014a), also by other authors (Bartmiński and Niebrzegowska 1998b; Majer-Baranowska 2003, 2004, 2005; Niebrzegowska-Bartmińska 2012, 2013c, 2014b, 2015, 2017a,b), has been used to good effect in the team work on the *Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols* (SLSJ 1980; SSiSL 1996–2021), on the edited volume concerned with value and politics (JWP 2006), and the *Axiological Lexicon of Slavs and Their Neighbours* (LASiS 2015–2019). The methodological discussions carried out within the framework of the “Language and Culture” seminars helped to further specify the key concepts, discussed in publications in the so called “red series” (published in Lublin by UMCS Press) and “white series” (the journal *Język a Kultura*, published in Wrocław by Wrocław University Press).

Linguistic worldview (LWV) is “the interpretation of reality contained in language, verbalized in a variety of ways, expressed as a set of judgements about the world. They can involve ‘fixed’ judgements, i.e. those grounded in language itself, i.e. in grammar, vocabulary, or stereotyped texts (e.g. in proverbs), but also in presupposed judgements, implied by linguistic forms, entrenched in social knowledge, beliefs, myths, and rituals” (Bartmiński 2006a: 12).

Stereotype is “an image of an object formed in a certain social frame of experience that determines what the object is, what it looks like, how it works, how it is treated by people etc.”,

“at the same time, [it is] an image entrenched in a language, accessible through language and belonging to communal knowledge of the world” (Bartmiński 1996: 9).

Cognitive definition: its “main goal is to account for the way an object is understood by speakers of a given language, i.e. for the socially entrenched knowledge about the world that can be learnt through language and language use, the categorization of its phenomena, their characteristics and valuation” (Bartmiński 1988a: 169–170).

Profiling is a subjective (having its own subject) linguistic and conceptual operation that consists in shaping of the image of an object by capturing its certain aspects (subcategories, facets), such as the origin, its features, appearance, functions, events, experiences etc., within the framework of a certain type of knowledge and fulfilling the requirements of a certain point of view (Bartmiński and Niebrzegowska 1998b).

Point of view is a subjective and cultural factor that determines the way of talking about an object, including, among others, the choice of the onomasiological basis for the creation of its name, the choice of features that characterize that object in specific expressions. A point of view adopted by the speaking subject thus functions as a set of directives shaping the content and structure of words and whole utterances, also providing a basis for the identification of speech genres and language styles (Bartmiński 1990: 111).

Interpretive perspective is a set of properties of the semantic structure of words, correlated with the point of view that is, at least to some extent, its result. By identifying these properties, the hearer comes to recognize the point of view being adopted (Bartmiński 1990: 112).

The speaking subject is an “expressing authority”: someone who perceives the world with one’s senses by looking, listening, observing, and experiencing; someone who conceptualizes experience, evaluates, expresses oneself (*homo loquens*), enters into specific communicative roles, and acts.

Values “bridge language and culture. They lie at the heart of culture and underpin language” (Bartmiński 2009a: 12). Values constitute the core of every culture and at the same time are inseparable from language. It is in the name of values that the (individual and/or collective) subjects act, take a certain attitude towards reality, other people and themselves, affirming their identity and building themselves as subjects.

5. The beginnings of Lublin cognitive ethnolinguistics: dialectology and the language of folklore

Ethnolinguistic research in Lublin has evolved through several stages.³ The preferred focus was initially the language of folklore, based on data from fieldwork recordings initiated specifically for this purpose. This database made it possible to prepare a series of publications, and in turn to undertake work on a dictionary of the language of folklore (SLSJ), eventually published as *Słownik stereotypów i symboli ludowych* (SSiSL). For the purposes of the dictionary, the annual journal *Etnolingwistyka* and the so called “red series” of books were launched at the Department of Polish Philology of Lublin’s Maria Curie-Skłodowska University (UMCS). The theoretical and methodological discussions, however, went far beyond the issues related to folklore and dialects. They included especially the problems of the linguistic worldview (JOS 1990), stereotypes and symbols in folk tradition and in general language, the profiling of concepts (PP 1993; PwJiT 1998), point of view (PWwJiK 2004; PWwTiD 2004), the speaking subject (PwJiK 2008), and semantics of value terms (NW 1993; JwKW 2003). The latest stage of research has been the international comparative research programme EUROJOS, focused on standard languages and public discourses,⁴ and since 2019 also the (ETNO)EUROJOS project, focused on the study of Slavic and Baltic folk traditions.⁵ The (ETNO)EUROJOS project corresponds with the regional project entitled *The Ethnolinguistic Atlas of Pobuże*, conducted by Slavists from Poland, Belarus, and Ukraine (Adamowski, Bartmiński, and Czyżewski 1994).

Ethnolinguistic research in Lublin has its roots in dialectology and folklore studies. In 1961, on the initiative of Leon Kaczmarek (UMCS), preservation of dialectal texts was undertaken over the whole area of the then Lubelskie Voivodeship in eastern Poland. At the request of Maria Renata Mayenowa (Institute of Literary Research, Polish Academy of Sciences in Warsaw), texts of various genres were documented: on the one hand, colloquial conversations and accounts (a dialectological practice); on the other hand, folk tales, stories, songs, proverbs, etc. (mainly of interest to folklore researchers). Owing to this diversity, it became possible to comparatively study the language of folklore against the background of colloquial dialects and to prove that it has a specific status, that it is a specific

³ See Bartmiński (1986, 1987, 2001b, 2002b, 2004, 2006a,b, 2008a, 2009a, 2016, 2019a); Bartmiński and Niebrzegowska (1998a); Niebrzegowska-Bartmińska (2001, 2004, 2013a,d, 2014a). The stages, problems, and methodological assumptions of Lublin ethnolinguistics are also summarised in Tolstaya (1993, 2005, 2006, 2013, 2018).

⁴ For a summary of comparative research within the EUROJOS project, see Lappo and Majer-Baranowska (2013), Niebrzegowska-Bartmińska (2013d), Bartmiński and Bielińska-Gardziel (2016).

⁵ For the assumptions of this project, see Niebrzegowska-Bartmińska (2013a).

stylistic variant, contrasting with colloquial speech and characterized by a supra-dialectal and interdialectal range. This research gave rise to the publication of Jerzy Bartmiński's (1973) book *O języku folkloru* [*On the Language of Folklore*] and doctoral dissertations written under his supervision: Adamowski (1982) on modernization in rhymed use of language in folklore, and Sierociuk (1983) on interdialectal elements in Polish folk songs (published in book form and under a different title as Sierociuk 1990). This category of publications also includes Niebrzegowska's (1995) dissertation on the dream book in Polish folklore (published as a monograph as Niebrzegowska 1996); as well as two post-doctoral projects, Jan Adamowski's (1999) on the category of space in folklore and Niebrzegowska-Bartmińska's (2007) on oral text patterns.

5.1. The archive of fieldwork recordings and database

The systematically collected fieldwork recordings became the basis for the creation of the Ethnolinguistic Archive, which currently contains over 1,800 storage items: many hours of reel-to-reel tapes, cassettes, and 44 video (VHS) tapes.⁶ It includes a database of folk songs in two sections: regional (about twelve thousand cards based on UMCS-collected records), and nationwide (about 54 thousand cards based on nationwide prints). Part of the national section consists of songs and poems from Oskar Kolberg's collected works (Kolberg, *Dziela wszystkie*), i.e., about 25 thousand texts digitalized into the FOLBAS database, searchable by lexical keywords. The smaller regional section served as the basis for *Lubelskie*, edited by Jerzy Bartmiński and published as part of the six-volume edition of Polish folk music (Bart PANLub 2011). The entire publication contains over seven thousand works written down in the years 1950–2006, dealing with annual ritual songs, family songs, songs linked with specific situations, communal songs, songs of status and occupation, instrumental music and its performers, along with their instruments and repertoire. The volume based on regional records contains both old texts (carols, wedding songs, ballads) and new ones (chants, carols from the martial law period 1980–1983, songs from contemporary harvest festivals, pilgrimage and peregrination songs, songs about pope John Paul II), as well as variations on old traditional songs (e.g. modified carols). The publication serves now as a source for *Słownik stereotypów i symboli ludowych* (SSiSL).

The records of dialectal songs, stories and beliefs, as well as descriptions of practices (behaviours) were used as the basis for Bartmiński and Mazur's (1978) book on folk dialectal texts from the Lublin region, the volume on carolling in the region

⁶ For a discussion of the contents of the Ethnolinguistic Archive, see Bączkowska (1990), Maksymiuk and Michalec (1999), Maksymiuk-Pacek and Niebrzegowska-Bartmińska (2009), Bartmiński, Maksymiuk-Pacek, and Michalec (2010), Maksymiuk-Pacek (2018).

(Bartmiński and Hernas 1986), Niebrzegowska's (2000) study of plants in oral folk tradition, Bartmiński, Kielak and Niebrzegowska-Bartmińska's (2015) study of animals in oral folk accounts, and Michalec and Niebrzegowska-Bartmińska's (2019) work on Polish folk demonology. The latter three books have been published in the book series *Materiały etnolingwistyczne* ("Ethnolinguistic Data").

Since carols still evoke considerable social interest, they were intended for detailed description, digitalization, and systematization according to the principles formulated in the journal *Literatura Ludowa* ("Folk Literature") (1979, Issues 4–6). The KARKOL computer database was created for the purpose, which included transcriptions of original fieldwork recordings, as well as reproductions of texts from ninety-seven other publications. The carol database contains a total of 6,035 songs (texts with sheet music). Part of this repertoire was published in Bartmiński (2002c); the data from the Lublin region were included in Bart PANLub (2011; song nos. 50 to 166).

5.2. The reconstruction of the linguistic view of the world and of humans: *Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols*

While the first stage of research into the language of folklore was concentrated on the description of phonetics, morphology, and vocabulary, in the next stage (after the publication of Bartmiński's (1973) monograph on the language of folklore, on the initiative of Czesław Hernas), the focus shifted onto semantics and vocabulary. Originally, a dictionary was planned that would deal with the language of folklore, songs in particular. A preliminary instalment was published in Wrocław under the more general name *Dictionary of Folk Linguistic Stereotypes* (SLSJ 1980).⁷ The description of linguistic stereotypes was based on a wide database, not only songs but also prose (fables, legends, memoirs) and records of beliefs and behaviours. The name of the dictionary was also changed to *Słownik stereotypów i symboli ludowych* (*Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols*) and it was decided that it would have an ethnolinguistic character. The entire publication was planned for seven volumes, arranged thematically in the order of the biblical creation of the world: Vol. I: The Universe; Vol. II: Plants; Vol. III: Animals; Vol. IV: Humans; Vol. V: The Society; Vol. VI: Religion and Demonology; Vol. VII: Time, Space, Measures, and Colours. By the end of 2020, four parts of Vol. I had been published (Part 1: Heaven, Celestial Bodies, Fire, Stones, 1996; Part 2: The Earth, Water, The

⁷ The assumptions of the dictionary and the history of its creation and implementation are outlined in Bartmiński (1980, 1996, 2002b, 2006b, 2014a,b), Bartmiński and Niebrzegowska (1998b), Bartmiński and Niebrzegowska-Bartmińska (2016), Niebrzegowska (2001), and Niebrzegowska-Bartmińska (2010, 2013b, 2014b). The current state of work on SSiSL is presented in Prorok (2022 in volume II of this series).

Underworld, 1999; Part 3: Meteorology, 2012; Part 4: The World, Light, Metals, 2012); and five parts of the 2nd volume on plants (Part 1: Cereal Crops, 2017; Part 2: Vegetables, Spices, Industrial Plants, 2018; Part 3: Flowers; Part 4: Herbs, 2019; Part 5: Fruit and Coniferous Trees, 2020). Writing on the assumptions of the dictionary, Jerzy Bartmiński, the initiator of the idea and main editor of the dictionary, stressed that:

[The dictionary] is an attempt to reconstruct the traditional image of the world and of humans by using the methods of ethnolinguistics and folklore studies. This image, the view preserved in language, folklore, and rituals, is the key to the knowledge of culture, to a certain attitude to the world encapsulated in it, and to the folk mentality. Folk interpretations of reality combine realism with mythology, they are anthropocentric and ethnocentric. (Bartmiński 1996: 9)

The ethnolinguistic character of our dictionary [...] primarily consists in capturing language in the context of culture, and thus in going beyond purely linguistic data (lexis, semantics, which, of course, lie at its basis), in taking into account the use of language, in reaching for socially entrenched beliefs and practices, the “co-linguistic” (not: extra-linguistic) context of verbal utterances, and even in using (admittedly, fragmentary) information from the domain of folk art, such as ornamentation or paintings. [...]

Perhaps the most controversial part is the inclusion of ethnographic records, obtained often with the help of questionnaires; however, we will assume that collective beliefs – as elements of social knowledge of the world – fall within the experiential frame of linguistic meanings and are relevant to the understanding of linguistic messages. Beliefs and practices, if they do not enter directly into meaning [...] may be present in them as a motivating and interpretative factor. (Bartmiński 1996: 11–20)

The basic unit in SSiSL is not the word (as in a linguistic dictionary), nor the corresponding real object (as in an encyclopaedia), but it is the semantic correlate, standing between the word and the corresponding object of reality (Bartmiński 1988b, 1996). This correlate is referred to as “stereotype”, i.e. a stabilized, and hence “reproduced rather than a momentary association entrenched in collective memory” (Bartmiński 1985: 51).

The dictionary used a new type of definition, referred to as the cognitive definition (Bartmiński 1988a), different from the classical definition (where it is usually limited to providing only sufficient and necessary features, with the intention of separating the object of description from a higher-order class), treated as a “narrative” about the object (Bartmiński 2014b). The entries in the dictionary are divided into two parts: the explication and the documentation, preceded by an introduction and supplemented with a bibliography. The explication has a facet-based layout and contains a record of stable (stereotypical) views commonly held in the folk tradition, a linguacultural image of a typical object that a given dictionary entry is concerned with.

The facets being distinguished (such as collections, oppositions, origin, appearance, properties, parts, quantity, actions, processes, states, causal actions,

experiences, cause and effect relationships, object, addressee, interlocutor, application, use, tool, location, locator, time, prophecies, equivalences, symbolism), their selection and content result from the data at our disposal and emulate the consciousness of the speakers of Polish folk dialects (members of Polish folk culture). The documentary part contains diagnostic contexts selected from folk texts in genological arrangement: from small forms of folklore, through annual, family and other ritual songs, to prose genres such as fables, legends, stories, beliefs and practices, colloquial accounts and folk written peasant poetry, which in Poland enjoys exceptional vitality. The contexts are grouped thematically and recorded in a generalized version in the researcher's metalanguage as the so-called stereotypical, recurrent "motifs".⁸ The explicative and documentary parts of the dictionary entry are linked together by numerical cross-references. For example, the entry *ŚWIAT* [WORLD] is structured as follows:

Introduction

Explication. The name *world* and its etymological meaning. The origin of the world. Structure of the world: three levels of the world; the underground and underwater world (*the second world*); heaven, hell, purgatory; the world axis and the centre of the world; the sides, boundaries, and shape of the world; the foundation of the world. Oppositions: *this world* : *that world* (*the hereafter*); world : home; world : *Kingdom of God*; world : prison/underworld/cave. One world, many worlds? Characteristics, qualities. Power over the world. Care of the world. Transformations of the world: golden age in the history of the world; condemnation and salvation of the world; aging of the world. Prophecies about the future. The end of the world. Signs of the end. Date of the end. What will happen at the end of the world. Events: the world as a physical object; the world as a living being; the world as a thinking and experiencing being; the world as an object of seeing and knowing; the world as an observer, a witness and a judge. The place of human life, the place of wandering. The world in reverse. Equivalences. Symbols of the world.

Documentation. Riddles. Proverbs. Orders. Prayers. Christmas plays. Carols. Lenten songs. Easter greetings and songs. Wedding speeches. Wedding songs. Funeral eulogies. Funeral songs. Love songs. Religious songs. Songs about Virgin Mary; songs of peregrination. Songs about the pope. Soldiers' songs. Prison songs. Mining songs. Chants. Humorous songs. Orphan songs. Customary songs. Reflective songs. Vagrant songs. Letters from heaven. Prophecies. Cosmogonic myths. Belief stories. Fables. Tales. Legends. Historical tales. Anecdotes. Records of beliefs. Colloquial accounts. Written peasant poetry. **Bibliography.**

A substantial number of publications addressed different problems connected with the *Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols*, the pertinent methodological issues (the genological variety and description of the linguistic worldview [LWV],

⁸ I reflect on the notion of motif and ways of its operationalization, taking into account its constitutive, informative, explicative, and modelling functions, in my book on oral text patterns (Niebrzegowska-Bartmińska 2007).

the variants of the LWV called profiles, the relationship between connotation and etymology, and the usefulness of etymology in the reconstruction of the LWV), with the descriptions of selected fragments of the LWV, and finally with the data used in its reconstruction. The publications include doctoral dissertations on weather forecasts as a speech genre (Koper 2000), on the profiles of water in folk and colloquial Polish (Majer-Baranowska 2002),⁹ on stylistic and genological differentiation of fire (Szadura 2004), on cereal crops (Kaczan 2009),¹⁰ on metals (Prorok 2012),¹¹ on saints (Bielak 2014), or on herbs (Paćławska 2011).¹² Monographs developed on the basis of doctoral dissertations and published in book form include: Marczewska (2002) on trees in language and culture, Brzozowska (2009) on word etymology and connotation,¹³ Wasiuta (2021) on proverbs as minimal texts, Łaskiewicz (2014) on ethnic stereotypes, or Kielak (2018) on domestic animals.

5.3. The journal *Etnolingwistyka*

This new type of dictionary called for a discussion on a number of methodological and theoretical issues connected with its compilation, thus an initiative was undertaken to publish the journal *Etnolingwistyka*. To meet the needs of the dictionary, the journal was divided into the following sections: theoretical discussions, sample dictionary entries, fieldwork data, and reviews. Separate sections were designed for reports on scholarly events, book notices, announcements of recent publications. By the end of 2020, 32 volumes of the journal had been published. The first series of volumes (1–7, from 1988–1995) dealt with the problems of stereotypes and methods of describing word meanings. In that period, the journal featured articles, among others, on language as a source of knowledge about humans (Krawczyk 1989), on universal human concepts and their configurations in various cultures (Wierzbicka 1991), on Anna Wierzbicka's understanding of linguistic relativity (Bogusławski 1991), objectivist semantics (Muszyński 1994), linguistic worldview (Apresjan 1994; Maćkiewicz 1990), axiological parameters in pre-conceptual image schemas (Krzyszowski 1994), the concept of a dictionary of linguistic stereotypes (Bartmiński 1988b), stereotypes in the context of cognitive grammar (Kardela 1988), the prototypicality of concepts (Brzozowski 1991), or the syntactic aspect of semantic analysis (Tokarski

⁹ The dissertation was prepared on the basis of the dictionary entries from the field of WATER, prepared for the second part of the first volume of SSiSL, on the Universe, published in 1999.

¹⁰ The analytical chapters were then used as the basis for the relevant entries in Vol. 2, part 1, of SSiSL, published in 2017.

¹¹ A large part of the dissertation was published in SSiSL, Vol. I, part 4 (2012).

¹² The descriptions of herbs were in the relevant entries in SSiSL, Vol. II, part 4 (2019).

¹³ Parts of Brzozowska's doctoral dissertation were used in Vol I, part 1 of SSiSL, on heaven, heavenly bodies, fire, and stones.

1988). Of particular importance were also the publications by the representatives of the Moscow school: Tolstoy's work on the relationship between language and culture (Tolstoy 1992) and Svetlana Tolstoyova's article on oral text in language and culture (Tolstaya 1992).

Volumes 8–33 (1996–2021) of the journal differed in some respects, one of which was the addition of the subtitle “Problems of Language and Culture”. The editors assumed that the object of ethnolinguistics is language in all its varieties (not only dialects, as it was initially assumed, but also the standard variety), considered in its relation to culture, people, and society. The journal published work of a theoretical and methodological nature, concerning the focus of Slavic vs. American ethnolinguistics (volumes 16 and 18), Ronald Langacker's (2004) study of linguistic semantics, George Lakoff's (2003) analysis of metaphors and war, Renata Grzegorzczkova's discussion on the cognitive approach to comparative semantic research (Grzegorzczkova 2004) and the disputable issues in understanding the concept of linguistic worldview in comparative perspective (Grzegorzczkova 2009), Bert Peeters' (2015) article on language, culture, and values, Gary B. Palmer's (2015) contribution on ethnography as a neglected linguistic method, or Farzad Sharifian's (2016) presentation of his model of Cultural Linguistics. The journal also began publishing, to a greater extent than before, cross-linguistic analyses, especially concerning value term and linguacultural stereotypes, which showed the broad, pan-Slavic (or even broader) range of certain phenomena. Remaining faithful to the study of “culture in language”, also pursued was the study of language from an external perspective, i.e. “language in culture”. With the publication of Volume 16, the journal became the mouthpiece of two bodies: The Ethnolinguistic Commission of the Committee on Linguistics (the Polish Academy of Sciences) and the Ethnolinguistic Commission of the International Committee of Slavists. Thus, for example, Vol. 31 features articles on memory in language and culture, initially delivered at the thematic session of the 2018 International Congress of Slavists in Belgrade (Bartmiński 2019b; Chlebdá 2019; Kozhinova 2019; Sedakova 2019; Tolstaya 2019). The contents of the first 20 volumes of the journal are reported in the *Annotated Bibliography of Ethnolinguistics 1988–2008* (Tomczak 2010). The bibliography of Volumes 1–30 is under preparation, to be published by the UMCS Press (Bartmiński et al. forthcoming).

5.4. Methodological debates. The “Language and Culture” seminar

On the initiative of the members of the ethnolinguistic team, several conferences were organized with the view of discussing other important methodological problems of contemporary linguistics. Most of them were held as part of the nationwide “Language and Culture” seminar. The conferences were concerned with derivation, connotation, linguistic worldview, value terms, stereotypes, profiling, point of view, the speaking subject, text, oral history. The post-conference volumes, published as the

so called “red series”,¹⁴ dealt with derivation (PDwL 1981), connotation (Konotacja 1988), linguistic worldview (JOS 1990), value terms (NW 1993; JwKW 2003), the Polish language in academic education (JPPDU 2000), with defining concepts (ODiD 1993), profiling (PwJiT 1998), text analysis (TPT 1998; TAIi 1998), point of view (PWwJiK 2004; PWwJiD 2004), space in language and culture (Przestrzeń JKATL 2005; Przestrzeń JKPT 2005), barriers to communication (BiP 2005), the subject in language and culture (PwJiK 2008), the text in education at the school and university level (DzESz 2014), text translation, editing, and illustrating (DzPRI 2014), and oral history in the humanities and social sciences (HMwNHIS 2014). As part of the Wrocław-based “white series”, several volumes of the journal *Język a Kultura* (JaK) were published: on basic problems and concepts (vol. 1, 1981/1991), on lexical and axiological issues (vol. 2, 1990/1991), on the functions of language and linguistic utterances (vol. 4, 1991), or on stereotypes (vol. 12, 1998). In vols. 19 (2007) and 20 (2008) of *Etnolingwistyka*, papers from the international conference on “us”, “them”, and “the Other” in Slavic languages and cultures were published.

A special body of problems were discussed in the circle of Lublin ethnolinguistics on the basis of Polish folk and standard language and culture; those have to do with linguistic categories considered holistically. This trend, where phenomena from different levels of language (lexis and grammar) are combined in one descriptive model, resulted in publications on the categories of space (Adamowski 1999), gender (Nowosad-Bakalarczyk 2009), time (Szadura 2017), and quantity, number and measure (Nowosad-Bakalarczyk 2018). Majer-Baranowska (2003, 2005) research on the category of subject was driven by the same methodological assumptions.

5.5. The world of values of contemporary Poles: *The Polish Axiological Dictionary*

In 2009, referring to the tasks of the Polish humanities, Jerzy Bartmiński stated:

At present, I consider it a priority to identify and define the basic values of our culture against a possibly broad comparative, supranational background, taking into account all of its manifestations, from “high” to “low”, against the background of the apparent differences between Eastern and Western Europe. There is a need to define what which stands for Polishness in the European context. The programme should also include non-denominational (i.e. independent from the Church, free from institutional pressure) research into our religiosity, its national and universal features. I deem it necessary to analyse language in its various spheres of use, to study everyday culture, colloquial mentality, as well as to diagnose public communication (in the press, on television, in the new electronic media, or on the Internet). (Bartmiński 2009b: 1)

This voice referred to the programme of typological and comparative research presented at the International School of Humanities in 2001, the research aimed

¹⁴ The content of the Lublin “red series” is presented in Boguta (2001).

at the reconstruction of values as the foundation and shaping force of linguistic worldview. The interest in studying axiological issues in the Polish, Slavic and even European context had already been present before, and the programme of research planned at that time had a twofold motivation: scientific and social. In linguistics it was connected with the breakdown of the traditional structuralist paradigm and the expansion of cognitivism, communicativism, and anthropological-cum-cultural linguistics (ethnolinguistics). The social motivation of interest in axiology in the 1980s was mainly due to researchers' concern with "the fundamental principles and quality of the language of public discourse in a society subjected to unilateral violence and ideological control" (Bartmiński 2010: 329). Axiological studies became more prominent after major historical events in Europe: after the Solidarity movement and the imposition of the martial law in Poland (in December 1981), and then after the Russian *perestroika*, the Round Table Agreement (in 1989), the fall of the Berlin Wall, the Orange Revolution in Ukraine, after Poland's accession to the European Union (2004) and the Union's expansion, when – along with political, social, and economic transformations – the mentality of European societies, their value systems, and language were changing. In the era of these complex, multiple transformations and re-evaluations of the socio-political system (the collapse of the old and the building of the new one), the analysis of the ways of understanding values and their functioning in the public discourse became topical (Bartmiński 2010).

This interest in values in the circle of Lublin ethnolinguistics first led to the idea of a Polish Axiological Dictionary, a project that was started in 1985 and that went beyond dialects and folklore, but was based on the same method as SSiSL. The aim of this dictionary project would be to reconstruct "the inventory of those ideological concepts that have animated Polish social, cultural, and political life over the last centuries" (Bartmiński 1989: 294). The dictionary was expected to result in a linguistic reconstruction of the Polish world of values using the methods of contemporary linguistic semantics. Language was treated as an archive of culture and the source of information on values, i.e. from the point of view of its cognitive functions. It was assumed that the basic unit of description would be the names of values along with the whole wealth of their meanings, and while being a linguistic dictionary, it would come close to an encyclopaedia. Various sets of axiological items were selected for detailed analysis:

- (a) the names of moral and aesthetic values (*good, evil, beauty, ugliness, truth, falsehood*);
- (b) names of valued human attitudes (*love, hope, despair*);
- (c) names of social states and situations (*freedom, slavery, tolerance*);
- (d) names of individual and collective behaviour (*revolution, struggle, work*);
- (e) names of human communities (*nation, family*);
- (f) names of political, social, and cultural institutions (*state, church, language*);

(g) names of persons and things that carry values and become values in the collective sentiment (*mother, father, child, house, bread, money*);

(h) names of objects treated as symbols of values (*cross, eagle*).

It was envisaged that the basis for the dictionary would be contemporary oral texts (collected through interviews and surveys) and printed sources (political and social journalism, moral and philosophical essays, programmes of political parties and social organizations, constitutions, parliamentary speeches, sermons and pastoral letters, texts of popular literature, diaries and letters, poetry and literary prose). The volumes published so far have dealt with value terms (NW 1993), the concept of homeland in several European languages (PowJE 1993), language and values (JwKW 2003), language, values, and politics (JWP 2006). Methodologically, ideologically, and thematically related to this issue are the following publications: Żywicka (2007) on places and values, Bielińska-Gardziel (2009) on the Polish stereotype of the family, Żuk (2013) on Europe in Polish public discourse, or Grzeszczak (2015) on democracy in Polish and German discourse.

5.6. Towards cross-linguistic research

5.6.1. The EUROJOS seminar and the *Axiological Lexicon of Slavs and their Neighbours*

Given that each speaking subject (both individual and collective) learns its identity either through introspection and self-reflection, or through juxtaposition and comparison with the Other (Chlebda 2010: 10), the natural next step was to design cross-linguistic research in order to take note of the changes taking place in European and other national languages. This complex issue was first discussed at a three-week International School in the Humanities of Central and Eastern Europe, in Warsaw and Lublin (4–23 November 2001), held under the patronage of OBTA UW, the “Artes Liberales” Institute Foundation and Maria Curie-Skłodowska University (Department of Text Linguistics and Grammar of Contemporary Polish, Department of Polish Culture). With the multiplicity of methodological and practical problems that were considered, the area of research was defined, at the general level, as “The linguistic worldview of Poles and their neighbours”, on the basic level as “Space and values”, and on the specific level as “Home in axiological space”. The EUROJOS seminar, established during the session, was launched to deal with “The linguistic worldview in the transition period in Europe”.¹⁵

The idea was revived in 2003 at the 13th International Congress of Slavists in Ljubljana, Slovenia, when the work on the linguistic worldview of Slavs was included in the research programme of the ICS’s Ethnolinguistic Commission,

¹⁵ For the historical outline of this initiative, see Lappo and Majer-Baranowska (2013).

founded during the event. In 2008, at the next (14th) ICS in Ohrid, Macedonia, the idea of the EUROJOS seminar was renewed. Finally, in 2009 the project was affiliated with the Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences as an international seminar and was given its name: EUROJOS. The idea behind the project and comparative axiological research, and later the actual work, is discussed in Bartmiński (2001b, 2003b, 2005a, 2008a,b), Bartmiński and Chlebda (2008), Abramowicz, Bartmiński, and Chlebda (2009, 2011). In each publication, it is emphasized that the reconstruction of the linguistic worldview (LWV) should reach its foundation, i.e. the values that shape it and largely define the community's collective identity.

The following assumptions underlay the comparative research that was designed:

- (1) language is not only a tool of communication but also results from us experiencing, conceptualizing and interpreting reality;
- (2) in every language, there is an entrenched worldview – in its grammar, vocabulary, and texts as manifestations of the linguistic system;
- (3) the LWV is a factor that consolidates communities: the family; the local, regional, national, and transnational community; it is the factor that determines their identity;
- (4) at the foundation of the LWV there are values, the hierarchy and understanding of which vary from language to language and from culture to culture;
- (5) the study of the LWVs of different communicative communities provides access to both similar and different (culturally specific) elements.¹⁶

Detailed analyses first concerned five values, HOME/HOUSE, WORK, EUROPE, FREEDOM, and HONOUR. They were first published in the journal *Etnolingwistyka* (vols. 20–26, 2008–2014). The key publications include: Grzegorzczkowska (2009) on debatable issues in comparative research; Grzegorzczkowska (2011) on the conceptual invariant in this kind of research; Puzynina (2010, 2011, 2014) on controversial issues and value terms; Popowska-Taborska (2010) on dialectal and literary variants of Kashubian; or Abramowicz, Bartmiński, and Chlebda on the major tenets of the project (2009), as well as the issues raised by Puzynina (Abramowicz, Bartmiński, and Chlebda 2011).

The EUROJOS project meetings resulted in a series of articles, including those on methodology,¹⁷ as well as reconstructions of selected concepts (apart from HOME, EUROPE, WORK, FREEDOM and HONOUR, also: FAMILY and HEALTH, EQUALITY, DEMOCRACY, JUSTICE, HOMELAND and NATION, JOY, CAREER, MEMORY, SOUL, GUILT, PUNISHMENT and others) published in the Lublin “red series” under a separate title

¹⁶ These ideas are discussed in Bartmiński (1989, 2001a,b, 2008c, 2009b, 2010, 2011) and Bartmiński and Chlebda (2008).

¹⁷ See Niebrzegowska-Bartmińska (2014b) and Gryshkova (2014).

Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów (Values in the Linguacultural Worldview of Slavs and Their Neighbours) (see WJOSS 2012–2019). Comprehensive summaries of questionnaire-based research are provided in NWwJE (2017) and WwKE (2021).

The final achievement of several years of work by an international group of researchers are the five volumes of the axiological lexicon (LASiS 2015–2019), with volumes devoted to the concepts of HOME/HOUSE (2015), EUROPE (2018), WORK (2016); FREEDOM (2019); and HONOUR (2017). Further volumes are under preparation, dedicated to the concepts of FAMILY, HEALTH, HOMELAND, PATRIOTISM, DEMOCRACY, JUSTICE, NATION and SOUL. The entries included in the lexicon were also published in national languages in the form of special volumes: in Serbia (Ajdačić 2015, 2019), and in Lithuania (Rutkovska, Smetona, and Smetonienė 2017, 2019). The concepts of EUROPE, FREEDOM, HONOUR and WORK in the Greek language were discussed and published in an expanded form in Korus (2019). Publications that implement the ideas of LASiS also include the series *Vertybės lietuvių ir lenku pasaulėvaizdyje / Wartości w językowym obrazie świata Litwinów i Polaków (Values in the Linguistic Worldview of Lithuanians and Poles)* (WJOSPIL 2020–2021). Two volumes have been published so far: on theoretical issues (2020) and on folk, national, multi-ethnic, and multicultural heritage (2021). Further conferences and publications are being planned.

It was assumed in the *Lexicon* that the aim of the analyses would be to study the way in which value terms are understood in various national languages, and the reconstruction of the semantic content would be carried out by means of similar types of definitions in order to ensure comparability of the analyses and descriptions of entries in different languages. Values described by international researchers are treated as “cultural concepts”, and more precisely as “axiologically marked concepts endowed with culturally specific connotations” (Bartmiński 2015: 9). The editor writes in the Introduction to the volume that the goal of the contributors to the *Lexicon* is “not so much to define the concepts themselves, in the logical sense, but to diagnose the specific understanding of certain values by the speakers of particular languages” (ibid.: 11).

The data used for the analyses in LASiS include: (a) systemic data (S), or the so called “hard” data; they are selected from linguistic, etymological, phraseological dictionaries, and dictionaries of synonyms and antonyms: the goal is to analyse meanings, names, their derivatives and typical collocations; (b) textual data (T), especially proverbs and texts representing popular scientific style and the popular press, also extracted from corpora; (c) questionnaire-elicited data (Q), where open questionnaire method was preferred (the basic question was: “What do you think is the essence of X?”).¹⁸

¹⁸ A full account of the questionnaire-based analyses can be found in NWwJE (2017).

The lexicon is addressed to everyone interested in the problems of values, their ranking and role in the public discourse, both on the national and supranational scale. The editor of the series says:

The publication is intended to contribute to a better understanding of speakers of different languages, to help them come closer to each other. The targeted readers of the *Lexicon* are students of linguistics and anthropology, with a special predisposition and obligation to contribute to the removal of barriers to intercultural communication. (Bartmiński 2015: 13)¹⁹

5.6.2. The (ETNO)EUROJOS research project and the programme of cognitive ethnolinguistics

Apart from the EUROJOS project, focused on the analysis of values in standard languages, the project for a parallel (ETNO)EUROJOS project has been submitted at the Department of Polish Philology, UMCS (Lublin, Poland), with a view to reconstructing the system of values in the folk tradition of Slavic nations. The object of research in this project will include, among others, such values as HEALTH and LIFE, FAMILY, HOME, LAND, WORK and DILIGENCE, LOVE, BEAUTY, HAPPINESS, WISDOM, SINCERITY, HONESTY, FIDELITY, JUSTICE, FREEDOM, HONOUR, FAITH (DENOMINATION) and GOD.²⁰ The methods of analysis and the way of presenting the results will draw on the practice and experiences of the Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols (SSiSL) and the *Axiological Lexicon of Slavs and their Neighbours* (LASiS). In order to ensure comparability of descriptions of the values selected for analysis, they should be developed on the basis of similar data and by using the same method. The data will include colloquial, dialectological, textual (folkloristic), and ethnographic records (the latter being records of beliefs and descriptions of practices).

The starting point (and the first step in the research procedure) will be the analysis of systemic data, followed by texts of different genres of printed texts, as well as texts collected in fieldwork, starting from small forms of folklore to songs and texts of prose. Special emphasis will be put on such genres as riddles (which retain the most archaic worldview) and proverbs, i.e. the text types representing the so called “collective wisdom”. In the case of songs, the emphasis will be put on ritual genres (representing annual and family rituals), and as for folk prose – on myths, etiological tales and fables. Printed sources and records from the 19th and 20th century fieldwork documentation are also worthy of analysis. The third stage will consist in the analysis of co-linguistic data (beliefs, practices), thus going beyond the assumptions of

¹⁹ The state of progress concerning the work on LASiS is presented in Bartmiński, Pazio-Włazłowska, and Żywicka (2022, vol. 4 of this series).

²⁰ For a discussion of the project’s assumptions, see Niebrzegowska-Bartmińska (2013a,d, 2021).

traditional structural semantics and moving towards cognitive and communicative semantics. Similarly to SSiSL, the project will make use the model of the cognitive definition (Bartmiński 1988a, 2013). The whole project is guided by the idea of the holistic reconstruction of worldview, without division of data into categories.

Both projects, the ongoing EUROJOS and the planned (ETNO)EUROJOS, are situated within the framework of cognitive ethnolinguistics; they are based on the same methodology and apply the same conceptual inventory, which involves the key notion of the discipline: the linguistic worldview, stereotype, cognitive definition, profile and profiling, point of view and interpretive perspective, the speaking subject, and values.

5.6.3. The project of the *Ethnolinguistic Atlas of Pobuże*

Atlas etnolingwistyczny Pobuża (Ethnolinguistic Atlas of Pobuże) is a comparative regional research project, with a participation of the members of the Lublin ethnolinguistic team. It was designed to cover areas in the neighbouring countries of Belarus, Ukraine, and Poland within the limits of the Euroregion Bug (see a detailed description in Adamowski, Bartmiński and Czyżewski 1994). The atlas maps both strictly linguistic data (word ranges, word meanings, linguistic forms, texts of folklore) and cultural data (rites, beliefs, and practices). In particular, it is focused on

the concepts related to social life and family, fixed beliefs and group stereotypes, ideas about the surrounding world, names of everyday objects and types of objects themselves, in short: various types of mental, cultural, and linguistic heritage of the people inhabiting that area. (Adamowski, Bartmiński, and Czyżewski 1994: 243–244)

Thus, the mapping covers:

(a) the ranges and meanings of words (e.g. names of customs, such as *dunajowanie* in Zamojskie, *chodzenie z wykupem*, *konopielka* in Masovia and Podlasie; names of folklore genres, such as *gaik*, *łałymki*, *danajki*);

(b) different names for the same elements of reality, e.g. the names of granary (*spichlerz*, *świreń*), spoiled eggs (*beltun*, *zbuk*), or the poker (*pogrzebacz*, *kruczek*);

(c) the ranges of everyday and cultural items, such as food (*korowaj*, *kutia*), garments (*rogatywka*), or embroidery (*krzyżykowy*);

(d) the ranges of selected texts and their variants (e.g. the carol about the flight of the Holy Family to Egypt; songs of St. John's Day, the so-called *kupalnocki*);

(e) the ranges of textual themes and motifs, e.g. the motif of the horse bringing the mother news of her son's death, or the *lush winds* that pluck the maiden's *peacock wreath*;

(f) customs and rituals (such as those practised at the Orthodox church, weddings, christenings) (Adamowski, Bartmiński, and Czyżewski 1994: 244–245).

The research on the *Ethnolinguistic Atlas of Pobuże* has been based on a questionnaire comprising 150 questions, asked in selected locations on both sides of the Bug River. Apart from fieldwork data, the atlas is also based on the previously published atlases and dictionaries. Thus far, the members of the team on the Polish side of the Bug River have conducted research in thirteen locations (see Czyżewski and Niebrzegowska-Bartmińska 2001). The data from Ukraine were collected by Hryhorii Arkushin.

6. The reception of Lublin ethnolinguistics in the Slavic and European context

Many authors have written on the work of Lublin (cognitive) ethnolinguists and the discipline itself. The methodology of SSiSL (which followed the publication of its individual parts) was being positively evaluated and commented on by linguists, experts on cultural studies, and even novelists. Reviewers emphasized the methodological novelty of SSiSL (Sulima, in SPiR 1998: 67; Miodek, in SPiR 1998: 63), its monumental (Szyjewski 2003: 244), pioneering character in the Slavic context (Wrocławski, in SPiR 1998: 59; Kupiszewski, in JOKL 1997: 2) and its exceptional value for Polish culture – the fact that it would bring a full picture of the “folk element of language” (Sulima, in JOKL 1997: 9–10; Tatarkiewicz, in JOKL 1997: 3).²¹ Svetlana Tolstoyova stressed the importance of the dictionary for the development of ethnolinguistics as a new discipline and for research in related disciplines:

[...] the work on the dictionary provided a strong impetus for research on the interface of linguistics, folklore studies, ethnography, and cultural studies. It led to the development of a new discipline: ethnolinguistics. The team under the guidance of Jerzy Bartmiński became the theoretical, methodological, and organizational centre of this highly creative scientific direction in Poland. (Tolstaya 1997: 52–53)

For the first time, the Polish traditional spiritual culture will be comprehensively presented in all its main areas. It will be a complete compendium of folk beliefs, rituals, customs, a reconstruction of the folk worldview, based on a variety of sources available today, the main one being language, its lexis and phraseology. It will cover folklore in all its variety of genres, ritualistic activities, mental stereotypes, shortly: the ideas about the world and humans, established by tradition. [...] The thematic structure of the dictionary makes it possible – to a greater extent than the alphabetical arrangement – to reveal the holistic character of folk worldview, its relative autonomy, systematicity and internal hierarchy of its portions, including cosmological imagery, folk botany, zoology, anthropology etc. [...] This work is of particular value to those concerned with the comparative study of Slavic folklore and folk culture, as well as the reconstruction of ancient forms. [...] So far, none of the Slavic ethnocultural traditions have produced a similar synthetic

²¹ For further details, see Prorok (2022).

study. With the publication of the Lublin volume and the first volume of the Moscow dictionary *Slavyanskyye drevnosti* [...], ethnolinguistic lexicography has become an independent direction of Slavic studies, in an integral approach to language and culture. (Tolstaya, in SPiR 1998: 56–59)²²

As subsequent volumes and parts of SSiSL were published, opinions were expressed by, among others, Svetlana Tolstaya (2005, 2018), Roman Golik (2003), Czesław Robotycki (2007), Irena Vaňková (2010), Katarzyna Sobolewska (2019: 131–132) and Agnieszka Wełpa-Siudek (2019: 135). For instance, Tolstaya (2018: 194) emphasized that this is a unique encyclopaedia of Polish folk culture and language, encompassing a vast linguistic, folkloristic, and ethnographic material.

As for the axiological lexicon (LASiS), opinions were expressed by Valentina Kulpina and Viktor Tatarinov (2012, 2019), Stana Ristić and Ivana Lazić Konjik (2016), Aleksandra Niewiara (2019), and Lyudmila Fedorova (2018), some of the authors juxtaposing the lexicon with other Slavic studies on cultural concepts. All the reviewers unanimously emphasized the cognitive character of the *Lexicon* and the new proposal for describing axiological concepts, which stands in opposition to traditional lexicography and taxonomic definitions.

Fedorova (2018) refers to the LASiS volume on DOM (HOME/HOUSE) as “a dictionary above all dictionaries”; she assigns it a special position among Slavic lexicographical ethnolinguistic and axiological studies.²³ The author emphasizes that: firstly, it is based on data from dictionaries of different languages and is enriched with data from corpora and questionnaires; secondly, its authors apply a uniform and consistent methodology; thirdly, the *Lexicon* uses three types of data: apart from systemic data, also questionnaires and texts, including texts of culture:²⁴

Since LASiS takes into account the opinions of language speakers concerning the valuation of concepts, its methodology makes it possible to produce objective cognitive definitions that approximate the content of concepts as elements of the linguistic worldview.

The separation of the general semantic field of motifs contained in the explanations of different languages (not only in dictionaries, but also in questionnaires) should be considered

²² Reprinted from *Zhivaya Starina*, 1997, vol. 4. Cf. also Sambor (in SPiR 2000: 40–41).

²³ These include *Slavyanskyye drevnosti* under the general editorship of Nikita Tolstoy (SD 1995–2012); Stepanov’s (1997) dictionary of Russian culture; the linguacultural dictionary by Zakharenko, Krasnykh, and Gudkov (RKPSlov 2004); Karasik and Sternin’s anthology of concepts (AK 2005–2011); Vasileva, Karpicheva, and Curkan’s anthology of Russian literary concepts of the 20th c. (AHKRLit 2013); Apresyan’s new dictionary of synonyms (NOSSRJ 2004).

²⁴ The same (but also other issues) were pointed out as important for Western linguistics by Adam Głaz: “It is worth considering what elements specifically from Lublin methodological solutions would be attractive to a Western linguist. In my opinion, it could be: [...] balanced data sources, but enriched with corpus-based research; the proposal to take into account ‘co-linguistic’ data in linguistic description [...]; the concept of profiling; the role of values as the foundation of the worldview; the concept of stereotype, especially in relation to the prototype” (Głaz 2015: 17).

as prospective. Therefore, on their basis, it is possible to create configurations of meanings and their hierarchies for each of the languages being examined, which would make it possible to formalize comparative analysis of concepts in the future.

The method of profiling provides an opportunity to differentiate the ways concepts function from different positions and viewpoints, to differentiate their evaluative content. [...]

Furthermore, the LASiS entries can serve as the basis for cross-cultural and cross-linguistic comparisons and generalizations, for distinctions of prototypes and variants.

Among existing ethnolinguistic dictionaries dealing with concepts or similar units of description, LASiS stands out due to its greatest completeness and representativeness of the data, confirmed by the theoretical basis and research methodology. (Fedorova 2018: 41)

After the publication of the volume on WORK, Aleksandra Niewiara wrote:

The volume [...] is a basically uniform publication in terms of the methodology applied by the authors that come from various countries and represent different schools of linguistics. This should be emphasized as it is a testimony to the quality of the work produced by the team of Lublin ethnolinguists, known for their perfectionism in producing similar publications (cf. the multi-volume *Słownik stereotypów i symboli ludowych* [SSiSL]), and in this case aiming at a lexicon in which research conducted according to the same method enables a clear, transparent comparison of results. (Niewiara 2019: 125)

Valentina Kulpina and Viktor Tatarinov summarized the same volume as follows:

Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów [LASiS] is undoubtedly a fertile idea. Each of its extensive entries is the fruit of a long work of linguists, performed according to a uniform methodology and common procedures. The development of each concept includes dictionary data, textual data from different styles and genres, and the results of questionnaires conducted among students. However, for all the general issues that link the dictionary entries, the ethnolinguistic material from different languages determines their obvious disparity and ethnolinguistic specificities. The dictionary entries are arranged according to uniform rules, but not according to uniform patterns, which is due to the difference in the linguistic worldviews manifested in each of the segments analyzed. We will determine the segments to be examined in the future publications of the Lublin ethnolinguistic school. There are five segments of the linguistic worldview to be analysed in the next series: HOME, WORK, HONOUR, EUROPE, and FREEDOM. (Kulpina and Tatarinov 2019 : 36)

The role of the research proposed by the Lublin School of Ethnolinguistics and its convergence with American cognitive linguistics was also emphasized by Jörg Zinken (2004, 2009), Elżbieta Tabakowska (2004), Pieter Plas (2006), and James Underhill (2012, 2013). Svetlana Tolstaya commented on Lublin ethnolinguistics in 2005 in her introduction to Bartmiński (2005b). The Russian scholar wrote that the school is known not only for its dictionary of folk stereotypes and symbols (SSiSL), doubtless its main achievement, but for a whole range of publications, such as the “red series” of books or the journal *Etnolingwistyka* (along with the Wrocław-based

“white series” JaK) (Tolstaya 2005: 17). The formula “the Ethnolinguistic School of Lublin” was first used by Jörg Zinken (2004), who then used it again in the Introduction to Bartmiński (2009):

Jerzy Bartmiński and his team have developed, over the last 30–40 years, a distinctive cognitive-linguistic approach to the study of language in its cultural context – an approach which I will refer to as “the Ethnolinguistic School of Lublin”. (Zinken 2009: 1)

In his laudation on the occasion of Jerzy Bartmiński’s 70th jubilee, Wojciech Chlebda emphasized the collaborative nature of the work initiated by the Lublin-based scholar:

The conceptual and terminological inventory built by Jerzy Bartmiński in a constant dialogue with his colleagues and students, the rich methodology of today’s cultural ethnolinguistics – including the cognitive definition, profiling, subjectivity, point of view and perspective, with a complex construction of the linguistic worldview, with the empirical basis that embraces the language system, texts and questionnaires, with its openness to co-linguistic data and a methodology that enables reliable use and verification of these data [...] – all this turned out to be handy, effective and attractive for people from both the East and the West. The Lublin School became a meeting place, a place of dialogue for researchers of different nationalities, methodological orientations and approaches, who in the Lublin School found cognitive tools that that could use to build common scholarly constructions. This is how the EUROJOS seminar came into being, a reversed Tower of Babel, where the richness of languages is no obstacle to building a great edifice of an intercultural axiological lexicon, although this is an arduous task that is only just reaching its finale. (Chlebda 2015: 270–271)

The term “ethnolinguistic school”, referring to the group of researchers gathered around Jerzy Bartmiński and working according to his method, is also sometimes used by other authors, for instance Henryk Duda (2005), Lidia Nepop-Ajdaczyć (2007), Irena Vaňková (2010), or Valentina Kulpina and Viktor Tatarinov (2012). More recently, the term was used by Piotr Źmigrodzki (2019: 122) in his summary of the sixty years of Jerzy Bartmiński’s scholarly work, and by Aleksandra Niewiara (2019: 125) in her review of two publications on the concept of *WORK*.

7. Summary

The research conducted by the Lublin ethnolinguistic team, whose focus has progressed from dialectology, folklore studies, and ethnography (the study of folk language and folk culture) to “national” semantics (the study of standard language and national culture) and cross-linguistic semantics (parallel and comparative analyses), falls within the framework of ethnolinguistics conceived of as a discipline²⁵

²⁵ In particular, see Tabakowska (2001, 2004, 2013) and Głaz (2013, 2019).

that studies language in connection to the culture and history of communities (local, regional, national), to communal and individual mentality, as well as to behaviour and systems of values.²⁶ Thus defined research is part of the field of cognitive ethnolinguistics, which in the Slavic context has found its place alongside dialectological ethnolinguistics of Nikita and Svetlana Tolstoy, etymological ethnolinguistics of Vyacheslav Ivanov and Vladimir Toporov, and onomastic ethnolinguistics pursued by Alexander Matveyev and developed in the Yekaterinburg centre by Maria Rut and Yelena Berezovich. Lublin ethnolinguists, irrespective of the subject and scope of their research (“folk”, “national” or even “cross-linguistic” ethnolinguistics²⁷), always place the cultural dimension of language at the centre of attention and strive towards a subjective (i.e., with the subject as the key player) reconstruction of the worldview entrenched in language.

References

- Adamowski, Jan. 1982. *Procesy modernizacyjne w języku polskiego folkloru wierszowanego*. Doctoral dissertation, Department of Polish Philology, UMCS, Lublin.
- Adamowski, Jan. 1999. *Kategoria przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Abramowicz, Maciej, Jerzy Bartmiński, and Wojciech Chlebda. 2009. Językowo-kulturowy obraz świata Słowian na tle porównawczym. Założenia programu “A” (10 VI 2009). *Etnolingwistyka* 21: 341–342.
- Abramowicz, Maciej, Jerzy Bartmiński, and Wojciech Chlebda. 2011. Punkty sporne i bezsporne w programie EUROJOS: Odpowiedź na pytania i wątpliwości Profesor Jadwigi Puzyniny (2011). *Etnolingwistyka* 23: 227–233.
- Adamowski, Jan, Jerzy Bartmiński, and Feliks Czyżewski. 1994. Atlas etnolingwistyczny pogranicza polsko-białorusko-ukraińskiego. In Michał Bałtowski (ed.) *Euroregion Bug. Problemy współpracy przygranicznej Polski, Białorusi i Ukrainy*. Vol. 1. 143–152. Lublin: Academica.
- Ajdačić, Dejan (ed.). 2015. *O vrednostima u srpskom jeziku. Zbornik etnolingvističkih radova*. Beograd: Alma.
- Ajdačić, Dejan (ed.). 2019. *O vrednostima u srpskom jeziku 2*. Beograd: Alma.
- AHKRLit. 2013. *Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoy literatury XX v.* Ed. Tatjana I. Vasileva, Natalya L. Karpicheva, and Veronika V. Curkan. Moskva: Flinta.
- AK. 2005–2011. *Antologiya kontseptov*. Vols. 1–8. Ed. Vladimir I. Karasik and Iosif A. Sternin. Volgograd: Paradigma.
- Anusiewicz, Janusz. 1995. *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Apresjan, Jurij D. 1994. Naiwny obraz świata a leksykografia. *Etnolingwistyka* 6: 5–12.

²⁶ More on this can be found in Bartmiński (2002a).

²⁷ I use here the terms proposed by Anna Tyrpa (2006).

- Bartmiński, Jerzy. 1973. *O języku folkloru*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich / Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Bartmiński, Jerzy. 1980. Założenia teoretyczne słownika. In Jerzy Bartmiński (ed.) *Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny*. 7–36. Wrocław: Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Bartmiński, Jerzy. 1984. Definicja leksykograficzna a opis języka. In Kazimierz Polański (ed.) *Słownictwo w opisie języka*. 9–21. Katowice: Uniwersytet Śląski.
- Bartmiński, Jerzy. 1985. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. In Mieczysław Basaj (ed.) *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* III. 25–53. Wrocław: Ossolineum
- Bartmiński, Jerzy. 1986. Czym zajmuje się etnolingwistyka? *Akcent* 4: 16–22.
- Bartmiński, Jerzy. 1987. Z problemów etnolingwistyki (wybrane aspekty zagadnienia). *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin-Polonia Sectio FF* V(1): 5–14.
- Bartmiński, Jerzy. 1988a. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji słowa. In Jerzy Bartmiński (ed.) *Konotacja*. 169–183. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 1988b. Słownik ludowych stereotypów językowych. Założenia ogólne. *Etnolingwistyka* 1: 11–34.
- Bartmiński, Jerzy. 1988c. Słowo wstępne. *Etnolingwistyka* 1: 5–7.
- Bartmiński, Jerzy. 1989. Projekt i założenia ogólne słownika aksjologicznego. In Jadwiga Puzynina and Jerzy Bartmiński (eds.) *Język a kultura* 2: 293–312.
- Bartmiński, Jerzy. 1990. Punkt widzenia, perspektywa interpretacyjna, językowy obraz świata. In Jerzy Bartmiński (ed.) *Językowy obraz świata*. 109–127. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 1993a. O profilowaniu pojęć w słowniku etnolingwistycznym. In Vladimir N. Toporov (ed.) *Philologia Slavica. K 70 letiyu akademika N. I. Tolstogo*. 12–19. Moskwa.
- Bartmiński, Jerzy. 1993b. O profilowaniu pojęć w słowniku etnolingwistycznym. In Jerzy Bartmiński (ed.) *Profilowanie pojęć. Wybór prac*. 7–17. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 1993c. O profilowaniu i profilach raz jeszcze. In Jerzy Bartmiński and Ryszard Tokarski (eds.) *O definicjach i definiowaniu*. 269–275. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 1996. O “Słowniku stereotypów i symboli ludowych”. In *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, Vol. 1. *Kosmos*, Part 1. *Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie* [SSiSL]. Ed. Jerzy Bartmiński and Stanisława Niebrzegowska. 9–34. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 2001a. *Nekotorye spornye problemy etnolingvistiki*. In Irina Tokareva (ed.) *Yazyk i kultura. Problemy sovremennoy etnolingvistiki. Materyaly mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsyi, Minsk 2–4 noyabrya*. 16–22. Minsk.
- Bartmiński, Jerzy. 2001b. O językowym obrazie świata Polaków końca XX wieku. In Stanisław Dubisz and Stanisław Gajda (eds.) *Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju*. 27–53. Warszawa: Polska Akademia Nauk.
- Bartmiński, Jerzy. 2002a. Etnolingwistyka. In *Wielka encyklopedia PWN*, Vol. 8. Ed. Jan Wojnowski. 380–381. Warszawa: PWN.
- Bartmiński, Jerzy. 2002b. Lubelska etnolingwistyka. *Analecta* 11, 1–2 (21–22): 29–42.
- Bartmiński, Jerzy. 2002c. *Polskie kolędy ludowe*. Kraków: Universitas.
- Bartmiński, Jerzy. 2003a. Folklorystyka, etnologia, etnolingwistyka – sytuacja w Polsce. In Zuzana Profantová (ed.) *Slavistická folkloristika na rázcestí [XIII. Medzinárodný zjazd Slavistov v L’ubl’ane, August 2003]*. 21–32. Bratislava: Ústav etnológie SAV.
- Bartmiński, Jerzy. 2003b. Miejsce wartości w językowym obrazie świata. In Jerzy Bartmiński (ed.) *Język w kręgu wartości. Studia semantyczne*. 59–86. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

- Bartmiński, Jerzy. 2004. Etnolingwistyka słowiańska – próba bilansu. *Etnolingwistyka* 16: 9–29.
- Bartmiński, Jerzy. 2005a. Koncepcja językowego obrazu świata w programie slawistycznych badań porównawczych. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 40: 259–280.
- Bartmiński, Jerzy. 2005b. *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike*. Moskwa: Indrik.
- Bartmiński, Jerzy. 2006a. *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 2006b. Niektóre problemy i pojęcia etnolingwistyki lubelskiej. *Etnolingwistyka* 18: 77–90.
- Bartmiński, Jerzy. 2007. *Stereotypy mieszkają w języku*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 2008a. Etnolingwistyka, lingwistyka kulturowa, lingwistyka antropologiczna. *Język a kultura* 20 (Tom jubileuszowy, ed. Anna Dąbrowska): 15–33.
- Bartmiński, Jerzy. 2008b. Kake tsenosti uchavstvuyut v formirovanii kartiny mira Slavyan? In Predrag Piper and Ljubinko Radenković (eds.) *Etnolingvistička prouchavan 'a srpskog i drugikh slovenskikh yezika. U chast akademika Svetalne Tolstoy*. 59–70. Beograd.
- Bartmiński, Jerzy. 2008c. Wartości i ich profile medialne. In Irena Kamińska-Szmaj, Tomasz Piekot, and Marcin Poprawa (eds.) *Ideologie w słowach i obrazach*. 23–29. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Bartmiński, Jerzy. 2009a. *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*. Ed. Jörg Zinken; trans. Adam Głaz. London and Oakville, CT: Equinox.
- Bartmiński, Jerzy. 2009b. O Programie Rozwoju Polskiej Humanistyki. *PAUza Akademicka* 33/34: 1.
- Bartmiński, Jerzy. 2010. Jaké hodnoty spoluu tvářejí obraz světa Slovanů? *Slovo a Slovestnost* 4: 329–339.
- Bartmiński, Jerzy. 2011. *Jezik – slika – svet. Etnolingvističke studije*. Ed. Dejan Ajačić; trans. Marta Bjeletić. Beograd: SlovoSlavia.
- Bartmiński, Jerzy. 2013. The cognitive definition as a text of culture. In Adam Głaz, David S. Danaher, and Przemysław Łozowski (eds.) *The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition, and Culture*. 161–175. London: Versita/De Gruyter Open Poland.
- Bartmiński, Jerzy. 2014a. Basic assumptions of Slavic ethnolinguistics. In Karl Gutschmidt, Sebastian Kempgen, Tilman Berger, and Peter Kosta (eds.) *Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Vol. 2. 1165–1175. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Bartmiński, Jerzy. 2014b. Narracyjny aspekt definicji kognitywnej. In Dorota Filar and Dorota Piekarczyk (eds.) *Narracyjność w języku i kulturze*. 99–115. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 2015. *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów – co zawiera, na jakich zasadach się opiera, dla kogo jest przeznaczony?* In Jerzy Bartmiński, Iwona Bieślińska-Gardziel, and Beata Żywicka (eds.) *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 1. *Dom*. 7–13. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy. 2016. O aktualnych zadaniach etnolingwistyki. *Etnolingwistyka* 28: 7–29. doi: 10.17951/et.2016.28.7
- Bartmiński, Jerzy. 2019a. On the principles and postulates of cultural linguistics (as exemplified by a definition of WORK). *Półrocznik Językoznawczy Tertium* 4(2): 1–35.
- Bartmiński, Jerzy. 2019b. Tradycja i pamięć językowa uśpiona, pielęgnowana i ożywiana. Pytania o źródła polskiej tożsamości kulturowej. *Etnolingwistyka* 31: 7–19.

- Bartmiński, Jerzy and Iwona Bielińska-Gardziel. 2016. 15 lat Konwersatorium EUROJOS. *Etnolingwistyka* 28: 317–322.
- Bartmiński, Jerzy and Wojciech Chlebda. 2008. Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów? *Etnolingwistyka* 20: 11–27.
- Bartmiński, Jerzy and Czesław Hernas (eds.). 1986. *Kołodowanie na Lubelszczyźnie*. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze.
- Bartmiński, Jerzy, Olga Kielak, and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. 2015. *Dlaczego wąż nie ma nóg? Zwierzęta w ludowych przekazach ustnych*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy, Beata Maksymiuk-Pacek, and Anna Michalec. 2010. Archiwum Etnolingwistyczne Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. In Bogdan Lukanyuk and Yuriy Rybak (eds.) *IX Konferentsiya doslidnykh narodnoy muzyki Chervonoruskikh (Galysko-Volodimirs) ta Sumizhnykh Zemel: Materialy*. 85–92. Lviv.
- Bartmiński, Jerzy and Jan Mazur. 1978. *Teksty gwarowe z Lubelszczyzny*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Bartmiński, Jerzy and Stanisława Niebrzegowska. 1998a. Ethno-linguistic explorations in Lublin: “Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols”, “Ethnolinguistics” series 1998–1998. In Katarzyna Kaniowska and Danuta Markowska (eds.) *Ethnology and Anthropology at the Time of Transformation. Poland at the 14th Congress of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences*. 135–137. Łódź: Studio BILBOART.
- Bartmiński, Jerzy and Stanisława Niebrzegowska. 1998b. Profile a podmiotowa interpretacja świata. In Jerzy Bartmiński and Ryszard Tokarski (eds.) *Profilowanie w języku i w tekście*. 211–224. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. 2016. O słowniku stereotypów i symboli ludowych. In Stana Ristić, Ivana Lazić Konjik, and Nenad Ivanović (eds.) *Leksikologiya i leksikografija u svetlu savremenikh pristupa. Zbornik nauchnykh radova*. 355–376. Beograd: Institut za Srpski Jezik SANU.
- Bartmiński, Jerzy, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Marta Nowosad-Bakalarczyk, and Sebastian Wasiuta. forthcoming. *Bibliografia adnotowana “Etnolingwistyki” 1988–2018 (tomy 1–30)*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy, Dorota Pazio-Włazłowska, and Beata Żywicka. 2022. *leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów – stan obecny i perspektywy kontynuacji*. In Dorota Pazio-Włazłowska, Joanna Szadura, and Beata Żywicka (eds.) *I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny*, Vol. 4. *Nazwy wartości i koncepty kulturowe, ich hierarchie i rekonstrukcje*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bart PANLub. 2011. *Lubelskie. Polska pieśń i muzyka ludowa. Źródła i materiały*. Ed. Jerzy Bartmiński. 6 vols. Lublin: Polihymnia.
- Bączkowska, Grażyna. 1990. O zawartości i zasadach organizacji Archiwum Etnolingwistycznego UMCS w Lublinie. *Twórczość Ludowa* 4: 45–47.
- Bielak, Agata. 2014. *Językowo-kulturowy obraz świętych w polskiej tradycji ludowej*. Doctoral dissertation, Department of Polish Philology, UMCS, Lublin.
- Bielińska-Gardziel, Iwona. 2009. *Stereotyp rodziny we współczesnej polszczyźnie*. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN.
- BiP. 2005. *Bariery i pomosty w komunikacji językowej Polaków*. Ed. Jerzy Bartmiński and Urszula Majer-Baranowska. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bogusławski, Andrzej. 1991. Lingwistyczny relatywizm względny. Anny Wierzbickiej rozwiązanie problemu różnorodności języków. *Etnolingwistyka* 4: 41–49.

- Boguta, Agnieszka. 2010. *Bibliografia analityczna "czerwonej serii" 1981–2008. Tomy 1–25*. Ed. Alicja Mateczuk. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Brzozowska, Małgorzata. 2009. *Etymologia a konotacja słowa. Studia semantyczne*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Brzozowski, Piotr. 1991. Problemy analizy prototypowości pojęć (na przykładzie "uczciwości", "komunizmu", "nauczyciela"). *Etnolingwistyka* 4: 51–63.
- Chlebda, Wojciech. 2010. W poszukiwaniu językowo-kulturowego obrazu świata Słowian. In: Wojciech Chlebda (ed.) *Etnolingwistyka a leksykografia. Tom poświęcony Profesorowi Jerzemu Bartmińskiemu*. 7–20. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Chlebda, Wojciech. 2015. Na jubileusz Profesora Jerzego Bartmińskiego. *Etnolingwistyka* 27: 270–272.
- Chlebda, Wojciech. 2018. Pytania o tożsamość etnolingwistyki. In Jolanta Tambor (eds.) *Polonistyka na początku XXI wieku. Diagnozy – koncepcje – perspektywy*. Vol. 4. *Pogranicza – mniejszości – regiony – etnolingwistyka*. 227–239. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Chlebda, Wojciech. 2019. Jak historia odkłada się w pamięci, jak pamięć odkłada się w języku. *Etnolingwistyka* 31: 55–72.
- Czachur, Waldemar. 2017. Lingwistyka kulturowa i międzykulturowa. Pytania badawcze, zadania i perspektywy. In Waldemar Czachur (ed.) *Lingwistyka kulturowa i międzykulturowa. Antologia*. 7–38. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Czyżewski, Feliks and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. 2001. Prace nad "Atlasem Etnolingwistycznym Pobuża" w latach 1994–2001. In Feliks Czyżewski (ed.) *Język i kultura na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim*. 253–259. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Duda, Henryk. 2005. Ethnolinguistic School of Lublin. On the research of the so-called linguistic image of the world in Poland. *Area and Culture Studies* 71: 197–213.
- DzESz. 2014. *Działania na tekście w edukacji szkolnej i uniwersyteckiej*. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Marta Nowosad-Bakalarczyk and Tomasz Piekot. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- DzPRI. 2014. *Działania na tekście. Przekład – redagowanie – ilustrowanie*. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Marta Nowosad-Bakalarczyk and Tomasz Piekot. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Fedorova, Lyudmila. 2018. Mesto "Aksyologicheskogo leksikona slavyan i ikh sosedey" sredi sovremennykh slovarey kulturnykh kontseptov (na primere toma DOM). In Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura, and Beata Żywicka (eds.) *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 4. *Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w perspektywie badań porównawczych*. 25–43. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Głaz, Adam. 2013. Prostowanie zwierciadła. Przyczynek do (jeszcze?) niezainstalowanej dyskusji nt. kondycji lubelskiej etnolingwistyki. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* LXIX: 139–151.
- Głaz, Adam. 2015. Etnolingwistyka daleka i bliska. *Etnolingwistyka* 27: 7–20.
- Głaz, Adam. 2019. Cognitive ethnolinguistics from Lublin and cultural linguistics in the English-speaking context. *Etnolingwistyka/Ethnolinguistics* 30: 229–254. doi: 10.17951/et.2018.30.231
- Golik, Roman. 2003. Stereotypy i symbole lublinskoyi "Etnolingwistyki": spróba tematycznego analizu. In Pavlo Hrytsenko and Natalya Khobzey (eds.) *Dialektolohichni studiyi 2. Mova i kultura*. 317–334. Lviv: In-t ukrayinozn. im. I. Kryp'yakevycha.

- Gryshkova, Nina. 2014. *Leksem, pojęcie, stereotyp, koncept, znaczenie, idea* – propozycja regulacji terminologicznych. In Iwona Bielińska-Gardziel, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, and Joanna Szadura (eds.) *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 3. *Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*. 21–49. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Grzegorzczak, Renata. 2004. Idee kognitywizmu jako podstawa badań porównawczych w zakresie semantyki. *Etnolingwistyka* 16: 75–84.
- Grzegorzczak, Renata. 2009. Punkty dyskusyjne w rozumieniu pojęcia językowego obrazu świat – widziane z perspektywy badań porównawczych. *Etnolingwistyka* 21: 15–29.
- Grzegorzczak, Renata. 2011. Jeszcze o rozumieniu JOS-u w perspektywie badań porównawczych: pojęcie inwariantu pojęciowego. *Etnolingwistyka* 23: 217–225.
- Grzeszczak, Monika. 2015. *Pojęcie DEMOKRACJI i jego profilowanie w polskim i niemieckim dyskursie publicznym (1989–2009)*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- HMwNHIS. 2014. *Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych*. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura, Mirosław Szumiło, with participation of Janusza Kłapcia. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- JaK – *Język a kultura*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Vol. 1. 1989/1991. *Podstawowe pojęcia i problemy*. Ed. Janusz Anusiewicz and Jerzy Bartmiński.
- Vol. 2. 1990/1991. *Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne*. Ed. Jadwiga Puzynina and Jerzy Bartmiński.
- Vol. 3. 1991. *Wartości w języku i tekście*. Ed. Jadwiga Puzynina and Janusz Anusiewicz.
- Vol. 4. 1991. *Funkcje języka i wypowiedzi*. Ed. Jerzy Bartmiński and Renata Grzegorzczak.
- Vol. 11. 1994. *Język polityki a współczesna kultura polityczna*. Ed. Janusz Anusiewicz and Bogdan Siciński.
- Vol. 12. 1998. *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne*. Ed. Janusz Anusiewicz and Jerzy Bartmiński.
- Vol. 13. 2000. *Językowy obraz świata i kultura*. Ed. Anna Dąbrowska and Janusz Anusiewicz.
- Vol. 14. 2000. *Uczucia w języku i tekście*. Ed. Iwona Nowakowska-Kempna, Anna Dąbrowska, and Janusz Anusiewicz.
- Vol. 20. 2008. *Tom jubileuszowy*. Ed. Anna Dąbrowska.
- Vol. 25. 2015. *Struktura słowa a interpretacja świata*. Ed. Małgorzata Misiak and Jan Kamieniecki.
- JOKL. 1997. Językowy obraz kultury ludowej. [discussion] Władysław Kupiszewski, Anna Tatariewicz, Marian Pilot, Jacek Banaszkiewicz, Roch Sulima. *Regiony* 3: 2–10.
- JOS. 1990. *Językowy obraz świata*. Ed. Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- JPPDU. 2000. *Język polski jako przedmiot dydaktyki uniwersyteckiej*. Ed. Jerzy Bartmiński and Małgorzata Karwatowska. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- JwKW. 2003. *Język w kręgu wartości. Studia semantyczne*. Ed. Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- JWP. 2006. *Język – wartości – polityka. Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. Raport z badań empirycznych*. Ed. Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

- Kaczan, Anna. 2009. Zboża w ludowym i potocznym językowym obrazie świata Polaków. Doctoral dissertation, Department of Polish Philology, UMCS, Lublin.
- Kardela, Henryk. 1988. Tak zwana gramatyka kognitywna a problem stereotypu. *Etnolingwistyka* 1: 35–46.
- Kielak, Olga. 2020. *Zwierzęta domowe w języku i kulturze*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Kolberg, Oskar. *Dziela wszystkie*. Poznań: Instytut im. Oskara Kolberga. <http://oskarkolberg.pl/pl-PL/Page/64> (accessed 3 March 2022)
- Konotacja. 1988. *Konotacja*. Ed. Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Koper, Anna. 2000. Przepowiednie pogody jako gatunek mowy. Doctoral dissertation, Department of Polish Philology, UMCS, Lublin.
- Korus, Kazimierz. 2019. *Godność i wolność: greckie źródła tożsamości europejskiej*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Kozhinova, Alla. 2019. Vnutrennaya forma slova i eyo realizatsya v drevnikh slavyanskikh tekstakh. *Etnolingwistyka* 31: 27–39.
- Krawczyk, Anna. 1989. Język źródłem wiedzy o człowieku. *Etnolingwistyka* 2: 29–38.
- Krzyszowski, Tomasz P. 1994. Parametr aksjologiczny w przedpojęciowych schematach wyobrazeniowych. *Etnolingwistyka* 6: 29–51.
- Kulpina Valentina G. and Viktor A. Tatarinov. 2012. O sopostavitelnykh aspektakh polskoy kognitivnoy etnolingvistiki. *Vestnik Moskovskogo universiteta* 1, seria 22, *Teoriya perevoda*: 82–88.
- Kulpina, Valentina G. and Viktor A. Tatarinov. 2019. Akxyologiya truda i zhizni v yazyke i v slovare (po materyalam toma “PRACA” “Akxyologicheskogo leksikona slavyan i ikh sosedey. In Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska and Dorota Pazio-Wlazłowska (eds.) *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 5. *Koncepty i ich eksplikowanie*. 35–63. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Lakoff, George. 2003. Metafory i wojna. Trans. Aneta Wysocka. *Etnolingwistyka* 15: 29–47.
- Langacker, Ronald. 2004. Semantyka językoznawcza. Trans. Adam Głaz. *Etnolingwistyka* 16: 29–73.
- Lappo, Irina and Urszula Majer-Baranowska. 2013. Z historii badań etnolingwistycznych: Komunikat o powstaniu Konwersatorium EUROJOS w roku 2001. *Etnolingwistyka* 25: 329–331.
- LASiS. 2015–2019. *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Ed.-in-Chief: Jerzy Bartmiński.
- Vol. 1. 2015. *DOM*. Ed. Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, and Beata Żywicka. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Vol. 2. 2018. *EUROPA*. Ed. Wojciech Chlebda. Lublin: Wydawnictwo UMCS / Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Vol. 3. 2016. *PRACA*. Ed. Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Vol. 4. 2019. *WOLNOŚĆ*. Ed. Maciej Abramowicz and Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo UMCS.
- Vol. 5. 2017. *HONOR*. Ed. Petar Sotirov and Dejan Ajdačić. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Łaszkiwicz, Monika. 2020. *Stereotypy etniczne w polskiej kulturze ludowej*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Maćkiewicz, Jolanta. 1990. Morze. *Etnolingwistyka* 3: 77–94.

- Majer-Baranowska, Urszula. 2002. Profile „wody” w polszczyźnie ludowej i potocznej. Doctoral dissertation, Department of Polish Philology, UMCS, Lublin.
- Majer-Baranowska, Urszula. 2003. “Podmiot” jako wartość. In Jerzy Bartmiński (ed.) *Język w kręgu wartości*. 243–259. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Majer-Baranowska, Urszula. 2004. Dwie koncepcje profilowania pojęć w lingwistyce. *Etnolingwistyka* 16: 85–109.
- Majer-Baranowska, Urszula. 2005. Podmiot w języku czy język w podmiocie? In Małgorzata Czermińska, Stanisław Gajda, Krzysztof Kłosiński, Anna Legeżyńska, Andrzej Z. Makowiecki, and Ryszard Nycz (eds.) *Polonistyka w przebudowie, Literaturoznawstwo – wiedza o języku – wiedza o kulturze – edukacja. Zjazd Polonistów Kraków, 22–25 września 2004*. Vol. 2. 253–266. Kraków: Universitas.
- Maksymiuk, Beata and Anna Michalec. 1999. Aktualny stan zasobów Archiwum Etnolingwistycznego UMCS w Lublinie. *Twórczość Ludowa* 3–4: 41–43.
- Maksymiuk-Pacek, Beata. 2018. O lubelskiej kartotece kołędowej. *Rocznik Przemyski* 2: 131–139.
- Maksymiuk-Pacek, Beata and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska (eds.). 2009. *Bibliografia adnotowana lubelskiego zespołu etnolingwistycznego (do roku 2009)*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Marczewska, Marzena. 2002. *Drzewa w języku i w kulturze*. Kielce: Wydawnictwo UJK.
- Michalec, Anna and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. 2019. *Jak chłop u diabła pieniądze pożyczał. Polska demonologia ludowa w przekazach ustnych*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Muszyński, Zbysław. 1994. Założenia i problemy semantyki obiektywistycznej. *Etnolingwistyka* 6: 13–27.
- Nepop-Ajdaczyć, Lidia. 2007. *Polska etnolingwistyka kognitywna. Pomoc dydaktyczna*. Kijów: Centrum wydawniczo-poligraficzne “Uniwersytet Kijowski”.
- Niebrzegowska, Stanisława. 1995. *Polski sennik ludowy. Słownik i semantyka*. Doctoral dissertation; Department of Polish Philology, UMCS, Lublin.
- Niebrzegowska, Stanisława. 1996. *Polski sennik ludowy*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Niebrzegowska, Stanisława. 2000. *Przestrach od przestrachu. Rośliny w ludowych przekazach ustnych*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Niebrzegowska, Stanisława. 2001. *Etnolingvistika v Lublinie*. In Irina Tokareva (ed.) *Jazyk i kultura. Problemy sovremennoy etnolingvistiki. Materjaly mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Minsk 2–4 noyabrya 2000*. Minsk: Minskiy gosudarstvennyy lingvističeskij universitet. 22–28.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2004. Badania etnolingwistyczne w Lublinie. *Poznańskie Studia Językoznawcze* 13: 79–89.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2007. *Wzorce tekstów ustnych w perspektywie etnolingwistycznej*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2010. Dwa słowniki etnolingwistyczne – moskiewski i lubelski. In Wojciech Chlebda (ed.) *Etnolingwistyka a leksykografia. Tom poświęcony Profesorowi Jerzemu Bartmińskiemu*. 21–32. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2012. Miejsce wartości w opisie gatunków mowy. *Język a kultura* 23: (Akt y i gatunki mowy w perspektywie kulturowej, ed. Anna Burzyńska-Kamieniecka): 33–41.

- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2013a. Projekt badawczy ETNO(EUROJOS) a program etnolingwistyki kognitywnej. *Etnolingwistyka* 25: 267–281.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2013b. Slovar' narodnykh stereotipov i simvolov – proyekt i realizatsiya. In Jordana Markovič (ed.) *Putevi i dometi diyalekatske leksikografije. Zbornik radova sa istoimenog medunarodnog nauchnog skupa*. 247–257. Niš.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2013c. Stereotypes and values in the linguistic worldview. In Adam Głaz, David S. Danaher, and Przemysław Łozowski (eds.) *The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition, and Culture*. 198–214. London: Versita / De Gruyter Open Poland.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2013d. Tsennosti slavyan i ich sosedey v ramkakh programu sravnitelnykh issledovaniy standartnykh yazykov. In Tatyana A. Zaindinova (ed.) *Slavyanskyye yazyki i kultury: proshloe, nastojashchee, bydushchee*. 125–135. Irkuck.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2014a. Lyublinskaya kognitivna etnolingvistika: ot dialektologia ta i folkloristikata do mezhdukul'turnata semantyka. *Blgarski folklor* 4: 413–435.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2014b. Od separacyjnego do holistycznego opisu językowego obrazu świata. Na marginesie dyskusji nad kształtem artykułów w “Leksykonie aksjologicznym Słowian i ich sąsiadów”. In Iwona Bielińska-Gardziel, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, and Joanna Szadura (eds.) *Wartości w językowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 3. *Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*. 71–102. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2015. O profilowaniu językowego obrazu świata. *Poradnik Językowy* 1: 30–44.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2017a. Czy definicja kognitywna jest definicją otwartą? In Dorota Filar and Piotr Krzyżanowski (eds.) *Barwy słów. Studia lingwistyczno-kulturowe*. 549–571. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2017b. Jakie dane są relewantne etnolingwistycznie? *Etnolingwistyka* 29: 11–29. doi: 10.19951/et.2017.29.11
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2020. *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2021. Tradicinis baltų ir slavų pasaulėvaizdipp. Kognityvinių lyginamųjų tyrimų projektas / Tradycyjny obraz świata Słowian i Bałtów – projekt kognitywnych badań porównawczych. In Kristina Rutkovska and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska (eds.) *Liaudiškasis, tautinis, daugiatautis ir daugiakultūris paveldas / Dziedzictwo ludowe, narodowe, wieloetniczne i wielokulturowe*. 162–180. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla / Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Niewiara, Aleksandra. 2019. *Praca ludzka w perspektywie interdyscyplinarnej*, red. Arkadiusz Bağajewski, Jerzy Bartmiński, Monika Łaskiewicz, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2018, pp. 398; *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, tom 3. PRACA, red. Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2016, s. 455. *Język Polski* 3: 124–128.
- NOSSRJ. 2004. *Novyy obyasnitelnyy slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Ed.-in-Chief Yuri D. Apresyan. Moskva.
- Nowosad-Bakalarczyk, Marta. 2009. *Pleć a rodzaj gramatyczny we współczesnej polszczyźnie*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

- Nowosad-Bakalarczyk, Marta. 2018. *Kategoria ilości i jej wykładniki we współczesnej polszczyźnie*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- NW. 1993. *Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne*. Ed. Jerzy Bartmiński and Małgorzata Mazurkiewicz-Brzozowska. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- NWwJE. 2017. *Nazwy wartości w językach europejskich. Raport z badań empirycznych*. Ed. Iwona Bielińska-Gardziel, Małgorzata Brzozowska, and Beata Żywicka. Przemyśl: Państwowa Wyższa Szkoła Wschodnioeuropejska.
- ODiD. 1993. *O definicjach i definiowaniu*. Ed. Jerzy Bartmiński and Ryszard Tokarski. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Paclawska, Ewa. 2011. *Językowo-kulturowy obraz ziół w polskiej tradycji ludowej*. Doctoral dissertation, Department of Polish Philology, UMCS, Lublin.
- Palmer, Gary B. 2015. Ethnography: A neglected method of inductive linguistics. *Etnolingwistyka* 27: 21–45. <http://dx.doi.org/10.17951/et.2015.27.21>
- PDwL. 1981. *Pojęcie derywacji w lingwistyce*. Ed. Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Peeters, Bert. 2015. Language, culture and values: towards an ethnolinguistics based on abduction and salience. *Etnolingwistyka* 27: 47–62. <http://dx.doi.org/10.17951/et.2015.27.47>
- Plas, Pieter. 2006. Slavic ethnolinguistics and Anglo-American linguistic anthropology. *Etnolingwistyka* 18: 135–143.
- Popowska-Taborska, Hanna. 2010. W poszukiwaniu językowego obrazu świata. *Dom, praca, wolność*, a także *honor* i *Europa* w kaszubskich dialektach i powstającym kaszubskim języku literackim. *Etnolingwistyka* 22: 53–71.
- PowJE. 1993. *Pojęcie ojczyzny w językach europejskich*. Ed. Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.
- PP. 1993. *Profilowanie pojęć. Wybór prac*. Ed. Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Prorok, Katarzyna. 2012. *Językowo-kulturowy obraz metali (złoto, srebro, żelazo, ołów) w polskiej tradycji ludowej*. Doctoral dissertation, UMCS, Lublin.
- Prorok, Katarzyna. 2022. Słownik stereotypów i symboli ludowych – historia i współczesność. In Ewa Białek, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, and Joanna Szadura (eds.) *I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny*. Vol. 2. *Obraz świata i człowieka w kulturze ludowej i narodowej*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Przestrzeń JKATL. 2005. *Przestrzeń w języku i w kulturze. Analizy tekstów literackich i wybranych dzieł sztuki*. Ed. Jan Adamowski. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Przestrzeń JKPT. 2005. *Przestrzeń w języku i w kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych*. Ed. Jan Adamowski. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Puzynina, Jadwiga. 2009. Etyka mowy – istotny element kultury słowa. In Witold Kawecki CSsR and Katarzyna Flader (eds.) *Słowo w kulturze współczesnej*. 23–36. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego.
- Puzynina, Jadwiga. 2010. Z problemów opisu językowego obrazu świata – pytania i wątpliwości. *Etnolingwistyka* 22: 39–51.
- Puzynina, Jadwiga. 2011. O wartościach trwałych i istotnych. *Etnolingwistyka* 23: 25–29.
- Puzynina, Jadwiga. 2014. Kłopoty z nazwami wartości (i wartościami). *Etnolingwistyka* 26: 7–20. doi: 10.17951/et.2014.26.7
- PwJiK. 2008. *Podmiot w języku i w kulturze*. Ed. Jerzy Bartmiński and Anna Pajdzińska. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

- PwJiT. 1998. *Profilowanie w języku i w tekście*. Ed. Jerzy Bartmiński and Ryszard Tokarski. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- PWwJiK. 2004. *Punkt widzenia w języku i w kulturze*. Ed. Jerzy Bartmiński, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, and Ryszard Nycz. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- PWwTiD. 2004. *Punkt widzenia w tekście i w dyskursie*. Ed. Jerzy Bartmiński, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, and Ryszard Nycz. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Ristić, Stana and Ivana V. Lazić Konjik. 2016. Repräsentativnost rečnika SANU za etnolingvistička istraživanja: od leksikografske ka kognitivnoj definiciji. In Stana Ristić, Ivana Lazić Konjik, and Nenad Ivanović (eds.) *Leksikologija i leksikografija u svetlu savremenikh pristupa. Zbornik naučnih radova*. 377–394. Beograd: Institut za Srpski Jezik SANU.
- RKPLSlov. 20043. *Russkoye kulturnoye prostranstvo. Lingvokulturologicheskiy slovar*. Ed. Irina Zakharenko, Viktoria Krasnykh, Dmitriy Gudkov. Moskva: Gnozis.
- Robotycki, Czesław. 2007. Przeciw Kopalińskiemu w stronę Bartmińskiego. O polskim Słowniku stereotypów i symboli ludowych. *Polska Sztuka Ludowa* 1(276): 129–134.
- Rutkovska, Kristina, Marius Smetona, and Irena Smetonienė. 2017. *Vertybės lietuvių pasaulėvaizdyje. Monografija*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Rutkovska, Kristina, Marius Smetona, and Irena Smetonienė. 2019. *Kalba. Tauta. Valstybė*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- SD. 1995–2012. *Slavyanskyye drevnosti. Entsiklopedicheskiy slovar*. Ed. Nikita I. Tolstoy. Vol. 1 – 1995, Vol. 2 – 1999, Vol. 3 – 2004, Vol. 4 – 2009, Vol. 5 – 2012. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- Sedakova, Irina A. 2019. Pamyat narodno-kulturnoy traditsii v sovremennom ritualnom diskurse. *Etnolingwistyka* 31: 41–53.
- Sharifian, Farzad. 2016. Lingwistyka kulturowa. *Etnolingwistyka* 28: doi: 10.17951/et.2016.28.31
- Sierociuk, Jerzy. 1983. Elementy interdialektalne w polskiej pieśni ludowej. Doctoral dissertation, Department of Polish Philology, UMCS, Lublin.
- Sierociuk, Jerzy. 1990. *Pieśń ludowa i gwara*. Lublin: Krajowa Agencja Wydawnicza.
- SLSJ. 1980. *Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny*. Ed. Jerzy Bartmiński. Wrocław: Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Sobolewska, Katarzyna. 2019. *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, tom 2: Rośliny, zeszyt 1: Zboża, koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński. *Język Polski* XCIX (3): 129–132.
- SPiR. 1998. *Słownik ludowych stereotypów i symboli – pomysł i jego realizacja*. [discussion] Czesław Hernas, Jerzy Bartmiński, Svetlana M. Tolstaya, Krzysztof Wrocławski, Anna Dąbrowska, Jan Miodek, Jolanta Ługowska, Iwona Smolka, Piotr Matywiecki, Roch Sulima. *Literatura Ludowa* 6: 51–71.
- SPiR. 2000. *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. [discussion] Roch Sulima, Jadwiga Sambor, Władysław Kupiszewski, Renata Grzegorzczkova, Jadwiga Puzynina, Hanna Popowska-Taborska, Elżbieta Sękowska, Anna Engelking, Joanna Partyka. *Literatura Ludowa* 1: 35–48.
- SSiSL. 1996–2021. *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Ed-in-chief: Jerzy Bartmiński. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska]. Vols. 1–2. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Stepanov, Yuriy PP. 1997. *Konstanty. Slovar russkoy kultury*. Moskva: Gumanitarnoye agentstvo Akademicheskiiy projekt.

- Szadura, Joanna. 2004. Dyferencjacja stylowo-gatunkowa ognia w polszczyźnie. Doctoral dissertation, Department of Polish Philology, UMCS, Lublin.
- Szadura, Joanna. 2017. *Czas jako kategoria językowo-kulturowa w polszczyźnie*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- TAiI. 1998. *Tekst. Analizy i interpretacje*. Ed. Jerzy Bartmiński and Barbara Boniecka. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Szyjewski, Andrzej. 2003. *Religia Słowian*. Kraków: Wydawnictwo WAM.
- Tabakowska, Elżbieta. 2001. Kognitywizm. Obrazki z polskiej sceny. *Glossos* 1. https://slaviccenters.duke.edu/sites/slaviccenters.duke.edu/files/media_items_files/tabakowska.original.pdf (accessed on 15 June 2019)
- Tabakowska, Elżbieta. 2004. *Kognitywizm po polsku – wczoraj i dziś*. Kraków: Universitas.
- Tabakowska, Elżbieta. 2013. A linguistic picture, image, or view of ‘Polish Cognitive Studies’. In Adam Głaz, David S. Danaher, and Przemysław Łozowski (eds.) *The linguistic worldview. Ethnolinguistics, cognition, and culture*. 321–338. London: Versita/De Gruyter Open Poland.
- Tokarski, Ryszard. 1988. Element syntaktyczny w analizie semowej. *Etnolingwistyka* 1: 11–34.
- Tolstaya, Svetlana M. 1992. Tekst ustny w języku i kulturze. *Etnolingwistyka* 5: 27–30.
- Tolstaya, Svetlana M. 1993. Etnolingvistika v Lyubline. *Slavyanovedenye* 4: 47–59.
- Tolstaya, Svetlana M. 1995. Sakralnoye i magicheskoe v narodnom kulte svyatykh. In Jerzy Bartmiński and Maria Jasińska-Wojtkowska (eds.) *Folklor – sacrum – religia*. 38–46. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.
- Tolstaya, Svetlana M. 1997. Slovar’ narodnykh stereotipov i simvolov. *Zhivaya starina* 4: 52–53.
- Tolstaya, Svetlana M. 2005. Etnolingvistika Yezhi Bartminskogo. In Yezhi Bartminskiy, *Yazykovoy obraz mira: Ocherki po etnolingvistike*. 9–20. Moskva: Indrik.
- Tolstaya, Svetlana M. 2006. Postulaty moskovskoy etnolingvistiki. *Etnolingwistyka* 18: 7–27.
- Tolstaya, Svetlana M. 2013. Nikita Ilich Tolstoy i jego put k etnolingvistike. In Svetlana M. Tolstaya (ed.) *Ethnolinguistica Slavica: K 90-Letiiu Akademika Nikity Il'icha Tolstogo*. 10–25. Moskva: Indrik.
- Tolstaya, Svetlana M. 2018. Simvolika rasteniy v polskoy narodnoy traditsii. *Złaki. Rocznik Slawistyczny* LXVII: 189–197. doi: 10.24425/rslaw.2018.124602
- Tolstaya, Svetlana M. 2019. Etimologicheskaya pamjat slova. *Etnolingwistyka* 31: 21–26. doi: 10.17951/et.2019.31.21
- Tolstoy, Nikita I. [Tolstoj, Nikita I.] 1992. Język a kultura (niektóre zagadnienia słowiańskiej etnolingwistyki). *Etnolingwistyka* 5: 15–25.
- Tomczak, Łukasz. 2010. *Bibliografia adnotowana “Etnolingwistyki” 1988–2008*. Ed. Jerzy Bartmiński, Sebastian Wasiuta. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- TPT. 1998. *Tekst. Problemy teoretyczne*. Ed. Jerzy Bartmiński and Barbara Boniecka. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Tyrpa, Anna. 2006. Etnolingwistyka ludowa, narodowa, porównawcza – koncepcje neofilologów i polonistów. *Etnolingwistyka* 18: 105–116.
- Underhill, James W. 2012. *Ethnolinguistics and cultural concepts. Truth, love, hate and war*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Underhill, James W. 2013. Reflections upon Bartmiński’s ethnolinguistic approach to language and culture. In Adam Głaz, David S. Danaher, and Przemysław Łozowski (eds.) *The*

- linguistic worldview. Ethnolinguistics, cognition, and culture.* 339–349. London: Versita/De Gruyter Open Poland.
- Vaňková, Irena. 2010. Úvodem: na cestě kognitivní (etno)lingvistiky. *Slovo a Slovesnost: časopis pro otázky teorie a kultury jazyka* 71(4): 245–249.
- Wasiuta, Sebastian. 2021. *Przysłowie jako tekst minimalny*. Lublin: Wydawnictwo Polihymnia.
- Wępa-Siudek, Agnieszka. 2019. *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, tom 2: *Rośliny*, zeszyt 2: *Warzywa, przyprawy, rośliny przemysłowe*, koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński. *Język Polski* XCIX (3): 133–135.
- Wierzbicka, Anna. 1991. Uniwersalne pojęcia ludzkie i ich konfiguracje w różnych kulturach. *Etnolingwistyka* 4: 14–17.
- WJOSPIL. 2020–2021. *Vertybės lietuvių ir lenku pasaulėvaizdyje / Wartości w językowym obrazie świata Litwinów i Polaków*. Ed. Kristina Rutkovska and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. Vilnius–Lublin: Vilniaus universiteto leidykla.
- Vol. 1. 2020. *Teorinės prielaidos ir interpretacijos / Problemy teoretyczne i interpretacje*.
- Vol. 2. 2021. *Liaudiškasis, tautinis, daugiatautis ir daugiakultūris paveldas / Dziedzictwo ludowe, narodowe, wieloetniczne i wielokulturowe*.
- WJOSS. 2012–2019. *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Vol. 1. 2012. Ed. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński, and Iwona Bielińska-Gardziel.
- Vol. 2. 2–14. *Wokół europejskiej aksjofery*. Ed. Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, and Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska.
- Vol. 3. 2014. *Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*. Ed. Iwona Bielińska-Gardziel, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, and Joanna Szadura.
- Vol. 4. 2017. *Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w perspektywie badań porównawczych*. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura, and Beata Żywicka.
- Vol. 5. *Koncepty i ich eksplikowanie*. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska and Dorota Pazio-Wlazłowska.
- Vol. 6. *Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjofery*. Ed. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska and Dorota Pazio-Wlazłowska.
- WwKE. 2021. *Wartości w kulturach europejskich. Raport z badań empirycznych*. Ed. Beata Żywicka. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Zinken, Jörg. 2004. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin. *metaphorik.de* 7: 115–136. <http://eprints.port.ac.uk/view/creators/Zinken=3AJoerg=3A=3A.html> (accessed on 15 October 2017)
- Zinken, Jörg. 2009. The Ethnolinguistic School of Lublin and Anglo-American cognitive linguistics. In Jerzy Bartmiński, *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*. 1–5. London and Oakville, CT: Equinox.
- Żmigrodzki, Piotr. 2019. Profesor Jerzy Bartmiński i doskonałość naukowa (na osiemdziesięciolecie urodzin). *Język Polski* 3: 118–119.
- Żuk, Grzegorz. 2013. *Europe in Polish public discourse*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Żywicka, Beata. 2007. *Miejsca i wartości. Zmiany w językowym obrazie przestrzeni we współczesnej polszczyźnie*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

Lubelska etnolingwistyka kognitywna: od dialektologii i folklorystyki do semantyki porównawczej

Streszczenie: Lubelskie badania etnolingwistyczne przeszły kilka znaczących etapów. Początkowym tematem był język folkloru, dla badania którego zaczęto gromadzić specjalną bazę nagrań terenowych. W kolejności były to prace nad słownikiem formuł pieśniowych, ostatecznie pomyślanym i wydawanym jako *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Na potrzeby prac słownikowych uruchomiono rocznik „Etnolingwistyka” i wydawnictwo seryjne, nazywane potocznie „czerwoną serią”, na łamach których publikowano dyskusje teoretyczne i metodologiczne. Z czasem wyszły one daleko poza kwestie związane z folklorem i gwarą, i objęły kwestie językowego obrazu świata, stereotypów i symboli w tradycji ludowej i w języku ogólnym, profilowania pojęć, kategorii punktu widzenia i podmiotu oraz semantyki nazw wartości. Ostatnim etapem badań jest międzynarodowy program badań porównawczych EUROJOS dotyczący języków standardowych i dyskursów publicznych, a od 2012 roku także projekt (ETNO)EUROJOS, ukierunkowany na badania słowiańskich tradycji ludowych. Z ostatnim projektem koresponduje regionalny projekt *Atlasu etnolingwistycznego Pobuża* realizowany przez slawistów z Polski, Białorusi i Ukrainy.

Słowa kluczowe: lubelska etnolingwistyka kognitywna; językowy obraz świata; stereotyp; definicja kognitywna; profilowanie i profil; punkt widzenia; podmiot; wartości; semantyka porównawcza; *Słownik stereotypów i symboli ludowych*; *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*; EUROJOS; (ETNO)EUROJOS

Translated by Rafał Augustyn

Стана Ристич

Институт сербского языка САНУ, Белград, Сербия

ORCID: 0000-0003-1646-3192

stana.ristic@isj.sanu.ac.rs

Ивана Лазич Коник

Институт сербского языка САНУ, Белград, Сербия

ORCID: 0000-0003-0840-0140

ivana.konjik@isj.sanu.ac.rs

Сербская этнолингвистика — КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Резюме: Развитие сербской этнолингвистики в первые десятилетия XXI века в данной работе рассмотрено в контексте развития славянской этнолингвистики, при этом подчеркивается, что в сербской этнолингвистике, как и в целом в славянской, параллельно развиваются два основных направления: традиционное диалектно-фольклористическое и реконструкционное, современные лингвокультурологическим и аксиологическим подходами. Наряду с этим, разрабатываются новые направления широкой антропологической и когнитивной ориентации, основанные на плодотворных теоретических и лексикографических результатах полувекового развития польской (люблинской) когнитивистики и аксиологии, а также русской лингвокультурологии, идеографии и концептологии. Основная часть работы посвящена развитию когнитивного направления и его лексикографической программы, реализуемой в том числе в рамках запланированной и методологически осмысленной работы по созданию аксиологического словаря сербского языка, включая составление списка ценностных концептов сербской культуры на основании опыта и методологии люблинской аксиологии, а также русской идеографии и концептологии. Сформирован список, включивший 357 ценностных концептов, 48 из которых относятся к ядру концептосферы сербского языка в широком смысле и только 10 концептов принадлежит центральной части данного ядра.

Ключевые слова: сербская этнолингвистика, когнитивная этнолингвистика, аксиологический словарь сербского языка, концептология, концептография.

Введение

1. Развитие этнолингвистических исследований в Сербии и их результаты, рассматриваемые в контексте славянской этнолингвистики и подобных дисциплин антропологической ориентации, уже суммировались в нескольких обзорах сербских авторов (Pić 2002; Ajdaczyć 2006; Ајдачић 2017а; Сикимић 2006, 2007; Илић, Ђурић-Миловановић 2013), а прежде всего в работах: Ристић, Лазич-Коњик 2018 и Ристић, Лазич-Коњик 2020, где развитие этнолингвистики в Сербии представлено в широкой парадигме развития двух этнолингвистических школ: русской и польской, начиная с последнего десятилетия XX века, когда были опубликованы первые исследования этнолингвистических проблем, применившие этнолингвистическую методологию в сочетании с другими лингвистическими методами, и вплоть до настоящего времени. Были выделены этапы и тенденции данной линии развития (Ристић, Лазич-Коњик 2020: 13–33), а для дальнейшего развития этнолингвистики в Сербии следовало бы, кроме всего прочего, учитывать важное значение лингвистического подхода в этнолингвистических исследованиях, что, наряду с другими, подчеркивали в своих работах важнейшие представители двух этнолингвистических школ Никита И. Толстой и Ежи Бартминьский.

Основные направления современной славянской этнолингвистики

1.1. Так, еще Н. Толстой подчеркивал, что:

«этнолингвистика – один из ярких примеров «экспансии» и проникновения лингвистической методологии в соседние дисциплины, в данном случае в этнографию, – экспансии, о которой в последнее время много говорят и пишут и которая уже приносит свои благодатные плоды [выделено авторами]¹. В то же время этнолингвистика не конкурирует с лингвистикой и этнографией, с фольклористикой и культурологией и тем более с социологией, не вытесняет их, а является самостоятельной отраслью знания, комплексной пограничной наукой, стоящей на грани перечисленных наук, опирающейся во многом на их источники и достижения и пользующейся, как и многие другие современные научные дисциплины, комплексными методами» (Толстой 1995: 46).

1.2. Широкая теоретическая и концепционная основа этнолингвистики как «новой поддисциплины», по Е. Бартминьскому, содержится в программной декларации, которая опубликована во «Вводном слове» журнала

---

¹ О том, что сегодня лингвистика в Сербии и в славянских научных сообществах перенимает от этнографии/этнологии/антропологии и в какой форме, а что может дать другим гуманитарным дисциплинам, см. Сикимић 2005: 236.

«Этнолингвистика», учрежденного в Люблине в 1988 году, и которая основана на интернациональной традиции – результатах, достигнутых к тому времени в работах ряда выдающихся ученых: Вильгельма фон Гумбольдта; российских ученых Вячеслава Иванова и Владимира Топорова, Светланы и Никиты Толстых; в американских трудах Франца Боаса, Эдуарда Сепира и Бенджамина Уорфа; а также в исследованиях польских авторов: Яна Карловича, Казимежа Мошиньского, Бернарда Сихта, Ванды Буджишевской, Ханны Таборской, Бронислава Малиновского и Анны Вежбицкой. В упомянутом тексте-декларации также подчеркивается обязательный лингвистический подход в этнолингвистических исследованиях и сама этнолингвистика определяется как направление современной лингвистики, предметом исследования которой является язык в его сложных взаимоотношениях с культурой. Так, по Е. Бартминьскому, абсолютно актуальным остается один из постулатов Н. Толстого о взаимоотношениях языка и культуры, на базе которого была разработана наиболее радикальная теория «изоморфизма языка и культуры» и взаимосвязанности лингвистических исследований и исследований в сфере культуры. Применяя данный подход, Е. Бартминьский в своей работе (Bartmiński 2016²) формулирует актуальные задачи этнолингвистики как научной (под) дисциплины, ориентированные на поиск «культуры в языке», и определяет ценности в семантическом слое языковых форм. Выполнение таких задач способствовало бы не только сближению славянской этнолингвистики с западной культурологической лингвистикой (особенно в когнитивном варианте), но и повышению возможностей равноправного диалога между славянской этнолингвистикой и западной антропологической лингвистикой, что одновременно является и рамочным предложением программы, разработанной для международного этнолингвистического семинара EUROJOS³. Благодаря подобной направленности исследований, как отмечается в указанной работе, славянская этнолингвистика в последние два десятилетия XX века переживает свое «второе рождение» (как предвидел Н. Толстой) и формирует новые связи с социолингвистикой и эколлингвистикой, а особенно с когнитивной лингвистикой, без какого бы то ни было отождествления с ними.

1.3 Развитие сербской этнолингвистики происходило в контексте развития славянской этнолингвистики, ее важнейших школ, Московской и Люблинской, а также благодаря результатам других направлений славянской

² В конце 2019 года была опубликована и расширена актуализированная версия данной работы, с тем же названием, на русском языке, см. Бартминьский 2019.

³ Теоретические основы семинара EUROJOS представил Е. Бартминьский в своих многочисленных работах, см., напр.: Bartmiński 1989a, 1993a,b, а также об этом писали участники семинара и одновременно редакторы «Аксиологического лексикона славян и их соседей», который разрабатывается в рамках семинара, см., напр.: Niebrzegowska-Bartmińska 2014, 2015; Bartmiński, Chlebda 2013.

этнолингвистики. На начальном этапе сербская этнолингвистика носила фольклорно-диалектологический и реконструкционный характер, когда этимологические и диалектологические исследования связывались с фольклористическими и этнографическими данными по принципам Московской этнолингвистической школы Никиты Ильича Толстого и Светланы Михайловны Толстой в целях реконструкции праславянского/общеславянского состояния. На дальнейшее развитие сербской этнолингвистики повлияли перемены, произошедшие в польской этнолингвистической школе, когда в первое десятилетие XXI века она отделилась от московской диалектологической школы и сблизилась с западной этнолингвистикой, преимущественно этнолингвистикой англоязычной территории. В самом сближении славянской и западной этнолингвистики в данной области большую роль сыграли отдельные лингвисты или коллективы, которых интересовали иные, различные подходы, актуальные для мировой лингвистики (см. Zinken 2004; Plas 2006; Сикимийћ 2007; Bartmiński 2009; публикация с подборкой работ Е. Бартминьского, которую подготовил Йорг Цинкен (Jörg Zinken), вышла в Лондоне). Так данное взаимное сближение распространилось и на другие славянские этнолингвистические центры, в том числе на сербскую этнолингвистику, которая, наряду с фольклорно-диалектологическим и реконструкционным направлениями, обращается к новым направлениям, антропологическому и когнитивному.

Когнитивное направление в сербской этнолингвистике

2.1. В обзоре развития сербской этнолингвистики мы отметили, что зачатки этнолингвистики когнитивной ориентации обнаруживаются в отдельных исследованиях сербских лингвистов еще с девяностых годов XX века, а все более выразительной эта направленность становится в первые десятилетия данного века, и профиль исследований определяется именно таким образом. Так, параллельно с развитием традиционной диалектологической и реконструкционной этнолингвистики, появляются работы, авторы или группы авторов, которые в этнолингвистических исследованиях применяют когнитивистские подходы и которые осуществляют исследования под влиянием различных современных славянских и англосаксонских школ, внося свой вклад в развитие современной сербской этнолингвистики в рамках различных направлений: антропологического, лингвокультурологического, семантического, аксиологического либо какого-либо другого, аутентичного, еще не дифференцированного профиля (Биляна Сикимич, Стана Ристич, Милана Радич-Дугонич, Людмила Попович, Деян Айдачич, Предраг Пипер, Райна Драгичевич, Мария Стефанович, Ивана Лазич-Коник, Марьяна Богданович).

2.2. Сербские лингвисты, объединенные участием в международном проекте EUROJOS, в числе которых и авторы данной работы, приняли теоретико-методологические основы люблинской этнолингвистической школы и ее когнитивного направления, и как члены большой международной команды, привлеченной к данному проекту, участвуют в его лексикографической программе по созданию «Аксиологического лексикона» (Ristić, Lazić-Konjik 2015; Stefanović 2016; Ајдачић 2017б; Ђукић 2018; Драгичевич 2019)⁴, а также в теоретико-методологической программе проекта по разработке единого образного оперативно-исследовательского и терминологического аппарата с целью улучшения коллективной работы при обработке и сопоставлении языковых данных на внутрикультурном и межкультурном планах (Ајдачић 2013, 2015, 2016; Стефановић 2015, 2016; Ристић, Лазич-Коњик 2016; Ristić, Lazić-Konjik 2018). Авторы данной статьи стремятся развивать коллективную работу в области этнолингвистики и поощрять сотрудничество сербских этнолингвистов как внутри страны, так и на международном уровне, способствуя тем самым, благодаря использованию сопоставимого этнолингвистического содержания различных направлений, развитию единой, когнитивно ориентированной сербской этнолингвистической школы.

Важным шагом в данном направлении стало учреждение и реализация проекта «Ключевые понятия сербской и польской аксиосферы в общеславянской перспективе» (2017–2020), в котором участвуют сербские исследователи из Института сербского языка Сербской академии наук и искусств, а также польские исследователи из Института славистики Польской академии наук. Данный проект послужил дополнительным импульсом для развития исследований национальной языковой картины мира и ценностей, а также для разработки исходных постулатов одновременно реализуемой исследовательской программы EUROJOS, направленной на сопоставительное изучение универсальных славянских ценностей на материале различных языков (см. Лазич-Коњик, Пазио-Влазловска 2018; Pazio-Wlazłowska, Lazić-Konjik, Ristić 2020). В этом плане важное значение имела и инициатива Деяна Айдачича собрать команду сербских (этно)лингвистов публикуя сборники работ (Ајдачић (ред.) 2015, 2019). Можно ожидать, что данная инициатива перерастет в один из проектов сербской когнитивной этнолингвистики, как это предполагалось на

---

⁴ После публикации пяти выпусков «Аксиологического лексикона славян и их соседей»: «Дом» – 2015, «Рад» ('Труд') – 2016, «Част» ('Честь') – 2017, «Европа» – 2018 и «Слобода» ('Свобода') – 2019, под главной редакцией Е. Бартминьского, планируется дальнейшая работа по семантическому описанию ключевых аксиологических концептов: здравље ('Здоровье'), породица ('Семья'), домовина ('Родина'), толеранција ('Толерантность'), праведност ('Справедливость, праведность'); в будущем также: народ, патриотизам, демократија, солидарност, душа и др.), в международной перспективе (славянского, а также неславянского сообщества, как европейского, так и за пределами Европы).

презентации второго сборника. Об этой инициативе и работах сербских (этно) лингвистов, опубликованных в первом сборнике, Е. Бартминьский в рецензии пишет следующее:

Вызовом для [сербских] исследователей названий ценностей является поиск тех методов анализа, которые соответствуют специфической природе названий ценностей и способу функционирования данных наименований в дискурсе, в коммуникации. В приложениях к данному тому авторы попытались исследовать ценности по-новому, опираясь, с одной стороны, на хорошую структуралистскую традицию, а с другой стороны, обращаясь к позициям антрополого-культурологической и когнитивной лингвистики (Бартминьски 2015: 8).

2.3. Для дальнейшего развития данного исследовательского направления важное значение имеет новейшая лингвокультурологическая и концептуальная лексикографическая программа, обращенная к литературному языку и современной культуре, в рамках которой планируется создание аксиологического словаря сербского языка (подробнее об этом см. в работе С. Ристић и И. Лазич-Коњик «Сербская концептография в контексте славянской концептологии»).⁵

2.4. Одна из возможных задач и направление дальнейшей работы, по мнению Биляны Сикимич (2005), связаны с необходимостью меж/интердисциплинарного подхода и возвращения к лингвистике, прежде всего этнолингвистической лексикографии и ее методологическим проблемам (Сикимич 2005: 240).

2.5. С большей уверенностью о дальнейшем объединенном развитии сербской этнолингвистики можно говорить на основании факта, что этнолингвистика введена в качестве учебного предмета в вузах Сербии. Интегрированный подход к данному предмету в рамках учебной программы филолого-художественного факультета Крагуевацкого университета отражен в определении соотношения этнолингвистики и близких дисциплин: антропологии, этнографии, социолнгвистики; в разных видах взаимоотношений языка и материальной и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и этногенеза и этнической принадлежности, языка и народного творчества; в изучении идиомов устного и письменного языка, многоязычности и двуязычия, а также в изучаемых тенденциях языкового развития, причем как на материале письменных источников, так и на материале, собранном в экспедициях. Учебная программа охватывает большой список актуальной этнолингвистической литературы, так что и содержание предмета, и литература указывают на то, что можно ожидать влияния выстроенной таким образом программы и на внеучебную деятельность – исследовательскую сферу. На

---

⁵ Статья подготовлена для публикации в запланированном сборнике сербских участников Конгресса в Париже в 2023 г., который отложен по известным причинам.

философском факультете Приштинского университета, с временным нахождением в г. Косовска-Митровица, в аспирантуре также введен предмет по выбору «Этнолингвистика».

2.6. Защита кандидатских и докторских диссертаций по когнитивной этнолингвистике в последние десять лет также указывает на одно из возможных новых направлений в развитии сербской этнолингвистики, основанное на аутентичной концепции исследования языковой картины мира с опорой на оригинальную теорию стереотипов и прототипов. Так, на филологическом факультете Белградского университета под научным руководством профессора Людмилы Попович было защищено несколько диссертаций, базирующихся на упомянутой аутентичной концепции амбивалентного стереотипа, определяемого как набор концептов, различным образом распределенных на аксиологической шкале языковой картины мира, в соответствии с общественно-историческими переменами. Речь идет о диссертации д-р Светланы Чиркович «Стереотип времени в дискурсе внутренне перемещенных лиц с Косово и Метохии» (филологический факультет, Белград, 2011; опубликована с тем же названием: балканологический институт САНИ, Белград, 2012); д-р Карины Авагян, «Стереотип иностранца в языковой картине действительности русских и сербов» (филологический факультет, Белград, 2017) и д-р Стефаны Паунович-Родич, «Стереотип женщины в языковой картине мира словаков и сербов» (филологический факультет, Белград, 2019)⁶. Исследования в указанных диссертациях, с одной стороны, содержат новые сведения в описании стереотипов в сербской языковой картине мира, а с другой стороны, вносят вклад в развитие сербской когнитивной этнолингвистики в интердисциплинарном направлении, с чертами лингвокультурологии, социоллингвистики и прагматической антропологической лингвистики.

2.7. Мы рассмотрели, приведя критический обзор достигнутых результатов (Ристић, Лазич-Коњик 2020), главные факторы, которые могли бы значительно повлиять на развитие и профилирование этнолингвистики в Сербии в последующий период, на основании единой методологии совместной программы. Программа могла бы быть реализована в рамках нескольких сопоставимых проектов путем непрерывного сотрудничества исследователей в данной области, причем в нескольких начатых направлениях: лексикографическая работа (разработка разных типов этнолингвистических словарей, лексиконов, списков понятий), картографирование исследованных языково-культурных

---

⁶ Другие две диссертации доступны на сайте филологического факультета Белградского университета: <http://nardus.mfn.gov.rs/bitstream/handle/123456789/9030/Disertacija.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

<https://uvidok.rcub.bg.ac.rs/bitstream/handle/123456789/3473/Doktorat.pdf?sequence=2&isAllowed=y>.

данных (ареальная этнолингвистика), выпуск тематических монографий, дальнейшая работа над начатыми совместными сербскими и международными проектами, а также в рамках других видов международного сотрудничества (организация конференций, семинаров, учебных визитов и т.п.).

2.8. Этнодиалектологические и ареальные исследования, проводимые на материале различных сербских народных говоров, непрерывно развиваются, что видно в работе сотрудников Отделения диалектологии Института сербского языка САНИ, а также в проектах Матицы Сербской в Нови-Саде, университетских центров Нише, Бая-Луке и Никшиче. Новейшие исследования в этой области показывают, что при анализе диалектной лексики актуализируются новые этнолингвистические и лингвокультурологические подходы, имеющие антрополого-когнитивную ориентацию, что можно видеть и в работе конференций, организованных в Сербии и в других славянских странах. Недавно в Белграде прошла международная конференция «Лексикография и лексикология в свете актуальных проблем» (2020), в которой участвовали и диалектологи из Сербии и других стран, выступившие с докладами по различным вопросам из данной области, о чем академическое сообщество будет проинформировано после публикации сборника материалов этой конференции.

2.9. Когда речь идет о монографиях, следует отметить важный тематический сборник «Лексикография и лексикология в свете современных подходов», изданный Институтом сербского языка САНИ в 2016 году, где свои работы опубликовали великие имена славистики: Юрий Апресян, Светлана Толстая, Ежи и Станислава Барминьские, а также сербские этнолингвисты: Деян Айдачич, Мария Стефанович, Стана Ристич, Ивана Лазич-Коник и другие (см. Ристић; Лазић-Коњик, Ивановић (ред.) 2016). Недавно в Институте сербского языка САНИ вышла монография «Когнитивное направление в сербской этнолингвистике – истоки развития и актуальные проблемы» (2020), авторы которой, С. Ристич и И. Лазич-Коник, опубликовали результаты своих этнолингвистических исследований, проводившихся на протяжении десяти лет; в данной монографии указаны и наиболее значимые работы других сербских этнолингвистов в данной области.

Концептологическая лексикографическая программа сербской этнолингвистики

3.1. На развитие когнитивной этнолингвистики в Сербии, по крайней мере, когда речь идет о новейшей запланированной лингвокультурологической программе (см. Драгићевић 2014) и о концептуальной лексикографической программе (см. Ристић, Лазић-Коњик 2021а,б; Драгићевић 2021а, б), наряду с польской, люблинской, когнитивной этнолингвистикой, повлияла русская

концептология и идеография, развитие которой наблюдается с 70-ых и 80-ых годов XX века. Современная русская идеографическая лексикография и концептография, развивавшаяся в рамках разных семантических школ и лингвистических центров⁷, к сегодняшнему дню имеет за собой богатую полувековую традицию теоретико-методологических подходов и значительное число опубликованных идеографических и концептографических словарей. Новый подход в подготовке словарей данного типа в русистике разработан в словаре Ю.С. Степанова (1997), где определена структура словарной статьи при описании концептов, а позже его идеи далее развивались в русских семантических школах, установивших лингвистически релевантные способы реконструкции концептов и методологию их лексикографической интерпретации в рамках нескольких выделенных этапов или методов⁸: Попова, Стернин 2001: 96–152; Попова, Стернин 2005; Карасик, Слышкин 2005: 13–15; Карасик, Стернина 2005–2011; Бабенко 2012: 301–304; Бабенко 2016; Шведова (ред.) 2004, 2011.

3.2. При анализе литературы мы отметили наличие высокой степени подобия в методологическом и терминологическом подходах русской концептологии и культурологии, с одной стороны, и люблинской – польской, с другой стороны, что наблюдается как в отборе оперативного аппарата, так и в определении основных оперативных понятий, таких, как языковая, лингвокультурологическая картина мира, концепт, стереотип, а также в лексикографических процедурах в случае концептографии. Преимущества методологии люблинской школы мы видим в том, что при реконструкции концептов она объединяет два совместимых подхода: тематический и операционный (ср. Болдырев 2016: 16–17), так что концепты представляются, с одной стороны, как гносеологические конструкторы, как результат осмысления знаний о мире, полной или частичной реконструкции его познавательного содержания, что дает им свойство тематических концептов, а с другой стороны, они представляются и как онтологически ориентированные единицы объединенного

---

⁷ Это воронежская, кемеровская, краснодарская и волгоградская школы, которые, по наблюдениям З. Поповой и И. Стернина, наряду с различиями, имеют общую характеристику: все они понимают концепт как основную единицу знания (Попова, Стернин 2005: 10).

⁸ Похожие методы использует и люблинская этнолингвистическая школа, а именно: выбор ключевого слова, анализ семантики ключевого слова на материале словарей, анализ этимологии ключевого слова, анализ лексической сочетаемости ключевого слова, анализ парадигматических отношений ключевого слова, реконструкция лексико-фразеологического поля ключевого слова, реконструкция деривационного поля ключевого слова, реконструкция лексико-грамматического поля ключевого слова, анализ анкетного материала, анализ паремий и афоризмов, которые объективизируют концепт, анализ избранных текстов и выделение смыслов, которые субъективизируют концепт (Попова, Стернин 2001: 96–152).

знания, с контекстуально и ситуативно обусловленным смыслом, что дает им свойство операционных концептов (ср. Болдырев 2016: 18–21).

4.1. Что касается лексикографической программы сербской когнитивной этнолингвистики, авторы данной работы выдвинули инициативу по созданию словаря ценностей сербского языка и на основании начатых исследований подготовили две работы. В статье «Аксиологический словарь сербского языка – предложение разработки» (Ристић, Лазич-Кониц 2021a) было предложено создать словарь ценностей сербского языка, используя результаты, достигнутые в польской когнитивной этнолингвистике люблинского направления, русской идеографии и концептологии, а также в сербской традиционной реконструкционной этнолингвистике и новейшей этнолингвистике когнитивного направления⁹. Запланированы дальнейшие шаги и этапы в подготовке и разработке словаря, включая отбор корпуса, определение списка заглавий словарных статей – аксиологических концептов, их типологии, установление организации и порядка следования статей в словаре, способа их связывания между собой и методов их лексикографической обработки. На данный момент работа только началась, и потому наши исследования направлены на составление списка ценностных концептов как потенциальных заглавий в аксиологическом словаре сербского языка. В этом плане было учтено несколько процедур, общепринятых в Люблинской этнолингвистической школе (Bartmiński, Grzeszczak 2014; Niebrzegowska-Bartmińska 2020: 362–364) и в русской концептографии (список, составленный на материале словаря синонимов: ср. Попова, Стернин 2001: 98; список, составленный на ассоциативном материале: ср. Карасик, Слышкин 2005).

4.2. Применяя различные методы исследования в упомянутой работе, с целью отбора сербских ценностных концептов мы первоначально сформировали три списка, различающихся по числу концептов и по их статусу в сербской языковой картине мира: 1) список с наибольшим числом ценностей (около 250), отобранных не по критериям, а произвольно, на основании нашей языковой компетенции и образования: так наз. «произвольный» список; 2) менее обширный список из словарей синонимов, сформированный при помощи заимствованного в русской лингвокультурологии¹⁰ метода разделенности денотативного поля на разные номинаты: так наз. «список синонимов»; 3) значительно меньший список, включивший 32 ценности, полученный применением метода глубинного семантического анализа 16 названий сербских концептов ценностей, заимствованного в люблинской когнитивной

⁹ Работа была представлена на конференции «Лексикография и лексикология в свете актуальных проблем», состоявшейся в Белграде 28–30 октября 2020 года, и принята к печати в журнале «Јужнословенски филолог».

¹⁰ Ср. также: Карасик, Слышкин 2005.

этнолингвистике (Bartminski, Grzeszczak 2014: 21–44): так наз. «глубинный список». Третий список, с ограниченным числом ценностей, имеет самый высокий статус в концептуальном поле сербских ценностей, т.к. включает ценности, составляющие ядро национальной сербской концептосферы.

Сопоставление ценностей из трех указанных списков (всего 353 ценности) позволило выделить только 10 концептов ценностей, повторяющихся дважды, тогда как все остальные понятия (342) имеют только по одному подтверждению. По нашему мнению, эти 10 понятий принадлежат центральной части ядра концептосферы сербского языка и относятся к универсальным ценностям: ДОБРОТА, ЛЕПОТА ('красота'), ДРЖАВА ('государство'), НЕЗАВИСИМОСТЬ ('независимость'), ДОМОВИНА/ОТАЦИНА ('родина/отечество'), СЛОБОДА ('свобода'), ДОМ/КУЉА ('дом'), ЛУБАВ ('любовь'), ЧАСТ ('честь'), ВЕРА (далее: «синтетический список»).

4.3. В дальнейшем исследовании, в работе «Список ценностей для аксиологического лексикона сербского языка» (представленной на конференции в Варшаве в мае 2021 года), мы стремились проверить релевантность трех наших списков ценностей из предыдущей работы, используя два дополнительных списка, составленных на основании анкетирования носителей сербского языка по методике люблинской этнолингвистической школы, и таким образом предварительно определить перечень не только общих современных ценностей, но и устойчивых национальных ценностей – сербских национальных констант. Мы провели анкетирование двух групп носителей сербского языка, получивших одинаковое задание: указать 10 ценностей, которые они считают наиболее важными для сербской культуры. В первую группу анкетированных мы включили экспертов в данной области (на наше приглашение отозвалось 11 специалистов), с целью расширить список или проверить релевантность полученного в предыдущем исследовании «синтетического списка», который содержит 10 ценностей, составляющих ядро сербских национальных ценностей. Во вторую группу анкетированных вошли «непрофессионалы», выражающие общественное мнение (было опрошено 100 человек, совершеннолетних, различного возраста, пола и образования), для того, чтобы получить как можно более обширный и разнообразный список ценностей, который бы в своей центральной части был сопоставим с ценностями экспертов, а в периферийной части – с большим числом ценностей из двух наших списков, сформированных в предыдущем исследовании, – произвольном списке и списке синонимов.

4.3.1. Анализ ответов первой группы, состоявшей из специалистов, позволил выделить 16 ценностей с повторяемостью в пределах от 6 до 2. Это следующие ценности, в порядке убывания частотности: ПОРОДИЦА ('семья') – 6; СЛОБОДА ('свобода'), РАД ('труд'), ЧАСТ ('честь') – 4; ЗДРАВЉЕ ('здоровье'), ЛУБАВ ('любовь') – 3; ДОМ, ДУХОВНОСТ, ИНАТ ('желание/стремление сделать наперекор, назло и под.'), КУМ ('кум, крестный и/или свидетель на свадьбе'), МАЈКА ('мать, мама'), ПОШТЕЊЕ ('честность, порядочность'), ПРАВОСЛАВЉЕ ('православие'),

ПРИЈАТЕЉСТВО ('дружба'), *СЛАВА* ('Слава – праздник святого семьи'), *ЦРКВА/ВЕРА* ('церковь/вера') – 2. О них также можно сказать, что данные ценности составляют ядро аксиологической концептосферы сербского языка.

Анализ 992 ответов из второй группы, которая состояла из «непрофессионалов», позволил выделить 290 различных ценностей, 22 из которых имели наибольшее число повторений (в порядке убывания, с повторяемостью в пределах от 66 до 10): *ПОРОДИЦА* ('семья') – 66, *ЉУБАВ* ('любовь') – 64, *СЛОБОДА* ('свобода') – 32, *ЗДРАВЉЕ* ('здоровье') – 32, *ОБРАЗОВАЊЕ* ('образование') – 31, *ДОМ* – 25, *ПОШТЕЊЕ* ('честность, порядочность') – 24, *ПОШТОВАЊЕ* ('уважение') – 23, *ПРИЈАТЕЉСТВО* ('дружба') – 19, *ТРАДИЦИЈА* ('традиция') – 18, *САОСЕЋАЊЕ* ('сочувствие, сопереживание') – 16, *ВАСПИТАЊЕ* ('воспитание') – 15, *ТОЛЕРАНЦИЈА* ('толерантность'), *КУЛТУРА* – 14, *СОЛИДАРНОСТ*, *ИСКРЕНОСТ* – 13, *МИР*, *МОРАЛ* ('мораль') – 12, *ХУМАНОСТ* ('гуманность') – 11, *ПРАВДА* ('справедливость') – 10, *СРЕЋА* ('счастье'), *ВЕРА* – 10.

4.3.2. На основании анализа и сопоставления всего материала из установленных списков, полученных в данном и предыдущем исследованиях, мы с высокой степенью вероятности отобрали и предложили предварительный список ценностей для создания аксиологического словаря сербского языка, состоящий из 357 концептов с неодинаковым статусом и рангом в сербской языковой картине мира, при этом 48 ценностей из данного списка принадлежат ядру концептосферы сербского языка, а 309 указанных ценностей, не повторяющихся в проанализированных списках, относятся к ее периферии. Ценности ядра концептосферы сербского языка включают **25** ценностей, повторяющихся во всех списках: *СЛОБОДА* ('свобода'), *ЧАСТ* ('честь'), *ЉУБАВ* ('любовь'), *ДОМ/КУЋА* ('дом'), *ДОМОВИНА/ОТАЦБИНА* ('родина/отечество'), *ДРЖАВА* ('государство'), *НЕЗАВИСНОСТ* ('независимость'), *ИСТРАЈНОСТ* ('упорство, выдержка, длительность существования чего-л.'), *МАЈКА* ('мать, мама'), *НАРОД*, *ПОНОС* ('гордость'), *РАДОСТ*, *СИРОМАШТВО* ('бедность'), *СРЕЋА* ('счастье'), *УГЛЕД* ('репутация, авторитет'), *УСПЕХ*, *БЛИСКОСТ* ('близость'), *БРИГА* ('забота'), *БОГАТСТВО*, *ЗЕМЉА* ('страна; земля'), *КУЛТУРА*, *ЗАЈЕДНИЦА/ЗАЈЕДНИШТВО* ('сообщество/общность'), *ДОБРОТА*, *ЛЕПОТА* ('красота'), *ВЕРА*; **11** новых ценностей из списка экспертов: *ПОРОДИЦА* ('семья'), *РАД/РАДИНОСТ/ВРЕДНОЋА/ТРУДОЉУБИВОСТ* ('труд, работа / трудолюбие'), *ЗДРАВЉЕ* ('здоровье'), *ДУХОВНОСТ*, *ИНАТ* ('желание/стремление сделать наперекор, назло и под.'), *КУМ* ('кум, крестный и/или свидетель на свадьбе'), *ПОШТЕЊЕ* ('честность, порядочность'), *ПРАВОСЛАВЉЕ* ('православие'), *ПРИЈАТЕЉ/ПРИЈАТЕЉСТВО* ('друг/дружба'), *(КРСНА) СЛАВА* ('(КРЕСТНАЯ) Слава – праздник святого семьи'), *ЦРКВА* ('церковь'); **12** новых ценностей из списка «непрофессионалов»: *ОБРАЗОВАЊЕ* ('образование'), *ПОШТОВАЊЕ* ('уважение'), *ТРАДИЦИЈА* ('традиция'), *САОСЕЋАЊЕ* ('сочувствие, сопереживание'), *ВАСПИТАЊЕ* ('воспитание'), *ТОЛЕРАНЦИЈА* ('толерантность'), *СОЛИДАРНОСТ*, *ИСКРЕНОСТ*, *МИР*, *МОРАЛ* ('мораль'), *ХУМАНОСТ* ('гуманность') и *ПРАВДА* ('справедливость').

4.3.3. В дальнейшем исследовании, наряду с проверкой релевантности и дополнением сформированного списка аксиологических концептов, в том числе на материале ассоциативных словарей сербского языка, мы также предусмотрели для разработки Сербского аксиологического словаря проверку преимуществ ряда методов, характерных для двух идеографических направлений в русской лексикографии: доминирующего когнитивного направления, которое активно развивается в указанных семантических школах, и лингвистического, примененного при создании идеографического словаря русского языка под редакцией Н. Ю. Шведовой (2011). Исследовательской задачей будет выявление на материале отобранных примеров реконструированных концептов тех преимуществ и ограничений, которые имеют применявшиеся до настоящего момента лингвистические методы (в словаре Шведовой) и когнитивные методы (в русской идеографической лексикографии: Степанов 1997 или Бабенко 2010, 2017); а также методы люблинской когнитивной лексикографии (некоторые из наших концептов, реконструированных для нужд «Аксиологического лексикона славян и их соседей: *ДОМ* или *СЕМЬЯ*). Для нас важно путем данного сопоставления проверить и то, насколько лингвистическая методология сохранила свое значение в новейших когнитивистских этнолингвистических исследованиях, приписывавшееся ей в течение этнолингвистического развития славистики, что отмечалось в начале данной работы. Для точной подборки теоретико-методологических и концептуальных принципов, необходимых для создания сербского аксиологического словаря, мы будем заниматься, кроме всего прочего, и типологией аксиологических концептов, определенных в предыдущих исследованиях, а также отношениями биполярности, характерными для некоторых типов концептов, которые в общей концептосфере состоят в оппозиции как ценности и антиценности: напр., *добро – зло*, *лепо – ружно* ('красивое – некрасивое'), *живот – смрт* ('жизнь – смерть'), *младост – старост* и др.

Список источников и литература

- Ајдачић Дејан, 2013, *Колекција вредности слобода, једнакост, братство и из ње изведене конструкције у словенским језицима*. „Славистика“, 17: 51–62.
- Ајдачић Дејан, 2015, *Колекције вредности, њихови типови и профили у српском језику: паролe „Слобода, једнакост, братство“ и „Братство и јединство“*, [у:] Дејан Ајдачић (ур.), *О вредностима у српском језику*. Београд: Алма, с. 188–209.
- Ајдачић Дејан (ур.), 2015, *О вредностима у српском језику*. Зборник етнолингвистичких радова. Београд: Алма.
- Ајдачић Дејан, 2016, *Ауторски текстови и реконструкција језичке слике света*, [у:] Стана Ристић, Ивана Лазич Коњик, Ненад Ивановић (ур.), *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа*. Београд: Институт за српски језик САНУ, с. 395–408.

- Ајдачић, Дејан 2017а, *Етнолингвистика у Србији*, [у:] Дејан Ајдачић *Слово Слација – Етнолингвистика и поредбена фразеологија*. Београд: Алма, с. 81–89.
- Ајдачић Дејан 2017б, *ЧАСТ у српском језику*, [у:] Jerzy Bartminski (red.), *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 5: Honor. Lublin: Wydaw. UMCS, с. 367–392.
- Ајдачић Дејан (ур.), 2019, *О вредностима у српском језику 2*. Зборник етнолингвистичких радова. Београд: Алма.
- Бабенко Людмила Григорьевна (ред.), 2010, *Концептосфера русског језика: ключеве концепте и их репрезентације (на материјале лексике, фразеологије и паремологије)*. Проспект словаря. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Бабенко Людмила Григорьевна, 2012, *Современный русский язык: Языковая картина мира и идеографическая лексикография*. „Известия Уральского федерального университета“, Серия 2: Гуманитарные науки 4 (108): 301–307.
- Бабенко Людмила Григорьевна, 2016, *Интерпретација лексико-семантичких множеств у контексту Уралског идеографског лексикографског*, [в:] Т. М. Воронина, М. В. Дудорова, Б. Ю. Норман, А. М. Плотнокова, Х. Томмола (ред.), *Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке*. Материјали доклада и саопштења Међународног научног конференциј, посвећеног јубилеју Заслуженог деятелја науке РФ, доктора филолошких наука, професора Л. Г. Бабенко. Москва, Екатеринбург: Кабинетни ученик, с. 3–16.
- Бабенко Людмила Григорьевна (ред.), 2017, *Концептосфера русског језика: ключеве концепте и их репрезентације у језику и речи (на материјале лексике, фразеологије и паремологије): словарь-справочник*. Москва: Издательский центр "Азбуковник".
- Бартмињски Јежи, 2015, *Уводна реч*. У: Дејан Ајдачић (ур.), *О вредностима у српском језику*. Београд: Алма, с. 7–8.
- Бартмињски Јежи, 2019, *Об актуалних задацима етнолингвистике*, [в:] Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Dorota Pazio-Wlazłowska (red.), *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. 6, *Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjofery*. Lublin, с. 11–40.
- Болдырев Николай Н., 2016, *Типологија концептов и језичка интерпретација*, [в:] Т. М. Воронина, М. В. Дудорова, Б. Ю. Норман, А. М. Плотнокова, Х. Томмола (ред.), *Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке*. Материјали доклада и саопштења Међународног научног конференциј, посвећеног јубилеју Заслуженог деятелја науке РФ, доктора филолошких наука, професора Л. Г. Бабенко. Москва, Екатеринбург: Кабинетни ученик, с. 16–25.
- Драгићевић Рајна, 2014, *Ка лингвокултуролошког речнику српског језика*, [у:] „Научни састанак слависта у Вукове дане“, 44/1, с. 247–262.
- Драгичевич Рајна, 2019, *Понјатје СВОБОДЫ у српском језику и у српској култури*, [у:] Bartminski Jerzy (red.), *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 4: Wolność. Lublin: Wydaw. UMCS, с. 473–500.
- Драгићевић Рајна, 2021а, *Ка једном посебном типу речника метафора у српском језику*, [у:] Стана Ристич, Ненад Иванавић, Ивана Лазич-Коњик, *Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема*. Београд: Институт за српски језик САНУ, с. 761–783.
- Драгићевић Рајна, 2021б, *Појам концептуалног речника метафора: од мозаичног представљања стварности до речника*, Доклад представљен на заседању Комисије по лексикологији и лексикографији МКС у Варшави, 20 маја 2021 г.

- Ђукић Маријана, 2018, *О концепту ЕВРОПА у савременом српском језику и култури*, [у:] Bartminski Jerzy (red.), *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sasiadów*, т. 2: EUROPA. Lublin: Wydaw. UMCS, с. 365–396.
- Илић Марија, Александра Ђурић-Миловановић, 2013, *Које треба антрополошка лингвистика у Србији данас? Пример креирања Дигиталног звучног архива Балканолошког института САНУ. Етнолошко-антрополошке свеске*, 21 (н.с.) 10: 73–89.
- Карасић Владимир Иљич, Слышкин Геннадий Геннадьевич, 2005, Базовые характеристики лингвокултурных концептов, [у:] Владимир И. Карасић, Иосиф А. Стернин (ред.), *Антологија концептов*, т. 1. Волгоград: Парадигма, с. 13–15.
- Карасић Владимир Иљич, Стернин Иосиф Абрамовић (ред.), 2005–2011, *Антологија концептов*, 1–9. Волгоград: Парадигма.
- Лазић-Коњик Ивана, Пазно-Влазловска Дорота, 2018, *Кључеве концепте славјанској аксиосфери. Опыт лексикографического описания*, [у:] Снежана Гудурић, Биљана Радић-Бојанић (ур.), *Језици и културе у времену и простору*, VII/2: 503–511.
- Попова Зинаида Даниловна, Стернин Иосиф Абрамовић 2001. *Очерки по когнитивној лингвистике*. Воронеж.
- Попова Зинаида Даниловна, Стернин Иосиф Абрамовић, 2005, *Основне черте семантико-когнитивног приступа к језику*, [у:] Владимир И. Карасић, Иосиф А. Стернин (ред.), *Антологија концептов*, т. 1. Волгоград: Парадигма, с. 7–10.
- Ристић Стана, Ивана Лазић-Коњик, 2016, *Репрезентативност Речника САНУ за етнолингвистичка истраживања: од лексикографске ка когнитивној дефиницији*, [у:] Стана Ристић, Ивана Лазић Коњик, Ненад Ивановић (ур.), *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа*. Београд: Институт за српски језик САНУ, с. 377–394.
- Ристић Стана, Ивана Лазић-Коњик, 2018, *Развојне тенденције етнолингвистике у савременој српској лингвистици*, [у:] Рајна Драгићевић, Велко Брборић (ур.), *Српска славистика*, Том 1, *Језик*. Београд: Савез славистичких друштава Србије, с. 345–356.
- Ристић Стана, Ивана Лазић-Коњик, 2020, *Когнитивни правац у српској етнолингвистици – почеци развоја и актуелни проблеми*. Београд: Институт за српски језик САНУ.
- Ристић Стана, Ивана Лазић-Коњик, 2021а, *Аксиолошки речник српског језика – предлог израде*, „Јужнословенски филолог“, LXXVII/2: 105–126.
- Ристић Стана, Лазић-Коњик Ивана, 2021б, *Листа вредности за аксиолошки лексикон српског језика*. Доклад представљен на заседању Комисији по лексикологији и лексикографији МКС у Варшави, 20 маја 2021 г.
- Ристић Стана, Ивана Лазић-Коњик, *Српска концептографија у контексту словенске концептологије*. Статја подготвена к печату у запланованом сбору српских учесника конгреса у Паризу у 2023 г., који је одложен по извесним причинама.
- Ристић Стана, Ивана Лазић-Коњик, Ненад Ивановић (ур.), 2016, *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа*. Београд: Институт за српски језик САНУ.
- Сикимић Биљана, 2005, *Изазов теренског рада – етнолингвистика или антрополошка лингвистика?*, „Зборник радова Етнографског института САНУ“, 21, с. 235–244.
- Сикимић Биљана, 2006, *Интердисциплинарни приступ у истраживању традиционалне духовне културе данас*, [у:] Жана Гвозденовић (ур.), *Неговање и заштита нематеријалне баштине у Србији*, Стручни скуп о нематеријалној баштини, Зборник радова 2. Београд: Музејско друштво Србије, с. 23–26.

- Сикимић Биљана, 2007, *Етнолингвистика у Србији: од реконструкције културе до теренских истраживања*, „Свет речи“, 23–24, с. 37–42.
- Степанов Юрий Сергеевич, 1997, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Стефановић Марија, 2015, *О дoметима експерименталних метода у опису језичке слике света: асоцијативно поље као извор података* (на материјалу стимулуса хлеб у руском и српском језику), „Зборник Матице српске за филологију и лингвистику“, 58/2, с. 65–85.
- Стефановић Марија, 2016, *О асоцијативним речницима као извору за проучавање концепата* (на примеру асоцијативног поља „дом“ у руском језику), [у:] Стана Ристић, Ивана Лазич Коњик, Ненад Ивановић (ур.), *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа*. Београд: Институт за српски језик САНУ, с. 409–423.
- Толстој Никита И., 1995, *Етнолингвистика у кругу хуманистичких дисциплина*, [у:] *Језик словенске културе*, Избор и поговор Љ. Раденковић, Прев. Љ. Јоксимовић. Ниш: Просвета, с. 31–46.
- Шведова Наталија Јуљевна, (ред.) 2004, *Проспект: Руски идеографички речник (Мир човека и човек у окружавајућем его мире)*. Москва: Институт руског језика им. В.В. Виноградова.
- Шведова Наталија Јуљевна, (ред.) 2011, *Руски идеографички речник (Мир човека и човек у окружавајућем его мире)*. Москва: РАН, Институт руског језика им. В. В. Виноградова.
- Ajdaczyć Dejan, 2006, *Etnolingwistyka w Serbii*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury“, 18, s. 67–75.
- Bartmiński Jerzy, 1989a, *Projekt i założenia ogólne słownika aksjologicznego*, [w:] „Język a Kultura, t. 2, red. Jerzy Bartmiński, Jadwiga Puzynina, Wrocław, s. 293–312.
- Bartmiński Jerzy, 1993a, *O profilowaniu i profilach raz jeszcze*, [w:] *O definicjach i definiowaniu*, red. Jerzy Bartmiński, Ryszard Tokarski, Lublin, s. 269–276.
- Bartmiński, Jerzy, 1993b, *O profilowaniu pojęć w słowniku etnolingwistycznym*, [w:] *Profilowanie pojęć: wybór prac*, red. Jerzy Bartmiński, Lublin, s. 7–17.
- Bartmiński Jerzy, 2009, *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*, Jörg Zinken (ed.). Adam Glaz (tr.). London: Equinox.
- Bartmiński Jerzy, 2016, *O aktualnych zadaniach etnolingwistyki*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury“ 28, s. 7–29.
- Bartmiński Jerzy, Chlebda Wojciech, 2013, *Problem konceptu bazowego i jego profilowania – na przykładzie polskiego stereotypu EUROPY*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury“ 25, s. 69–95.
- Bartmiński Jerzy, Grzeszczak Monika, 2014, *Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich?*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury“ 26, s. 21–44.
- Ilić Marija, 2002, *Etnolingvistika u Srbiji*, „Зборник Матице српске за славистику“, 62, s. 211–234.
- Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława, 2014, *Od separacyjnego do holistycznego opisu językowego obrazu świata. Na marginesie w dyskusji nad kształtem artykułów w „Leksykonie aksjologicznym Słowian i ich sąsiadów*, [w:] *Wartości Słowian i ich sąsiadów*, t. 3. *Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*, red. Iwona Bielińska-Gardziel, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura, Lublin, s. 71–102.

- Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława, 2015, *O profilowaniu językowego obrazu świata*, „Poradnik Językowy“ nr 1, s. 30–44.
- Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława, 2020, *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce*, Lublin.
- Pazio-Wlazłowska Dorota, Lazić-Konjik Ivana, Ristić Stana, 2020, *Co nas łączy, a co dzieli? Stereotyp DOMU w języku polskim, serbskim i rosyjskim*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury”, 32, s. 69–86. DOI: 10.17951/et.2020.32.67
- Plas Pieter, 2006, *Slavic etnolinguistics and Anglo-American linguistic anthropology: Convergences and divergences in the study of the language-culture nexus*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury”, 18, s. 135–143.
- Ristić Stana, Lazić-Konjik Ivana, 2015, *Dom w języku serbskim*, [w:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 1. *DOM*, red. Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, Beata Żywicka, Lublin, s. 263–290.
- Ristić Stana, Lazić-Konjik Ivana, 2018, *O strukturi članka u jezičkom rečniku, leksikonu i enciklopediji (sa osvrtom na jedinice opisa u ove tri leksikografske publikacije)*, [w:] *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*, t. 4. *Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w programie badań porównawczych*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura, Beata Żywicka, Lublin, s. 45–54.
- Stefanović Marija, 2016, *RAD (PRACA) w języku serbskim*, [w:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 3. *PRACA*, red. Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Lublin, s. 309–330.
- Zinken Jörg, 2004, *Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin*, „Metaphorik.de“ 7, s. 115–137. <<https://www.metaphorik.de/de/journal/07/metaphors-stereotypes-and-linguistic-picture-world-impulses-ethnolinguistic-school-lublin.html>> 20.07.2021.

Serbian ethnolinguistics as a cognitive enterprise in the context of Slavic ethnolinguistics

Abstract: The development of Serbian ethnolinguistics in the first decades of the 21st century is considered in this chapter in the context of the development of Slavic ethnolinguistics. In Serbian ethnolinguistics, as well as in Slavic ethnolinguistics in general, two main directions develop in parallel: traditional, concerned with dialects and folklore, and reconstruction-oriented, supplemented with linguacultural and axiological approaches. In parallel with that, new areas of broadly understood anthropological and cognitive orientation are being developed, based on theoretical and lexicographic results of the development of Polish (Lublin-based) cognitive and axiological ethnolinguistics, as well as Russian linguoculturology, ideography, and conceptology. The chapter discusses the developments of the cognitive direction of Serbian research and its lexicographic dimension, which will hopefully produce an axiological dictionary of the Serbian language. It will contain a list of value concepts in Serbian culture, following the methodology of the axiological approach practised in Lublin, as well as Russian ideography and conceptology. A list of 357 value concepts has so far been compiled, 48 of which belong to the core of the conceptual sphere of the Serbian language in the broad sense, and only 10 concepts belong to the central part of this core.

Keywords: Serbian ethnolinguistics; cognitive ethnolinguistics; axiological dictionary of the Serbian language; conceptology; conceptography

Мария Китанова

БАН, София, България

ORCID: 0000-0001-7764-2712

e-mail: miyak@abv.bg

Этнолингвистические исследования в Институте болгарского языка имени проф. Л. Андрейчина – итоги и перспективы

Резюме: В данной статье представлен крупнейший центр этнолингвистических исследований в Болгарии – сектор/секция этнолингвистики Института болгарского языка Болгарской академии наук. Сектор/секция работает в нескольких направлениях: электронный архив, этнолингвистическая лексикография, исследования языковой картины мира, оппозиций, ключевых концептов и некоторые проблемы аксиологии. Кроме того, автор статьи говорит об ученых, которые работают над этими проблемами в болгарских университетах.

Ключевые слова: центр; этнолингвистика; исследования; достижения.

Центром этнолингвистических исследований в Софии является Секция этнолингвистики в Институте болгарского языка Болгарской академии наук. Секция этнолингвистики была создана в 1990 году в Институте болгарского языка как Секция этнолингвистики и ономастики. Ее первым руководителем был профессор Тодор Бояджиев, который в то время был также директором института. В 1996 году Секция была переименована в Секцию этнолингвистики и лингвокультурологии, которой руководил профессор, доктор филологических наук Благой Шклифов. С 1998 по 2006 г. Секцию этнолингвистики и лингвостатистики возглавляла доцент доктор Мария Китанова. С 2008 года Секция переименована в Секцию этнолингвистики. Возглавляет ее до сих пор проф. д-р Мария Китанова. В настоящее время в ней работают два профессора, три доцента, два главных ассистента и один ассистент. Недавно к нам присоединился доктор Даниел Томов, балканист, который в прошлом году проводил у нас специализацию на тему *„Фразеологизми, представящи концептуалното поле на емоциите в балканските езици“*¹ *Фразеологизми, представляющие концептуальное поле эмоций в балканских языках*. Среди

наших коллег есть четыре болгариста, один культуролог, один русист и один балканист. Секция (Отдел) этнолингвистики считает своей основной миссией изучение и сохранение болгарского культурного наследия. Для достижения этой цели ее сотрудники работают в нескольких основных областях: (1) электронный архив болгарской народной культуры; (2) этнолингвистическая лексикография (создание алфавитных и тематических словарей); (3) разработка теоретических проблем картины мира и бинарных противопоставлений в языке и культуре и в сравнении с другими языками; (4) сотрудничество с учеными из разных стран, занимающимися проблемами этнолингвистики и лингвокультурологии; (5) Аннотированная библиография по болгарской этнолингвистике.

1. Электронный архив болгарской народной культуры „Език. Етнос. Култура“/ „Язык. Этнос. Культура“

Электронный архив секции насчитывает более 20 000 единиц хранения (лексемы – народные термины, фразеологизмы и короткие прецедентные тексты) и состоит из двух частей: духовная и материальная культура. Сначала он пополнялся как архив Словаря народной духовной культуры болгар, а затем был дополнен при работе со словниками других словарей, о которых пойдет речь ниже. Он составлен по алфавитному принципу. В нем мы находим словарный запас, связанный с семейными ритуалами, народными праздниками, обычным правом, растениями, болезнями, демонологией, семейными терминами и многим другим. Слова расположены в алфавитном порядке, каждое слово интерпретируется и отмечается его географическое распространение. Этот архив – исключительное сокровище для Института болгарского языка. Для его сбора использовались разные письменные источники – архивы, словари и другие исследования диалектов, этнологии и фольклора – архив Института этнографии с музеем, архив Идеографического словаря, архив Романского, архив Секции диалектологии и лингвистической географии, архив Института фольклора. Большая часть архива была собрана в экспедициях в Страндже, Фракии и Родопах.

В архиве есть отдельный раздел для болгарских пословиц, поговорок и фразеологизмов. Они насчитывают около 6000 единиц, сгруппированных по ключевым словам: *семья, женщина, мужчина, женщина и мужчина, родители и дети, родственники, дом, время, ум, глупость, город-деревня, работа, лень, смерть, болезнь и здоровье, свобода* и т. д. Эти прецедентные тексты, взятые из письменных источников и отсортированные по ключевым словам, очень полезны тем, кто работает над этими вопросами.

2. Этнолингвистическая лексикография

Тематические словари:

Тематический словарь терминов народного календаря, София: АИ «Проф. М. Дринов», 2008, авторы: Палмира Легурска, Мария Китанова, 150 с. ISBN 978-954-322-079-3.

Человеческая жизнь – рождение, свадьба, похороны. Тематический словарь семейной обрядности, София: АИ «Проф. М. Дринов», 2012, авторы: Палмира Легурска, Неда Павлова, Мария Китанова, 166 с. ISBN 9789543225484.

Эти словари бросают вызов традиционной лексикографии. Они разработаны по идеографическому принципу. Термины рассматриваются как часть семиозиса определенных обрядов и верований, связанных с другими элементами культуры: действием, предметом, характером, локусом и т. д. Лингвистический материал инвентаризируется по трем основным признакам: по месту народного термина в рассматриваемом ритуальном цикле как ментальное пространство, по его этнической семантике, выраженной в интерпретации, и по географическому распространению, но все они объединены культурной семантикой. Как первый этап работы над тематическими словарями разрабатывается языковая модель терминов народного календаря, основанная на идеографическом принципе.

Структура словаря состоит из четырех циклов: Осенний цикл (Симеоновден – Андреевден); Зимний цикл (Андреевский день – Трифонци); Весенний цикл (Трифонци – Гергьовден); Летний цикл (Гергьовден – Симеоновден).

В тематической части отдельные национальные праздники представлены через ключевые для них народные термины, распределенные по рубрикам: региональные названия праздника; ритуальные действия; ритуальные персонажи; ритуальные предметы, ритуальные места. Ономасиологическая система циклов базируется на определенных семантических доминантах, которые считаются ключевыми в рамках определенного ментального пространства. Они эксцерпированы по признаку ‘языковое выражение народным термином’ из разных этнолингвистических источников, классификация которых сделана заранее.

Антропологические циклы «Рождение. Свадьба. Похороны» раскрывают жизнь человека от самого начала до ее конца. Предлагаемая ономасиологическая картина тематических циклов «Рождение. Свадьба. Похороны» – вторая часть проекта, посвященная изучению культурной лексики в идеографическом аспекте. Структура словаря и составляющие его ономасиологические образы несут в себе информацию об обозначении определенных сфер деятельности, о понятиях и единичных фактах в языковом сознании и об их значении при мировосприятии традиционной культуры. Анализ лексических фактов позволяет вывести образ мира, содержащийся в языке, его логику

и направление. Систематизация материала и его изучение показывают, что три цикла являются „переходными обрядами“, для которых характерна идея границы, реализующая концептуальное бинарное противопоставление „свое – чужое“. В структуре трех семантических пространств обнаруживается ряд сходств, которые мы называем „взаимным использованием или пересечением текстов“ (Bajburin, Levinton 1990: 65). Использование означает одностороннее заимствование, а пересечение означает включение элементов из одного цикла в другой. Примеры взаимного пересечения ритуальных действий: похороны – свадьба; ритуальное опаливание молодоженов и ритуальное опаливание усопшего. Рождение и смерть, свадьба и похороны – антонимичные смысловые области, но их ритуальные комплексы подобны зеркальным отражениям друг друга с определенной последовательностью ритуальных действий. На свадьбе: обмывание – переодевание – вывоз; на похоронах: обмывание – переодевание – вынос.

Три антропологических цикла делятся на три основные части: ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ соответствующего события. Они являются частью триады рождение – жизнь – смерть и представляют собой наиболее важные события в жизни болгарского народа. К ним, в свою очередь, относятся следующие рубрики: Названия обрядов и их частей. Названия ритуальных предметов. Имена ритуальных лиц. Названия ритуальных действий. Метаязык фольклора. Структура основана на определенных семантических доминантах, которые считаются ключевыми в соответствующем ритуальном цикле как ментальное пространство.

Внутри каждой рубрики вводятся подрубрики, соответствующие последовательности действий, характерные для соответствующего цикла, извлеченные из этнографических источников и дополнительно осмысленные в отдельной конструкции.

Барболова З., М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска. Речник на народната духовна култура на българите, София 2018, Наука и изкуство. 978-954-02-0337-9 / Словарь народной духовной культуры болгар.

Это первый в болгарском языкознании этнолингвистический словарь терминов, относящихся к традиционным болгарским ценностям. Он представляет более 5000 имен и терминов со всей болгарской языковой территории с четкими и доступными определениями. Книга полностью реконструирует языковую картину мира традиционного болгарина. Цель словаря – представить духовную народно-культурную традицию через ее терминологию в синхронном аспекте. Самым сложным вопросом было создание словаря, охватывающего так много разнородных единиц. Таксономические характеристики объекта не могут объяснить символику и ритуальные функции соответствующих реальностей.

В словаре интерпретируются только те элементы и свойства окружающего нас мира, которые получают в национальном сознании символическое значение и только с точки зрения этого символического значения.

Основные единицы. Подбор лексики производился по следующим темам: календарные праздник, семейные обряды (рождение, свадьба, похороны); родственная терминология; народный закон, демоны, мифы, болезни. Растения и животные включаются только в том случае, если они относятся к определенному ритуалу. Названия диалектных слов и словосочетания расположены в алфавитном порядке.

Словарная статья имеет следующую структуру:

Знак ">" означает "смотри" – есть только фонетические варианты, а этнологическая информация отмечена там, где наблюдается что-то специфическое для региона. Таким же образом решается вопрос и о словообразовательных вариантах, которые представлены в алфавитном порядке под знаком «<», этнологическая информация отделяется от новой после определенного знака. Например:

пеперѹда¹ – Обред за предизвикване на дъжд/ Обряд вызывания дождя (Източна и Западна България ИБ, ЗБ/ Восточная и Западная Болгария) [*пеперѹга* /Дупница, Панагюрище, Струга, Хасковско/; *пемперѹга* /ЗБ/, *пеперлюга* /Ивайловградско/, *пяпяруда* /Преславско/].

< **вѹй гѹгу, вѹй дудѹла, ой люле, росоманка.**

*Обредът няма фиксирана дата. Изпълнява се по време на суша през пролетта и лятото / У обряда нет фиксированной даты. Выполняется во время засухи весной и летом.

пеперѹда² – Главно действащо лице в обряда „пеперуда“ /ИБ/ / Основной персонаж обряда бабочки; [*пемперѹга* /Западна България/; *пеперлюга* /Ивайловградско/; *пяпяруда* /Преславско/].

Этнолингвистичен речник на българската народна медицина /Этнолингвистический словарь болгарской народной медицины Марияна Витанова, Ваня Мичева, Йоанна Кирилова, Калина Мичева-Пейчева, Надежда Николова (София 2021: АИ „Проф. М. Дринов“, с. 367).

Условно словарь можно разделить на две части – диалектную и этнолингвистическую. В диалектной части представлены названия болезней, симптомов, состояний и действий, связанных с нарушением основной жизнедеятельности человеческого организма, больных, практики с лечебно-профилактической функцией. Вторая часть включает названия болезней, симптомов, состояний, действий, вызванных, согласно народным поверьям, нечистыми силами, заклинаниями, гаданиями или прохождением нечистых мест, а также демонами, нечистыми силами и нечистыми животными. Материал распределен по тематическим разделам и подзаголовкам. Например, в разделе „Человек, болезнь, здоровье“ рассматриваются имена здорового и больного человека. В рубрике „Болезнь“ систематизируются названия гиперонимической болезни, эпидемии, болезни в соответствии с ее характеристиками, способом и продолжительностью

течения, названиями различных типов болезней. Отдельно представлены симптомы болезни, лица, страдающие различными заболеваниями, с ограниченными физическими возможностями, действия, связанные с нарушением нормальной жизнедеятельности организма, лекарственные средства, целители. Основной принцип формирования словарных статей в „Этнолингвистическом словаре болгарской народной медицины“ – ономазиологический, от значения к формам. Статьи начинаются со словарных определений, после которых приводятся соответствующие названия, а в скобках описывается их географическое распространение или указывается источник, из которого взят материал. При толковании слов используются два типа определений – описательные и синонимичные. Описательные определения являются основным видом определений в словаре. Синонимичные определения, в которых значение имени интерпретируется с соответствующим литературным семантическим эквивалентом, встречаются реже. Названия расположены в алфавитном порядке. Словосочетания отдельно не разделяются, а включаются в соответствующее место в алфавитном порядке. После каждого названия в скобках указано географическое распределение или источник, из которого оно получено. Зарегистрированные знаки или словосочетания из средневековых письменных памятников перечислены в конце словарных статей и отделены знаком ♦. Источники указаны в скобках. Помимо алфавитного порядка, древнеболгарские лексемы также расположены в хронологическом порядке в соответствии с памятниками, из которых они были извлечены.

Знаком ■ отмечаются табуированные названия болезней.

Характеристика всех этнолингвистических словарей:

Транскрипция: Фонетическая транскрипция не используется. Ударение ставим только там, где оно зарегистрировано в источниках.

Источниками являются опубликованные письменные источники, материалы из архивов (диалектные, этнографические, фольклорные), материалы, лично собранные отдельными авторами в экспедициях.

Грамматическая характеристика не указывается. Она представлена имплицитно словарными определениями, например: „больной“ (для существительных), „который часто болеет“ (для прилагательных), „болеть, начинать болеть“ (глагольные формы несовершенного вида), 'Заболел, начал болеть' (глагольные формы совершенного вида).

3. Проекты Секции этнолингвистики

Проекты с Сектором этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН по обмену:

(1) Тематический словарь терминов национального календаря, АИ „Проф. М. Дринов“, София, 2008. Проект является частью международного проекта с Российской академией наук, Институтом славянских исследований, сектором этнолингвистики и фольклора (по обмену в рамках соглашения между БАН и РАН).

(2) Человеческая жизнь – рождение, свадьба, похороны. Тематический словарь семейных обрядов, АИ „Проф. М. Дринов“, София, 2012. Проект с сектором этнолингвистики и фольклора Института славянологии РАН, часть проекта „Славянские языки: проблемы истории, диалектологии, этнолингвистики и современная языковая ситуация“. Проект с отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Срок: 2009–2011 гг.

(3) Проект с отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН: язык и культура в эпоху глобализации. Подтема: Культурная идентичность в глобализирующемся мире 2012–2014 гг.¹

(4) Трое сотрудников Секции участвуют в проекте EUROJOS 1. Мария Китанова, *Концептът дом в българската езикова картина на света*, [w:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 1. *DOM*, pod redakcją Jerzego Bartmińskiego, Iwony Bielińskiej-Gardziel, Beaty Żywickiej, Lublin, 2015, s. 237–261; М. Витанова *ТРУД*, [w:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 3. *PRACA*, pod redakcją Jerzego Bartmińskiego, Małgorzaty Brzozowskiej, Stanisławy Niebrzegowskiej-Bartmińskiej, Lublin, 2016, s. 279–308; К. Мичева-Пейчева *Концептът СВОБОДА в българския език*, [w:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 4. *WOLNOŚĆ*, pod redakcją Macieja Abramowicza, Jerzego Bartmińskiego, Lublin, 2019, s. 431–473. В проекте EUROJOS 2 участвуют 5 сотрудников. Разрабатываются концепты: РОДИНА, НАРОД, СОЛИДАРНОСТ, СПРАВЕДЛИВОСТ, ДУША.

(5) Проект „Модель сравнительного исследования фрагментов народной культуры на болгарском и словацком языках“ проводился по обмену с Институтом Яна Станислава, Словацкой академии наук 2015–2017. По этому проекту был опубликован сборник совместной конференции „Jazyk a kultúra v slovanskej súvislostiach“, Bratislava – Sofia 2017, ISBN SK 978-80-89489-32-9, BG ISBN 978-954-92489-8-2. Под редакцией Петра Женюха и Марии Китановой. Bratislava, 5–6.10.2016.

(6) Проект „Духовные ценности и традиционная культура“ проводится совместно с Институтом „Ян Станислав“ САН, 2021–2022 г. и финансируется программой Мобильности САН.

(7) Проект „Лингвистическая и этнокультурная динамика ценностей в славянском мире“, № 472-LED-SW ДО 02/5 от 24.07.2018–2020 Институт

---

¹ Особо хочу выразить благодарность сотрудникам Сектора этнолингвистики и фольклора, Института славяноведения РАН, которые нам помогли в начале нашей работы по этнолингвистике – Светлане Михайловне Толстой и Елене Сименовне Узеновой.

болгарского языка, Институт славяноведения, РАН и Славянский институт «Ян Станислав», САН. Программа ERA NET 2018 – 2020. По проекту были опубликованы три сборника: Взгляд на славянскую аксиологию (Отв. изд. И.А. Седакова, М. Китанова, П. Женюх). Москва, Институт славяноведения РАН, 2019. <https://inslav.ru/.../vzglyad-na-slavyanskuyu-aksiologiyu-m...>

Была опубликована тоже коллективная монография *Axiologický výskum slovanských jazykov*, VEDA SAV Bratislava–Moskva, 2019, ISBN: ISBN SK (print) 978-80-89489-41-1; ISBN SK (электронная книга) 978-80-89489-42-8; ISBN RU (печать) 978-57576-0434-3, DOI: DOI 10.31168 / 0434-3, 83-98. Редакторы: Петр Женюх, Ирина Седакова, Мария Китанова. URL: <http://slavu.sav.sk/publikacie/axio.pd>.

В Софии был издан сборник „Аксиологични проблеми на славянските езици. Традиции и съвременност“ / „Аксиологические проблемы славянских языков. Традиции и современность“. Сборник издан в АИ „Проф. М. Дринов“ 2020. В нем приняли участие коллеги из Болгарии, России и Словакии. В этом сборнике есть специальное исследование „Динамика на ценностите в българската култура и език“ / „Динамика ценностей в болгарской культуре и языке“, в котором исследуются ценности: РОДИНА, НАРОД, ЗДОРОВЬЕ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СОЛИДАРНОСТЬ, СЕМЬЯ. Исследование было выполнено ООД „Центр регионального развития“. Итоговый отчет опубликован в сборнике, стр. 236–267.

(8)С 2022 г. Сектор будет работать над проектом „Библейское наследие в болгарской фразеологии“, в котором будем исследовать фразеологическую компетентность молодых болгар.

4. Опубликованные монографии сотрудников секции этнолингвистики

- Витанова М., 2015, Языковые фрагменты. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 93 с. ISBN 978-3-659-64774-1.
- Витанова М., 2012, Човек и свят. Лингвокултурологични проучвания. София, Изд. „БУЛКОРЕНИ“. 207 с. ISBN 978-954-798-054-9.
- Кирилова Й., 2017, Представата за ума в българската езикова картина за света. София: ДиоМира., 250 с. ISBN 978-954-2977-39-1.
- Кирилова Й., 2011, Пастирската терминология в Софийско. Велико Търново: Знак'94. 274 с. ISBN 978-954-8305-08.
- Китанова М., 2008, Стилистична функция на диалектизмите в съвременната художествена проза, София, Изд. „Ето“. 125 с. ISBN 978-954-9859-41-6.
- Китанова М., 2010, Етнолингвистични етюди, Велико Търново, Изд. „Знак94“. 155 с. ISBN 954-8305-09-9.
- Китанова М., 2012, Свой за чуждите и чужд за своите, Варна, Изд. LiterNet1, litenet.bg/publish29/maria-kitanova/svoi-za-chuzhdite/index.html ISBN 948-954-304-396-5.

- Китанова М., 2015, Род, семья и дом в болгарской культуре и языке, Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 184 с., ISBN 978-3-659-70549-6.
- Легурска, П., 2015, Съпоставителни анализи и национална специфика на лексиката. София, Издателство „Ето“. 192 с. ISBN 978-954-9859-61-4.
- Легурска П., 2011, Съпоставителни лексикални анализи и основа за съпоставка. София, Издателство „Ето“. 226 с. ISBN 979-954-9859-5
- Легурска П., 2011, Семантичен речник на типологичните характеристики на вторичното назоваване в руския и български език. София, Издателство „Ето“. 311 с. ISBN 978-954-9859-54-6.
- Мичева-Пейчева К., 2016, Сакрална чистота и профанна нечистота. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 116 с. ISBN 978-3-659-86704-0.
- Мичева-Пейчева К., 2013, Сблъсъкът на чистотата и нечистотата в българската култура и език. София. 311 с. ISBN 978-954-9928-64-8.
- Мичева-Пейчева К., 2017, Етнокултурната бинарност в средновековната българска литература, София: Диомира. 265 с. ISBN 978-954-2977-45-2.

5. Этнолингвистика в других центрах Болгарии

В них проблемами этнолингвистики занимаются отдельные ученые.

Софийский университет имени Св. Климента Охридского. Доцент д-р Красимира Петрова работает на кафедре русского языка в совместном проекте с отделом теории коммуникации и психолингвистики Института русского языка РАН, Москва, Россия, 1998–1999: „Этнокультурная специфика славянских народов: русско-болгарские ассоциативные нормы“ – отдельный том по болгарскому языку в рамках „Общеславянского ассоциативного тезауруса“, Институт русского языка РАН, Московский, Софийский, Санкт-Петербургский университет. Она участвовала и в проекте „Этнокультурные особенности языкового сознания“, 1997. Главный ассистент д-р Ирина Манова разработала „Концептуальное поле „Фрукты“ в русской и болгарской языковых культурах“.

На кафедре балканистики работает проф. д-р Василка Алексова. Ею опубликована монография „Свадебная терминология на болгарском и румынском языках“, София, 2013, УИ „Св. Климент Охридский“. Она возглавляет проект „Этнолингвистические и исторические источники для Юго-Восточной Европы“. Доцент д-р Майя Александрова, тоже с кафедры балканистики, защитила диссертацию „Вкусы, запахи, специи. Между лингвистикой и этнолингвистикой на Балканах и за их пределами“, София, 2017, 384 с.

Доцент д-р Дарина Младенова тоже работает на кафедре балканистики. Ее диссертация вышла под названием „Звездное небо над нами: этнолингвистические исследования балканских астрономов“, АИ „Проф. М. Дринов“, 2006, а кандидатский труд на тему „От лингвистической географии до

пространственной лингвистики. Теория и практика анализа поздних явлений в болгарском языке: названия томатов и баклажанов“.

В Юго-Западном университете имени Неофита Рильского в Благоевграде занимается этнолингвистикой доцент д-р Б. Попов. Его диссертация – “Табуистични названия в българския език (в етнолингвистичен аспект и в съпоставка с други езици)”, Благоевград, 2001, / „Табуистические названия в болгарском языке (в этнолингвистическом аспекте и в сравнении с другими языками)“ . Аспирант доц. Б. Георгиева Цветелина Ангелова защитила диссертацию на тему „Названия, условия и процеси, отразяващи репродуктивните функции на жената в български език“ / „Названия условий и процессов, отражающих репродуктивные функции женщин в болгарском языке“ в 2018 году. Она уже работает с нами в Секции этнолингвистики Института болгарского языка.

Профессор д.ф.н. Румяна Петрова работает в Университете имени Ангела Кынчева в Русе. Она англицист и занимается лингвокультурологией. Ее диссертация "Лингвокультурологическое сопоставление английских и болгарских пословиц", София, БАН, защищена в Институте болгарского языка в 2006 году. Автор подробно разрабатывает термин культурема. Ее кандидатский труд „Културемите в Книгата на притчите (the Book of Proverbs) в Авторизираната версия на Библията“ / Культуремы в книге Притч в официальной версии Библии (The Authorised Bible, AV/KJV), Издательский центр Русенского университета "Ангел Канчев", 2010, 470 с.

В Университет в Велико Тырново имени Св. Кирилла и Мефодия работает профессор Анастасия Петрова. Ее группа состоит из балканистов – она руководит образовательным центром „Балкани“. Все работают по когнитивной методологии Лакоффа и Джонсона: занимаются фразеологизмами в сопоставительном аспекте, разрабатывают проект создания балканского фразеологического корпуса.

В Шуменском университете имени Константина Преславского главной фигурой является профессор д-р Валентина Аврамова, преподаватель университета. Проф. Аврамова имеет ряд работ по этнолингвистике. Под ее руководством издают научную серию „Проблемы когнитивно-функционального описания русского и болгарского языков“, начало которой было положено в 2002 году.

Профессор д-р Стефка Георгиева работает в Пловдивском университете „Паисий Хилендарский“. Увлекается фразеологией и лингвокультурологией. В настоящее время разрабатывается „Двуязычный словарь символов“ совместно с Тульским университетом и Гр. Валерьевичем Токаревым.

Сотрудники нашего сектора создали библиографию: Болгарская этнолингвистика. Аннотированная библиография периода 2000–2010 гг. // Электронный журнал Дзяло, №8, IV год, 2016 ISSN 1314 9067 (коллектив). В нем можно найти все указанные имена.

Литература

- Александрова Мая, 2017, *Вкусове, миризми, подправки. Между лингвистиката и етнолингвистиката на балканите и отвъд тях*, София: УИ „Св. Климент Охридски“.
- Алексова Василка, 2013, *Сватбена терминология в български и румънски език*. София: УИ „Св. Климент Охридски“.
- Балболова Зоя, 2020, *Енциклопедия на персонажите в българската митология*, София: „Наука и изкуство“.
- Барболова Зоя, Симеонова Маргарита, Китанова Мария, Мутафчиева Неда, Легурска Палмира, 2018, *Речник на народната духовна култура на българите*, София: ИК „Наука и изкуство“.
- Витанова Марияна, 2012, *Човек и свят. Лингвокултурологични проучания*. София: Булгкорени.
- Витанова Марияна, 2015, *Языковые фрагменты*, Saarbrücken: Lambert Academic Publishin.
- Витанова Марияна, 2016, *Концептът ТРУД в българската картина на света*, [в:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, Tom 3, PRACA, red. Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Lublin, Wydawnictwo UMCS, s. 279–307.
- Витанова Марияна, Мичева Ваня, Кирилова Йоанна, Мичева-Пейчева Калина, Николова Надежда, 2021, *Етнолингвистичен речник на българската народна медицина*, София: АИ „Проф. М. Дринов“.
- Кирилова Йоанна, 2011, *Пастирската терминология в Софийско*, В. Търново: „Знак’94“.
- Кирилова Йоанна, 2017, *Представата за ума в българската езикова картина на света*, София: „ДиоМира“.
- Китанова Мария, 2008, *Стилистична функция на диалектизмите в съвременната художествена проза*, София: Изд. „Ето“.
- Китанова Мария, 2010, *Етнолингвистични етюди*, Велико Търново: Изд. „Знак’94“.
- Китанова Мария, 2012, *Свой за чуждите и чужд за своите*, Варна: „LiterNet“. litenet.bg/publish29/maria-kitanova/svoi-za-chuzhdite/index.html.
- Китанова Мария, 2015a, *Концептът дом в българската езикова картина на света*, [в:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, Tom 1. DOM, red. Jerzy Bartmiński, Lublin: Wydawnictwo UMCS, s. 237–261.
- Китанова Мария, 2015b, *Род, семья и дом в болгарской культуре и языке*, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.
- Китанова Мария (ред.), 2016, *Българска етнолингвистика. Анотирана библиография за периода 2000 – 2010 г.*, ел. сп. Дзяло №8.
- Китанова Мария, Седакова Ирина, Женюх Петер, 2010, *Аксиологични проблеми на славянските езици. Традиции и съвременност*, АИ „Проф. М. Дринов“.
- Легурска Палмира, 2011a, *Семантичен речник на типологичните характеристики на вторичното назоваване в руския и българския език*, София, „Ето“.
- Легурска Палмира, 2011b, *Съпоставителни рексикални анализи и основа за съпоставка*, София, „Ето“.
- Легурска Палмира 2015, *Съпоставителни анализи и национална специфика на лексиката*, София, „Ето“.
- Легурска Палмира, Китанова Мария, 2008, *Тематичен речник на термините на народния календар*, София, АИ „Проф. М. Дринов“.

- Легурска Палмира, Павлова Неда, Китанова Мария, 2012, *Човешкият живот раждане, сватба, погребение. Тематичен речник на българската семейна обредност*, София: АИ „Проф. Марин Дринов“.
- Манова Ирина, 2017, *Концептуално поле “плодове” в руската и българската лингвокултура*, Автореферат на дисертация за присъждане на образователната и научната степен „доктор“.
- Мичева-Пейчева Калина, 2013, *Сблъсъкът на чистотата и нечистотата в българската култура*, София: ИК „В. Траянов“.
- Мичева-Пейчева Калина, 2016, *Сакрална чистота и профанна нечистота*, Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Мичева-Пейчева Калина, 2017, *Етнокултурната бинарност в средновековната българска култура*, София: „ДиоМира“.
- Мичева-Пейчева Калина, 2019, *Концептът СВОБОДА в българския език*, [в:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, Том 4, WOLNOŚĆ, red. Jerzy Bartmiński, Lublin: UMCS, s. 431–473.
- Младенова Дарина, *Звездното небе над нас. Етнолингвистични изследвания на българските народни астроними*, София: АИ „Проф. М. Дринов“.
- Петрова Румяна, 2010, *Културемите в Книгата на притчите (The Authorised Bible, AV/ KJV)*, Русе: РУ.
- Петрова Румяна, 2013, *Лингвокултурология. Паремология. Сравнителни изследвания на английски и български език*, Русе: ИК РУ „Ангел Кънчев“.
- Петрова Румяна, 2016, *Лингвокултурологична съпоставка на английските и българските пословици*. Дисертация за получаване на научната степен „доктор“.
- Попов Борисав, 2001, *Табуистични названия в български език (в етнолингвистичен аспект и в съпоставка с други езици)*. Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователната степен „доктор“, Благоевград.
- Седакова Ирина, Китанова Мария, Женюх Петер, 2019, *Взгляд на славянскую аксиологию*, Москва: Инслав, РАН, <https://inslav.ru/.../vzglyad-na-slavyanskuyu-aksiologiyu-m...>
- Žeňuch Petr, Sedakova Irina, Kitanova Maria (red.), 2019, *Axiologický výskum slovanských jazykov*, Bratislava – Moskva: VEDA SAV, <http://slavu.sav.sk/pyblikacie/axio.pd>.

Ethnolinguistic research at L. Andreychin Institute of the Bulgarian Language (Bulgarian Academy of Sciences). Results and prospects

Abstract: This article presents the biggest center for ethnolinguistic studies in Bulgaria: The Department for Ethnolinguistics at the Institute for the Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences. The department is active in several areas: digital archiving, ethnolinguistic lexicography, research on linguistic worldview, oppositions, concepts and axiological problems. The scholars that work on these problems in the Bulgarian universities are introduced.

Keywords: ethnolinguistic centre; Bulgarian ethnolinguistics; Department for Ethnolinguistics; Bulgarian Academy of Sciences

Adam Głaz

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Polska

Orcid: 0000-0002-6143-3542

adam.glaz@umcs.eu

Etnolingwistyka zachodnia – co to właściwie znaczy?

Streszczenie: Przekonujące określenie tego, czym jest etnolingwistyka zachodnia, jest poważnym wyzwaniem z kilku względów. Sam termin „etnolingwistyka” nie jest powszechnie używany w lingwistyce zachodniej (częściej mówi się o antropologii lingwistycznej, lingwistyce antropologicznej lub lingwistyce kulturowej); trudno także bez wątpliwości określić, które podejścia i szkoły można uznać za należące do kręgu zachodniego. Można dlatego próbować zdefiniować etnolingwistykę zachodnią poprzez przywołanie klasyków językoznawstwa i antropologii, Wilhelma von Humboldta, Franza Boasa, Edwarda Sapira, Benjamin Lee Whorfa, Bronisława Malinowskiego – badacze ci jednak są także uznawani za kluczowe postacie w etnolingwistyce słowiańskiej (wschodniej). Mimo tych trudności można wymienić kilka cech charakterystycznych etnolingwistyki (rozumianej szeroko jako badanie relacji między zachowaniem językowym i kulturowym) uprawianej w krajach Zachodu (w sensie kulturowym). Przede wszystkim jednak postuluje się podjęcie dialogu między etnolingwistyką wschodnią (słowiańską) i zachodnią, który może dać odpowiedź na pytanie, czy tego typu podział jest w ogóle zasadny i czy nie mamy raczej do czynienia ze zróżnicowaną etnolingwistyką globalną.

Słowa kluczowe: etnolingwistyka zachodnia; Bronisław Malinowski; Benjamin Lee Whorf; lingwokultura; dialog

Problemy z terminologią

Pytanie postawione w tytule bierze się z wątpliwości, które budzi nie tyle sam termin „etnolingwistyka zachodnia”, ile możliwość zdefiniowania tego zjawiska. Wątpliwości dotyczą obu członów tego terminu. Pierwszy z nich, „etnolingwistyka”, ma szerszy obieg w językoznawstwie słowiańskim, ponieważ na Zachodzie element *etno-* (na co zwracano już niejednokrotnie uwagę) kojarzy się albo z tragediami ludzkimi, takimi jak czystki etniczne, albo z mniejszościami, kiedy mowa jest o kuchni etnicznej lub mniejszościach etnicznych. Termin „większość etniczna” (*ethnic majority*) oczywiście istnieje, ale nie ma tak szerokiego zastosowania i siły

nośnej¹. Do powszechnej świadomości słabo przebija się oczywista skądinąd prawda, iż etniczność dotyczy także „dużych”, globalnych języków, takich jak angielski, hiszpański, czy rosyjski, co na przykładzie angielskiego pokazuje Anna Wierzbicka (2010, 2014, 2018)², ale też James Underhill, który używa terminu „etnolingwistyka” w tytule swojej książki z 2012 r. (*Ethnolinguistics and cultural concepts*) w odniesieniu do angielskiego, niemieckiego, francuskiego i czeskiego, a więc języków zdecydowanie niemiejszościowych. Oczywiście istnieją też inni zachodni autorzy, którzy z rozmysłem używają terminów „etnolingwistyka”, „etno-semantyka”, „etnopragmatyka”, czy „etnoskładnia”, tacy jak we Francji Philip Riley (2007), w Danii Carsten Levisen (2015) (który mówi też o etno-ucieleśnieniu [*ethnoembodiment*], Levisen 2017), w Australii (poza Wierzbicką) Cliff Goddard (2006), Nick Enfield (2004), Bert Peteers (2015a,b, 2017), w USA David Danaher (2010, 2013) czy Madeleine Mathiot (1979). Amerykanie Gary Palmer i pracujący w Kanadzie John Leavitt postulują uwzględnianie danych etnograficznych w refleksji nad gramatyką języków, ich użycia i w procesie przekładu (Palmer 2015; Leavitt 2014, 2019); Holender George van Driem śledzi natomiast „etnolingwistyczną prehistorię” ludzkości uwzględniając dane z zakresu języka, genetyki i kultury materialnej (van Driem 2021)³.

Pewną ciekawostką jest seria wydawnicza prowadzona w latach 1999–2002 przez niemieckie wydawnictwo Peter Lang pt. „Studies in Ethnolinguistics” (<https://www.peterlang.com/view/serial/SIE>), której profil jest dosyć osobliwy – siedem tomów, jakie wylicza strona wydawnictwa, poświęconych jest głównie językom kreolskim, pidżinom, językom i dialektom mniejszościowym i zagrożonym, często w relacji do języków dominujących. Chętniej nazwalibyśmy to

---

¹ *Ethnic majority* ma nawet swoje hasło w Wikipedii, ale tylko w dwóch wersjach językowych (angielskiej i szwedzkiej) i daje stosunkowo niedużo wyników wyszukiwania w Google’u (ok. 300,000, 14 IV 2021). Dla porównania, termin *ethnic minority* (mniejszość etniczna) pojawia się prawie 10 mln razy i chociaż w Wikipedii (co dziwne) nie doczekał się odrębnego hasła, to pojawia się w omówieniu różnych rodzajów grup mniejszościowych pod kategorią *minority group*. Inaczej ma się rzecz np. w internetowym *Cambridge Dictionary* (<https://dictionary.cambridge.org/>; 2 IV 2021), gdzie hasła *ethnic majority* nie ma w ogóle, definiowane jest natomiast *ethnic minority*.

² Będąc w dużej mierze językiem „światowym”, angielski staje się w pewnych kręgach i sytuacjach obowiązkowym lub jedynym używanym językiem komunikacji, ale tym samym zostaje zredukowany do prostego narzędzia komunikacyjnego (*Mittel zur Kommunikation*, Trabant 2014: 206), tracąc większość swojej kulturowej i intelektualnej treści, a więc tego, co czyni go (etnolingwistycznie) unikalnym.

³ W swoim bardzo obszernym przeglądzie podejść do badań nad językiem i kulturą (głównie w lingwistyce zachodniej) Piotr Chruszczewski (2011) terminu „etnolingwistyka” używa tylko raz (s. 73), a i to odnosząc go do pracy polskiej, Janusza Anusiewicza (1995). Wskazuje to z jednej strony na stosunkowo niską częstotliwość występowania tego terminu w badaniach zachodnich, jednak całkowite jego pominięcie wydaje się decyzją zbyt radykalną.

nie etnolingwistyką, a raczej kreolingwistyką (według Chruszczewskiego [2011: 124] jest to podkategoria lingwistyki kontaktu [*contact linguistics*]) lub ekolingwistyką (ekologią języka) w rozumieniu Einara Haugena (1972: 325), czyli badaniem interakcji między językiem i jego środowiskiem, miejsca i dobrostanu języków w przestrzeni społecznej, politycznej i kulturowej⁴. Można jednak także uznać, iż byłaby to kłótnia o etykiety i nie przywiązywać się zbytnio do tych terminów.

Według Alessandro Durantiego (2003), terminy takie jak „antropologia lingwistyczna” (*linguistic anthropology*), „językoznawstwo antropologiczne” (*anthropological linguistics*), „etnolingwistyka”, a nawet „socjolingwistyka” wyrażają „różne teoretyczne i metodologiczne podejścia do przedmiotu badania” (s. 323⁵). Podobnie w polskim kontekście Anna Dąbrowska (2005: 100) uznaje etnolingwistykę (w wydaniu lubelskim) i lingwistykę kulturową (spod znaku Janusza Anusiewicza) za de facto ten sam kierunek badań. Z drugiej strony, w Polsce centralnym polem badawczym etnolingwistyki pozostaje ludowość, choć obecnie idzie się coraz odważniej w kierunku języków narodowych i innych wariantów języka, socjolingwistyki (zob. Rodziewicz 2014), komunikacji międzykulturowej, czy aksjolingwistyki⁶. Wydaje się, że w publikacjach zachodnich dominuje właśnie podejście socjolingwistyczne, badanie komunikacji międzykulturowej i dyskursu. Niemniej jednak etnolingwistyka i etnosemantyka rozumiane jako próba dotarcia do kulturowych treści zakodowanych w języku oraz do tego, co mówią nam one o jego użytkownikach, także mają w językoznawstwie zachodnim, zwłaszcza w USA, bogate tradycje (o czym poniżej).

Istnieje pokusa, by drugi człon interesującego nas terminu, czyli „zachodnia”, utożsamiać z etnolingwistyką anglojęzyczną, co jest oczywiście dużym uproszczeniem, a nawet przekłamaniem szerszego obrazu (mimo tego, że prace anglojęzyczne to ogromna część tych badań i ponieważ są mi one najbardziej znane, głównie do nich będę się odwoływał). Chruszczewski (2011: 49) wskazuje na trzy kraje europejskie, w których stopniowo wypracowano „zarys współczesnego językoznawstwa antropologicznego”: Niemcy, Wielką Brytanię i Francję, choć

⁴ Później w ekolingwistyce podjęto refleksję w odwrotnym kierunku i zaczęto analizować język jako coś, co kształtuje wizję świata przyrody, wpływając na postrzeganie samego środowiska naturalnego i współczesnych problemów ekologicznych (por. Steciąg 2011). Steciąg (2021) mówi natomiast o kolejnym zwrocie w ekolingwistyce, polegającym na przełamywaniu antropocentryzmu i sformułowaniu zasady nielokalności języka, co stawia ten nurt w awangardzie zmagających z wyzwaniem doby antropocenu.

⁵ Tłumaczenia cytatów z innych języków (o ile nie zaznaczono inaczej), pochodzą od autora, A.G.

⁶ Por. np. prace badaczy związanych z Instytutem Etnolingwistyki UAM w Poznaniu (<http://ie.amu.edu.pl/>), a także kilka tomów powstałych z prac konwersatorium EUROJOS wydanych pod tytułem *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. Znamienne, iż to właśnie w badaniach nad językiem jako eksponentem ideologii i systemu wartości Pieter Plas (2006) widział już piętnaście lat temu najbardziej obiecujący kierunek badań zarówno etnolingwistyki słowiańskiej, jak i amerykańskiej antropologii lingwistycznej.

nie wyczerpuje to „wszystkich zaproponowanych paradygmatów badawczych”. Naturalnie kryterium geograficzne jest bardzo mylące, choćby dlatego, że ogromną rolę w rozwoju etnolingwistyki odegrała i nadal odgrywa Australia.

Od historii do współczesności

To właśnie kontekst australijski wskazuje na możliwość scharakteryzowania etnolingwistyki zachodniej poprzez odwołanie się do jej inspiracji historycznych. Sam termin „etnolingwistyka” powstał w efekcie badań nad językiem kiriwina (kilivila), używanym w leżącej na północ od Australii Papui Nowej Gwinei. Dokładniej chodzi o przymiotnik „etnolingwistyczny” (*ethnolinguistic*), który pojawił się w przypisie pracy Malinowskiego (1920: 34), z pochodzenia Polaka, lecz badacza de facto brytyjskiego. Rzeczownika „etnolingwistyka” (*ethnolinguistics*) użył natomiast prawie dwie dekady później Benjamin Lee Whorf w raporcie dotyczącym badań językoznawczych na Uniwersytecie Yale (formalnie raport funkcjonuje jako współautorstwa, Whorf i Trager 1996 [1938]). Do pełnego obiegu termin ten wszedł w latach 1940tych – odnotowuje go w roku 1947 będący podstawowym punktem odniesienia dla angielszczyzny słownik *Oxford English Dictionary* (zob. Lee 1996: 143).

Raport Tragera i Whorfa jest publikacją kluczową dla zrozumienia początków amerykańskiej etnolingwistyki i koncepcji relatywizmu językowego, mimo tego, że istnieje tylko w formie częściowo odręcznych notatek, a jego zapowiadanej drugiej części nigdy nie ukończono. Sekcja B (autorstwa Whorfa) przedstawia punkt po punkcie to, co autor rozumie przez podejście etnolingwistyczne – jest to takie spojrzenie na język, które zwraca uwagę na:

(1) segmentację doświadczenia zawartą w formach językowych, w tym gramatycznych, a która najwyraźniej się objawia w badaniach porównawczych;

(2) zawarty w tychże formach obraz świata lub model wszechświata, który Whorf nazywa „implicitną metafizyką” (*implicit metaphysics*), rozumianą jako

(3) „mentalność kulturowa” tkwiąca w podświadomości użytkowników języka,

(4) do której możemy dotrzeć przez język, również na podstawie tego, czego w danym języku nie ma w porównaniu z innymi (tzw. *negativisms*),

(5) a także dzięki tzw. tłumaczeniu psychologicznemu i kulturowemu, obejmującemu szczegółowe wyjaśnienie treści (co daje wgląd tłumacza/informatora w „metafizykę”)⁷, dzięki czemu (i tylko dzięki temu)

(6) możemy właściwie zrozumieć symbolikę danej kultury.

---

⁷ Można to nazwać „gęstym tłumaczeniem”, przez analogię do „gęstego opisu” (*thick description*) w rozumieniu Geertsy (2005) (który, jak mówi, zapożyczył to wyrażenie od Gilberta Ryle’a). Kwame Appiah (1993) rozumie gęste tłumaczenie jako adnotowany przekład literacki,

Przypomnijmy w tym miejscu europejskie korzenie tej koncepcji, jako że Whorf to następca pochodzących z Europy Franza Boasa (1911, 1940) i Edwarda Sapira (1921, 2011, 1978), choć ten drugi emigrował w bardzo młodym wieku. Naturalnie przed Boasem, nazywanym ojcem amerykańskiej antropologii, Ameryka nie była antropologiczną pustynią – śledząc amerykańską myśl antropologiczną Chruszczewski (2011, rozdział 1) cofa się do Thomasa Jeffersona, a nawet do wcześniejszych notatek i prac działających w Ameryce misjonarzy. Boas nadał jednak tej dyscyplinie naukowe podstawy i wyznaczył jej rozwój na długie lata, choćby w tym sensie, iż traktował członków badanych kultur jako ekspertów, nie tylko jako przedmiot badań. Wszakże i Boas wyrósł (mniej lub bardziej świadomie) z antropologiczno-lingwistycznej tradycji europejskiej rozwiniętej przede wszystkim przez Wilhelma von Humboldta. Ten z kolei czerpał ze spostrzeżeń postaci wcześniejszych, by wymienić tylko Johanna Hamanna, Johanna Herdera, a przed nimi Gottfrieda Leibniza. To ich zachwyty nad wielością i różnorodnością języków (*Mehrsprachigkeiten*, czy też Leibnizowe *la merveilleuse variété*, zob. Trabandt 2014: 80–81, 103–112) doprowadził Humboldta do koncepcji *Weltansicht*, czyli unikalnego, szczególnego (*eigentümliche*) obrazu świata zakodowanego w danym języku (Humboldt 1907 [1836]: 60). Od Herdera (a być może częściowo także od Francuzów Dominique’a Bouhoursa i Étienne’a de Condillaca), Humboldt przejął koncepcję „ducha” zakodowanego w języku (*Geist des Volkes/Nationalgeist*), co ostatecznie rozwinął w rozumienie języka jako organu kształtującego myśl (Humboldt 1907 [1836]: 53). Wpływ na antropologię amerykańską miał także Bronisław Malinowski (1922, 1935, 1952 [1923]), choć w Ameryce został przyjęty z pewnymi oporami. Zresztą Ameryka na polu etnolingwistyki swój dług spłaciła, choćby w etnolingwistycznej tradycji francuskiej, która – jak twierdzi Galina Kabakowa (1993) – nieustannie czerpała z prac amerykańskich.

Postać Malinowskiego ponownie kieruje naszą uwagę na Australię, której naukowe początki są także europejskie, choć z biegiem czasu w coraz większym stopniu zaczęto tam odnotowywać wpływy azjatyckie. Australia odegrała i nadal odgrywa w etnolingwistyce rolę bardzo istotną – przy czym etnolingwistykę traktuję tu właśnie za australijską badaczką Penny Lee bardzo szeroko, jako „relację między zachowaniem językowym i kulturowym” (1996: 143). Zaszczepienie niektórych pomysłów w tamtejszym środowisku powraca później w postaci koncepcji dojrzałych, bardziej rozwiniętych, a czasami zyskujących globalny zasięg. Chodzi tu nie tylko o Malinowskiego⁸ – obecnie lingwistyka kulturowa

---

pomagający uchwycić odmienny obraz świata, miejsce i rolę innych literatur. Umieszcza ono dany tekst w bogatym kontekście kulturowym i językowym.

⁸ Dokonując przewrotu w antropologii, Malinowski bazował oczywiście na osiągnięciach innych badaczy. Wspomnijmy choćby wyprawę w rejon Cieniny Torresa w 1898 r. z udziałem Alfreda C. Haddona i Williama H. R. Riversa, czy też pracę Spencera i Gillena (2010 [1899]) stanowiącą relację z ich wyprawy w głąb Australii, dzięki której stworzyli oni metodę obserwacji

w Australii to Anna Wierzbicka i grupa badaczy podążających za jej koncepcją Naturalnego Metajęzyka Semantycznego, którzy niejako „oddają” reszcie świata (w tym Europie) to, co udało się tam wypracować⁹. Koncepcja ta zainspirowała pracującego przez wiele lat w Australii Belga, Berta Peetersa, do wykorzystania pojęcia etnopsychologii i konstruktów etnopsychologicznych – zob. książkę pod jego redakcją *Heart- and Soul-Like Constructs across Languages, Cultures, and Epochs* (Peeters 2019; recenzja: Underhill 2020). Peeters w tytule mówi nie o sercu i duszy, a o konstruktach *takich jak serce i dusza* – jest to poniekąd bliskie temu, co w etnolingwistyce lubelskiej określa się jako obiekt mentalny, który powstaje w świadomości zbiorowej użytkowników języka w danej społeczności. Peeters zaproponował zresztą także inne rozwiązania koncepcyjne, takie jak sześciocznony program badań etnolingwistycznych, obejmujących etnoleksykologię, etnoretorykę, etnofrazeologię, etnoskładnię i etnopragmatykę, które niejako zbiegają się w etnoaksjologii jako zworniku tych poszczególnych obszarów refleksji (Peeters 2015a,b).

Co ważne, koncepcja NMS stosowana jest nie tylko do opisu semantyki słów, ale do wyjaśniania zachowań językowych, czyli w etnopragmatyce (por. Goddard i Ye 2015), a według Pietera Plasa (2006: 140) to właśnie pragmatyczny aspekt języka stanowi podstawę badań w amerykańskiej antropologii językowej, w kontraście do bardziej leksykograficznie lub etymologicznie zorientowanej etnolingwistyki słowiańskiej. Podejście amerykańskie łączy się w tym obszarze z koncepcją kulturowych słów-kluczy (por. np. Wierzbicka 1997), która doczekała się ciekawych rozwinięć w szeregu publikacji innych autorów. Wymieńmy tylko tom pod redakcją Carstena Levisena i Sophie Waters (2017a; zob. recenzję: Głaz 2019), w którym mamy do czynienia z odwróceniem perspektywy przyjętej przez Johna Austina w jego *How to Do Things with Words* (1962), czyli „jak działać słowami” (por. w języku polskim: Austin 1993). Redaktorzy pytają „co słowa robią z ludźmi” – użytkownicy języka niekoniecznie dokonują racjonalnych wyborów, lecz dają się „prowadzić słowom” (Levisen i Waters 2017b: 2), zwłaszcza kulturowym słowom-kluczom.

---

uczestniczącej, później rozwiniętą przez Malinowskiego (por. Chruszczewski 2011: 104). Wpływ Malinowskiego polega też na zintegrowanym badaniu różnych aspektów kultury i języka, a taki integracyjny model nie jest obcy tradycji amerykańskiej – np. John Wesley Powell uznawał środowisko życia, technologię i kulturę za nierozłączne (Powell 1878). Obecnie wyraźnie podkreśla się holistyczne podejście do tradycyjnie wyróżnianych czterech działów antropologii: antropologii fizycznej (biologicznej), archeologii, antropologii kulturowej i antropologii lingwistycznej (zob. Ottenheimer 2013: 2).

⁹ Ciekawe, że już w latach 1950tych powstała tzw. lista Swadesha (Swadesh 1952; ostateczna wersja, zredagowana pośmiertnie: Swadesh 1971), czyli lista stu, a w rozszerzonej wersji dwustu siedmiu znaczeń służących do ustalania stopnia pokrewieństwa między językami – słowa reprezentujące te znaczenia miałyby stanowić podstawowy zasób każdego języka.

Drugi znaczący obszar wpływów australijskich na etnolingwistykę światową (cały czas używam terminu „etnolingwistyka” w szerokim sensie) to model lingwistyki kulturowej (*Cultural Linguistics*) wypracowany przez Farzada Sharifiana (2016, 2017b), Irańczyka związanego zawodowo z Australią przez większość swojego zawodowego życia. Według tego lingwisty relację między zachowaniem językowym a kulturowym najlepiej jest badać i opisywać przy pomocy tzw. konceptualizacji kulturowych, czyli kategorii, schematów i metafor kulturowych – a więc takich, które niosą ze sobą konceptualizacje rzeczywistości właściwe danej wspólnocie językowej. Jest to model bardzo pojemny i stąd bardzo atrakcyjny dla wielu badaczy; np. wydany przed kilku laty tom pod redakcją Sharifiana (Sharifian 2017a) zawiera prace dotyczące około dwudziestu obszarów tematycznych, obejmujących m.in.: język religii, nauczanie języków obcych, zróżnicowanie językowe i dialektalne, odmiany angielszczyzny, dwujęzyczność, systemy pokrewieństwa, konceptualizacje części ciała, (nie)uprzejmość językową, humor, formy adresatywne, ironię, płęć kulturową, samoidentyfikację, rolę języka w demokracji i konfliktach militarnych; a także szczegółowe kwestie gramatyczne, takie jak klasy wyrażen nominalnych, czy tzw. *evidentials*, czyli wyrażenia wskazujące na źródło informacji. Taka różnorodność tematyki robi wrażenie, jednak jednocześnie pojemność modelu Sharifiana niesie ze sobą niebezpieczeństwo braku spójności, rozmycia się podstawowych założeń modelu w wielości podejść i analiz szczegółowych.

Powstaje w tym miejscu pytanie, jak na tym tle zaklasyfikować prace węgierskiej badaczki Judit Baranyiné Kóczy (2017, 2018), których tematem są konceptualizacje kulturowe w węgierskich pieśniach ludowych. Czy należą one do etnolingwistyki zachodniej? Tematyka jest bliska badaniom słowiańskim, ale też amerykańskim (etnosemantyka), badany obszar geograficzny to Węgry, a więc ten region Europy Środkowej, który pozostaje pod wpływem sił ze wschodu, zachodu i południa Europy, natomiast aparat pojęciowy zaczerpnięto właśnie z modelu Sharifiana. Czy mówimy w tym wypadku o etnolingwistyce wschodniej (środkowo-europejskiej) ze względu na temat badań, czy raczej o zachodniej (globalnej?) ze względu na aparat opisowy? Czy takie rozróżnienie jest de facto możliwe i czy jest w ogóle konieczne?

Jak zaklasyfikować nieco zapomnianego i niedocenianego polskiego zesłańca na Sachalin, Bronisława Piłsudskiego, który na przełomie XIX i XX w. tamże oraz na japońskiej wyspie Hokkaido badał głównie kulturę i język Ajnów, ale też język niwchijski (dawniej zwany gilackim), orocki i język Mangunów? Podobnie jak Boas i Malinowski, Piłsudski zbierał dane językowe, podania i legendy, opisywał kulturę i obyczaje, dokonał też, co w owym czasie było niezwykle nowoczesne, nagrań fonograficznych, które zostały niedawno zdigitalizowane i są dostępne w internecie (<http://www.icrap.org/>). Piłsudski nie jest rozpoznawalny w tym samym stopniu, co Malinowski i Boas, nie miał odpowiedniego wykształcenia, spotykał się z oporem w świecie akademickim, tylko nieliczne z jego prac ukazywały się

w języku angielskim (Piłsudski 1912)¹⁰, nie zaproponował też porównywalnej refleksji teoretycznej. Jednak ponieważ w owym czasie podejście Piłsudskiego było niesłychanie nowoczesne (początek XX w. to moment przełomowy w antropologii, koncepcji badań terenowych, traktowania języków i kultur nieindoeuropejskich), to warto także jego uznać za prekursora antropologicznie zorientowanej etnolingwistyki. Jeśli jednak pytamy, pod jaką etnolingwistykę (zachodnią, wschodnią) położyli podwaliny Malinowski, Boas i Piłsudski, to de facto pytamy o to, jaka (która?) współczesna etnolingwistyka kontynuuje te tradycje: zachodnia, wschodnia, środkowoeuropejska? Uzasadniony byłby być może pogląd, iż taki podział nie ma sensu i poruszamy się w ramach jednej etnolingwistyki o wymiarze globalnym (choć wewnętrznie zróżnicowanej) i dopiero wewnątrz tak określonego kontekstu możemy próbować określić status etnolingwistyki zachodniej.

Przegląd zagadnień

Mając na uwadze powyższe trudności z określeniem tożsamości różnych „etnolingwistyk”, próba zdefiniowania etnolingwistyki zachodniej mogłaby uwzględnić właśnie owe „koncepcje założycielskie” w dwóch obszarach, jako kontynuacja (1) myśli Humboldta oraz (2) tych badań, od których zaczęła się etnolingwistyka w sensie bardziej systematycznym, czyli z jednej strony Malinowskiego, a z drugiej lingwistyki antropologicznej w Ameryce (począwszy co najmniej od Boasa). Do tego grona „ojców założycieli” może i powinien dołączyć Bronisław Piłsudski.

Obszary te łączą się co najmniej na dwa sposoby. Po pierwsze, jeśli Humboldt zaproponował koncepcję *Weltansicht*, obrazu świata zawartego w samym języku, to podobnie Malinowski postawił sobie za cel „uchwycenie punktu widzenia rodzimego użytkownika języka, jego wizji życia i świata” (Malinowski 1922: 25)¹¹. Bezpośrednio zadanie to kontynuuje obecnie związany z Instytutem Maxa Plancka Gunter Senft (2020), który np. postuluje stworzenie całościowej dokumentacji języka, kultury i aspektów poznawczych opisywanych przez Malinowskiego Trobriandczyków.

Po drugie, istnieje wyraźny, choć niezbyt łatwo rozpoznawalny ze względu na brak odniesień, wpływ Humboldta na szkołę amerykańską. Julia Penn twierdzi nawet, że istnieje „kontynuacja idei w prostej linii od Hamanna do Whorfa” (Penn 1972: 54), czyli w kolejności: Hamann – Herder – Humboldt – Boas – Sapir

¹⁰ Zebrane prace Piłsudskiego udostępniono anglojęzycznemu czytelnikowi dopiero stosunkowo niedawno, dzięki wytrwałości i uporowi grupy badaczy (Piłsudski 1998–2011).

¹¹ Oryginalne sformułowanie Malinowskiego jeszcze czytelniej przyznaje podmiotowy status reprezentantowi danej kultury – mowa jest tam o „jego świecie”: „to grasp the native’s point of view, his relation to life, to realize his vision of his world”.

– Whorf. Każdy z badaczy przejmując idee swojego poprzednika, ale też je rozwija, np. Sapir nie porzucił koncepcji Boasa, według której język odzwierciedla myśl i kulturę, lecz zasugerował, iż kształtuje on rzeczywistość społeczną. Trudno znaleźć bezpośrednie odwołania do Humboldta u samego Boasa¹², jednak wyraźne echa myśli tego pierwszego widzimy u Williama Whitneya, który co prawda niemieckiego uczonego nie wymienia, ale wymienia Heymanna Steinthala, badacza myśli Humboldta. Na przykład poniższy fragment jest de facto echem myśli Humboldta: „W każdym języku odnajdujemy charakterystyczny dla niego, unikalny zestaw utrwalonych rozróżnień, form myśli, które dla rodzimego użytkownika języka przyjmują wytwory jego umysłu, zestaw wrażeń oraz nabytych doświadczeń i wiedzy o świecie” (Whitney 1875: 21–22)¹³. Wpływ myśli Humboldta na lingwistykę amerykańską pod pewnymi względami można zresztą uznać za opatrnościowy z tego względu, iż w Europie koncepcja języka jako przejawu ducha narodu skompromitowała się poprzez swoje uwikłanie w ideologię nazistowską. To właśnie tę koncepcję podchwycili neo-humboldczycy, tacy jak Leo Weisgerber, którego prace na temat *sprachliches Weltbild* i *sprachliche Zwischenwelt* (czyli języka jako czegoś, co stoi między rzeczywistością a ludźmi) są skądinąd inspirujące pod względem naukowym (Weisgerber 1953: 58)¹⁴. Natomiast w USA i Kanadzie myśl tę skierowano ku badaniom języków i kultur rodzimych mieszkańców Ameryki, przy czym Boas, niejako równoległe z Malinowskim (a w większym stopniu niż Humboldt), przywiązywał wagę do wielowymiarowości i różnorodności punktów widzenia ukrytych w różnych kulturach. Być może, jak sugeruje John Joseph, Boas niechętnie odwoływał się do Humboldta właśnie z powodu owej koncepcji języka jako ducha narodu: “Boas stopniowo odchodził od używania terminów, które w XX w. brzmiały coraz bardziej staroświecko, jednak sama idea języka jako czegoś, co pozwala na zrozumienie posługującej się nim społeczności niezmiennie przenikała jego antropologię” (Joseph 2017: 12).

Z tej tradycji wyrosła wypracowana przez Sapira i Whorfa koncepcja relatywizmu językowego, który w latach 60. XX w. badano w ramach tzw. etn nauki (*ethnoscience*), czyli naukowego podejścia do kultury, etnosemantyki i tzw. etnografii mówienia (*ethnography of speaking*), którą zapoczątkował Dell Hymes (1962), a której przedmiotem są skodyfikowane zachowania werbalne. Zadaniem badacza

¹² Boas (1940: 639, 642) wymienia nazwisko Humboldta dwa razy, ale chodzić może raczej o Alexandra von Humboldta (przyrodnika), na co wskazuje kontekst wypowiedzi – praca nosi tytuł „The study of geography” (oryg. Boas 1887).

¹³ Whitney nie powtarza jednak wszystkich myśli Humboldta – np. jego koncepcja arbitralności znaku językowego (z której potem skorzystał de Saussure) nie całkiem przystaje do humboldtowskiej wizji języka jako przejawu ducha narodu, który się nim posługuje.

¹⁴ Notabene, akurat w przypadku Weisgerbera uwikłanie w nazizm przybrało stosunkowo łagodną formę, w przeciwieństwie do bardziej zaangażowanych Waltera Porziga, Josta Triera czy Georga Schmidt-Rohra.

jest w tym wypadku poszukiwanie wzorców i schematów „organizowania wypowiedzi w powtarzających się typach sytuacji komunikacyjnych” (Chruszczewski 2011: 154). Przykładem są prace Harry’ego Hoijera (studenta Sapira) nad językiem Indian Nawaho (np. Hoijer 1951), który pokazuje, że utrwalony w języku nacisk na wydarzenia i „dzianie się” oraz brak agentywności koreluje z praktyką życia Nawahów jako pół-nomadów. W etnosemantyce i etnografii mówienia ważne jest to, co słowa i wyrażenia znaczą dla ludzi, którzy się nimi posługują, nie same w sobie (por. Leavitt 2015: 58). Zakłada się, iż możemy dotrzeć do owych znaczeń kulturowych rekonstruując wzorce ludzkiego doświadczenia, takiego jak postrzeganie i nazywanie barw (to słynne badania Berlina i Kaya z 1969 r.), flora i fauna (np. Hunn 1977), czy relacji pokrewieństwa (np. Wallace i Atkins 1960) – ale dostrzeżono, że czysto klasyfikacyjne podejście, czyli stworzenie schematu taksonomicznego, który można wypełnić „zobiektywizowanymi” terminami, to ślepy zaułek. Innymi słowy, dla zrozumienia tego, jak doświadczają świata i funkcjonują w nim ludzie w społecznościach kulturowo-językowych ważne jest zrekonstruowanie tego doświadczenia „od dołu”, z perspektywy uczestnika danej kultury, wraz z refleksją nad właściwymi dla niej, wewnętrznymi systemami odniesień. W ten sposób tematykę relacji pokrewieństwa kontynuuje dzisiaj w badaniach nad polinezyjskim językiem tonga np. niemiecka badaczka Svenja Völkel (2016).

Takie podejście zakłada koncepcję kultury jako wiedzy, którą zręcznie ujął Ward Goodenough:

kultura nie jest zjawiskiem materialnym; nie składa się z przedmiotów, ludzi, zachowań, czy emocji. Jest raczej sposobem ich zorganizowania, formą ich postrzegania i rozumienia, modelem relacji między nimi i ogólnie ich interpretacji. (Goodenough 1957: 167)

Wiedza nie jest przy tym prostym przechowywaniem faktów w pamięci, lecz obejmuje raczej znaczenia „konstruowane”, symbolizujące to, co ważne. Etnolingwistyka oparta na takiej koncepcji wiedzy nie musi i nie powinna być ograniczona do refleksji akademickiej, ale może stać się dyscypliną stosowaną, czy wręcz zaangażowaną. Przykłady z własnego doświadczenia omawia włoska etnolingwistka Ilaria Micheli (2018), uczestnicząca w projektach rozwojowych prowadzonych przez organizacje pozarządowe. Jeden z takich projektów dotyczył ludu Ogieków w Kenii, gdzie starano się przywrócić tradycyjne formy pszczelarstwa, między innymi dla potrzeb ekoturystyki. Na pierwszym etapie Micheli ustaliła ważne dla Ogieków kategorie, pojęcia i słownictwo związane z pszczelarstwem oraz zidentyfikowała możliwe obszary nieporozumień (które w literaturze anglojęzycznej funkcjonują pod pojęciem *rich points*, Agar 1995). Podniosło to poziom wzajemnego zaufania, a przede wszystkim spowodowało, iż Ogiekowie poczuli się dowartościowani, odnaleźli poczucie własnej wartości i tożsamości. Ten wstępny etap stał się bazą dla bardziej pogłębionych analiz antropologiczno-społecznych i w końcu

działań praktycznych¹⁵. Istnieje zatem czytelny związek między konceptualizacją a praktyką życia, w tym praktyką ekonomiczną i materialnymi wytworami kultury. Dlatego wyłącznie ideacyjne rozumienie kultury, jakkolwiek inspirujące, jest jednostronne i niewystarczające – potrzebna jest równowaga między tym, co w kulturze poznawcze, a tym, co fizyczne (zob. Keesing 1974; Gumperz i Levinson 1991: 671).

Innym rodzajem równowagi, z którym wciąż zmagają się zachodnia etnosemantyka, jest rola i miejsce języka kreatywnego, literackiego – wkraczamy tu na obszar etnopoetyki (to problem rozważany także w Polsce). Amerykanin Paul Friedrich stawia nawet język poetycki w centrum uwagi jako coś, co najbardziej oddaje kreatywność i siłę obrazowania użytkownika języka (Friedrich 1979: 493), a także w czym najpełniej wyrażają się różnice między językami (1986: 17). Tego typu zainteresowanie poetycką stroną języka odnajdujemy już w pewnym stopniu u Sapira, który sam był poetą i wyczuwał wagę formy językowej (*form-feeling*), a także dużo wcześniej, np. w XVIII w. u Giambattisty Vico (1668–1774), potem u Johanna Herdera (1774–1803), czy też już na przełomie XIX i XX w. u Włocha Benedetto Croce (1866–1952). Wymieńmy kilka współczesnych przykładów, takich jak prace Johna Leavitta (2019) nad tradycyjnymi pieśniami w języku kumani (w indyjskiej części Himalajów), czy też Anthony’ego Webstera (2015) nad etnografią poezji Nawahów. Z kolei Dell Hymes (2003, 2004) zebrał i porównał narracje pochodzące z wielu rdzennie amerykańskich języków i kultur, pokazując, jak dzięki nim ludzie (ale w ramach swoich wspólnot i społeczności) tłumaczą i konstruują świat, w którym żyją. James Underhill (w druku) przebadał popularne pieśni i piosenki anglojęzyczne pod kątem wyrażanych w nich konceptualizacji kulturowych. Podejście to może też przybrać formę szczegółowego badania języka danego autora – tak np. David Danaher (2013, 2015) analizuje język Václava Havla. Może być ono także istotne w analizach przekładu, tak jak w wypadku francuskiego filologa i tłumacza Henri Meschonnic (1982, 1999), według którego język to nie tylko i nie tyle środek komunikacji, co sposób budowania wspólnoty poprzez dialog – a w tym ogromną rolę odgrywają właśnie tłumacze i ich przekłady, które mają być nie tyle odbiciem oryginału, co odpowiedzią na niego. Zadaniem tłumacza jest tworzenie tekstów, które zmieniałyby kulturę docelową – taką rolę odegrała np. Biblia Króla Jakuba (z 1568 r.) w rozwoju języka angielskiego, czy

---

¹⁵ Metoda ta sprawdziła się także w innym projekcie, o którym pisze Micheli, dotyczącym kwestii zdrowotnych i medycznych. Jest to o tyle ważne z praktycznego punktu widzenia, iż stosunkowo szybkie wykonanie pierwszego, etnolingwistycznego etapu, czyli odtworzenia mapy słownictwa i pojęć, na których można budować dalsze relacje, pozwala na efektywne wykorzystanie środków finansowych.

też przekład Biblii autorstwa Lutra (Nowy Testament 1522, całość 1534) w historii języka niemieckiego¹⁶.

I w końcu dochodzimy do kluczowej równowagi między językiem i kulturą. Jej poszukiwanie doprowadziło do wypracowania pojęcia lingwokultury, które z powodzeniem funkcjonuje w etnolingwistyce słowiańskiej, ale powstało też niezależnie w pracach autorów amerykańskich, wspomnianego już Paula Friedricha (*linguaculture*, Friedrich 1989) i Michaela Agara (*languaculture*, Agar 1995, 2006). Zapowiedzi koncepcji lingwokultury widzimy już u Sapira i Whorfa. W wypadku Sapira mamy co prawda rozróżnienie między kulturą jako *treścią* myśli i językiem jako *sposobem* myślenia (Sapir 1921: 218), ale tym samym autor ten w oczywisty sposób łączy język i kulturę poprzez myśl. W wypadku Whorfa musimy odnieść się do wspomnianego Raportu Uniwersytetu Yale (Whorf i Trager 1996 [1938]), w którym mówi się, że „sam język jest kulturą” (s. 267) i że tworzą one pewien kompleks (s. 264)¹⁷. Jednak w tym samym raporcie Whorf mówi o języku jako o czymś, co *zawiera się* w kulturze (s. 264), czyli o języku i kulturze niewerbalnej jako nierozłącznych częściach kultury w szerszym rozumieniu (s. 267). Do pojęcia lingwokultury zabrakło więc jednego kroku, który potem wykonali Friedrich i Agar¹⁸.

Obecnie w Europie Zachodniej pojęcie lingwokultury operacjonalizuje np. duńska badaczka Karen Risager (2006, 2015), która stosuje je w socjolingwistycznych opisach tzw. „globalnych przepływów językowych” (*global linguistic flows*), czyli sytuacji, w których style życia, muzyka, jedzenie, fotografie filmy itp. funkcjonują w sieciach społecznych o globalnym zasięgu. Przepływy, jakim podlegają, są także językowe, co w efekcie sprawia, że są one de facto lingwokulturowe. Z kolei Hiszpan Enrique Bernárdez (2008) mówi o języku *jako o kulturze* (*el lenguaje como cultura*), czyli niejako powtarza sformułowanie Whorfa – według Bernárdeza język wyrasta „z trwającej tysiące lat współpracy między ludźmi, wywołanej potrzebami życiowymi, a szczególnie tym, co w życiu jest najbardziej realne, czyli kulturą”

¹⁶ Refleksję na temat dzieła francuskiego filologa proponują Pajević (2019), a zwłaszcza Pajević i Smith (2018).

¹⁷ Według Bartmińskiego jest to „paradoks wzajemnego uzależnienia” (2001: 17).

¹⁸ Odnajdujemy w tym raporcie także myśl obecną wcześniej u Boasa i Sapira o braku relacji przyczynowo-skutkowej między językiem a kulturą. Boas mówi: „cechy anatomiczne, język i kultura niekoniecznie rozwijają się w sposób równoległy; dana społeczność może zachować swój określony typ anatomiczny i język, a zmienić się kulturowo; może pozostać niezmienną anatomicznie, ale zmienić się językowo; może też pozostać niezmienną językowo, ale zmienić się pod względem anatomicznym i kulturowym” (Boas 1911: 11). U Sapira natomiast czytamy: „łatwo jest wykazać, że [...] całkowicie niespokrewnione języki mogą być powiązane z tą samą kulturą, a blisko spokrewnione (a nawet ten sam język) należą do różnych sfer kulturowych” (Sapir 1921: 228). Oczywiście obaj uczeni postulują bliski związek języka i kultury w innym, głębszym sensie; Sapir na przykład pisze: „język nie istnieje poza kulturą, to znaczy w izolacji od społecznie odziedziczonego zestawu praktyk i wierzeń, które definiują tkankę naszego życia” (Sapir 1921: 230).

(Bernárdez 2008: 21)¹⁹. Oczywiście ponieważ takich sposobów każdy człowiek może znać wiele, jest rzeczą normalną, iż funkcjonujemy w wielu lingwokulturach jednocześnie. Znamienne przy tym jest to, iż to właśnie kulturę badacz ten uznaje za coś najbardziej realnego w życiu człowieka.

W koncepcji lingwokultury chodzi zatem o to, jaki świat stwarza nam „nasz” język, w szerokim rozumieniu słowa „nasz”, które może odnosić się do wspólnoty językowej dowolnych rozmiarów i spajanej na różne sposoby przez czynniki społeczne, kulturowe, aksjologiczne, etniczne itp. Jeśli przy tym zdefiniujemy etnos nie jako grupę, którą łączy wspólne pochodzenie, ale jako społeczność świadomą swojej odrębności i potrzeby jej ochrony (tak robi Andrzej Kokowski w rozmowie z Łukaszem Marcińczakiem, zob. Marcińczak 2017: 234–235), to etnolingwistyka będzie dotyczyć właśnie świadomości owej odrębności, czyli – kwestii tożsamości²⁰. Joshua A. Fishman (1996 [1980]: 63–66) wyróżnia trzy aspekty tożsamości kulturowej: etniczność jako bycie, działanie i wiedza (*ethnicity as being, doing, and knowing*). Właśnie kwestia tożsamości, którą uzyskujemy „myśląc i żyjąc w języku”, jest kluczowa w koncepcji znaczeń migrujących z jednej lingwokultury do drugiej, którym poświęcają swoje studium Underhill i Gianninoto (2019: 346). Owe migrujące znaczenia zawsze pociągają za sobą konsekwencje co do tożsamości ludzi włączonych w te procesy, do tego stopnia, że określanie tożsamości staje się poniekąd cechą definicyjną etnolingwistyki. Tożsamość zbiorową i świadomość niej uzyskujemy żyjąc w języku i kulturze, w języku jako kulturze, czy też, jednym słowem, w lingwokulturze.

Tego typu rozumienie relacji między człowiekiem a jego językiem ma miejsce nie tylko w odniesieniu do życia codziennego, ale także do obszarów refleksji naukowej, np. filozofii. Taki wymiar ma unikalny słownik pojęć filozoficznych pod redakcją Barbary Cassin (2004), w których pojęcia filozoficzne, ale też ogólne pojęcia humanistyczne, opisane są z uwzględnieniem specyfiki języków, w jakich powstały. Cassin uznaje, iż filozofię uprawiamy w danym języku – to w nim wypracowujemy pojęcia, które wejdą do systemu myśli, jaki ostatecznie proponujemy²¹. Swoistym paradoksem w wypadku tego słownika jest jednak to, iż choć jego tytuł mówi o nieprzekładalności haseł, które zawiera (a pochodzą one z około

¹⁹ Oryg.: „... de la cooperación entre innumerables individuos a lo largo de muchos milenios, empujados por la vida real y, muy especialmente, por lo más real de la vida: la cultura”. Kulturę Bernárdez rozumie za Bourdieu jako „konkretny, społecznie usankcjonowany sposób działania” („formas específicas, socialmente sancionadas, de hacer cosas”, Bernárdez 2008: 268).

²⁰ Na społeczny, nie biologiczny, wymiar etniczności kładzie nacisk Carmen Fought (2006, zwłaszcza r. 1). Michał Lubina (2019) przedstawia natomiast konsekwencje arbitralnych i politycznie motywowanych sposobów rozumienia narodu, etniczności i tożsamości w historii ludu Rohingya w birmańskim Arakanie.

²¹ Podobnie twierdzi amerykański filozof Charles Kahn (2008 [2004]) odnosząc się do filozofii greckiej, której charakterystyczne rysy zawdzięczamy językowi greckiemu.

dwudziestu języków²²) to został on napisany po francusku, a następnie przełożony na angielski (Cassin 2014). Problem przekładu tych pojęć i ich funkcjonowania w różnych językach jest zresztą treścią samego słownika. Na przykład angielskie *WORLD*, rosyjskie *MIR*, francuskie *MONDE* i niemieckie *WELT* to nakładające się, nomen omen, światy pojęciowe, ale to w niemieckim Martin Heidegger zaproponował użycie czasownika *welten* w sensie ‘istnieć jako świat’ („W każdym otoczeniu, zawsze i wszędzie widzę, że wszystko jest światem/ma naturę świata. Wszędzie jest tak, że *es weltet* – ‘światuje’/świat istnieje”); Heidegger w 1919 r.; Cassin 2014: 1224). Ciekawe, że w słowniku, przynajmniej w jego wersji angielskiej, nie ma francuskiego *MONDE* – być może uznano je za niewystarczająco filozoficzne lub zbyt „przetłumaczalne”? Z drugiej strony, uzyskanie zadowalającej równowagi między bardziej i mniej przetłumaczalnymi pojęciami filozoficznymi jest niełatwe, ponieważ funkcjonują one w obiegu międzynarodowym poza swoim oryginalnym kontekstem językowym, a często na ów kontekst nie sposób precyzyjnie wskazać.

Etnolingwistyka zachodnia – próba syntezy

Jakie zatem cechy charakterystyczne, nawet jeśli nie uznalibyśmy ich za definicyjne, można wyróżnić w etnolingwistyce zachodniej? Przypomnijmy, iż etnolingwistykę rozumiemy szeroko, jako „relację między zachowaniem językowym i kulturowym” (Lee 1996: 143), doszukując się jej w pracach autorów, którzy niekoniecznie uznaliby samych siebie za etnolingwistów oraz pamiętając o wszelkich zastrzeżeniach dotyczących obu członów tego terminu. To, co wyliczam poniżej w ośmiu punktach, to forma podsumowania, wzbogacona jednak o pewne uzupełnienia.

(1) Etnolingwistyka zachodnia ma tendencję do skupiania się na językach i kulturach „Innych”, społecznościach często odległych geograficznie, a na pewno kulturowo, od badających, co w założeniu badaczy miałyby wyraźniej pokazać zasadę relatywizmu językowego. Np., jak pisze Galina Kabakowa (1993), etnolingwistyka francuska w latach 1960. i 1970. znacznie więcej uwagi poświęcała tradycyjnym kulturom wiejskim w koloniach francuskich niż we Francji (chodzi np. o fundamentalną pracę Geneviève Calame-Griaule 1965 na temat Dogonów), ale miało to także miejsce sporo później (np. w wypadku pracy Michéle Terrien 1987 nt. Inuitów w Quebecu). Francję odkrywano stopniowo i nieśmiało, prowadząc badania

---

²² We wstępie do wydania angielskiego mowa jest o językach arabskim, baskijskim, katalońskim, duńskim, angielskim, francuskim, niemieckim, greckim (klasycznym i współczesnym), hebrajskim, węgierskim, łacińskim, polskim, portugalskim, rumuńskim, rosyjskim i hiszpańskim. Niestety nie udało mi się (w tejże anglojęzycznej wersji słownika) odnaleźć haseł pochodzących z katalońskiego, duńskiego, węgierskiego i polskiego.

dialektologiczne (np. w Oksytanii, zob. Fabre, Lacroix i Lafon 1973) i łącząc je z refleksją nt. tożsamości i samoświadomości językowej. Praktyka ta nie nadążała za deklaracją autora, który jest współodpowiedzialny za wprowadzenie etnolingwistyki w obręb refleksji naukowej we Francji, Bernarda Pottiera, według którego „polem badania może być zarówno bulwar St. Michel, jak i Ziemia Ognista” (Pottier 1970; w: Kabakowa 1993: 102)²³.

Owo zainteresowanie „Innymi” przynosi jednak czasem zaskakująco daleko siężne skutki, co miało miejsce np. w przypadku badań Daniela Everetta (2005, 2009) nad językiem i kulturą Pirahã w Amazonii, dzięki którym autor ten zakwestionował tezę Chomsky’ego o rekursji jako o uniwersalnym mechanizmie definiującym język (zob. dyskusję w: Nevins, Pesetsky i Rodrigues 2009). Wartość tego typu badań, które z pewnością możemy nazwać etnolingwistycznymi w szerokim sensie, dotyka zatem fundamentalnych kwestii dla językoznawstwa w ogóle.

(2) Etnolingwistyka zachodnia ma również wyraźny „rys klasyfikacyjny”, kategoryzujący doświadczenie kulturowe barw, relacji pokrewieństwa, flory i fauny, czy też ludzkiego ciała. Stopniowo tego rodzaju badania przechodziły od „etnowiedzy” (czyli badania systemów taksonomicznych) do analiz semantyki samego języka, aktów mownych.

(3) To z kolei u niektórych badaczy prowadzi do skupienia się na kreatywnej, poetyckiej stronie języka, czyli etnopoetyce. We Francji przez długi czas były to głównie teksty ustne – w 1976 roku utworzono nawet centrum naukowe specjalizujące się w badaniach etnolingwistycznych pod nazwą *Laboratoire des Langues et civilisations a tradition orale* (LACITO), czyli „Laboratorium języków i cywilizacji mających tradycję ustną”. Według Galiny Kabakowej, z tradycją tą koresponduje etnopoetyka w wydaniu amerykańskim, co rosyjska autorka wnioskuje na podstawie zawartości hasła „etnopoetyka” w amerykańskiej encyklopedii językoznawstwa pod redakcją Williama Brighta z 1992 roku (IEL 1992) (Kabakowa 1993: 112). Jednak obecnie i w USA, i w Europie mamy prace mieszczące się w etnopoetyce, ale oparte na tekstach pisanych, tak jak (w Ameryce) wspomniane już analizy języka Havla autorstwa Davida Danahera (2013, 2015), czy (w Europie) praca Underhilla (2016) na temat wersyfikacji w przekładzie poezji, w której autor pokazuje, iż możemy mieć „różnych Baudelaire’ów” lub „różne Emily Dickinson”. Etnopoetyka nie jest jednak obecnie w awangardzie etnolingwistyki, o czym może świadczyć układ rozdziałów w niedawno wydanym *The Routledge Handbook of Language and Culture* (Sharifian 2015), w którym sekcja pod tytułem „Ethnolinguistics” zawiera rozdziały o etnoskładni, etnosemantyce i etnopragmatyce, lecz nie o etnopoetyce.

²³ Rok wcześniej o etnolingwistyce pisał Ž. Shen w książce pod redakcją D’Andre Martineta (1969), ale nie uznał jej za odrębną dyscyplinę, a tylko obszar specjalizacji zarówno lingwistów, jak etnologów (Kabakowa 1993: 100).

(4) Etnolingwistyka zachodnia to poszukiwanie samoidentyfikacji, samookreślenia, tożsamości (to częściowo trzeci paradygmat amerykańskiej antropologii lingwistycznej według Alessandro Durantiego 2003, po przedwojennej antropologii w duchu Boasa i późniejszych badaniach z naciskiem na komunikację, pragmatykę i kwestie socjolingwistyczne)²⁴. Underhill i Gianninoto (2019) idą głębiej, definiując etnolingwistykę jako kierunek badań, który zajmuje się „rozwojem człowieka w środowisku językowym” (2019: 346), a nawet rozwojem „ludzkości” (*the development of mankind in language*). Innymi słowy, to język stwarza przestrzeń, w której najpierw pojawiają się, a potem uzyskują tożsamość samoświadome społeczności ludzkie. Owa tożsamość przekłada się później na witalność/żywość etnolingwistyczną (*ethnolinguistic vitality*) danego języka, którą np. Julia Sallabank (2006) bada na przykładzie balansującego właśnie na granicy witalności języka Guernésiais, używanego na wyspie Guernsey (leżącej u wybrzeży Normandii, ale politycznie zależnej od Wielkiej Brytanii). Tego typu refleksję możemy też umieścić w obszarze ekolingwistyki.

(5) Etnolingwistyka „tożsamościowa” ma oczywiście aspekt socjolingwistyczny, co jest niewątpliwie kontynuacją socjolingwistyki Della Hymesa (1962), czyli drugiego paradygmatu amerykańskiej antropologii lingwistycznej według Durantiego (2003). Wyraźny rys socjolingwistyczny ma refleksja nad kulturowym wymiarem języka uprawiana w Wielkiej Brytanii – wystarczy wspomnieć przełomową koncepcję aktów mowy Johna Austina (1962), która wyszła daleko poza kontekst brytyjski (w USA są to głównie prace Johna Searle’a, np. z 1969 r.), a nawet anglosaski, uzyskując zasięg światowy. Prace brytyjskie idą też w kierunku politologicznym – jest to np. krytyczna analiza dyskursu, która bada relacje między językiem a sprawowaniem kontroli i władzy (zob. Fowler i in. 1979; Fairclough 1989). Piotr Chruszczewski (2011: 55) twierdzi nawet, iż brytyjska lingwistyka antropologiczna w zasadzie nigdy nie wyodrębniła się metodologicznie, lecz pozostała związana z antropologią społeczną.

(6) Ów komunikacyjny i społecznie zorientowany kierunek etnolingwistyki zachodniej może mieć także rys kognitywistyczny – prace funkcjonujące pod nazwą *socjolingwistyki kognitywnej* poruszają np. społeczne wymiary zróżnicowania językowego (Kristiansen i Dirven 2008) lub parametry leksykalnej zbieżności i rozbieżności między różnymi odmianami języka (Geeraerts, Kristiansen i Peirsmann 2010). Aspekt poznawczy jest także wyraźnie obecny w modelu lingwistyki kulturowej Sharifiana (patrz wyżej), opartym na koncepcji poznania kulturowego oraz kulturowych kategorii, schematów i metafor. To w nich wyraża się samookreślenie i tożsamość grup kulturowych.

---

²⁴ Listę tych trzech paradygmatów Piotr Chruszczewski (2011: 199nn.) rozszerza o czwarty paradygmat komunikacyjno-dyskursywny, nie tylko w kontekście amerykańskim.

(7) Etnolingwistykę zachodnią cechuje także badanie metaforyki dyskursu (Eubanks 2000; Semino 2008; Musolff i Zinken 2009; Underhill 2011, 2012; Kövecses 2017), również w wymiarze międzykulturowym. Międzykulturowość i wielokulturowość to w refleksji zachodniej problem kluczowy, co bardzo czytelnie pokazuje choćby książka pod redakcją Waldemara Czachura (2017a). W wstępie do tej publikacji Czachur zwraca przy tym uwagę na ciekawe ujęcie problemu proponowane przez zespół badaczy z Uniwersytetu w Zurichu pod kierownictwem Angeliki Linke, którzy stosują termin *kulturanalytische Linguistik*, czyli „lingwistyka analizująca kulturę” (zob. Linke 2011). Według Czachura „traktować ją można jako lingwistykę kulturową, zwłaszcza że jej celem jest uchwycenie kulturowego charakteru użyć języka” (Czachur 2017b: 16).

(8) Wspomnijmy na koniec o tym, że lingwistyka zachodnia szybko i szeroko reaguje na bieżące wydarzenia, takie jak Brexit (Musolff 2017; Buckledee 2018) czy kryzys migracyjny (Torkington i Ribeiro 2019). Ten drugi problem to zresztą nie tylko kryzys z lat 2015–2018, ale szersze zjawisko, które dotyka także mocno już osiadłych społeczności i języków, np. wzajemnego przenikania się języka, rasy i klasy w kontekście brytyjskich migrantów w Bretanii (Etrillard 2019). Trudno jednak w tych analizach doszukiwać się cech wyróżniających zachodnie badania nad językiem i kulturą – podobne obserwacje możemy poczynić w stosunku do innych tradycji badawczych, również w Polsce.

Powyższa lista jest dosyć eklektyczna i oczywiście niekompletna, choćby ze względu na ogrom obszarów językowych, wielość języków i samą liczbę badaczy, których możemy uznać za zachodnich etnolingwistów. Taki trochę niejasny jest też status zachodniej etnolingwistyki – o ile sam termin najczęściej przegrywa z innymi określeniami, to prace, które przy liberalnym podejściu do terminologii można uznać za etnolingwistyczne, są zarówno liczne, jak i różnorodne. Wypada mieć nadzieję, że zaproponowana tu lista daje jakieś wyobrażenie o tym, czym zachodnia etnolingwistyka mogłaby się okazać, gdybyśmy się jej dokładnie przyjrzeni.

Zakończenie

Nie sposób nie zakończyć myślą, którą już niejednokrotnie sformułowano: ponieważ wschodnie (czytaj: słowiańskie) i zachodnie tradycje etnolingwistyczne nie są całkowicie zbieżne, istnieje wyraźnie odczuwalna potrzeba dialogu między nimi (co notabene postulowałem we wcześniejszej publikacji w kontekście badań nad językowym obrazem świata, Gład 2017). Taki dialog, który naturalnie toczy się z różną intensywnością od szeregu lat, może przybierać dwie podstawowe formy. Pierwsza z nich wymaga dobrej znajomości „obu światów”, która pozwala na ich syntetyczne ujęcie (zob. Zinken 2004, 2009) i określenie obszarów, które podlegają wspólnej refleksji lub zbieżnych (faktycznie bądź potencjalnie) podejść

metodologicznych. I tak, Jörg Zinken (2009) upatruje szansy na dialog między etnolingwistyką lubelską a kulturowo zorientowaną lingwistyką kognitywną (patrz prace Gary'ego Palmera) w badaniach nad społeczno-kulturowym „usytuowaniem” (*situatedness*) użytkowników języka (Zinken przywołuje tu pracę pod redakcją Frank i in. 2008). Z kolei Underhill i Gianninoto (2019) definiują etnolingwistykę kontrastując, lecz także starając się łączyć jej zachodnią i słowiańską tradycję:

Etnolingwistyka [...] zajmuje się rozwojem człowieka [*mankind*] w środowisku językowym oraz relacją między kulturą a konceptualizacją językową. Zdaniem etnolingwistów myślimy i czujemy w języku. W językoznawstwie anglojęzycznym termin *etnolingwistyka* jest często uznawany za synonim antropologii lingwistycznej. Choć Lubelska Szkoła Etnolingwistyczna nie zyskała jeszcze wystarczającej rozpoznawalności w krajach anglojęzycznych, proponuje ona szeroko zakrojone i przekonujące analizy języka i kultury od lat 1980tych [...] W obszarze języka angielskiego, Anna Wierzbicka zdołała wprowadzić w obieg podejście filologiczne (Naturalny Metajęzyk Semantyczny), które łączy zainteresowanie literaturą i systemem języka. Za źródło inspiracji dla etnolingwistów uznaje się często niemieckiego lingwistę Wilhelma von Humboldta (1767–1835) jako myśliciela, który rozpoczął badania dużej liczby różnorodnych języków i zakodowanych w nich obrazów świata. (Underhill i Gianninoto 2019: 346)

Druga forma dialogu między zachodnią i wschodnią etnolingwistyką mogłaby polegać na rozpoznawaniu, a nawet formułowaniu wspólnych pytań i poddawaniu pod dyskusję udzielanych na nie odpowiedzi i rozwiązań teoretycznych. Mogłyby to być pytania wymagające szczegółowych analiz semantycznych, ale także „duże” problemy koncepcyjno-teoretyczne, takie jak relacja między językiem, konceptualizacją i rzeczywistością, a zatem status tego, co nazywamy językowym obrazem świata. Wymieńmy kilka możliwych obszarów refleksji. Co pozwala nam, w obliczu ogromnej różnorodności języków, mówić o „językowym obrazie” świata? Jeśli z kolei uwzględniamy ową różnorodność, to czy mamy do czynienia z obrazami świata, czy (idąc za Sapirem) obrazami światów? Czy obraz świata zakodowany w języku (językach) jest czymś odrębnym, czy raczej przedłużeniem (odzwierciedleniem) tego, jak postrzegamy i odbieramy rzeczywistość intuicyjnie, podświadomie i poprzez doświadczenie kulturowe? Co to znaczy, że obraz świata jest „językowy” – jak rozstrzygnąć problem zróżnicowania dialektalnego, socjolektalnego, kwestie żargonów, slangów itd.? Czy wspólnotowy językowy obraz świata jest sumą czy wspólnym mianownikiem obrazów indywidualnych? Pytań tego typu jest wiele, a odpowiedzi, których bezpośrednio lub implicytnie udzielają różni autorzy (Palmer 1996, Sharifian 2017a, Underhill 2011, Bartmiński 2006) – zróżnicowane²⁵. Dialog, który polegałby na wsłuchiwaniu się w odpowiedzi na te pytania udzielane w ramach różnych tradycji badawczych mogłby stosunkowo

²⁵ Koncepcje rozwiązań tych problemów proponowane przez różne szkoły etnolingwistyczne, wraz z możliwością dialogu między nimi, omawiam w: Głaz (2017, 2022).

łatwo przybrać formę wspólnych konferencji i spotkań warsztatowych o otwartej formule. Pozwoliłoby to na uważne zapoznanie się z podejściem praktykowanym przez inne szkoły etnolingwistyczne, a w drugiej kolejności (być może, choć niekoniecznie) na wypracowanie wspólnych rozwiązań. Zbliżyłoby też nas do odpowiedzi na pytanie, czy podział na etnolingwistykę wschodnią i zachodnią ma rację bytu, a jeśli tak, to w których aspektach warto przeprowadzić takie rozróżnienie. Powstałby przy tym kontekst do rozważań na temat istnienia lub wypracowania czegoś, co moglibyśmy nazwać etnolingwistyką globalną.

Literatura

- Agar Michael, 1995, *Language shock: Understanding the culture of conversation*, New York: William Morrow.
- Agar Michael, 2006, *Culture: can you take it anywhere?* „International Journal of Qualitative Methods” 5(2). https://sites.ualberta.ca/~iiqm/backissues/5_2/PDF/agar.pdf (dostęp: 12.06.2021).
- Anusiewicz Janusz, 1995, *Językoznawstwo kulturowe*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Appiah Kwame Anthony, 1993, *Thick translation*, „Callaloo” 16(4), s. 808–819.
- Austin John L., 1962, *How to do things with words. The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*, Oxford: Clarendon Press.
- Austin John L., 1993, *Mówienie i poznawanie*, tłum. Bohdan Chwedeńczuk, Warszawa.
- Bartmiński Jerzy, 2006, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin.
- Bartmiński Jerzy, 2001. *Język w kontekście kultury*, [w:] *Współczesny język polski*, red. Jerzy Bartmiński, Lublin, s. 13–22.
- Berlin Brent, Kay Paul, 1969, *Basic color terms: their universality and evolution*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Bernárdez Enrique, 2008, *El lenguaje como cultura*, Madrid: Alianza.
- Boas Franz, 1887, *The study of geography*, „Science” 9, s. 137–141.
- Boas Franz, 1911, *Introduction*, [w:] *Handbook of American Indian languages, Vol. 1*, Bureau of American Ethnology, Smithsonian Institution, Bulletin 40. Washington, D.C.: Government Printing Office, s. 1–83.
- Boas Franz, 1940, *Race, language and culture*, New York: The Macmillan Company.
- Buckledee Steve, 2018, *The language of Brexit: How Britain talked its way out of the European Union*, London: Bloomsbury Academic.
- Calame-Griaule Geneviève, 1965, *Ethnologie et langage. La parole chez les Dogons*, Paris: Gallimard.
- Cambridge Dictionary*, <https://dictionary.cambridge.org/> (dostęp: 2.04.2021).
- Cassin Barbara (red.), 2004, *Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles*, Paris: Éditions de Seuil/Dictionnaires de Robert.
- Cassin Barbara (red.), 2014, *Dictionary of untranslatables. A philosophical lexicon*, tłum. Steven Rendall i in., Princeton-Oxford: Princeton University Press.
- Chruszczewski Piotr, 2011, *Językoznawstwo antropologiczne. Zadania i metody*, Wrocław.

- Czachur Waldemar (red.), 2017a, *Lingwistyka kulturowa i międzykulturowa. Antologia*, Warszawa.
- Czachur Waldemar, 2017b, *Lingwistyka kulturowa i międzykulturowa. Pytania badawcze, zadania i perspektywy*, [w:] *Lingwistyka kulturowa i międzykulturowa. Antologia*, red. Waldemar Czachur, Warszawa, s. 7–38.
- Danaher David S., 2010, *An ethnolinguistic approach to key words in literature: lidskost and duchovnost in the writings of Václav Havel*, „Ročenka Textů Zahraničních Profesorů /The Annual Texts by Foreign Guest Professors” 4, s. 27–54.
- Danaher David S., 2013, *Ethnolinguistics and literature: the meaning of svědomí “conscience” in the writings of Václav Havel*, [w:] *The linguistic worldview. Ethnolinguistics, cognition and culture*, red. Adam Głaz, David S. Danaher, Przemysław Łozowski, London: Versita/De Gruyter Open Poland, s. 93–113.
- Danaher David S., 2015, *Reading Václav Havel*, Toronto: University of Toronto Press.
- Dąbrowska Anna, 2005, *Współczesne problemy lingwistyki kulturowej*, [w:] *Polonistyka w przebudowie; tomy 1 i 2*, red. Małgorzata Czerwińska i in., Kraków, s. 99–110.
- Duranti Alessandro, 2003, *Language as culture in U.S. anthropology. Three paradigms*, „Current Anthropology” 44(3), s. 323–347.
- Enfield Nick J. (red.), 2004, *Ethnosyntax: Explorations in grammar and culture*, Oxford: Oxford University Press.
- Etrillard Aude, 2019, *Regimes of language, whiteness and social class: The negotiation of sociolinguistic privileges by British migrants in rural France*, „Language & Communication” 66, s. 29–40. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2018.10.007>.
- Eubanks Philip, 2000, *A war of words in the discourse of trade: The rhetorical constitution of metaphor*, Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press.
- Everett Daniel L., 2005, *Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã*, „Current Anthropology” 46, s. 621–634.
- Everett Daniel L., 2009, *Pirahã culture and grammar: A response to some criticisms*, „Language” 85(2), s. 405–442.
- Fabre Daniel, Lacroix Jacques, Lafon Robert, 1973, *Perspectives en ethnolinguistique occitane*, „Ethnologie française” 3 (3/4), s. 253–264.
- Fairclough Norman, 1989, *Language and power*, London: Longman.
- Fishman Joshua A., 1996 [1980], *Ethnicity as being, doing, and knowing*, [w:] *Ethnicity*, red. John Hutchinson i Anthony D. Smith, Oxford-New York: Oxford University Press, s. 63–69.
- Fought Carmen, 2006, *Language and ethnicity*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Fowler Roger, Hodge Bob, Kress Gunther, Trew Tony, 1979, *Language and control*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Frank Roslyn M., Dirven René, Ziemke Tom, Bernárdez Enrique (red.), 2008, *Body, language, and mind. Volume 2: Sociocultural situatedness*, Berlin: De Gruyter.
- Friedrich Paul, 1979, *Poetic language and imagination: A reformulation of the Sapir hypothesis*, [w:] *Language, context, and the imagination*, Paul Friedrich, Stanford, CA: Stanford University Press, s. 441–517.
- Friedrich Paul, 1986, *The language parallax: Linguistic relativism and poetic indeterminacy*, Austin, TX: University of Texas Press.
- Friedrich Paul, 1989, *Language, ideology, and political economy*, „American Anthropologist” 91(2), s. 295–312.

- Geeraerts Dirk, Kristianssen Gitte, Peirsman Yves (red.), 2010, *Advances in cognitive sociolinguistics*, Berlin and New York: De Gruyter Mouton.
- Geertz Clifford, 2005, *Interpretacja kultur*, tłum. Maria M. Piechaczek, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Głaz Adam, 2017, *Promoting dialogue: Two traditions in language and culture research*, [w:] *Across Borders 6: The West Looks East*, red. Joanna Ziobro-Strzępek, Władysław Chłopicki, Krosno: Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. Stanisława Pigionia, s. 41–58.
- Głaz Adam, 2019, *Słowa-kłucze ujęte w Naturalny Metajęzyk Semantyczny*. Carsten Levisen i Sophia Waters (ed.), *Cultural Keywords in Discourse*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” 31, s. 293–297. <https://doi.org/10.17951/et.2019.31.293>.
- Głaz Adam, 2022, *Linguistic worldview(s): Approaches and applications*, New York and London: Routledge.
- Goddard Cliff (red.), 2006, *Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context*, Berlin: Mouton de Gruyter.
- Goddard Cliff, Ye Zhengdao, 2015, *Ethnopragmatics*, [w:] *The Routledge handbook of language and culture*, red. Farzad Sharifian, Abingdon, Oxon and New York: Routledge, s. 66–83.
- Goodenough Ward, 1957, *Cultural anthropology and linguistics*, [w:] *Report of the seventh annual round table meeting in linguistics and language study*, red. Paul L. Garvin, Washington, DC: Georgetown University, s. 167–173.
- Gumperz John J., Levinson Stephen C., 1991, *Rethinking linguistic relativity*, „Current Anthropology” 32(5), s. 613–623.
- Haugen Einar, 1972, *The ecology of language*, red. Anwar S. Dil, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Hojjer Harry, 1951, *Cultural implications of some Navaho linguistic categories*, „Language” 27(2), s. 111–120. <https://doi.org/10.2307/410424>.
- Humboldt Wilhelm von, 1907, *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, [w:] *Wilhelm von Humboldts Gessamelte Schriften, Band VII*, Berlin: B. Behr’s Verlag.
- Hunn Eugene S., 1977, *Tzeltal folk zoology: The classification of discontinuities in nature*, New York: Academic Press.
- Hymes Dell H., 1962, *The ethnography of speaking*, [w:] *Anthropology and human behavior*, red. Thomas Gladwin, William C. Sturtevant, Washington, D.C.: The Anthropological Society of Washington, s. 13–53.
- Hymes Dell H., 2003, *Now I know only so far: Essays in ethno poetics*, Lincoln: University of Nebraska Press.
- Hymes Dell H., 2004, *In vain I tried to tell you’: Essays in Native American ethno poetics*, Lincoln: University of Nebraska Press.
- IEL, 1992, *International encyclopedia of linguistics*, red. William Bright, New York: Oxford University Press.
- Joseph, John E., 2017, *The reception of Wilhelm von Humboldt’s linguistic writings in the anglosphere, 1820 to the present*, „Forum for Modern Language Studies” 53(1), s. 7–20. <https://doi.org/10.1093/fmls/cqw080>.
- Kabakowa Galina I., 1993, *Francuzskaja etnolingwistika: Problematika i metodologija*, „Woprosy jazykoznanija” 6, s. 100–113.

- Kahn Charles H., 2008, *Z powrotem do teorii czasownika "być" i pojęcia bytu*, [w:] *Język i ontologia*, tłum. Bartosz Żukowski, s. 81–113.
- Keesing Roger M., 1974, *Theories of culture*, „Annual Review of Anthropology” 3, s. 73–97.
- Kóczy Judit Baranyiné, 2017, *Cultural conceptualisations of RIVER in Hungarian folksongs*, [w:] *Advances in cultural linguistics*, red. Farzad Sharifian, Singapore: Springer, s. 223–245.
- Kóczy Judit Baranyiné, 2018, *Nature, metaphor, culture: Cultural conceptualizations in Hungarian folksongs*, Singapore: Springer.
- Kövecses Zoltán, 2017, *Context in Cultural Linguistics: the case of metaphor*, [w:] *Advances in Cultural Linguistics*, red. Farzad Sharifian, Singapore: Springer, s. 307–323.
- Kristianssen Gitte, Dirven René (red.), 2008, *Cognitive sociolinguistics: Language variation, cultural models, social systems*, Berlin and New York: De Gruyter Mouton.
- Leavitt John, 2014, *Words and worlds: Ethnography and theories of translation*, „HAU: Journal of Ethnographic Theory” 4(2), s. 193–220. <https://doi.org/10.14318/hau4.2.009>.
- Leavitt John, 2015, *Ethnosemantics*, [w:] *The Routledge handbook of language and culture*, red. Farzad Sharifian, London and New York: Routledge, s. 51–65.
- Leavitt John, 2019, *Translation as philology as love*, [w:] *Languages–cultures–worldviews. Focus on translation*, red. Adam Gład, Cham: Palgrave Macmillan, s. 83–108.
- Lee Penny, 1996, *The Whorf theory complex. A critical reconstruction*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Levisen Carsten, 2015, *Scandinavian semantics and the human body: An ethnolinguistic study in diversity and change*, „Language Sciences” 49, s. 51–66.
- Levisen Carsten, 2017, *The semantics of "violence": Ethnoembodiment and postcolonial cognition*, The 6th conference of the Scandinavian Association for Language and Cognition, Lund, Szwecja. <https://forskning.ruc.dk/en/publications/the-semantics-of-violence-ethnoembodiment-and-postcolonial-cognit>.
- Levisen Carsten, Waters Sophia (red.), 2017a, *Cultural keywords in discourse*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Levisen Carsten, Waters Sophia, 2017b, *How words do things with people*, [w:] *Cultural keywords in discourse*, red. Carsten Levisen i Sophia Waters, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, s. 1–23.
- Linke Angelina, 2011, *Signifikante Muster – Perspektiven einer kulturanalytischen Linguistik*, [w:] *Begegnungen. Das VIII. Nordisch-Baltische Germanistentreffen in Sigtuna vom 11. bis zum 13.6. 2009, Stockholm*, red. Elisabeth Wåghäll Nivre, Constanze Ackermann, Stockholm, Visby: Acta Universitatis Stockholmiensis, s. 23–44.
- Lubina Michał, 2019, *Rohingya. Kim są prześladowani muzułmanie Birmy?*, Warszawa.
- Malinowski Bronislaw, 1920, *Classificatory particles in the language of Kiriwina*, *Bulletin of the School of Oriental Studies* 1 (Part IV), s. 33–78.
- Malinowski Bronislaw, 1922, *Argonauts of the Western Pacific: An account of native enterprise and adventure in the archipelagos of Melanesian New Guinea*, New York: E. P. Dutton and Company Ltd.
- Malinowski Bronislaw, 1935, *Coral gardens and their magic: A study of the methods of tilling the soil and of agricultural rites in the Trobriand Islands*, London: Allen & Unwin.
- Malinowski Bronislaw, 1952 [1923], *The problem of meaning in primitive languages*, [w:] *The meaning of meaning*, red. Charles Kay Ogden, Ivor Armstrong Richards, wydanie 10,

- New York and London: Harcourt, Brace and Company/Routledge and Kegan Paul Ltd., s. 296–336.
- Marcińczak Łukasz, 2017, *Świat trzeba dokończyć. Rozmowy o imponderabiliach*, Lublin.
- Martinet D'Andre (red.), 1969, *La linguistique: Guide alphabétique*, Paris: Editions Denöel.
- Mathiot Madeleine (red.), 1979, *Ethnolinguistics: Boas, Sapir and Whorf revisited*, The Hague: Mouton.
- Meschonnic Henri, 1982, *Critique du rythme: anthropologie historique du langage*, Paris: Verdier.
- Meschonnic Henri, 1999, *Poétique du traduire*, Paris: Verdier.
- Micheli Ilaria, 2018, *When ethnolinguistics breaks out of academia. A report from Africa and international cooperation*, „Antropologia Pubblica” 4(1), s. 137–151.
- Musolff Andreas, 2017, *Truths, lies and figurative scenarios. Metaphors at the heart of Brexit*, „Journal of Language and Politics” 16(5), s. 641–657. <https://doi.org/10.1075/jlp.16033.mus>.
- Musolff Andreas, Zinken Jörg (red.), 2009, *Metaphor and discourse*, London: Palgrave Macmillan.
- Nevins Andrew, Pesetsky David, Rodrigues Cilene, 2009, *Pirahã exceptionality: A reassessment*, „Language” 85(2), s. 355–404.
- Ottenheimer Harriet Joseph, 2013, *The anthropology of language. An introduction to linguistic anthropology*, wydanie 3, Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning.
- Pajević Marko, 2019, *Buber/Rosenzweig's and Meschonnic's Bible translations: Biblical Hebrew as transformer of language theory and society*, [w:] *Languages–cultures–worldviews. Focus on translation*, red. Adam Gład, Cham: Palgrave Macmillan, s. 183–210. https://doi.org/10.1007/978-3-030-28509-8_8.
- Pajević Marko, Smith David Nowell (red.), 2018, *Thinking language with Henri Meschonnic*. „Comparative Critical Studies” 15(3).
- Palmer Gary B., 1996, *Toward a theory of cultural linguistics*, Austin, TX: University of Texas Press.
- Palmer Gary B., 2015, *Ethnography: A neglected method of inductive linguistics*, „Etnolingwistyka” 27, p. 21–45.
- Peeters Bert, 2015a, *Language and cultural values: Adventures in applied ethnolinguistics*, „International Journal of Language and Culture” 2(2), s. 133–144. <https://doi.org/10.1075/ijolc.2.2.001pe>.
- Peeters Bert, 2015b, *Language, culture and values: Towards an ethnolinguistics based on abduction and salience*, „Etnolingwistyka” 27, p. 47–62. <https://doi.org/10.17951/et.2015.27.47>.
- Peeters Bert, 2017, *APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS?*, [w:] *Advances in Cultural Linguistics*, red. Farzad Sharifian, Singapore: Springer, 507–527.
- Peeters Bert (red.), 2019, *Heart- and soul-like constructs across languages, cultures, and epochs*, New York and London: Routledge.
- Penn Julia M., 1972, *Linguistic relativity versus innate ideas. The origins of the Sapir-Whorf hypothesis in German thought*, The Hague: Mouton.
- Piłsudski Bronisław, 1912, *Materials for the study of the Ainu language and folklore*, red. J. Rozwadowski, Cracow: Imperial Academy of Sciences (Spasowicz Fund) – Spółka Wydawnicza Polska.

- Piłsudski Bronisław, 1998–2011, *The collected works of Bronisław Piłsudski* (tłum. Alfred F. Majewicz, Elżbieta Majewicz), Berlin-Boston-New York: Mouton de Gruyter.
- T. 1, 1998, *The Aborigines of Sakhalin*.
- T. 2, 1998, *Materials for the study of the Ainu language and folklore* (Cracow 1912).
- T. 3, 2004, *Materials for the study of the Ainu language and folklore 2*.
- T. 4, 2011, *Materials for the study of Tungusic languages and folklore*.
- Plas Pieter, 2006, *Slavic ethnolinguistics and Anglo-American linguistic anthropology: Convergences and divergences in the study of the language–culture nexus*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” 18, 135–143.
- Pottier Bernard, 1970, *Le domaine de l’ethnolinguistique*, „Langages” 18, s. 3–11.
- Powell John Wesley, 1878, *Report on the Arid lands of the United States*, New York: Belknap Press.
- Riley Philip, 2007, *Language, culture and identity: An ethnolinguistic perspective*, London and New York: Continuum.
- Risager Karen, 2006, *Language and culture. Global flows and local complexity*, Clevedon–Buffalo–Toronto: Multilingual Matters.
- Risager Karen, 2015, *Linguaculture: the language–culture nexus in transnational perspective*, In *The Routledge handbook of language and culture*, red. Farzad Sharifian, London and New York: Routledge, s. 87–99.
- Rodziewicz Barbara, 2014, *Wartości. Polacy-Rosjanie-Niemcy*, Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski.
- Sallabank Julia Margaret, 2006, *Guernsey French, identity and language endangerment*, [w:] *The sociolinguistics of identity*, red. T. Omoniyi, G. White, London: Continuum, s. 131–156.
- Sapir Edward, 1921, *Language. An introduction to the study of speech*, New York: Harcourt, Brace and Company.
- Sapir Edward, 2011, *Język. Wprowadzenie do badań nad mową*, tłum. Magdalena Buchta, Kraków.
- Sapir Edward, 1978, *Kultura, język, osobowość*, tłum. Barbara Stanosz, Roman Zimand, Warszawa.
- Searle John R., 1969, *Speech acts: An essay in the philosophy of language*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Semino Elena, 2008, *Metaphor in discourse*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Senft Gunter, 2020, “... To grasp the native’s point of view...” – a plea for a holistic documentation of the Trobriand islanders’ language, culture and cognition, „Russian Journal of Linguistics” 24(1), s. 7–30. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-7-30>.
- Sharifian Farzad (red.), 2015, *The Routledge handbook of language and culture*, London and New York: Routledge.
- Sharifian Farzad, 2016, *Językoznawstwo kulturowe*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” 28, s. 31–57.
- Sharifian Farzad (red.), 2017a, *Advances in Cultural Linguistics*, Singapore: Springer.
- Sharifian Farzad, 2017b, *Cultural Linguistics*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Spencer Baldwin, Gillen, F. J., 2010 [1899], *Native tribes of Central Australia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Steciąg Magdalena, 2011, *Ekologia językoznawcza, czyli krytyczny nurt w ekolingwistyce*, „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego” LXVII, s. 195–210.

- Steciąg Magdalena, 2021, *Ekolingwistyka w dobie antropocenu: w stronę integracji i konsyliencji*, „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego”, LXXVII(77), s. 59–71.
- Swadesh Morris, 1952, *Lexicostatistic dating of prehistoric ethnic contacts*, [w:] *Proceedings of the American Philosophical Society*, Vol. 96, s. 452–463.
- Swadesh Morris, 1971, *The origin and diversification of language*, red. Joel Sherzer, Chicago: Aldine.
- Terrien Michèle, 1987, *Le corps Inuit (Québec Arctique)*, Paris/Bordeaux: SELAF/PUB Presses universitaires de Bordeaux.
- Torkington Kate, Ribeiro Filipa Perdigão, 2019, “What are these people: migrants, immigrants, refugees?”: *Migration-related terminology and representations in Portuguese digital press headlines*, „Discourse, Context & Media” 27, s. 22–31. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2018.03.002>.
- Trabant Jürgen, 2014, *Globalesisch, oder was?: ein Plädoyer für Europas Sprachen*. München: Beck.
- Underhill James W., 2011, *Creating worldviews: Metaphor, ideology and language*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Underhill James W., 2012, *Ethnolinguistics and cultural concepts. TRUTH, LOVE, HATE and WAR*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Underhill James W., 2016, *Voice and versification in translating poems*, Ottawa: University of Ottawa Press.
- Underhill James W., 2020, *NMS poza paradygmatem anglocentrycznym: Bert Peeters (red.), Heart- and Soul-like Constructs across Languages, Cultures, and Epochs, seria „Routledge Focus”, New York and London: Routledge, 2019, 148 s.* „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” 32, s. 235–240. <https://doi.org/10.17951/et.2020.32.235>.
- Underhill James W., 2021, *How do we sing about homes and homelands?*, [w:] *Medialne i transmedialne procesy narracyjne w identyfikacji postaw patriotycznych Polaków*, red. Maciej Kawka, Wojciech Prażuch, Paweł Planeta, Kraków: Libron, s. 195–210.
- Underhill James W., Gianninoto Mariarosaria, 2019, *Migrating meanings. Sharing keywords in a global world*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- van Driem George, 2021, *Ethnolinguistic prehistory. The peopling of the world from the perspective of language, genes and material culture*, Leiden and Boston: Brill.
- Völkel Svenja, 2016, *Tongan-English language contact and kinship terminology*, „World Englishes” 35(2), s. 242–258. <https://doi.org/10.1111/weng.12193>.
- Wallace Anthony F.C., Atkins John, 1960, *The meaning of kinship terms*, „American Anthropologist” 62(1), s. 55–80.
- Webster Anthony K., 2015, *Intimate grammars: An ethnography of Navajo poetry*, Tucson: University of Arizona Press.
- Weisgerber Leo, 1953, *Vom Weltbild der deutschen Sprache, 1. Halbband: Die inhaltbezogene Grammatik*, Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann.
- Whitney William Dwight, 1875, *The life and growth of language. An outline of linguistic science*, New York and London: D. C. Appleton; Henry S. King.
- Whorf Benjamin Lee, Trager George L., 1996 [1938], *Report on linguistic research in the Department of Anthropology of Yale Univ. for the term Sept 1937 to June 1938*, [w:] *The Whorf theory complex: a critical reconstruction*, aut. Penny Lee, 1996, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, s. 251–280.

- Wierzbicka Anna, 1997, *Understanding cultures through their key words. English, Russian, Polish, German, and Japanese*, New York and Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka Anna, 2010, *Experience, evidence and sense: The hidden cultural legacy of English*, Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka Anna, 2014, *Imprisoned in English. The hazards of English as a default language*, Oxford-New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka Anna, 2018, *A “sense of entitlement” encoded in English grammar*, „Ethnolinguistics/Etnolingwistyka” 30, s. 133–143. <https://doi.org/10.17951/et.2018.30.133>.
- Zinken Jörg, 2004, *Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin*, „metaphorik.de” 07, 115–136.
- Zinken Jörg, 2009, *The Ethnolinguistic School of Lublin and Anglo-American cognitive linguistics*, [w:] *Aspects of cognitive ethnolinguistics*, by Jerzy Bartmiński, London and Oakville, CT: Equinox, s. 3–5.

Western ethnolinguistics, that is, what exactly?

Abstract: To convincingly define Western ethnolinguistics is a major challenge for a few reasons. The very term *ethnolinguistics* is not frequently used in Western scholarship (it is more common to talk about *linguistic anthropology*, *anthropological linguistics*, or *cultural linguistics*). It is also difficult to identify those schools and approaches that can be undoubtedly classified as “Western”. One can therefore try and define Western ethnolinguistics by referring to the classic figures of linguistics and anthropology: Wilhelm von Humboldt, Franz Boas, Edward Sapir, Benjamin Lee Whorf, and Bronislaw Malinowski – however, those scholars were also fundamental for the emergence and development of Slavic (East-European) ethnolinguistics. Despite these difficulties, several characteristic features of Western ethnolinguistics (in the broad sense of the study of linguistic and cultural behaviour) can be listed. Against this backdrop, it is above all postulated that a serious dialogue be initiated between East European (Slavic) and Western ethnolinguistics. That dialogue can shed light on whether this kind of distinction (and division) is at all legitimate – perhaps one only deals with global ethnolinguistics, even if heterogeneous and diversified.

Keywords: Western ethnolinguistics; Bronislaw Malinowski; Benjamin Lee Whorf; languaculture; dialogue

Kristina Rutkovska

Uniwersytet Wileński, Wilno, Litwa

ORCID: 0000-0002-5789-9972

e-mail: kristina.rutkovska@gmail.com

Etnolingwistyka na Litwie: historia i współczesność

Streszczenie: W artykule została podjęta próba ukazania początków kształtowania się myśli etnolingwistycznej na Litwie i przedstawienia dopiero rozwijanych jej nurtów współczesnych. Skrótkowo zostały omówione sposoby docierania szeroko rozpowszechnionych w Europie XIX-wiecznych idei badania języka na tle kultury ludowej, działalność niemieckich, polskich i rosyjskich badaczy i ukazana rola pierwszych towarzystw etnologicznych w zainicjowaniu badań nad językiem, kulturą i etnosem litewskim. Ze skrótkowo przedstawionego przeglądu współczesnych nurtów i metodologii badawczych wynika, że na Litwie znane i stosowane są wszystkie odmiany współczesnej etnolingwistyki – etymologiczna, dialektologiczna i kognitywna.

Słowa kluczowe: etnolingwistyka; folklor; kultura litewska; historia mówiona; socjolingwistyka

Szkic poświęcony sposobom kształtowania się i rozwoju etnolingwistyki na Litwie chciałabym rozpocząć od dziejów dawnych, czyli okresu, kiedy pierwsze idee o badaniach językowego obrazu świata i ujmowanej łącznie etnicznej tożsamości dotarły na Litwę. Litwa ze względu na archaiczny typ kultury i bardzo potrzebny do badań porównawczych język litewski już pod koniec XVIII wieku znalazła się w kręgu zainteresowań badaczy z różnych krajów: Niemiec, Rosji i Polski. Mówić o dziejach etnolingwistyki też chciałabym z pozycji badań nie tylko typowo lituanistycznych, ale przedstawić badania porównawcze, dotyczące bałto-slawistyki, scharakteryzować współpracę badaczy lituanistów i slawistów, lituanistów i germanistów, bo na terenie Małej Litwy właśnie badacze niemieccy taką współpracę zainicjowali. Diachronicznie ujęty temat pozwoli na przedstawienie załączków etnolingwistyki, ukazanie prac, które tradycyjnie do dziś nie są uważane za etnolingwistyczne i pokaże ich powiązania z pracami współczesnymi. W wielu przypadkach będzie więc chodziło o rozpoznanie tych szczególnych metodologii, które były i są tworzone na Litwie i na rozwoju których współczesnym badaczom bardzo zależy, bo coraz częściej na ważnych konferencjach i seminariach można usłyszeć twierdzenie, że „język nie żyje bez ludzi,

a ich życie, aspiracje i natchnienia są utrwalone w języku”¹. Wskutek tak szeroko chronologicznie pomyślanych zamierzeń, podstawowe idee zostaną tylko skrótowo zarysowane. Chciałabym też bronić tezy, że idee etnolingwistyczne, które były propagowane przez badaczy języka i kultury w XIX wieku przetrwały na Litwie dłużej, a powodem ku temu było szczególne dążenie, żeby ten unikatowy język i kulturę zachować².

Początki zainteresowań folklorem narodów bałtyckich w Europie

Pierwsze zainteresowania językiem i kulturą Bałtów należy wiązać z inicjatywą naukowców niemieckich, a w opracowaniach poświęconych historii badań nad językiem litewskim i jego narodem, często wymieniane jest nazwisko Johanna G. Herdera. Jego zainteresowania językami bałtyckimi sięgają lat sześćdziesiątych XVIII wieku, kiedy podczas studiów w Królewcu (1762–1764 m.) zaczyna on gromadzić folklor narodów bałtyckich, w tym pieśni litewskie. Punktem wyjścia w badaniach Herdera było traktowanie języka jako żywego organizmu, w którym znalazł odbicie duch narodu, a częścią składową tego ducha dla niego był każdy człowiek z osobna. Zrozumieć tę treść zawartą w języku, jak twierdził Herder, znaczy zrozumieć każdego z osobna, zarówno siebie samego jak i innego człowieka³. Uważa się, że tymi ideami i swoim przykładem badawczym zachęcił on takich wybitnych litewskich działaczy, jak Simonas Stanevičius, Simonas Daukantas, braci Antanasa i Jonasa Juszków do gromadzenia twórczości ludowej i tym samym budzenia aspiracji narodowych Litwinów.

Działalność towarzystw ludoznawczych w XIX – na początku XX wieku

Metodycznie penetracje terenowe zaczęto prowadzić na Litwie pod koniec XIX w. przez osoby zrzeszone wokół działających w owym czasie towarzystw ludoznawczych i literackich: *Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego* (litew.

---

¹ Twierdzenie te sformułował kiedyś na konferencji Dainius Razauskas, jeden z ostatnich doktorantów V. Toporova.

² Dzisiaj badacze języka litewskiego piszą nawet o nadmiernym zafascynowaniu językiem, jego dawnym stanem i skoncentrowaniu się na obronie i przestrzeganiu odmiany ogólnej języka, co szkodzi rozwojowi innych odmian, ich dowartościowaniu i akceptacji (Urbonaitė, Vaicekauskienė 2019, 245–247).

³ Na Litwie bardziej jego idee były znane w okresie międzywojennym, została wydana nawet książka, przybliżająca badania Herdera i ukazująca jego zasługi dla narodu bałtyckiego o charakterystycznej nazwie: "J.G.Herderis ir baltų tautos" [J.G. Herder i narody bałtyckie] (Šešplaukis 1995).

Rusijos geografų draugija, ros. *Русское географическое общество*), Litewskiego Towarzystwa Literackiego (litew. *Lietuvių literatūros draugija*, niem. *Litauische litterarische Gesellschaft*), Towarzystwa Ludoznawczego we Lwowie (litew. *Tautotirinkų draugija*) oraz Litewskiego Towarzystwa Naukowego (litew. *Lietuvos mokslo draugija*). Każde z nich miało swój organ wydawniczy, gdzie publikowało zgromadzone materiały terenowe i ich opracowania. Dzisiaj w działalności zbierackiej i badawczej członków tych towarzystw dostrzega się metodologie etnolingwistyczne, które w czasach późniejszych będą rozwijane i pogłębiane. O zasługach tych towarzystw dla rozwoju badań ludoznawczych na Litwie pisałam już wcześniej (Rutkowska 2014), w tym krótkim szkicu chciałabym zwrócić uwagę tylko na niektóre z nich, mniej znane badaczom, akcentując stosowane metody i sposoby propagowania badań nad etnosem bałtyckim.

Odnosząc się do badań niemieckich, wymienić tu należy przede wszystkim Litewskie Towarzystwo Literackie (niem. *Litauische literarische Gesellschaft*), które działało w Litwie Pruskiej, w Tylży. Jego początki można wiązać z powstałym w 1873 roku *Kółkiem litewskim* (niem. *Litauisches Kränzchen*), założonym przez M. Voelkela, który uczył się języka litewskiego w Królewcu u Fr. Kurschata i G. Nesselmana. W 1879 roku kółko zostało przekształcone w *Towarzystwo*, które działało aż do 1923 roku. Nie bez znaczenia jest tu skład jego członków. Byli to powszechnie znani dziś badacze niemieccy, polscy i rosyjscy, też działacze litewscy: Silvestras Baltramaitis, Antanas Baranauskas, Jonas Basanavičius, Adalbertas Becenbergeris, Filip Fortunatov, Jan Karłowicz, Jan Baudouin de Courtenay, Georg Nesselman, Eduard Volter i inni. Najdłużej na czele Towarzystwa stał Fr. Kurschat, który wykazał się nie tylko jako dobry inicjator wielu prac, ale też aktywny badacz wielu zagadnień. Wśród ważniejszych prac etnograficznych, zawierający systemowy opis grupy etnicznej i stanowiący wzór dla innych przyszłych opracowań, można wymienić książkę C. Cappelera *Kaip senovės lietuvininkai gyveno* [Jak dawni Litwini żyli], wydaną w 1904 roku (Cappeler 1904), napisaną po litewsku, wkrótce po ukazaniu się przetłumaczoną na język szwedzki i niemiecki (Cappeler 1907). Opracowanie to koncentruje się nie tylko na opisie obrzędowości, ale dotyczy też języka – jest ono zaopatrzone w słowniczek trudniejszych wyrazów gwarowych. Z ważniejszych opracowań folklorystycznych, służących jako wzorzec dla badaczy późniejszych, należy wymienić wydane i zredagowane przez Jana Baudouina de Courtenay pieśni weselne J. Juszkiewicza *Svotbinės rėdos veliuoniečių lietuvių* [Pieśni weselne Litwinów wielońskich] w tłumaczeniu na niemiecki (Hochzetsbräuche 1889, 1890). Tendencja zapisywania i wydawania folkloru litewskiego w tłumaczeniu na języki obce była zapoczątkowana przez badaczy zrzeszonych przy tym towarzystwie, będzie ona miała swój dalszy ciąg w opracowaniach późniejszych.

Działalność Jana Karłowicza na Litwie

Spośród istniejących w owych czasach praktyk związanych z badaniami terenowymi na szczególną uwagę zasługuje działalność Karłowicza na Litwie, który wniósł niemały wkład w wypracowanie metodologii tych badań. Kontynuował on wydanie folkloru litewskiego w tłumaczeniu na język polski (Karłowicz 1887; Dowojna-Sylwestrowicz 1893–1894⁴), uczył jego analizy i interpretacji⁵, na łamach „Wisły” publikował różne materiały odnotowane na terenie Litwy, propagował kulturę litewską⁶. Jego różnorodna działalność jest dziś znana też lituanistom⁷, znalazł on swoje miejsce wśród wybitnych badaczy gwar litewskich i kultury ludowej (Mikulėnienė 2018: 50–52). Uważany za jednego z pierwszych etnolingwistów polskich (Bartmiński 2005), swoje sposoby badań „żywego” języka polskiego przeniósł też na badania języka i kultury ludowej litewskiej. Najnowsze opracowania nad spuścizną Karłowicza, a zwłaszcza monografia Macieja Raka (2020), poświęcona analizie sporządzonych przez Karłowicza słowniczków mitologii polskiej i litewskiej ukazuje go nie tylko jako leksykografa, ale przede wszystkim jako badacza etnolingwistę. Opracowania te są określane jako „czwarta piramida” w dorobku Karłowicza, a sposoby przygotowania słowniczków mitologicznych są bliskie ze względu na zastosowaną metodologię współczesnym słownikom etnolingwistycznym (Rak 2018: 183–200). Na jego programach gromadzenia danych do mitologii litewskiej wzorowali się ówcześni badacze litewscy, sporządzając własne kwestionariusze do badań terenowych (Rutkovska 2014). Na uwagę zasługuje tu jeden z pierwszych kwestionariuszy litewskich, opracowany przez Jonasa Basanavičiusa, w którym poradnik Karłowicza wskazano jako źródło podstawowe (Programa 1910).

Większość swoich wielkich dzieł określił Karłowicz mianem słownika, ale, jak już wspomniałam, łączył w opisie obrzęd i język. To zafascynowanie słowem i obrzędem, wykorzystywanie w opisie leksykograficznym bogatych ilustracji kulturowych, być może było wzorem przy napisaniu wielkiego „Słownika języka litewskiego” (*Lietuvių kalbos žodynas – LKŽ*), materiały do którego gromadzono na przeciągu prawie stu lat (1902–2002). Stanowi on nie tylko cenne źródło leksykograficzne, ale jest swojego rodzaju kompendium o historii, dziejach narodu, jego

⁴ M. Dowojna-Sylwestrowicz zapisywał i tłumaczył bajki litewskie na język polski na zamówienie Jana Karłowicza. Zostały one zredagowane i opublikowane w Krakowie, w dwóch tomach wydawanej przez Karłowicza „Wisły”.

⁵ Świadczą o tym wskazówki dla badaczy zawarte w listach Karłowicza, licznie w archiwum zachowane bajki litewskie z komentarzem językowo-kulturowym.

⁶ Materiały litewskie, umieszczone w *Wiśle*, są znaczne – jest to ponad 200 pozycji (Adamaitytė, Rutkovska 2018).

⁷ Więcej o tej działalności zob. na łamach portalu internetowego (JK – <http://www.karlowicz.ff.vu.lt/index.php/pageid/897>).

kulturze. Najwięcej miejsca w tym słowniku zajmują dane gwarowe – ilustracje wyrazowe pochodzą z żywych wypowiedzi mieszkańców litewskich wsi i miasteczek, a w celu przytoczenia pięknych poświadczeń użycia wyrazów podawano przysłowia, zagadki, fragmenty pieśni ludowych. Przy niektórych wyrazach takie ludowe dokumentacje zajmują większą część artykułu hasłowego. I co najważniejsze, nie tylko pierwsze tomy tego słownika zostały opracowane na zasadach, propagowanych pod koniec XIX – na początku XX wieku, ale wszystkie XX tomów. Nie ma dziś dokładnych badań dotyczących metodologii opracowania tego słownika, istnieją tylko omówienia poświęcone sposobom gromadzenia materiałów do kartoteki. Akcentowano zbieranie nie tylko wyrazów powszechnie znanych, ale też rzadkich, gwarowych, dużo uwagi zwracano na ilustracje z „żywego języka litewskiego”, wyekscerpowanie wyrazów z równocześnie zapisywanych źródeł folkloru (Pupkis 2013: 107–112). Zachowana kartoteka do LKŽ jest piękną ilustracją tego typu podejścia (SLKŽK). W podobny sposób były i są sporządzane licznie powstające ostatnio słowniki gwar litewskich, por. ŠVŽŽ, PPAŽ, chociaż nie są one interpretowane jako słowniki kulturowe.

Sam sposób gromadzenia danych gwaroznawczych i użycie określeń „badanie kultury narodu w języku” jest charakterystyczne dla wielu badaczy II połowy XIX i początku XX wieku. Jak zaznacza D. Mikulėnienė, był to okres, kiedy w Europie te podejścia metodologiczne dopiero się kształtowały, a podobne nurty badawcze szybko dotarły na Litwę (Mikulėnienė 2018: 50–60). Badania dialektologiczne uwzględniały materiał folklorystyczny, natomiast kwestionariusze folklorystyczne zawierały pytania o język, nazwy, ludowe etymologie. Należy tu jednak zaznaczyć, że podobne metodologie zachowały się dłużej na Litwie. W opracowania litewskich etnologów, dziś odnoszonych do badaczy starszego pokolenia, takich, jak np. Pranė Dundulienė⁸, Angelė Vyšniauskaitė udokumentowana jest duża ilość leksyki obrzędowej obecnie określanej mianem terminologii obrzędowej. Autorzy w dalszym ciągu zastanawiali się nad pochodzeniem leksemów, skrupulatnie notowali etymologie ludowe, pochodzenia nazw doszukiwali się w warstwie obrzędowej. Mimo że w owym okresie poważne rekonstrukcje obrzędów nie były prowadzone, a miało miejsce raczej zbieractwo i systematyzacja materiału, zostały zgromadzone wartościowe dane, a autentyczne (bliskie ludowym) ich interpretacje są dziś bardzo przydatne do badań etnolingwistycznych.

---

⁸ Nie bez znaczenia pewnie jest fakt, to była to uczennica K. Moszyńskiego, który od 1 września 1935 r. do wiosny 1945 r. przebywał w Wilnie, gdzie do 1940 r. kierował Katedrą Etnologii i Etnografii Uniwersytetu Stefana Batorego.

Współpraca lituanistów i badaczy folkloru litewskiego z Władimierem Toporowem

W kontekście kształtowania się metodologii etnolingwistycznych na Litwie należy wymienić też współpracę litewskich językoznawców i folklorystów z Władimierem Toporowem, która trwała przez 50 lat. Można tu podać nazwiska wybitnych lituanistów, bałtystów, z którymi Toporov utrzymywał kontakty: Vytautas Mažiulis, Zigmas Zinkevičius, Algirdas Sabaliauskas, Juozas Balčikonis, Malchioras Račkauskas, Bronė Vosylytė, Aleksandras Vanagas, Aloyzas Vidugiris, Simas Karaliūnas, Jonas Palionis, Jonas Kazlauskas, Tamara Buch, Vladas Grinaveckas, Elena Grinaveckienė, Aldona Jonaitytė, Bronius Savukinas (Toporov 2008: 244–245). Chyba łatwiej dziś jest wymienić nazwiska badaczy, których nie poznał Toporow i z którymi nie nawiązał współpracy, niż tych, których znał i inspirował do badań. W tomie *Vladimiras Toporovas ir Lietuva*, wydanym w 2008 roku w Instytucie Języka Litewskiego, znalazły się też wspomnienia o współpracy z Toporowem mitologów, badaczy folkloru litewskiego (Laurinkienė 2008: 117–126; Razauskas 2008: 139–154). Nikt z autorów tomu nie przedstawił opracowań dotyczących podstaw metodologicznych, ku wypracowaniu których przyczynił się ten wybitny uczony, jednak wiele wartościowych prac litewskich badaczy wskazuje na związki ze stosowanym przez niego sposobem rekonstrukcji danych językowych z uwzględnieniem szerokiego tła kulturowego. Wydawane w Moskwie tomy pisma „Balto-slavjanskije issledovanija”⁹ zawierają liczne opracowania litewskich badaczy, w tym etnologów i folklorystów. Bez wątplenia, liczne spotkania na konferencjach lub wcześniejsze kontakty podczas wyjazdów terenowych miały swoje wyniki naukowe. Należy tu wymienić nazwiska takich znanych naukowców rosyjskich, którzy uczestniczyli w badaniach terenowych zorganizowanych przez Toporowa, jak: Svetlana Tolstaja, Tamara Sudnik, Margarita Lekomceva, Lidija Nevskaja, Tatjana Civjan i in. (szczegółowiej o badaniach terenowych zob.: Vidugiris 2008, 94–95). Są to obecnie wybitni badacze etnolingwiści, a w owym czasie był to dla lituanistów bez wątpienia kontakt z dopiero klarującą się etnolingwistyką dialektologiczną i etymologiczną.

Pierwsze badania określane jako etnolingwistyczne

Sam termin *etnolingwistyka* pojawia się na Litwie dość późno, wraz z ukazaniem się książki Aloyzasa Gudavičiusa *Etnolingvistika* w 2000 roku (Gudavičius 2000). Jest to skrypt, w którym autor przedstawia historię rozwoju nauki i jej

⁹ Odwołuję się tu tylko do jednego tomu, w którym zamieszczone zostały artykuły badaczy litewskich, a jest ich do więcej.

podstawowe nurty. Sama idea – poszukiwania „narodu w języku”, taki jest bowiem podtytuł książki („tauta kalboje”), znajduje szybko odgłos w środowisku badaczy lituanistów, odwołują się do niej przedstawiciele różnych dyscyplin badawczych, stosujący różne metodologie przy opisie danych leksykalnych, w tym badacze z zakresu onomastyki, antroponomii, słowotwórstwa, folkloru¹⁰. Taki ogólny przegląd podstawowych zagadnień etnolingwistyki przyczynił się do upowszechnienia raczej samego podejścia, nie jakiejś konkretnej metodologii, bowiem jej zastosowanie w książce nie jest przedstawione. Współpracownicy i uczniowie prof. Guda- vičiūsa drukują swoje opracowania w piśmie wydziałowym „Filologia” oraz „Acta humanitarica universitatis Saulensis”¹¹. Są to prace Ainy Būdvydytė-Gudienė, Silviji Papaurėlytė-Klovienė, Redy Toleikienė, Eleny Akimovej ir Svetlany Kara- vajevej, Rūty Kazlauskaitė. Środowisko to jednak ostatnio bardziej koncentruje się na badaniach metafory konceptualnej, przez cały zespół autorów został opracowany słownik metafor funkcjonujących w litewskim dyskursie publicznym (Būdvydytė-Gudienė, Gudavičius, Jurgaitis, Papaurėlytė-Klovienė, Toleikienė 2014). Jest to badanie konkretnych przykładów aktualizacji metafor w tekstach należących do dyskursów: politycznego, ekonomicznego, zdrowia i sportu. Każda z części słowni- ka jest poświęcona analizie metafor poszczególnego dyskursu. Szczegółowe omówienie tego wydania zawiera artykuł Moniki Bogdzevič (2017).

Drugim ośrodkiem, gdzie dość wcześnie zaczęto prowadzić badania etnolin- gwistyczne, był Uniwersytet Wileński. Wiązać je należy przede wszystkim z nazwi- skiem Birutė Jasiūnaitė. Uczona ta od dłuższego czasu bada słownictwo gwarowe, zwłaszcza frazeologię gwarową na tle kultury ludowej, zaznaczając, że przewod- nim pojęciem dla niej jest tzw. konotacja kulturowa tych nazw. Związki frazeolo- giczne interpretuje w odniesieniu do symboli etnicznych, ludowych i stereotypów kulturowych. W stosowanej metodologii odwołuje się do prac Nikity Tołstoja, a wychodząc w swoich analizach od frazeologizmu gwarowego, zakłada, że jego wartość wynika przede wszystkim z odniesienia do różnych form obrzędu (kodu przedmiotowego, akcjonalnego i werbalnego) (Jasiūnaitė 2010: 17–22). Za cel przewodni swoich badań uznaje rekonstrukcję językowego (ludowego) obrazu świata, ukazanie powiązań pomiędzy językiem i kulturą. Frazeologia gwarowa, którą autorka wydobywa ze słowników języka litewskiego i tekstów nagranych podczas badań terenowych, jest zróżnicowana formalnie, posiada dużo wariantów fonetycznych i morfologicznych. Interesują ją więc też te typowo językowe aspekty leksyki, wiele uwagi poświęca etymologii, w tym ludowej. W pracach Jasiūnaitė przebadana została frazeologia dotycząca nazw istot chtonicznych i świętych

¹⁰ Wynika to z listy cytowań, zamieszczonej w bazie „Lituanistyka”(zob. <https://www.lituanistika.lt/content/39884>).

¹¹ Członkiem komitetu naukowego tego pisma był też Jerzy Bartmiński.

(Jasiūnaitė 2010), ostatnia książka jest poświęcona językowo-kulturowym analizom nazw diabła (Jasiūnaitė 2018).

Autorka wspólnie z Jeleną Konicką zajmuje się również badaniem metafory językowej, podstawą materiałową są tu teksty poetyckie litewskie i rosyjskie, są to więc badania o charakterze porównawczym (Jasiūnaitė, Konickaja 2014a,b, 2016, 2019¹²).

Badania prowadzone w Instytucie Literatury Litewskiej i Folkloru

Folklorystyka litewska przez dłuższy czas była skupiona na dwóch aspektach badań, które wybitny litewski semiotyk Julius Algirdas Greimas określił jako dwa mity: pierwszy, sięgający czasów Herderowskich i polegający na mitologizacji twórczości ludowej, poszukiwaniu piękna w utworze w trakcie jego analizowania i drugi, poddający mitologizacji geniusza narodu, który te utwory stworzył, stąd też potrzeba gromadzenia, nie tylko analizy (Greimas 1990: 14). Mitolog Norbertas Vėlius zaznaczał, że na Litwie folklorystyka nigdy nie była tylko nauką dla nauki. Ona zawsze służyła idei narodowej. Cały czas istniało przekonanie, że kultura ludowa powinna być zachowana, bowiem inaczej „nasz naród, wszyscy my poczujemy się jak ryby wyrzucone z wody na piasek“ (Vėlius 1999b: 394). Badacze jednak zaznaczają, że spośród podstawowych aspektów badań, skoncentrowanych na zbieractwie i analizie, utrwała się stopniowo w metodologii interdyscyplinarność, dominacja filologicznie ukierunkowanych badań nad folklorem (Stundžienė 2012: 23). Znane są bardzo dobrze w środowisku litewskich badaczy folkloru tendencje antropologii kulturowej, a wzorem są podobne metody utrwalone w folklorystyce rosyjskiej. Wypowiadane są też zdania, że pograniczność czy interdyscyplinarność badań folklorystyki może prowadzić do ich niższego wartościowania, dlatego prawdopodobnie przez dłuższy czas nie były one popularne (Stundžienė 2012: 22).

Konstatując zaistniały kryzys w badaniach folklorystyki litewskiej i akcentując potrzebę zainicjowania nowych, współczesnych kierunków, obiektem jej badań powoli staje się tzw. „człowiek tradycyjny”, który jest określany jako zanurzony w języku i kulturze wsi. Jego tożsamość można zrozumieć analizując stworzone przez niego różnego rodzaju narracje. Punktem wyjścia w badaniach staje się właśnie człowiek. Badacz pragnie zrozumieć nie tyle sam utwór, co człowieka poprzez tzw. pamięć folklorystyczną. Badania nad pamięcią są łączone z metodologią historii mówionej, a badacze posługują się pojęciem pamięci komunikacyjnej (współczesnej, „nowszej”) i kulturowej (archaicznej), odniesionej do dalekiej przeszłości, symbolicznej, utrwalonej w postaci zachowań, rytuałów, tekstów kulturowych.

¹² Przytoczono tu tylko wybrane publikacje auterek. Opracowań podobnego typu jest więcej.

Podjęmowane są próby patrzenia na tekst folkloru z perspektywy innego człowieka, odczytania tekstu kultury uważnie od środka. Wypracowując instrumentarium badawcze, odwołują się do prac francuskiego historyka Piera Nory, badaczy fińskich, Bronisława Malinowskiego, Jurija Lotmana i innych. Różne gatunki folkloru interpretują jako przejawy pamięci ludowej, pamięci folklorystycznej, a podmiotem badań staje się człowiek opowiadający (Sokolovaitė 2012 43–44). Objętościowy tom *Homo narrans: folklorine atmintis is arti*, wydany w 2012 roku pod redakcją Brone Stundžienė, która jako pierwsza w 2007 roku użyła terminu „pamięć folklorystyczna”, analizując sposoby interpretacji i wykorzystania folkloru w dobie współczesnej przez Żmudzinów (Stundžienė 2007: 32–53), jest jakby początkiem nowego, dość prężnie rozwijającego się nurtu w folklorystyce litewskiej. Widziałabym tu związki tej dyscypliny badawczej z nauką etnolingwistyczną, co akcentują też badacze lubelscy¹³. Na Litwie zastosowanie tej dyscypliny badawczej znajdowało dotychczas wyraz w pracach historyków, socjologów (zob. przegląd tych opracowań w artykule Aurimasa Švedasa 2018). Jako tekst folkloru są interpretowane też narracje wspomnieniowe, analizie których poświęcono ostatnio dużo uwagi¹⁴.

Badania socjolingwistyczne i gwaroznawcze o podłożu etnolingwistycznym

Niektóre aspekty badań antropologicznych znalazły wyraz w opracowaniach socjolingwistów działających w Wilnie. Prężnie rozwijająca się pod kierunkiem prof. Meilutė Ramonienė socjolingwistyka litewska stosuje klarowne metody badawcze – ilościową (kwestionariusze socjolingwistyczne) i jakościową (wywiady bezpośrednie). Analizy wywiadów wychodzą poza typowo socjolingwistyczny opis funkcjonowania języka, zawierają cechy opisu etnolingwistycznego. Badane są sposoby postrzegania siebie, języka, kultury przez emigrantów litewskich w różnych krajach Europy, Ameryki, świata. Podobne rozdziały w monografii zbiorowej poświęconej emigrantom litewskim opracowała Loreta Vilkienė (2015a,b)¹⁵. Inna znana socjolingwistka litewska Alla Lichaczowa w swojej monografii podjęła próbę opisu rosyjskiej i litewskiej kultury komunikacyjnej z punktu widze-

¹³ O przydatności metodologii historii mówionej do badań etnolingwistycznych świadczą dwa tomy poświęcone różnorodnym zagadnieniom teoretycznym i analizom empirycznym, wydane w Lublinie (Niebrzegowska-Bartmińska, Wasiuta, red., 2008; Niebrzegowska-Bartmińska, Szadura, Szumiło, red., 2014).

¹⁴ Materiały z tych badań są dostępne też w Internecie, w kręgu zainteresowań badaczy ostatnio było powojenne Wilno, analizowane były wypowiedzi mieszkańców różnych narodowości i wyznań: <http://pokariovilnius.ilti.lt/> (dostęp: 2020-03-24).

¹⁵ Omówienie tej publikacji zob. Rutkowska 2019.

nia ich użytkowników i twórców. Jest to próba przyjrzenia się różnym procesom komunikacyjnym „od środka”, odtworzenia językowego obrazu świata na podstawie zachowań językowych i sposobów samookreślenia przedstawicieli dwóch narodów, jest to więc praca o charakterze porównawczym (Lihačeva 2017).

Od 1994 roku w Centrum Polonistycznym Uniwersytetu Wileńskiego metodycznie przez 20 lat prowadzone były badania gwar polskich, podczas których był wykorzystywany kwestionariusz do badań nad Polesiem opracowany w środowisku moskiewskim, dostosowany do badań na pograniczu polsko-litewskim¹⁶. Wydane teksty gwarowe w książce *Język polski na Kowieńszczyźnie* (JPK) czy też zamieszczone na stronach *Przewodnika po gwarach polskich na Litwie* (PGPL) zawierają opisy obrzędów ludowych z uwzględnieniem słownictwa terminologicznego. Sporo leksyki kulturowej zawiera też słownik polskich gwar ludowych na Litwie (SPGL). Wspomnieć tu należy też moje badania, rozpoczęte w Moskwie, pod kierunkiem Tołstoja nad obrzędowością polską, litewską i poleską, też regionalną wileńską, które się ukazały w różnych pismach naukowych (Rutkovska 1999, 2007). Prowadzony na Uniwersytecie Wileńskim kurs dla studentów polonistów „Kultura pogranicza” ma charakter etnolingwistyczny (por. opracowaną dla tych potrzeb pomoc naukową, Rutkovska 2012).

Badania nad nazwami wartości

Dzięki nawiązanej współpracy w ramach konwersatorium EUROJOS, we wszystkich pięciu tomach leksykonu (LASiS) ukazały się opracowania litewskie, oparte na spójnej, przez wszystkich autorów projektu stosowanej metodologii. Te same koncepty zostały wydane też po litewsku w monografii zbiorowej *Vertybės lietuvių pasaulėvaizdyje*, w tomie znalazły się też koncepty nowe: WODA, OGIEŃ, RODZINA (Rutkovska, Smetonienė, Smetona 2017). Na uwagę zasługują też następne opracowania monograficzne trzech wyżej wymienionych autorów litewskich. Tom pod tytułem *TAUTA, KALBA, VALSTYBĖ* (Smetona, Smetonienė, Rutkovska 2019) jest poświęcony analizie trzech wymienionych w tytule konceptów – NARODU, JĘZYKA i PAŃSTWA, gdzie na te pojęcia patrzono z perspektywy litewskiej i polskiej. Przy analizie materiałów pochodzących z wywiadów polskojęzycznych zastosowano metodę historii mówionej. Analizie została poddana refleksja miejscowego Polaka, sposób postrzegania siebie w odniesieniu do innego, mieszkającego obok, mówiącego w innym, ale nieobcym języku. Jest to więc próba przyjrzenia się trzem trudnym pojęciom z perspektywy polskiej i litewskiej.

¹⁶ Opracowałam taki kwestionariusz już podczas pierwszego wyjazdu w teren ze studentami w 1993 roku, w ciągu lat następnych był on uzupełniany o nowe pytania wynikające z doświadczeń pracy z polskojęzycznym i litewskojęzycznym informatorem.

Wspólnie z ośrodkiem lubelskim od 2019 roku realizujemy kolejny projekt badawczo-edukacyjny „Wartości w językowym obrazie świata Polaków i Litwinów”¹⁷, którego celem jest upowszechnienie metodologii etnolingwistycznej na Litwie, są więc organizowane seminaria i konferencje międzynarodowe. Udział w spotkaniach wileńskich biorą badacze z różnych ośrodków naukowo-badawczych w Polsce, ostatnio dołączyli do projektu też badacze z Niemiec, Białorusi, Rosji, Ukrainy. Naukowcy litewscy angażują się w tego typu badania dość licznie, są to lituanie z Instytutu Języka Litewskiego w Wilnie, folklorysty z Litewskiego Instytutu Literatury i Folkloru, lituanie i poloniści z Uniwersytetu Wileńskiego. Ukazały się już dwa tomy zbiorowe, będące pokłosiem tych spotkań (Rutkowska, Niebrzegowska-Bartmińska, red., 2020, 2021).

Współpracujący z seminarium lituanie realizują badania ściśle powiązane z ludowością, w wielu opracowaniach litewskich badacze wykorzystywane są różnorodne źródła ludowe: słownictwo gwarowe, narracje ludowe (zob. wyżej wymienione tomy). Wydaje się, że badania etnolingwistyczne na Litwie właśnie w tym nurcie będą się rozwijać w najbliższym czasie, bowiem badacze dysponują ogromnym zasobem materiałowym przydatnym do badań: ukazują się licznie słowniki przedstawiające leksykę bardzo szczegółowo wyodrębnionych litewskich zespołów dialektalnych, wydawane są teksty gwarowe pochodzące z różnych terenów Litwy, opracowywane rękopiśmienne słowniki pochodzące z XIX wieku i oparte na leksyce gwarowej. Bez wątpienia, niezbędne są określenia podstaw metodologicznych stosowanych w tego typu badaniach. Krystalizują się one już w wyżej wymienionych opracowaniach, przede wszystkim opartych na analizie źródeł leksykograficznych, coraz częściej w nich zostają wykorzystywane też źródła folkloru.

Na Uniwersytecie Wileńskim zostały obronione też pierwsze doktoraty z etnolingwistyki. Jest to praca poświęcona eufemizmom Mariusa Smetony (Smetona 2015), praca Moniki Bogdzevič (2020) poświęcona nazwom uczuć w języku litewskim GNIEW STRACH i WSTYD (książka w przygotowaniu), rozprawa Ireny Snukiškienė dotycząca analizy pojęć PRAWDA i KŁAMSTWO w języku litewskim i angielskim. Dobrego przyszłego badacza zapowiadają też artykuły Karoliny Slotvinskij (zob. wyżej wymienione tomy pokonferencyjne), poświęcone analizie danych ankietowych, tekstów literackich i narracji ludowej.

Jak wynika z bardzo skrótowo przedstawionych podstawowych nurtów badawczych, w ten czy inny sposób powiązanych z etnolingwistyką, dla jej kształtowania się nie bez znaczenia była współpraca w wybitnymi prekursorami etnolingwistyki w XIX wieku, a w okresie późniejszym znane na Litwie były podstawowe założenia etnolingwistyki tradycyjnej, klasycznej oraz ukształtowanych w okresie późniejszym jej podstawowych odmian – etymologicznej, dialektologicznej

¹⁷ O działalności zrzeszonych w ramach projektu badaczy zob. KLS.

i kognitywnej. Mam odwagę twierdzić, że myśl etnolingwistyczna była obecna w umysłach wybitnych badaczy litewskich nieprzerwanie, a jako argument za tym przemawiający chciałabym przytoczyć wypowiedź jednego z czołowych badaczy gwar litewskich, stosujących metody strukturalistyczne w swoich opracowaniach, Aleksasa Girdenisa: „Kalba ir tarmė – tai savotiškas pasaulio modelis, lyg nepakartojami langai, pro kuriuos mes žvelgiame į pasaulį. Kuo daugiau tokių langų, tuo daugiau nepakartojamų žvilgsnių”¹⁸ (Girdenis 2001, 373).

Literatura

- Acta humanitarica universitatis Saulensis*, mokslo žurnalas, <https://www.sa.vu.lt/mokslas/leidiniai#acta-humanitarica-universitatis-saulensis>
- Adamaityte Agata, Rutkovska Kristina, 2018, *Lietuvių tautosaka „Wislos” publikacijose: bibliografinis aprašas (1888–1899)*, „Tautosakos darbai” 55, s. 198–214.
- Bartmiński Jerzy, 2005, *Etnolingwistyka słowiańska – próba bilansu*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” 16, s. 9–28.
- Bogdzevič Monika, 2017, *Metaforų konceptualne w dyskursie publicznym*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” 29, s. 288–293.
- Bogdzevič Monika, 2020, *PYKČIO, BAIMĖS ir GĖDOS jausmai lietuvių kalboje iš kognityvinės ir kultūrinės perspektyvos* (<https://talpykla.elaba.lt/elaba-fedora/objects/elaba:72860393/datastreams/MAIN/content>)
- BSI – *Balto-slawjanskije issledovanija*, 2019, t. 20, Moskva, 480 s.
- Būdvytytė-Gudienė Aina, Gudavičius Aloyzas, Jurgaitis Nedas, Papaurėlytė-Klovienė Silvija, Toleikienė Reda, 2014, *Konceptualiosios metaforos viešajame diskurse: konceptualiųjų metaforų žodynas*, Vilnius: BMK, 343 s.
- Cappeler Carl, 1904, *Kaip senėji Lėtuvninkai gyveno: Aufzeichnungen aus dem Kreise Stalupönen mit Anmerkungen und Wörterbuch von Carl Cappeler*, Heidelberg: Carl Winter’s Universitäts-Buchhandlung.
- Dowojna-Sylwestrowicz Mieczysław, 1893–1894, *Podania Żmujdzkie*, cz 1–2, Seria: Biblioteka "Wisły", t. 12, 13, Warszawa.
- Filologija*, mokslo žurnalas (<https://www.sa.vu.lt/mokslas/leidiniai#filologija>).
- Girdenis Aleksas, 2001, *Kalbotyros darbai*, 8 tomas: 1988–200, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Greimas Algirdas Julius, 1990, *Tautos atminties beieškant. Apie dievus ir žmones*, Vilnius: Mokslas.
- Gudavičius Aloyzas, 2000, *Etnolingvistika: (tauta kalboje)*, Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla.
- Hochzetsbräuche 1889, 1890, *Hochzetsbräuche der Wielonischer Litauer*, “Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft”, Heft 14, s. 134–178; Heft 15, s. 201–248.
- Jasiūnaitė Birutė 2018, *Lietuvių velniavardžiai*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.

¹⁸ Język i gwara – to swoisty model świata, jakby niepowtarzalne okna, przez które patrzymy na świat. Im więcej jest takich okien, tym więcej jest niepowtarzalnych spojrzeń.

- Jasiūnaitė Birutė, Konickaja Jelena 2019, *Žiemos reiškinių metaforos lietuvių ir rusų poetiniuose tekstuose*, „Lietuvių kalba“ 13, s. 1–16.
- Jasiūnaitė Birutė, Konickaja Jelena, 2014a, *Universalios aušros ir saulėlydžio metaforos lietuvių ir rusų poezijoje*, „Baltistica“ 49(2), s. 315–329.
- Jasiūnaitė Birutė, Konickaja Jelena, 2014b, *Antropomorfnje metaforų vėtra v litovskoj i ruskoj poezji*, „Journal of Comparative Studies. Human in language: ethnolinguistics, linguistic view of world“ 4(33), s. 369–386.
- Jasiūnaitė Birutė, Konickaja Jelena, 2016, *Metaforų utrennej i večernoj zari v litovskoj i ruskoj poezji*, „Acta Baltico Slavica“ 40, s. 186–205.
- JK – Janas Karlovičius – XIX ir XX a. sandūros mokslinio ir kultūrinio gyvenimo skleidėjas // Jan Karłowicz jako animator życia naukowego i kulturalnego przełomu XIX i XX w., (<http://www.karłowicz.ff.vu.lt/index.php/pageid/897>)
- JPK – *Język polski na Kowieńszczyźnie. Historia – sytuacja socjolingwistyczna – cechy językowe – teksty*, 200), oprac. Halina Karaś, Krystyna Rutkowska, Kinga Geben, Viktorija Ušinskienė), Warszawa: Elipsa.
- Karłowicz Jan, 1871, *Poradnik dla zbierających rzeczy ludowe*, Warszawa.
- Karłowicz Jan, 1887, *Podania i bajki ludowe zebrane na Litwie staraniem Jana Karłowicza*, Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 126.
- KLS – *Kultūrinės lingvistikos seminaras/Seminarium lingwistyki kulturowej*, red. Kristina Rutkowska, <http://www.kulturinelingvistika.ff.vu.lt/pl/dom.php>
- Laurinkienė Nijolė, 2008, *Baltistas ir mūsų nepriklausomybės rėmėjas*, [w:] *Vladimiras Toporovas ir Lietuva*, Vilnius: LKI, 117–126.
- Lihačeva Alla, 2017, *Russkaja komunikativnaja kul'tura i ee verbal'nye projavlenija: v sopostavlenii s litovskoj i drugimi komunikativnymi kul'turami*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas 1–20, 1941–2002*, elektroninis variantas, red. kolegija: G. Naktinienė (vyr. redaktorė), J. Paulauskas, R. Petrokienė, V. Vitkauskas, J. Zabarskaitė, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005 (atnaujinta versija, 2008 ir 2018), Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, prieiga internete: <https://ekalba.lt/lietuviu-kalbos-zodynas>.
- Mikulėnienė Danguolė, 2018, *Lietuvių tarmėtyra: genezė, raida ir paradigminiai lūžiai*, I dalis, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras.
- Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława, Szadura Joanna, Szumiło, M. (red.), 2014, *Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych*, Lublin.
- Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława, Wasiuta Sebastian (red.), 2008, *Historia mówiona w świetle etnolingwistyki*, Lublin.
- PGPL – *Lietuvos lenkų tarmės // Gwary polskie na Litwie*, red. Kristina Rutkowska, (<http://www.lenkutarmes.ff.vu.lt/>)
- PPAŽ – Leskauskaitė Asta, Ragaišienė Vilija, 2016–2019, *Pietinių pietų aukštaičių šnektų žodynas 1–2*, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Programa, 1910, *Trumpa folklioro dalykams rinkti programa*, sutaisyta d-ro K. Griniaus ir L. m. d-jos folklioro komis. narių: prof. E. Volterio, d-ro J. Basanavičiaus, kan. J. Tumo ir adv. A. Janulaičio.
- Pupkis Aldonas, 2013, *Juozas Balčikonis ir didysis „Lietuvių kalbos žodynas“*, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Rak Maciej, 2018, „Czwarta piramida” Jana Karłowicza. Kartoteka pierwszego w dziejach polskiej nauki słownika etnolingwistycznego, „LingVaria” nr 2 (26), s.183–200.

- Rak Maciej, 2020, *Jan Karłowicz w świetle materiałów archiwalnych. Dialektologia, etnolingwistyka i lituanistyka*, Biblioteka „LingVariów”, t. 30, Kraków: UJ.
- Razauskas Dainius, 2008, *Gyva Mintis*, [w:] *Vladimiras Toporovas ir Lietuva*, Vilnius: LKI, s. 139–154.
- Rutkovska Kristina, 2018, *Językowo-kulturowy obraz dworu na Litwie*, „Acta Baltico-Slavica” 42, s. 12–32.
- Rutkovska Kristina, 2019, *Najnowsze badania nad językiem i tożsamością emigrantów litewskich*, „Acta Baltico-Slavica” 43, s. 229–239.
- Rutkovska Kristina, Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława (red.), 2020, *Wartości w językowym obrazie świata Polaków i Litwinów I. Problemy teoretyczne i interpretacje*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Rutkovska Kristina, Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława (red.), 2021, *Wartości w językowym obrazie świata Polaków i Litwinów II. Dziedzictwo ludowe, narodowe, międzyetniczne i międzykulturowe*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Rutkovska Kristina, Smetona Marius, Smetonienė Irena, 2017, *Vertybės lietuvių pasaulėvaizdyje*, Vilnius: Akademine leidyb.
- Rutkovska Krystyna, 1999, *Słownictwo obrzędów zimowych na Wileńszczyźnie*, [w:] *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*, t. 2, *Studia i materiały*, Warszawa, s. 27–47.
- Rutkovska Krystyna, 2007, *Cechy szczególne obrzędów ludowych na pograniczu języków i kultur*, „Acta Historica Universitatis Klaipedensis” 15, *Baltijos regiono istorija ir kultūra: Lietuva ir Lenkija: karinė istorija, archeologija, etnologija*, s. 215–223.
- Rutkovska Krystyna, 2012, *Lenkų ir lietuvių paribio kultūra*, Vilnius: VU.
- Rutkovska Krystyna, 2014, *Z historii badań nad folklorem litewskim na przełomie wieku XIX i XX: działalność Jana Karłowicza i Mieczysława Dowojny-Sylwestrowicza* [w:] *Kalbų ir literatūrų funkcionavimas Lietuvoje*, Vilnius: VU, s. 283–304.
- Šešplaukis Alfonsas, 1995, *J. G. Herderis ir baltų tautos*, Vilnius.
- SLKŽK – *Skaitmeninė Lietuvių kalbos žodyno kartoteka* (<http://lki.lt/skaitmeniniai-lietuviu-kalbos-istekliai/>)
- Smetona Marius, 2015, *Lietuvių kalbos eufemizmai: raiška ir motyvacija*, daktaro disertacija, Vilnius: Vilniaus universitetas (dostęp: <https://talpykla.elaba.lt/elaba-fedora/objects/elaba:8283950/datastreams/MAIN/contentę>).
- Smetonienė Irena, Smetona Marius, Rutkovska Kristina, 2019, *Kalba. Tauta. Valstybė*, Vilnius: Akademine leidyba.
- Sokolovaitė Lina, 2012, *Folklorinės atminties beiėškant*, [w:] *Homo narrans: folklorinė atmintis iš arti*, red. Bronė Stundžienė, Vilnius: LLTI, s. 40–66.
- SPGL – Rieger Janusz, Masojć Irena, Rutkovska Krystyna, 2006. *Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie*, Warszawa: Elipsa, 453 s.
- Stundžienė Bronė, 2007, *Žemaičių folklorinė atmintis*, „Tautosakos darbai” 34, s. 32–53.
- Stundžienė Bronė, 2012, *Šiuolaikinė lietuvių folkloristika ir metodologiniai horizontai*, [w:] *Homo narrans: folklorinė atmintis iš arti*, red. Bronė Stundžienė, Vilnius: LLTI, s.13–39.
- Švedas Aurimas, 2018, *Formy dialogo pamiėci i istorii w humanistyce litewskiej po roku 1990 (wykorzystanie metody oral history)*, „Acta Baltico-Slavica” 42, s. 271–287.
- ŠVŽŽ – Vanagienė Birutė, 2014–2015, *Šiaurės vakarų žemaičių žodynas: Ylakių, Lenkimų, Mosėdžio, Skuodo, Sačių apylinkių šnektos 1–2*, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.

- Toporov Vladimir, 2008, *Vladimiro Nikolajevičiaus Toporovo kalba, pasakyta 2000 metų gegužės 20 dienos Lietuvos Respublikos ambasadoje Maskvoje iškilmingo J. Baltrušaičio premijos įteikimo proga*, [w:] *Vladimiras Toporovas ir Lietuva*, Vilnius: LKI, s. 243–246.
- Urbonaitė Daina, Vaicekauskienė Loreta, 2019, *Gimtoji kalba mokykloje: vakarų Europos švietimo paradigmy istorija su šiandieninės Lietuvos prieskoniu*, „Archivum Lithuanicum” 21, s. 233–254.
- Vėlius Norbertas, 1999, *Apie etninę kultūrą*, [w:] *Norbertas Vėlius*, sudarė Seliukaitė Irena, Vitkuvienė Perla, Vilnius: Mintis, s. 393–400.
- Vidugiris Aloyzas, 2008, *Prisimenant kalbininką Vladimirą Toporovą*, [w:] *Vladimiras Toporovas ir Lietuva*, Vilnius: LKI, s. 91–97.
- Vilkienė Loreta, 2015a, *Kalba ir etninė tapatybė*, [w:] *Emigrantai: kalba ir tapatybė*, red. Meilutė Ramonienė, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, s. 117–134.
- Vilkienė Loreta, 2015b, *Kalbinės tapatybės lietuviškumo atosklaida*, [w:] *Emigrantai: kalba ir tapatybė*, red. Meilutė Ramonienė, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 135–153.

Ethnolinguistics in Lithuania: Its history and contemporary status quo

Abstract: The chapter presents the beginnings of ethnolinguistic research in Lithuania, as well as its emerging contemporary profiles. It surveys the ways in which widespread 19th-c. ideas concerning the study of language against the background of folk culture infiltrated Lithuanian scholarship. It also reviews the work of German, Polish, and Russian scholars, as well as the role of first Lithuanian associations in launching research on the Lithuanian language, culture, and ethnicity. An overview of contemporary trends and methodologies shows that all variants of contemporary ethnolinguistics (etymological, dialectological, and cognitive) are now being practised in Lithuania.

Keywords: ethnolinguistics; folklore; Lithuanian culture; oral history; sociolinguistics

James W. Underhill

Université Rouen Normandie, France

ORCID: 0000-0002-3249-9905

e-mail: james-william.underhill@univ-rouen.fr

Prejudice and the ethnolinguistics of humour

Abstract: If laughing, joking, ridiculing, satirizing, and playfully poking fun can be considered widely-practiced forms of entertainment and social interaction across cultures, then humour studies is a worthy field of research. This article considers some of the key ideas about humour as they have been discussed over the course of time up until Salvatore Attardo's truly ground-breaking *The Routledge Handbook of Language and Humor* (2017) did much to establish humour studies. In this context, various publications across languages are discussed to interpret their attitudes to jokes.

By discussing jokes about women, immigrants and minorities, national stereotypes, and communism in a variety of contexts and languages, this article aims to determine what jokes show about the attitudes and perspectives of the groups of people who tell them and indulge in them. Rather than celebrating these jokes or humour in general, this ethnolinguistic approach to jokes invites reflection on what jokes reveal about groups and cultures. The author posits that it is crucial to understand the dreamed-up scenarios and shared fictions that underpin jokes. The article investigates two hypotheses: firstly, that prejudice is perverse, but often predictable, and secondly, various counterparts and similar strategies in joking can be found in other cultures around the world.

Keywords: jokes; prejudice; satire; minorities; communism; women

1. Introduction

If laughing, joking, ridiculing, satirizing, and playfully poking fun can be considered widely-practiced forms of entertainment and social interaction across a broad range of cultures – and this should remain a question, a working hypothesis – then humour studies has a place in the university. Laughing appears to be crucial for what we understand to be society as it exists in social groups and in the interaction between individuals. Likewise, humour appears deeply enrooted in, or closely related to, the individual's perspective, personality, sensibility and worldview.

Some of the great thinkers allowed a place for reflection on humour, joking and laughter, but many, like Plato, merely referred to it in the course of expounding their ideas and their conceptions of society, culture and education. It may be

tempting for defenders of Humour Studies to take Plato as an enemy to humour,¹ but this would be the rash conclusion of a hurried thinker. In the same way that Plato has been (somewhat unfairly) chastised for banning the poets from his ideal Republic, he does critique comedy and laughter in society and culture. But when Plato stresses that the young men who will take up the defence of the State, should “seriously incline to listen” (Plato 1994: 633) to the tales of poets like Homer, “and not laugh at them as unworthy utterances”, it is not because he thinks laughter is frivolous and of no consequence, but rather that he accords it a crucial role and believes it has a great influence upon attitudes, dispositions, and social relations. Plato argues that it is essential for serious (or noble-minded) people worthy of posts of responsibility, not to “be prone to laughter... [because] violent laughter provokes a violent reaction” (p. 633). Laughter is powerful, humour is serious. And for this reason, Plato feels that overindulging in laughter is neither appropriate for men and gods, nor poets: “Then if anyone represents men of worth as overpowered by laughter we must not accept it, much less if gods” (p. 633). The crucial word here is “overpowered”. Plato believes that humour is powerful enough to overcome reason, ethics and clear-sightedness. It can pervert our impressions and overshadow our judgement; and like all Plato’s criticisms, he is concerned with the lasting imprint on the human sensibility, not the passing impact on transient feelings or desires.

For many years, a curious divide – something cultural, but aberrant and unnatural, like the Berlin Wall – existed when it came to thinking about laughter. For almost a century humour studies was considered either a “province” of philosophy, following Henri Bergson (1999) with his treatise on laughter (*Le Rire*), first published in 1900, or a subsection of the disciplines of psychiatry and psychoanalysis, following Sigmund Freud’s publication of the *Psychopathology of Everyday Life*, in 1904 (Freud 1996).

Parallel to this, a wide range of collections and anthologies of humorous prose, light verse, comic verse, jokes, witticisms, anecdotes and playful and pithy repartee were being published in many of the major European languages. These were often compiled and edited by professional humourists or comic authors; and the advantage of such works is that they often provide wonderfully rich, informed and concise reflections on the nature and art of humour. Fred Metcalf’s *Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations* (Metcalf 1986) and Frank Muir’s *Oxford Book of Humorous Prose* (Muir 1990) exemplify this tradition. And Gyles Brandreth, in his Introduction to *Oxford Dictionary of Humorous Quotations* (Brandreth 2013: xi-xii) continues it. In French, Jean-Loup Chiflet’s wonderful anthology of “unintentional humour” (Chiflet 2018) gives a similarly acute insight into how humour works in

---

¹ Larkin-Galinanes (2017: 5–7, in Attardo 2017), for example, argues that mistrust for humour is prevalent in the philosophic tradition from Plato and Aristotle down to Hobbes almost 2000 years later.

everyday life. And Wolinski's *La Morale* (1992) remains a classic, a humorous theoretical reflection on the French and what they laugh at and what is laughable about them, a work which does more than any other to confound critics who claim the French lack a sense of humour. George Mikes, the Hungarian-born English humourist, does a similarly virtuoso performance, when he embarks on "a witch hunt" for the "witch" that does not exist, investigating the Loch Ness Monster myth of English humour, joyfully confounding his own claim that it does not exist, in a very amusing tour of the "cruel" humour of the English, in *English Humour for Beginners* (Mikes 2016), first published in 1980.

A wide variety of Kid's Jokes and Dad Jokes can be found in many languages, and the Dutch (see *Toiletpret* 2020) and the Belgians (see Duchateau 2021), the French (see Gaulet 2020) and the Czechs (see Vít 2017) all have their authors catering to lucrative niche markets. Meanwhile, vulgar jokes remain popular, and George Coote (1995) makes a great contribution to that form of humour by doing justice to the renowned Australian "no holds barred" down-to-earth sense of humour. Meanwhile, sexism and male chauvinism is catered to by English authors such as Tim Bradbury (2001).

In recent years, Central and East European authors have made a welcome contribution with their anthologies of communist and socialist jokes: Rychlewska (2008) in Polish, and Šebesta (2017) and Nejedlý (2018) in Czech, belong to this wave of publications targeting a specialized niche market of middle-agers who remember the communist years. And, from our perspective, they provide invaluable insights into the mores, morals, dictates and interdictions, transgressions and punishments, related to that period.

However, it will be clear that publications in general tend to remain either empirical with collections of jokes, or theoretical (with often a sadly limited, wilted collection of jokes); and very few authors have managed to maintain a balance between theory and practice, empirical examples and rigorous and meticulous analysis. Mikes and Wolinski remain exceptions in this respect, and perhaps nobody has managed to perfect the informed empirical cultural approach to jokes as well as G. Legman in his monumental *Rationale of the Dirty Joke* (2017), first published in 1968, a psychoanalytic approach to mean and often brutal sexual humour published in America.

It is in this somewhat schizophrenic context that Salvatore Attardo's truly ground-breaking *The Routledge Handbook of Language and Humor* (2017b) must be welcomed as something of a small revolution in humour studies. With an impressively broad but carefully-selected set of specialists in the field, Attardo's *Handbook* does justice to a generation of scholars that has blossomed into an informed, erudite, and insightful set of thinkers and researchers who have managed to overcome the almost impossible task of escaping their disciplines to attack the question of jokes and humour as a community, exchanging, arguing and debating their various

objectives, findings and insights. The Routledge anthology will certainly constitute a watershed, and there will be a “Before and After effect” for this work. Attardo (2017a) and Raskin (2017) both offer their own theories in separate individual chapters, and they also provide a co-written chapter (Attardo and Raskin 2017). A remarkably balanced and lucid historical approach is provided by Larkin-Galinas (in Attardo 2017). Raskin’s chapter introduces the “script-based semantic” framework. And the leading Polish scholar of humour studies, Władysław Chłopicki (2017), parallels this with his chapter on humour and narrative. Finally, Eric Weitz (2017) closes the volume by offering invaluable insights into the way the second generation of Internet humour is transforming the genre, the means of enjoying jokes, and outlines the ways individuals, groups and networks are responding to them, and participating in online humour and sharing it through social media.

Inevitably, given the enormous scope of Attardo’s project, he was forced, as editor, to limit both himself and others in the examples of jokes and humour discussed. And this inevitably does a disservice to his approach. But it is clear that, as a Belgian-Italian living in the USA for generations now, Attardo was acutely sensitive to cultural and linguistic diversity, and the need to keep as many windows open to the world as possible in order to avoid falling into the universalizing logic of American scholarship. Attardo is culture-friendly and seeks to put people at the centre of his linguistic approach in a way that will appeal to linguistic anthropologists around the world.

It seems imperative, nevertheless, that any work on jokes should include more jokes. This may seem like a truism. However, the vast majority of books, articles and online papers on humour have a rather poor record in this regard; even the most renowned philosophers (Bergson, for example), or the most dynamic and justly-celebrated exponents of contemporary humour studies brought together by Salvatore Attardo, prove to be no exceptions. No doubt, the authors feel it is crucial to define terms, cite and elaborate theories, approaches, and methodologies, draw conclusions and suggest hypotheses for further research; consequently, they resign themselves for reasons of space to the fact that the jokes themselves have to be sacrificed. Sadly, the lack of content and matter makes it neither fun nor funny to read much of the work being produced in humour studies today. And surely this “economy” in jokes proves to be a counterproductive strategy, since it inevitably leads to misunderstandings as to what we are actually talking about. Are we dealing with comedy, humour, wit, mockery, ridicule, prejudice, insults, diatribes, or malice in general, or are we sharing laughter and engaging in the social function of laughing together as a means of promoting and sustaining social cohesion by relieving tension in individuals or groups? What is funny? Why? When? And for whom? Who chooses whom for targets? And who shares in the joke? And who is excluded? These are obviously fundamental questions that can only be addressed seriously by returning to humour itself *in situ*. And it is in this vein, that I will adopt

a strategy closer to the one Legman, Mikes and Wolinski adopt in commenting on a wide range of jokes which should prove informative and enlightening from an ethnolinguistic perspective.

In the examples that follow, I make no claim that the jokes I offer for consideration are “funny” or “amusing”: many may be regarded as being anything ranging from “inappropriate” and “in very poor taste” to “intolerable” and “unacceptable”. From an enlightened cultural linguistic perspective, this is not what is at stake, however. These jokes are not being cited to please us. Cultural linguists, ethnolinguists and specialists of Translation Studies are interested in understanding jokes and what they tell us about cultures. We will focus not on the objects of jokes – the butts or the targets, as they are known – but on the people that tell them and on the people they share those jokes with. What we laugh about defines us. What we share is often subconscious, forming part of that shady part of ourselves that we like to keep hidden – especially from ourselves – what the Swiss psychoanalyst, Carl Gustav Jung (1875–1961) called “the shadow” (see Jarrett 1992: 20).

Two more reservations must be raised. Firstly, humour studies must at all costs avoid reductive interpretations: it would certainly be absurd to assume that a few jokes can sum up the complex and ambivalent relations between groups of people, or explain attitudes towards minorities, subcultures or foreigners. Secondly, humour studies has suffered from being imported into the context of the university. It is questionable whether public life is the home and proper place to discuss humour because most jokes are shared privately in cafes, pubs, in the streets, at work, or in schools. They are not published. They are often shared. When we laugh at people, we invariably laugh at them “behind their backs”. And for that very reason, it proves difficult to get your hands on jokes. Censorship seriously interferes with setting up a balanced corpus. Online resources have enormously enriched access to contemporary Stand Up comedy and to jokes and humour from recent decades. But all public performances and live Stand Up Comedy tend to generate a necessary desire for inclusion, respect, and “bonhomie”, without which no event can succeed. Debates on humour and online conferences on humour fall prey to the same temptation, and auto-censorship proves almost inevitable.²

---

² In such a context, I found, while giving papers in Prague, Lublin and in Brisbane, that it inevitably proves very difficult to get to grips with mean jokes. Even when you strive to tread carefully, and approach prejudice and stereotypes tactfully, two dangers emerge. On the one hand, listeners can become offended as soon as the spotlight is turned from shared targets (like Trump or Putin) and those in the audience themselves are asked to engage in discussing their own jokes, prejudices and the overarching narratives in which they are framed in history, culture and language. On the other hand, certain people in the audience object to speakers “pussyfooting” around humour without daring to tread on anyone’s toes. Both these attitudes make any discussion of the key questions difficult in university research conferences.

Having established this, what are the key questions for an ethnolinguistics of humour? Two of the key questions will inevitably be: Who are the objects of mean jokes? And is there a future for mean jokes? These are fundamental questions that open up a vast field for speculation and research. In the digital age, and in small groups, how do we establish a “we” that can laugh about “them”? What forces will try to contain and suppress ridicule and mean jokes? And what strategies will be adopted to get round those “strategies of containment”? Underlying these questions, a more vital question must be raised. Is humour universal? Or rather, in our age, is a world humour emerging with the Internet, globalization and global media? If mean jokes depend upon cultural narratives with implicit cultural values, what narratives and values are gaining ground? Are we seeing the emergence of world targets and world narratives?

It will come as no surprise that this short article will not resolve these questions or provide anything more than the beginning of an answer. Nonetheless, what follows should be understood within the scope and framework of those questions as a contribution to how we live in language, and how we carve up and construct the world for ourselves and others as both individuals, groups, and linguistic communities. Humour and prejudice (cf. Underhill 2021), ideals and fantasized “others” and “marginal outsiders” are part of this.

The corpus of mean jokes has been divided into five categories, organized in terms of the target, and a multilingual approach has been attempted for each one. This has the obvious disadvantage of forcing us to skip from language to language without doing any culture justice. But for our purposes, it should enable us to perceive the way each shared target becomes incorporated into values, history and cultural narratives.

The five targets to be treated will be:

- Immigrant minorities
- The French
- Women
- Communism
- Melania Trump

2. Immigrant minorities

Irish jokes in Britain, especially during the 1970s and 1980s, and French jokes about the Spanish and the Portuguese in in the 1960s and 1970s, invariably allude to the supposed inferiority, stupidity, lack of culture, and lack of self-awareness of the minority in question. Since the individuals themselves are often forced to adapt to the new labour market by seeking jobs for which they were not trained and for which they often have no particular predilection, there is ample opportunity for

corroborating the implicit prejudice found in these jokes. Thus, a fiction comes to appear as a “fact of life” or “truth” for those that indulge in this form of “superiority” humour.³ In French, in the 1980s and 1990s, artisans would speak of plastering, painting and refurbishing as “travail d’arabe” (Arab work), if it was done in a shipshod, careless, haphazard manner.

The internet site, www.jokerz.com, provided the following jokes that cast some light on the prejudices at work in North American mean jokes about immigrants:

[1] Q: What’s the difference between a pizza pie and a Puerto Rican? A: A pizza pie can feed a family of eight.

[2] Q: A black guy and a Puerto Rican guy are both in a car... who’s driving? A: A Cop!!!

[3] Q: How did the Mexican girl get pregnant? A: Her teacher told her to do an essay.

[4] An Englishman, Frenchman, Mexican, and Texan were flying across country on a small plane when the pilot comes on the loud speaker and says, “We’re having mechanical problems and the only way we can make it to the next airport is for 3 of you to open the door and jump. At least one of you will survive.” The four open the door and look out below. The Englishman takes a deep breath and hollers, “God Save The Queen,” and jumps. The Frenchman gets really inspired and hollers, “Viva La France,” and he also jumps. This really pumps up the Texan so he hollers, “Remember the Alamo,” and he grabs the Mexican and throws him out of the plane.

It should be patently clear that we learn nothing about Latinos from these jokes. Puerto Ricans began a large scale migration to the US after the 1940s, when the world economy and mechanization destroyed the cigar-making industry. But Puerto Ricans had been coming to Hawaiï to work on the sugar plantations and to the US mainland even before the Spanish-Cuban-American war that took place in 1898, when the US took possession of the island of Puerto Rico as part of the Treaty of Paris. Arguably the anti-Puerto Rican prejudice came to a peak following the fiscal crisis of the mid 1970s, when there was a nationalistic conservative backlash that represented the Puerto Rican community as an underclass, rather than a fragile community living from unstable employment, unprotected by labour rights or a welfare safety net. Clearly, these jokes tell us nothing about the workday reality of Puerto Ricans living in the US.

On the other hand, if we look at what these jokes tell about the social organization of North American society, we can deduce much about “the way things work”;

---

³ Since jokers seek confirmation in reality, they tend to play down inconsistent facts such as the artisan skills and blacksmith skills of gypsies renowned throughout Europe or the tanning skills of North African leather-workers, which explains why the French call all leather goods “maroquinerie”.

the way mainstream Americans would like to see themselves, and the values they hold dear. It is clear from the scenarios evoked that Puerto Ricans are considered to be poor and Puerto Rican men are considered to be poor bread-winners. The first joke, therefore, reaffirms an ideal and the failure to live up to that ideal: Men in America should be good providers.

If we interpret the other jokes using the same strategy, we should be able to set up the minorities as fantasized others that serve primarily to reaffirm the values of the supposed ideal American:

Ideal	Negative counterpart
North Americans are good fathers and good breadwinners.	Puerto Ricans are poor fathers because they are either lazy or incapable of providing for their families.
North Americans are morally-righteous and law-abiding citizens.	Blacks and Puerto Ricans are immoral criminals.
American young women are discerning, selective and relatively chaste.	Mexican girls are promiscuous or “easy”.
The English, the French, and the Texans are patriotic and defend themselves against their enemies.	The Mexicans are the traditional enemies of the Texans.

Life would be simpler if people would face up to facts, but prejudice proves to be resilient, and resists reality. It is therefore crucial to understand the way contradictions function within these dreamed up scenarios, these ongoing shared fictions. Contradictions are “evacuated” from stereotypical scenarios. Something that the great Scottish analyst, R. D. Laing, called “collusion” is clearly coming into play here. Hard-working Latinos are everywhere in evidence in the US, serving in the seven-eleven stores and the petrol stations, or working as manual labourers, but these tend to be considered, perversely, as “the exception that confirms the rule”. On the other hand, it is perfectly obvious that many criminals are from a White Christian background. But when these are represented in the media, they tend to be presented as evil aberrations. They confirm no underlying racial or cultural stereotype. They fit into no underlying framework of reference. Consequently, they are discarded and the prejudice implicit in the overarching narrative is reaffirmed.

These prejudices are, therefore, perverse but predictable. And we can find various counterparts and similar strategies in other cultures around the world. Much more ambiguous and much subtler – but equally revealing – are the jokes told by Latinos among themselves. A whole generation of Latinos and Latinas now exists doing online Stand Up comedy (see Cristela Alonzo, Angelah Johnson, George Lopez, or Denis Gaxiola). YouTube provides a wide range of comics who satirize Latinos in general or who pit one group against another. Dennis Gaxiola (2018) claims, live:

I don't buy into the politically correct thing. We parent differently. Nobody gives better parenting than my White brothers and sisters. You [White American] guys give statistics, advice. You have flyers on the refrigerator.... It's beautiful. "Just say No, Billy!" A Mexican mom doesn't give statistics, she doesn't give facts, she gives Examples... "You're gonna end up like your cousin Lupe".

Of course these jokes sit on the edge of a razor. Inevitably, they tend to confirm stereotypes. But they are enjoyed both by Latinos as insider jokes and by members of a more mainstream North American audience familiar with the stereotypes, who are amused to see an insider confirm them. Other comedians, such as Cristela Alonzo, who presents herself as coming "from the Mexican part of Texas called... Texas," (Alonzo 2021) are more direct, and simply and bluntly rebuke the "gringos" and refute the American nation's claim on Texas. Johnson and Gaxiola tend to play to a mixed Mexican-American public, while Alonzo is targeting a Mexican ethnic-niche audience.

But we don't need to go "to the other side" to dismantle mainstream American prejudice regarding immigrant minorities. Many mainstream mean jokes contradict outright the overriding stereotypes: www.unijokes.com provided the following example that can be found on various online sites:

[5] Why do Mexicans walk around the school like they own the place? 'Cause their dad built it and their mom cleans it at night.

Here the Latinos have become hard-workers. The malicious intent tends to override the contradiction, however, and subsume it. The underlying logic remains intact: if Mexicans are poor, it's because they deserve it, because they are either incapable or lazy. The logic is tortuous, but the ideal of the hardworking, competent, talented ideal American winner tends to push all the other details and jokes out of focus. Prejudice and self-love is tenacious in the dominant culture. And stories of hardworking enterprising upwardly mobile Mexicans simply don't fit into dominant narratives, however many company directors, and executive successes the male and female Latino communities have produced over the past two generations.

Broadly similar stereotypes can be found in Europe, but the way each one is represented defines the specific nature of the dominant culture, its values and its idealized self-image. In this sense, the sole purpose (or social function) of such jokes is to maintain the values that are supposed to animate the moral majority of the dominant culture within a given society.

The following jokes about immigrants are much more ambivalent. The first one (Figure 1), a German joke, was generated by www.google.de.

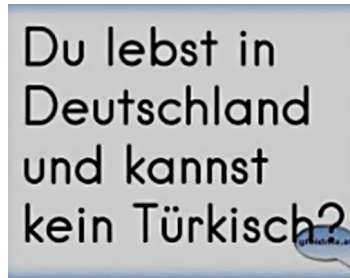

Figure 1. You live in Germany and you can't speak Turkish?

This joke evidently stresses the idea that for many Germans, there are too many Turkish immigrants; that those immigrants make little attempt to assimilate into German society and culture and make little attempt to learn *Hoch Deutsch*. Indeed, for many Turks who come to Germany as *Gastarbeiter*, for a limited period of time, some have tended to assume that English will be enough to get by with. Polish labourers working in Britain and France in the 1990s and 2000s, and the Romanians and the Ukrainians working today in Poland and the Czech Republic on building sites as manual labourers or in hotels as cleaners adopt the same strategy. This can, inevitably, create some tension and resentment in everyday dealings with foreign workers, when members of the dominant culture are forced to make the effort to speak English as a lingua franca to communicate with long-term residents in their own countries.

The Famous French cartoonist, Wolinski offers two equally perplexing examples of racist jokes, forcing himself and French people in general to ask what lies behind their racism:

[6] On peut pas mettre tous les racistes en prison, car elles sont pleines d'Arabes (Wolinski 1992: 87)

You can't put all the racists in prison, because they're full of Arabs.

[7] Mon Banquier est juif: c'est l'honnêteté même.

Mon petit-fils est noir: il est superbe.

Mes amis sont arabes: ils ont de la classe.

Mes voisins sont asiatiques: ils sont charmants.

Je suis entouré de métèques plus honnêtes, plus beaux, plus riches et plus sympathiques que moi!

Et on s'étonne que je sois RACISTE !

(Wolinski 1992: 87)

My banker is Jewish: he's honesty itself.

My grandson is black, and he's gorgeous.

My friends are Arabs and they have a lot of class.

My neighbours are Asians and they are delightful.
I'm surrounded by foreigners more honest, more handsome, richer and more amiable than myself!
And people are surprised that I'm racist!

There are two conclusions that Wolinski is leading us towards in this subtle humour: firstly that the French are in general racist, and secondly, that their jealousy derives from their being unable to face up to the fact that they are not superior to the minorities they denigrate and love to despise. The jealousy of the lower class white minorities, sometimes referred to as "white trash" and the resentment of the Ku Klux Klan, outraged by seeing blacks getting on and succeeding in their professions, work along the same lines. But a whole set of culture-specific assumptions is in play here. Wolinski is forcing his readers to face up to themselves and to the truth that most French people would like to believe that the Jews are grasping, and money-grabbing, that blacks are ugly, that Arabs are vulgar, and that Asians have no manners. Here Wolinski's racist jokes hold up a mirror to the French. They subvert their prejudice and invite the French to admit that they, like he himself, would like to see themselves as classy, delightful, beautiful and honest, but when they look around themselves, they see these qualities more in those they wish to despise. This leads us appropriately to prejudices regarding the French who turn out to be the target of many jokes around the world, as we shall see.

3. The French

The following joke was told to me by a Belgian friend in Saint Petersburg in 1997. The special charm of his Belgian jokes was that they countered the "blagues belges", the jokes the French like to tell to denigrate the Belgians and show how they consider them uncultivated, ignorant, incompetent and stupid. In this sense, the following joke cannot be considered to form part of what is sometimes known as the "superiority" sense of humour. It works more as a form of retaliation or retribution from a community that is perfectly aware of the ridiculous stereotypes that the French entertain regarding them, and have integrated their prejudices and found strategies to counter them.

[8] Comment tuer un français? Tu tires une balle un mètre au-dessus de sa tête en plein Ego.
How do you kill a Frenchman? You shoot him one meter above his head. Right in the dead centre of his Ego.

How do the French themselves react to arrogance and condescension in others? The French President, Emanuel Macron, has often been criticized for self-importance and arrogance, and for being indifferent to what his close collaborators on

the centre right wish, and impervious to the advice of various actors of government from a local to a regional level. This is a French reaction to the French President. But in September of 2018, I found myself in a Bar in Brno, in the Czech Republic, reading the front cover of the German weekly magazine, *Die Zeit* (Figure 2).

Figure 2. I am not arrogant: I say and I do what I like. (<https://www.google.de/> last consulted 06/11/2021)

The full significance of this joke and the extent to which it works cannot be understood from a single point of view. From the German point of view – and it is possible that the Czechs have integrated German prejudice – Macron is naturally arrogant, and it is absurd for him to deny it. In the German stereotype, the French are self-important, and so it is perfectly natural that they have a self-important President that acts like a King. Indeed, www.bing.com provides the images in Figure 3.

Figure 3. Emmanuel Macron as King (1) (www.bing.com)

And Google images provided the example in Figure 4.

Figure 4. To the French disinclined to make an effort: 1. In recent times, I may have said things that hurt some of you. 2. Please be assured, in the future I will go on doing so...!!!
(from Google images)

Google also provides the images in Figure 5.

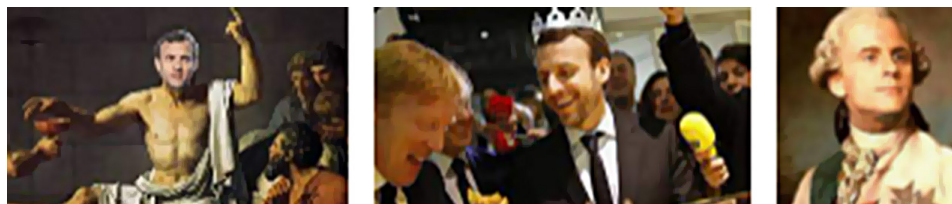

Figure 5. Emmanuel Macron as King (1) (Google)

If he is a king, Macron is portrayed as *le Roi soleil*, a crowned king of the media and the political elite, laughing with his counterparts. If he is viewed within religious terms, he is presented as the inspired Christ. When he apologizes for words which may have hurt others' feelings, he stresses he has no intention of changing his attitude.

Within France, when Macron at times comes across as arrogant, he seems to French people like an aberration, a throw-back to a pre-Republican era. This is only partially true. Sociologists regularly remind us that the French people both expect and resent a certain “presidential” behaviour and style which sets their rulers apart, and transforms them into individuals that stand above the rest of the nation. This requires presidents to refrain from indulging in common everyday activities. The Swedish Prime Minister can be photographed doing her shopping in a supermarket, and the New Zealand Prime Minister can bring her newly-born baby to Parliament. This remains, for the moment at least, unthinkable in France. Nevertheless, the jokes about Macron's megalomania work totally differently whether we are

laughing at him inside France or in the world; Macron, the individual who gets above his station, or the Frenchman who incarnates the self-importance of a post-colonial nation that still considers itself a cut above its European allies.

French women do not necessarily suffer from the same stereotypes. Around the world, French women tend to be regarded as both seductive and “loose”. During the same stay in Saint Petersburg in 1997, a local Russian told me the following joke:

[9] A French woman came to Saint Petersburg and was brutally raped by all fifteen members of the local football team. When she filed her case at the *Komisariat*, the investigating officer, apologized for his compatriots and assured her:

“Do not worry, Mademoiselle. We will find these filthy animals. Every one.”

“Oh, but I only want number thirteen,” she replied.

The Seriously Rude Joke Book, edited by George Coote, and published in 1995 in Queensland, Australia, had been reedited eight times by 2012, and it provided jokes running along the same lines:

[10] In fact, a French girl went to live in London for a time, but she missed her native tongue. (Coote 2012: 156)

[11] The difference between French women and those in the rest of the world is simple. All women know what men like, but the French girl doesn't mind. (Coote 2012: 156)

What do these jokes lead us to conclude? The Russians and the Australians enjoy indulging in fantasies regarding French women as the “objects of desire” that they covet. But they like to regard their own women as less promiscuous, more prudish or more virtuous. Russian and Australian men are proud of their desires and their lust for sex, but they tend to regard their women as less open in this regard, and appear to implicitly approve of women who disapprove of sex and men who want sex.

4. Women

Jokes women tell about men, and jokes men tell about women are commonplace, and given that couples need to let off steam after spending so much of their time together, such jokes are no doubt guaranteed a long future. However, finding such jokes in print proves hard. Both in print and in society, women tend to be more discreet about the jokes they tell about men, so it proves difficult to ascertain the degree to which vulgarity, objectifying, denigrating, and reviling men comes into play in the jokes women tell about men. Inversely, feminism and politically correct politics has tended to deter publishers from publishing rude jokes about women, and censorship, therefore, tends to make it difficult to establish to what extent the corpus of sexual jokes

that Legman (2017) studied back in the fifties and sixties reflects mainstream male humour today. *The Seriously Rude Jokes Book for Bad Boys*, edited by Tim Bradbury (2001) and published in England is certainly an exception in this regard. With the picture of a busty, half-clad woman on the cover and “sexist”, “filth”, “smutty”, and “disgusting” written above the subtext: “These jokes are seriously tasteless,” Bradbury proves to be as good as his word. With jokes such as the following one, it is clear that sexism, reducing women to objects, disregarding them and mistreating them remains a fantasy for some men in England today:

[12] What’s the definition of a perfect woman? She’d be three feet tall with no teeth and a flat head do rest your pint on. (Bradbury 2001: 29)

This is obviously a beer-drinker’s barroom joke which affirms that the only function of women is to be providers of “blow jobs” and to facilitate the Englishman’s true passion, “drinking beer with the boys”. Such men disparage all attempts to reform them and make them respect women and show them more consideration and attention. This would “un-man” them, in the logic of this English version of “machismo”. For this reason, sensitivity is scorned, as the following joke makes clear:

[13] Have you heard about the new ultra-sensitive condom? It hangs around after the man has left and talks to the woman. (Bradbury 2001: 60)

Students of Sussex University, in Brighton, in the early 1990s, told me the following two jokes that coincide with this spirit that revolts against feminism and the attempts to reform men:

[14] How many male chauvinists does it take to change a light bulb?
I don’t know.
None! Let the bitch cook in the dark.

[15] How many feminists does it take to change a light bulb?
I don’t know.
ONE! HOW MANY DID YOU THINK IT WOULD TAKE!!!

These jokes seem to confirm two things. That men in England have been seriously unnerved by the attempts to eradicate sexism and encourage greater consideration for women. And that men feel a need to retreat into “male spaces” to be men among men. Part of being men among men clearly involves fantasies about using and rejecting and resenting women. Women are very much part of this man’s world, but they are there to be used or excluded. And using them is not simply opportunistic and selfish; it is a behaviour that is put on display. Sexism and rejecting women reaffirms machismo in the logic of this English barroom machismo of the late 1990s and early 2000s.

5. Communism

My attempt to come to terms with communist jokes began in the 1990s and has lasted more than thirty years.⁴ Various themes recur in communist jokes: tractors that break down, dysfunctional economies, cynical workers, insane bureaucracy and gulags all figure highly in jokes about communism that circulate around the world today. Very little remains in such jokes of the regimes that sought to house, feed and educate their peoples, and rebuild their nations and the cities bombarded by the carpet bombing of the allied forces during the last years of the Second World War. So Warsaw's reconstruction at a breakneck, unstoppable pace in the late 1940s, and the smoothness with which the Škoda car plant was integrated into the Volkswagen group and regained their share in the market of Western European automobile industry after 1989, come as some surprise and certainly find no place in jokes about either communism or capitalism. Social, technical, and marketing successes fit into the logic of no overarching narrative of the dehumanized exploitation of man by man that is widely considered to be the essence of communism today. And it is no coincidence that most forms of socialism are represented in the British and American media today as forms of Stalinist dictatorships.

Among the jokes I first heard in the early 1990s, the following two have gained currency in America, Britain and France:

[16] Nobody works in the Workers' State.

[17] Here, said Breznev to Nixon, we have an agreement: the people pretend to work, and we the Party pretend to pay them.

Reactivating stereotypes about Mexicans, Jan Nejedlý's second volume of *Comrades' Anecdotes (Anekdoty Soudruzi II)*, published in Brno in 2018, includes the following joke:

[18] My tomu říkáme práce, Mexičani siesta.

We call work here, the Mexican siesta. (Nejedlý 2018: 70)

---

⁴ Having collected communist jokes from 1990, when I first moved to Prague to work at the Vysoká Škola Ekonomická, and Filozovická Fakulta of Charles University, I have tried over the past thirty years to understand the jokes that Czechs tell each other, the jokes they tell Czech-speaking foreigners like myself, and the jokes foreigners share with Czechs and tell about Czech communism. My work with my friends in Lublin, Kraków and Warsaw have supplemented this research and investigation into communist humour. In addition to this, I have collected a certain number of books of jokes on communism or simply books of jokes published from the 1970s up to the 2010s in which jokes about communism can be found.

These can be considered to derive from a sense of irony that the socialist states tended to cultivate despite the Party's earnest endeavours to encourage everyone to contribute to building the Workers' State. These jokes function as a form of self-deprecation within the culture. Of course, when they were told to foreigners, like me, more than ten years after the fall of communism by a Canadian in the train from Salzburg to Prague in 2003, they take on a very different function. They are simply examples of scorn, humour of a superior type, a form of condescension. Those that tell such jokes implicitly believe "The West is Best; we knew it all along".

In contrast to these jokes, the end of communism brought about some jokes that proved more difficult to deal with. People in Prague will certainly remember the picture of the "Pink Tank" (Figure 6).

Figure 6. The Prague pink tank (prague pink tank – Recherche Google; last consulted 06.11.2021)

The tank, a symbol of the communist period and of the liberation of Prague in 1945, was painted pink following the "Velvet Revolution" of 1989 by David Černý. The government (with the pressure of the Russian government) ordered the tank to be repainted green and black as before, as it commemorated the lives lost by the Russian soldiers who had fallen liberating Czechoslovakia in 1945. But a few days later, a group of ex-dissidents repainted the tank pink. The great dissident hero of the 1989 Velvet Revolution, Václav Havel, who had been elected into office sided with history and with the Russian victims. He considered the joke to be in very poor taste.

Two generations later, however, the sacrifices of Russian soldiers seemed a story from the distant past, compared with the twenty years' of Russian occupation that had taken their toll on the Czech people's morale in the 1970s and 1980s. Today the war and the liberation of Prague are rarely mentioned. The narrative of the liberation of Prague from communism and the Velvet Revolution, on the other hand, has become a cherished folk story and part of the institutionalized history that most Czechs are brought up with. In this revised history, the Czech people are represented

as the “victims” of communism. For this reason, it is unsurprising that in 2011, twenty years after the initial painting of the tank, the pink tank returned on display with David Černý the sculptor, this time reaffirming his attitude of disrespect with a pink sculpture of a fist with the middle finger raised in provocation.

Many jokes about communism have gone global, and generations of ex-communist countries do indeed enjoy many communist jokes. But the humour related to the pink tank hinges on a very selective memory, highlighting certain parts of history and hiding other less palatable facts. The pink tank humour can be exported, but only as a harmless form of love-and-peace naïve goodwill. And this is very different from the mischievous (but dark and dubious) kind of irony that the Czechs are indulging in, when they cherish their self-image as the “mock-victims” of history.

Although they are neighbours to the Czechs, the humour of the Polish and their prejudices work along very different lines. Among the Polish jokes about communism, it is worth citing one highly specific example from the 1950s collected in Ewa Rychlewska’s *Humor Polski. Dowcipy z lat 1948–2008*, published in Poznań (Rychlewska 2008:76):

[19] Jaka jest różnica między wieżą Eiffla a Pałacem Kultury i Nauki? Jak między “soir de Paris” a pissoir de Varsovie.

What’s the difference between the Eiffel Tower and the Palace of Culture and Science? The same as the difference between “soir de Paris” and the urinal of Warsaw.

The Polish and the French have a long romance. In many ways the two cultures find their “soul sister” (*âme sœur*) in one another, and both cultures value elegance and romantic sensibility as ideals. In this respect they are kindred spirits, and Chopin consolidates that union between the Poles and the French “sensibilité” that was celebrated throughout Europe in the 18th century; so it is not without cause that the joke is written partly in French. But here the self-deprecation takes on the form of a biting satire; the French simply underlines the pretensions of the aesthetics of the Polish communists daring to rival the French and Western countries in general.⁵ Here the contrast serves to underline that a part of the Polish soul was suffering as the nation rebuilt itself in the image of the imposing concrete aesthetics of the Soviet era but remained capable of a fine sense of irony and self-deprecation.

Finally, it is worth quoting one more example from among Nejedlý’s collection of Czech communist jokes:

---

⁵ This proves doubly ironic today, since the Palace of Culture and Science in Warsaw has become an iconic symbol of the communist age and a tourist attraction, while Berlin demolished its *Palast der Republik*, and replaced it with a replica of the Palace of Berlin. The Eiffel tower, in contrast, now so adored and so valuable as an iconic tourist attraction, was initially abhorred and reviled as a grotesque celebration of industrialization and mechanical progress.

[2] Sověti poslali výpravu na Měsíc. První rozkaz z domovské Země zněl: “Založte tam rodiny.”
Po čase přišlá rádiová zpráva: “Nemáme ženy.”
“Založte tedy stranu a ona už se nějaká kurva najde.”
(Nejedlý 2018: 82)

So the Soviets sent an expedition to land on the moon. The first order that came through from Ground Control on Earth was: “Start Families Up There!”

After a short while, the reply came through: “But we don’t have any women”.
“So found a Party and it will find some slut somewhere”.

This is a communist joke told by a small communist nation about a great communist nation. The Czechs are mocking the Soviets for being so proud of their explorations into outer space. But they are also mocking their bungled attempts to invade and colonize other lands, which is a reminder of the resentment felt over the Soviet invasion of Czechoslovakia in 1968. On another level, the Czechs sympathize with the Russian cosmonauts themselves, as the mere tools of an unthinking state bureaucracy. But on yet another level, they disparage the unscrupulous, ambitious, go-getter women that worked for the State bureaucracy and who were willing to do the bidding of a brutal unthinking Party State. These women were represented as vile, and therefore sluts or whores. Clearly the logic of communist humour is not incompatible with sexist resentment.

Is this joke so out of date? The women who worked as close collaborators with Tony Blair’s Labour Government were known as “Blair’s babes”. This may seem a much lighter touch, but it follows the same logic: self-serving ambitious women are “sluts” or seductresses, willing to trade their charms in order to ensure their rise within whatever regime is in power. And women are serving men. If this logic seems questionable, it will suffice to reverse it, to see if it works both ways. Do ambitious, unscrupulous, go-getter men suffer from the same irony and ridicule? Are they laughed at as gigolos and “toy boys”?

6. Melania Jokes

In recent years, a global phenomenon has arisen in which certain women are selected and subjected systematically to cruel irony. Satire is nothing new, but the selection of the female targets and the use of the Internet to spread the satire reveals a new trend. A moral majority seems to increasingly revel in a new form of legitimized misogyny. The Democrats’ cultural supporters have heavily invested in this practice and right wing candidates like Sarah Palin and President Trump’s wife have been subjected to almost constant harassment and insults in the media. The following joke from *46+ Melania Jokes That Will Make You Laugh Out Loud* (jokojokes.com) is a fairly representative example:

[21] Biden and Trump are at the same barber shop. As they sat there, each one being worked on by a different barber, not one word was spoken. When the barbers finished shaving, the barber that had Trump reached for the aftershave. Trump quickly stopped him, saying, "No thanks, Melania will smell that and think I've been in a brothel." The second barber turned to Biden and said, "How about you, Mr Biden?" Jo replied, "Go ahead, Jill doesn't know what the inside of a brothel smells like."

Although many people in Slovenia were initially proud to see a compatriot take up the position of First Lady to the world's greatest economic and political powerhouse, in the US, Melania Trump was, from the outset, reviled as an inarticulate, third wife of questionable morality and a dubious past. This sufficed to dub her as "a self-seeking slut". The fact that she was probably one of the most worldly and cultivated First Ladies the US has had in recent decades did not endear her to the American people, who refused to forgive her for her discretion and her accent, two qualities which gave her a foreign quality that was considered neither charming nor exotic. Mastering four languages, Melania Trump proved capable of entertaining American, British, German and French diplomats, Prime Ministers, and Presidents, by welcoming them in their own languages rather than using her mother tongue. These capacities were, of course, downplayed or ignored by the media.

When Melania Trump was not being ridiculed, she was presented as a non-entity, incapable of assuming her role. Saturday Night Live (White House Tree Trimming Cold Open 2017) missed no opportunity to negate or upstage her, as her caricature was eclipsed by the beautiful Scarlett Johansson playing the role of Ivanka Trump, the President's daughter from Trump's first marriage with the Czech Olympic skier, Ivana Trump.

Sarah Palin was also constantly parodied and ridiculed by Saturday Night Live, and the fact that five million viewers have watched the parodies such as "Sarah Palin and Hillary Address the Nation", first aired in 2013, testifies to the ruthless efficiency with which the Democrats and their cultural wing ensure their parodies become public property and thereby undermine their targets' credibility.

Perhaps what is most interesting here is the self-satisfied morally indignant and moralizing tone of this satire. This snide form of sniping is clearly an attack on those in power. Palin's candidacy as running mate was sabotaged, and in the case of Melania Trump, we are dealing with a curious kind of "oblique attack", an attack on women associated with men in power, a practice certainly not openly approved of in politics or in the media. Here we seem to have entered a zone in which the usual forms of political correctness do not apply. Like Trump and Putin, some women appear to have been transformed into legitimate targets; as long, as a self-proclaimed moral majority are seen to be attacking women related to those who should not be in power, the practice of subjecting them to a whole range of underhand strategies goes uncensored.

Around the world, Trump and all those associated with him became the legitimate targets of cruel satire. The clichés replaced the realities, and most of the human elements of the persons targeted were replaced by absurd and erroneous caricatures. Once the caricatures were firmly established – by the American media and the medias around the world that relayed American news – there was very little to be done to save Sarah Palin, or Melania Trump. For this reason, the rather pleasant pictures of meetings and cordial relations between Macron, Merkel and the Trumps came as something of a surprise. They were vaguely unnerving; they fitted into none of the satirical scenarios that were being exported, consumed and consolidated worldwide.

7. Conclusions

The Internet is certainly transforming humour, the way it is generated, the way it is enjoyed, the way jokes spread, and the way online multilingual communities enjoy them and interact with them. The “blonde jokes” are only one of many obvious examples. Communism appears to have become the target of jokes shared around the world. The French, to a lesser extent, are satirized for their supposed sense of superiority. The Americans are often mocked by Europeans for their simplicity, bravado, and their naiveté. Despite the rising trend of political correctness, it would appear that jokes about women have not disappeared and are not likely to do so in the near future in global or national medias. They seem to have survived feminism and political correctness and they are found equally in democratic free-market and communist societies. Today, there appear to be political forces driving misogynistic forms of humour that legitimizes targeting specific women, be they celebrities or women allied with men in power that many people love to hate.

So are we dealing with a new form of shared world humour? To some extent, this may be the case. But the ethnolinguistics of humour stresses the need to take into account and interpret the diverse and specific ways that different communities enjoy jokes. Mean jokes about immigrant minorities are nothing new, and appear to be something of a constant, but the global economic forces that cause migration are constantly changing, and consequently, the cultures that are doing the satirizing and the migrants that are being targeted are constantly changing.

As we saw, mean jokes about immigrants tell us nothing about migrant workers. But they tell us a great deal about the dominant community, the values they wish to uphold, and the ideal self-image they wish to project of themselves. Likewise, misogynistic jokes tell us nothing about women, but do inform us about what men fantasize about, and what they fear. Communist jokes and political satire often appear to integrate various forms of prevalent prejudice. But more than anything else, the framing of jokes and what is excluded tells us much about what appears difficult for cultures to face up to in facing the world and telling their own history.

On a whole different level, we can find subtle forms of self-irony and self-deprecation in jokes that are told about “us”: insider jokes. Mikes in English and Wolanski in French epitomize this tradition. But something similar can be found in the jokes communist citizens told each other, and in the jokes Latinos and Latinas tell among themselves today. These jokes prove especially revealing in that they help us grasp the ideological and cultural stereotypes and constraints, and the lucid ambivalence with which individuals and minorities face up to them.

References

- Attardo, Salvatore. 2017a. The general theory of verbal humor. In Salvatore Attardo (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humour*. New York and London: Routledge. Kindle ebook.
- Attardo, Salvatore (ed.). 2017b. *The Routledge Handbook of Language and Humor*. New York and London: Kindle ebook.
- Attardo, Salvatore and Victor Raskin. 2017. Linguistics and humor theory. In Salvatore Attardo (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humor*. New York and London: Routledge. Kindle ebook.
- Bergson, Henri. 1999 [1900] *Le Rire*. Paris: PUF.
- Bradbury, Tim. (ed.). 2001. *The Seriously Rude Jokes Book for Bad Boys*. Marlow, Buckinghamshire: Foulsham & Co LTD.
- Brandreth, Gyles (ed.). 2013. *Oxford Dictionary of Humorous Quotations*. Fifth edition. Oxford : Oxford University Press.
- Chiflet, Jean-Loup (ed.). 2018. *Le Bouquin de l'Humour involontaire*. Paris: Robert Lafont.
- Chłopicki, Władysław. 2017. Humour and narrative. In Salvatore Attardo (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humor*. New York and London: Routledge. Kindle ebook.
- Coote, George (ed.). 1995. *The Seriously Rude Joke Book*. Norman Park, Qld., Austl.: Gap Publishing.
- Duchateau, Kim. 2021. *Kim Kalender 2022*. Leuven: Davidsfonds.
- Freud, Sigmund. 1996 [1904]. *Psychopathologie de la vie quotidienne*. Saint Amand-Montrond: Petite Bibliothèque Payot.
- Gaulet, Laurent. 2020. *Officiel de l'Humour 2021*. Paris: Éditions First.
- Jarrett, James. 1992. Dialectic as ‘Tao’ in Plato and Jung. In Carl Gustav Jung, *Critical Assessments. Volume 1: Jung and his Method in Context*, ed. Renos K. Papadopoulos. London: Routledge.
- Larkin-Galinanes, Cristina. 2017. An overview of humor theory. In Salvatore Attardo (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humour*. New York and London: Routledge. Kindle ebook.
- Legman, G. 2017 [1968]. *Rationale of the Dirty Joke*. New York: Simon & Schuster.
- Metcalf, Fred (ed.). 1986. *Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations*. Suffolk: Penguin.
- Mikes, George. 2016 [1980]. *English Humour for Beginners*. Suffolk: Penguin.
- Muir, Frank (ed.). 1990. *The Oxford Book of Humorous Prose*. Oxford: Oxford University Press.
- Nejedlý, Jan. 2018. *Anekdoty Soudruzi II*. Brno: Albatros.

- Plato. 1994. *The Republic*. Transl. Paul Shorey. In *The Collected Dialogues of Plato: Including the Letters*, fifteenth edition. Ed. Edith Hamilton and Huntington Cairns. 575–844. Princeton: Princeton University Press.
- Raskin, Victor. 2017. Script-based semantic and ontological semantic theories of humor. In Salvatore Attardo (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humour*. New York and London: Routledge. Kindle ebook.
- Rychlewska, Ewa. 2008. *Humor Polski. Dowcipy z lat 1948–2008*. Poznań: Vesper.
- Šebesta, Ondřej. 2017. *Totalní Anekdoty*. Prague: Epoque.
- Toiletpret: Humor voor op het kleinte kamertje* [Toilet Fun: Humour for the Loo]. 2020. Holland: ImageBooks Vergehl.
- Vít, David. (ed.). 2017. *Špalíček dobrých vtipů*. Praha: Levné Knihy.
- Weitz, Eric. 2017. Online and internet humour. In Salvatore Attardo (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humour*. New York and London: Routledge. Kindle ebook.
- Wolinski, Georges. 1992. *La Morale*. Paris: Le cherche midi éditeur.

Webography

- 46+ Melania Jokes That Will Make You Laugh Out Loud (jokojokes.com); last consulted 05/11/2021.
- Alonzo, Cristela. 2021. Mexican Part Of Texas – Cristela Alonzo (Stand Up Comedy). <https://www.youtube.com/watch?v=BL4DMPzfJ3k>; last consulted 05/11/2021.
- Cartoons generated by:
www.bing.com
www.bing.fr
www.google.cz
www.google.com
www.google.de
www.google.fr
www.yahoo.fr
- Gaxiola, Denis. 2018. Greatest Hispanic Parenting Ever | Dennis Gaxiola | Dry Bar Comedy. <https://www.youtube.com/watch?v=TCzv5Rj3tZE>; last consulted 19/11/2021.
- Johnson, Angelah. 2020. 15 Minutes of Comedians on Growing Up Latino and Latina | Netflix Is A Joke. <https://www.youtube.com/watch?v=OYmsrADEQ58>; last consulted 05/11/2021.
- Lopez, George. 2020. 15 Minutes of Comedians on Growing Up Latino and Latina | Netflix Is A Joke. <https://www.youtube.com/watch?v=OYmsrADEQ58>; last consulted 05/11/2021.
- Pink Tank Humour, prague pink tank – Recherche Google, last consulted 06/11/2021.
- Sarah Palin and Hillary Address the Nation – SNL. 2013. <https://www.youtube.com/watch?v=vSOLz1YBFG0>; last consulted 19/10/2021.
- Underhill, James, W. 2021. Prejudice & Ethnolinguistics of Humour – Portail vidéo de l'Université de Rouen Normandie; <https://webtv.univ-rouen.fr/videos/09-06-2021-142624-decoupage>; last consulted 06/11/2021.
- www.jokerz.com, last consulted 19/11/2021.
- www.unijokes.com, last consulted 19/10/2021.
- White House Tree Trimming Cold Open – SNL. 2017. <https://www.youtube.com/watch?v=hOulcmOHCIQ&t=243s>; last consulted 06/11/2021.

Uprzedzenia i etnolingwistyka humoru

Streszczenie: Jeśli śmiech, żarty, uszczypliwości, satyra i żartobliwe kpiarstwo są powszechnie występującymi w wielu kulturach formami rozrywki i interakcji społecznej, to trzeba uznać badanie humoru za ważny obszar działalności akademickiej. Autor poddaje pod refleksję niektóre z kluczowych idei takich badań, zwracając szczególną uwagę na przełomowe kompendium pod redakcją Salvatore Attardo pt. *The Routledge Handbook of Language and Humor* (2017) i rolę, jaką publikacja ta odegrała w ugruntowaniu tego pola badawczego. Omawia szereg prac w różnych językach, zadając pytanie o charakterystyczne dla poszczególnych kultur podejście do humoru.

W pracy przytaczane są przykłady żartów i dowcipów na temat kobiet, imigrantów, mniejszości narodowych i życia w systemie komunistycznym, z uwzględnieniem stereotypów narodowych. Autor stawia sobie za cel ustalenie, co dowcipy mówią nam o oglądzie rzeczywistości i punkcie widzenia ludzi, którzy je opowiadają i śmieją się z nich. Jest to podejście etnolingwistyczne, w którym nie chodzi jednak o stawianie żartów i humoru na piedestale, lecz o wywołanie refleksji, w kontekście humoru, nad szerszym kontekstem kulturowym i jego interpretacją. Autor twierdzi, iż kluczowe jest zrozumienie wyobrażanych scenariuszy i narracji kulturowych, które leżą u podłoża dowcipów. Rozważane są dwie hipotezy: (1) uprzedzenia są w swej istocie przewrotne, ale często przewidywalne; (2) w wielu kulturach można odnaleźć podobne strategie żartowania i opowiadania dowcipów.

Słowa kluczowe: dowcipy; uprzedzenia; satyra; mniejszości; komunizm; kobiety

Noty o autorach

Николай П. Антропов – Нарадзіўся ў Мінску (Беларусь). Скончыў філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Кандыдат філалагічных навук. Дацэнт. У Інстытуце мовазнаўства імя Я. Коласа НАН Беларусі працуе з 1991 года; у цяперашні час – вядучы навуковы супрацоўнік сектара этналінгвістыкі і фальклору. Сфера навуковых інтарэсаў: славістыка, этымалогія, этналінгвістыка, дыялекталогія, фалькларыстыка. Удзельнічаў у падрыхтоўцы “Лексічнага атласа беларускіх народных гаворак”, “Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы” (адказны рэдактар) і інш. Працуе над падрыхтоўкай “Беларускага фальклорна-этналінгвістычнага атласа” (галоўны рэдактар), асобных выпускаў “Агульнаславянскага лінгвістычнага атласа”. Аўтар каля 250 навуковых работ, значная частка якіх прысвечана праблемам беларускай этналінгвістыкі. Сябра чатырох камісій пры Міжнародным камітэце славістаў: этымалагічнай (з 2018 – старшыня), этналінгвістычнай, фалькларыстычнай і камісіі “Агульнаславянскага лінгвістычнага атласа”. З’яўляецца членам рэдкалегій і штатным рэцэнзентам шэрагу перыядычных навуковых выданняў. Удзельнік некалькіх Міжнародных з’ездаў славістаў, шматлікіх міжнародных навуковых канферэнцый, сімпозіумаў і інш.

e-mail: antropov50@gmail.com

Jerzy Bartmiński (1939-2022) – ur. w 1939 r. w Przemyślu; profesor Instytutu Filologii Polskiej UMCS i Instytutu Sławistyki PAN, etnolingwista i folklorysta, badacz semantyki, stylistyki, tekstologii, aksjologii. Studia polonistyczne w Uniwersytecie Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie 1956-1961, członek czynny Polskiej Akademii Umiejętności. Założyciel i wieloletni reaktor naczelny międzynarodowego rocznika „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” (t. 1–30, 1988-2018, od roku 2019 redaktor honorowy). Przewodniczący Komisji Etnolingwistycznej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. Autor prawie 700 prac, w tym 14 książek autorskich: *O języku folkloru* (Wrocław 1973); *O derywacji stylistycznej: gwara ludowa w funkcji języka artystycznego* (Lublin 1977); *Nazwiska obce w języku polskim* (współaut. I. Bartmińska) 1978 (3 wydania); *Folklor – język – poetyka* (1990); *Jazykovej obraz mira: očerki po ètnolingvistike* (Moskva 2005);

Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne (Lublin 2007, 2 wydania); *Językowe podstawy obrazu świata 2006* (Lublin, 5 wydań), *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*, (London 2009); *Tekstologia 2009* (współaut. S. Niebrzegowska-Bartmińska); *Jezik – slika – svet. Etnolingvističke studije* (Beograd 2011); *Polskie wartości w europejskiej aksjosferze* (Lublin 2014); *Jazyk v kontextu kultury* (Praha 2016); *Język w kontekście kultury czyli co dziś znaczy metafora „europejski dom”?* (Wrocław 2018); *Ludzie, których spotkałem. Sylwetki i wspomnienia* (Lublin 2021). Redaktor tomu *Współczesny język polski* (5 wydań), redaktor *Słownika stereotypów i symboli ludowych* (od r. 1996-), tomu *Lubelskie* w PAN-owskiej serii *Polska Pieśń i Muzyka Ludowa* (6 części, 2011), *Leksykonu aksjologicznego Słowian i ich sąsiadów* (t. 1-5, 2015–2019). W roku 2016 wyróżniony Medalem Prezydenta RP „Zasłużony dla polszczyzny”.

Елена Львовна Березович – Профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет, Екатеринбург. Ведущий научный сотрудник отдела этимологии и ономастики, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва. Диссертации: *Семантические микросистемы в русской топонимии* (1992), *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте* (1999). Членство в академиях: Член-корреспондент Российской Академии наук. Членство в комиссиях Международного комитета славистов: Комиссия по этнолингвистике, член президиума. Комиссия по этимологии, член, Комиссия по ономастике, член. Научные интересы: ономастика, славянская этнолингвистика, этимология, русская диалектная лексикология и лексикография, лингвистическая типология. Основные публикации: *Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования* (Екатеринбург 1998); *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте* (2000); *Этимологический словарь русского языка для школьников: Учеб. пос. Екатеринбург* (2000); *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования* (2007); *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек* (2009, испр. переиздание части монографии 2000 г.); *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства* (2010, испр. и существенно расширенное переиздание части монографии 2000 г.); *Этимологический словарь русского языка для школьников: Учеб. пос.* (2011); В соавторстве с Н. В. Галиновой. *Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция* (2014). Внешние ссылки: Профиль на сайте Уральского федерального университета. Профиль на сайте Российской Академии наук. Публикации на сайте academia.edu.

e-mail: berezovich@yandex.ru

Adam Glaz – dr hab., prof. UMCS w Lublinie, prowadzi badania z zakresu językoznawstwa kognitywnego i kulturowego, językowego obrazu świata i prześladoznawstwa. Jest autorem trzech monografii: *The Dynamics of Meaning* (2002); *Extended Vantage Theory in Linguistic Application* (2012); *Linguistic Worldview(s): Approaches and Applications* (2022) oraz kilkudziesięciu artykułów naukowych. Redagował lub współredagował dziesięć wydawnictw zbiorowych (ostatnio: *Languages–Cultures–Worldviews: Focus on Translation*, 2019); jest także autorem wielu tłumaczeń z zakresu nauk o języku i innych dyscyplin humanistycznych, w tym dwóch monografii – Anny Wierzbickiej (na polski) i Jerzego Bartmińskiego (na angielski).

e-mail: adam.glaz@mail.umcs.pl

Maria Kitanova – prof. PhD, Anreychin Institute of the Bulgarian Language, Department of Ethnolinguistics, Sofia, Bulgaria. Scientific interests: dialectology, phonology, ethnolinguistics, linguoculturology. One of the founders of the Department of Ethnolinguistics and its longtime leader. She has managed 10 international and 6 national projects. Author of 4 independent and 3 collective monographs, 120 articles on ethnolinguistics and dialectology. Monographs: *Stylistic function of the dialect words in contemporary fiction* (2008); *Ethnolinguistic etudes* (2010); *Known to strangers, strange to closest* (2013); *The family, family and home in Bulgarian culture and language* (2015). Dictionaries: *Thematic Dictionary of The Bulgarian Folk Calendar* (co-author, 2008); *Birth, Wedding, Funeral. Thematic Dictionary of the Family Rituals* (co-author 2008); *Dictionary of Bulgarian Folk Spiritual Culture* (co-author, 2018).

e-mail: miyak@abv.bg

Ivana Lazih Konjik – Др, виши научни сарадник Института за српски језик САНУ, лингвиста, лексикограф. (Ко)уредник академијског *Речника српскохрватског књижевног и народног језика* САНУ. (Ко)аутор монографије *Когнитивни правац у српској етнолингвистици – почеци развоја и актуелни проблеми* (2020), речничког чланка у *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 1: *Дом* (2015) и преко 80 радова у научним часописима и зборницима радова; (ко)уредник зборника радова *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа* (2016); руководилац два научна билатерална пројекта: пољско-српског *Кључни концепти српске и пољске аксиосфере на словенском плану* (2017–2020) и словеначко- српског *Метајезик лексикографске дефиниције у дескриптивном речнику* (2018–2019), сарадник у актуелним међународним пројектима EUROJOS-2, CA16105 enetCollect, CA19102LITHME; члан лексиколошко- лексикографске и етнолингвистичке комисије при Међународном комитету слависта.

e-mail: ivana.konjik@isj.sanu.ac.rs

Przemysław Łozowski – dr hab., prof. UMCS, wicedyrektor Instytutu Neofilologii, kierownik Katedry Językoznawstwa Angielskiego i Ogólnego UMCS. Zainteresowania badawcze: historia języka, semantyka, leksykografia, język a kultura – w rozumieniu językoznawstwa kognitywnego; autor dwóch monografii (*Vagueness in Language: from Truth-Conditional Synonymy to Un-Conditional Polysemy* (2000); *Language as Symbol of Experience: King Alfred's cunnan, magan, and motan in a Panchronic Perspective* (2008); oraz współredaktor zbioru rozdziałów z zakresu etnolingwistyki i językoznawstwa kulturowego (*The Linguistic Worldview. Ethnolinguistics, Cognition, and Culture*, 2013, London) oraz gramatyki kognitywnej (Langacker, Ronald W., *Nominal Structure in Cognitive Grammar. The Lublin Lectures*, 2016).

e-mail: p.lozowski@poczta.umcs.lublin.pl

Нина Б. Мечковская – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания и кафедры классической филологии Белорусского государственного университета. Автор книг: *Ранние восточнославянские грамматики* (Мн., 1984); *Словенский язык* (Мн., 1991); *Рыторыка ў культурах заходніх і ўсходніх славян: Тэндэнцыі развіцця ў XV–XVII стагоддзях* (Мн., 1993); *Социальная лингвистика* (М., 1994, 3-е изд. 2000); *Язык и религия* (М., 1998); *Типология графико-орфографических реформ в истории славянской письменности: фонетико-фонологические и социосемиотические аспекты* (Мн., 1998); *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков* (Мн., 2000; 2-е изд. 2004); *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков* (М., 2001; 10-е изд. 2020); *на азербайджанском языке* (Баку, 2013); *Белорусский язык: Социолингвистические очерки* (München, 2003); *Семиотика: Язык. Природа. Культура* (М., 2004; 3-е изд. 2008); *Мовы і культура Беларусі. Нарысы* (Мн., 2008); *История языка и история коммуникации: От клинописи до Интернета* (М., 2009); *Философия языка и коммуникации* (М., 2017); *Практикум по общему языкознанию, методологии лингвистики и философии языка* (М., 2019).

e-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com

Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska – prof. dr hab., kierownik Katedry Tekstologii i Gramatyki Języka Polskiego IFP UMCS; przewodnicząca Komisji Etnolingwistycznej Komitetu Językoznawstwa PAN; od marca 2022 r. pełniąca obowiązki przewodniczącego Komisji Etnolingwistycznej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów; w latach 2019–2021 zastępca przewodniczącego Komisji Etyki Komunikacji PAU; członek 3 komisji przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów: Komisji Etnolingwistycznej, Komisji Folklorystycznej i Komisji Bibliografii Lingwistycznej; zastępca redaktora *Słownika stereotypów i symboli ludowych* (1996–2020); od 1990 roku – sekretarz pisma „Etnolingwistyka”, od 2010

– zastępca redaktora, od 2019 – redaktor. Autorka ponad 350 publikacji, w tym książek: *Polski sennik ludowy* (1996); *Wzorce tekstów ustnych w perspektywie etnolingwistycznej* (2007); *Tekstologia* (z J. Bartmińskim, 2009); *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce* (2020), wyborów tekstów potocznych i gwarowych: *To jest moja druga ojczyzna. Polscy emigranci z północnej Francji o sobie* (2001); *Przestrach od przestrachu. Rośliny w ludowych przekazach ustnych* (2001); *Dlaczego wąż nie ma nóg? Zwierzęta w ludowych przekazach ustnych* (z J. Bartmińskim, O. Kielak, 2015) i *Jak chłop u diabła pieniądze pożyczał. Polska demonologia ludowa w przekazach ustnych* (z A. Michalec, 2019). Współredaktor ponad 40 tomów zbiorowych i *Bibliografii adnotowanej lubelskiego zespołu etnolingwistycznego (do roku 2008)* (2008, 2009, z B. Maksymiuk-Pacek).

e-mail: stanislawa.niebrzegowska-bartminska@mail.umcs.pl

Aleksandra Niewiara – dr hab. nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; profesor uczelni w Instytucie Językoznawstwa w Uniwersytecie Śląskim w Katowicach. W latach 1992–1993 odbywała staż w zespole Jerzego Bartmińskiego w Uniwersytecie Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, a w 2000–2001 r. jako profesor wizytujący pracowała w Department of Slavic Languages and Literatures Uniwersytetu w Toronto. Zajmuje się językoznawstwem historycznym i porównawczym, lingwistyką kulturową i kognitywną, aksjologią lingwistyczną. Jest autorką pięciu monografii z zakresu imagologii i pamięci zbiorowej, w których ewolucję polskich wyobrażeń o narodach opisuje w oparciu o analizy materiału z pamiętników i dzienników polskiej szlachty, na podstawie analiz dwudziesto-wiecznego dyskursu prasowego oraz z wykorzystaniem badań ankietowych (m.in. zaproponowanej ankiety asocjacyjnej rysunkowej): *Imagologia – pamięć zbiorowa – umysł i kultura*. (2019); *Kształty polskiej tożsamości. Potoczny dyskurs narodowy w perspektywie etnolingwistycznej (XVI–XX wiek)* (2009, wyd. 2. 2010); *Moskwicin – Moskal – Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret* (2006); *Szkolny słownik terminów gramatycznych* (z A. Janowską, 2001); *Wyobrażenia o narodach w pamiętnikach i dziennikach z XVI–XIX wieku* (2000); *Język polski czasu drugiej wojny światowej* (członek zespołu autorskiego, 1996). W pracach historycznojęzykowych bada przekształcenia konceptualizacji kulturowych ważnych dla kultury polskiej na tle słowiańskim i indoeuropejskim. Odrębne pole zainteresowań stanowi poszukiwanie oryginalnych metod opisu lingwokultury. Jest członkiem Komisji Etnolingwistycznej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów, współpracownikiem Komisji Etnolingwistycznej przy Komitecie Językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk, członkiem Polskiego Towarzystwa Językoznawczego.

Ксения В. Осипова – кандидат филологических наук, доцент и старший научный сотрудник кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета (Екатеринбург).

В 2008 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему *Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект*. Автор более 65 статей по этнолингвистике, участник научных монографий *Русский Север: лексика и ономастика* (2021) и *Славянские архаические ареалы в пространстве Европы* (2021); соавтор словаря *Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь*. В данный момент научные интересы связаны с этнолингвистическим изучением лексики пищи и питания в говорах Русского Севера.

e-mail: kryankova@yandex.ru

Стана Ристић – Др, научни саветник Института за српски језик САНУ, лингвиста, лексикограф, уредник академијског Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ. Објавила 6 монографија: *Начински прилози у савременом српскохрватском књижевном језику* (1990); *Експресивна лексика у српском језику* (2004); *Раслојеност лексике српског језика и лексичка норма* (2006); *Модификација значења и лексички модификатори у српском језику* (2009); *О речима у српском језику* (2012); *Граматички и когнитивни аспекти лексичког значења* (2015) и око 200 научних радова; (ко)аутор две монографије *Реч. Смисао. Сазнање (студија из лексичке семантике)* (1999); *Когнитивни правац у српској етнолингвистици – почеци развоја и актуелни проблеми* (2020) и речничког чланка у *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 1: *Дом* (2015); уредник зборника радова *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа* (2016); руководилац три пројекта Института за српски језик САНУ; сарадник у вишебилатералних и међународних пројеката; члан лексикографско-лексиколошке и етнолингвистичке комисије при Међународном комитету слависта. Од 2017. у пензији, али и даље активно учествује у лексикографском и научно-истраживачком раду.

e-mail: stana.ristic@isj.sanu.ac.rs

Kristina Rutkovska – професор w Instytucie Języków i Kultur Regionu Bałtyckiego Uniwersytetu Wileńskiego. Jej zainteresowania naukowe dotyczą socjolingwistyki, etnolingwistyki, dialektologii i historii języka. Bada nazwy wartości w języku litewskim i polskim, bierze udział w opracowywaniu *Leksykonu aksjologicznego Słowian i ich sąsiadów*, red. Jerzy Bartmiński. W książce współautorskiej przygotowanej z M. Smetoną i I. Smetonienė opracowała koncepty DOM, RODZINA I PRACA (*Vertybės lietuvių pasaulėvaizdyje* [Wartości w językowym obrazie świata Litwina], Vilnius, 2017). W 2019 roku ukazała się druga monografia poświęcona wartościom litewskim *Kalba. Tauta. Valstybė* [Język. Naród. Państwo], w której opracowała trzy wymienione koncepty wspólnie ze współautorami. Opracowała też koncept MATKI do monografii *Žemė. Motina. Duona* (współaut. M. Smetona i I. Smetonienė, 2021). Od ponad dwudziestu lat bada język polski na Litwie, jest autorką ponad 90 artykułów

i kilku książek współautorskich poświęconych różnym zagadnieniom: problemom tożsamości na pograniczu, wielokulturowości w języku, interferencjom litewskim i wschodniosłowiańskim na polszczyznę, lituanizmom leksykalnym. Przygotowała wspólnie z J. Riegerem i I. Masojć *Słownik gwar polskich na Litwie* oraz studium poświęcone leksyce gwarowej (*Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie*, Warszawa, 2006). Opracowała mapę dotyczącą zasięgów gwar polskich na Litwie dla *Atlasu gwar litewskich*. Pod jej kierunkiem został przygotowany portal internetowy w języku polskim i litewskim przedstawiający gwary polskie na Litwie i kulturę tego regionu (<http://www.lenkutarmes.ffv.vu.lt/>). Badała działalność Jana Karłowicza na Litwie, a szczególnie jego zasługi dla folkloru litewskiego. Uczestniczyła w opracowaniu portalu internetowego poświęconego J. Karłowiczowi. Z V. Vasiliauskienė przygotowała wydanie krytyczne dwujęzycznej postylli katolickiej K. Szyrwida.

e-mail: kristina.rutkovska@gmail.com

Svetlana M. Tolstaja – prof. dr hab., członek Rosyjskiej Akademii Nauk, Polskiej Akademii Nauk, Polskiej Akademii Umiejętności, Serbskiej Akademii Nauk, Serbskiej Akademii Umiejętności, kierownik Zakładu Etnolingwistyki i Folkloru Instytutu Słowianoznawstwa Rosyjskiej Akademii Nauk. Autorka ponad 900 publikacji naukowych, w tym książek: *Morfonologija v strukture slavjanskih jazykov* (1998); *Polesskij narodnyj kalendar’* (2005), *Prostranstvo slova: leksičeskaja semantika v obščeslavjanskoj perspektive* (2008); *Slavjanskaja ètnolingvistika. Voprosy teorii* (współautor Nikita I. Tolstoj, 2012), *Semantičeskie kategorii jazyka kul’tury. Očerki po slavjanskoj ètnolingvistike* (2010); *Obraz mira v slove i rytuale* (2015); *Mir čeloveka. Očerki po slavjanskomu jazykoznaniju i ètnolingvistike* (2019); współautorka i redaktor słownika etnolingwistycznego „Starożytności słowiańskie” (*Slavjanske drevnosti*, 1995–2012, t. 1–5). Bibliografia publikacji zob.: www.inslav.ru (biblioteka elektroniczna).

e-mail: smtolstaja@yandex.ru

James Underhill – Professor at Université de Rouen, Normandie, France and a professional translator of French and Czech. He has published on linguistic worldview, poetics, metaphor, and translation (e.g. *Humboldt, Worldview and Language*, 2009; *Creating Worldviews: Metaphor, Ideology and Language*, 2011; *Ethnolinguistics and Cultural Concepts. TRUTH, LOVE, HATE and WAR*, 2012; *Voice and Versification in Translating Poems*, 2016; Underhill, Gianninoto, *Migrating Meanings. Sharing Keywords in a Global World*, 2019). James Underhill is the founder of the Rouen Ethnolinguistic Project (REP, <https://rep.univ-rouen.fr/>) in the framework of ERIAC Research Group, which aims to further investigations into the philosophy of language and exploration of worldviews. He also sits on the board of editors of the journal *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury* (*Ethnolinguistics. Issues in Language and Culture*; <https://journals.umcs.pl/et/index>).

e-mail: james-william.underhill@univ-rouen.fr

Марина М. Валенцова – старший научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, кандидат филологических наук, этнолингвист, исследователь традиционной народной культуры славян, в первую очередь, западнославянской. Исследует вопросы лексической семантики, этимологии, фразеологии, ареалогии, реконструкции отдельных сегментов традиционной культуры, низшей мифологии и фольклора. Автор более 260 работ, в том числе монографии *Народный календарь чехов и словаков (этнолингвистический аспект)* (Москва, 2016), один из авторов этнолингвистического словаря «Славянские древности» под общей редакцией Н.И. Толстого (Москва, 1995–2012), энциклопедий «Славянская мифология» (Москва, 1995; 2-е изд. 2002) и «Словенска митологија» (Београд, 2001), соредактор сборника *Sacrum et profanum. Языковые, литературные и этнические связи христианской культуры* (Москва, 2012). Заместитель главного редактора журнала «Славяноведение» (Москва), член редколлегии журнала *Res Humanitariae* (Клайпеда, Литва) и журнала *Revista de Etnologie și Culturologie* (Кишинев, Молдова), участник ряда полевых исследований в Полесье, на Карпатах, на Русском Севере, в Словакии и Моравии.

e-mail: mvalent@mail.ru

Anna Wierzbicka – Professor of Linguistics (Emerita) in the School of Literature, Languages, and Linguistics at Australian National University. Her work spans a number of disciplines, including anthropology, psychology, cognitive science, philosophy and religious studies as well as linguistics, and has been published in many journals across all these disciplines. She has published over twenty books, including *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), *English: Meaning and Culture* (New York: Oxford University Press, 2006), and *Imprisoned in English* (New York: Oxford University Press, 2014). Her latest book, *What Christians Believe: The Story of God and people in Minimal English*, was published by Oxford University Press, New York in 2019. Professor Wierzbicka is a Fellow of the Australian Academy of the Humanities, the Australian Academy of Social Sciences, the Russian Academy of Sciences and the Polish Academy of Arts and Sciences. She is the winner of the International Dobrushin Prize for 2010 and of the Polish Science Foundation's 2010 prize for the humanities and social sciences.

e-mail: email: anna.wierzbicka@anu.edu.au

Татьяна В. Володина – фалькларыст, доктар філалагічных навук, загадчык аддзела фалькларыстыкі і культуры славянскіх народаў Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сферы навуковых інтарэсаў: фальклор беларусаў, этналінгвістыка, традыцыйная духоўная культура, асаблівая ўвага адводзіцца народнай медыцыне

і замоваў беларусаў у еўрапейскім кантэксте. Праведзена даследаванне талочнай абраднасці і песень беларусаў, сімволікі і семантыкі побытавых рэчаў, народнага календару, а таксама распрацоўка фалькларыстычнага вывучэння народнай медыцыны беларусаў як часткі духоўнай культуры і этназнакавых функцый чалавечага цела. Навуковы рэдактар энцыклапедычнага выдання „Міфалогія беларусаў“ (2011), серыйнага беларуска-эстонскага навуковага выдання „Місія выконніма“ (2018; 2020). Ініцыятар і галоўны рэдактар штогодніка „Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні“.

e-mail: tanja_volodina@tut.by

Katarína Žeňuchová – doc. mgr., phd.; samostatná vedecká pracovníčka Slavistického ústavu Jána Stanislava SAV v Bratislave, vedúca Katedry slovenského jazyka a literatúry FF UCM v Trnave. Zaoberá sa výskumom ľudovej prozaickej tvorby v karpatskom priestore s osobitným zreteľom na oblasť východného Slovenska a Zakarpatskej oblasti Ukrajiny, lingvistickým zápisom dialektológov, ktoré majú povahu naratívneho folklórneho prameňa, kultúrnej symbolike, ľudovej démonológii, ľudovej medicíne. Terénne výskumy realizovala v pohraničných slovensko-ukrajinských oblastiach na východnom Slovensku. Zúčastnila sa Medzinárodných zjazdov slavistov v Ochride (2008), Minsku (2013) a v Belehrade (2018). O roku 2003 je členkou Medzinárodnej komisie pre slovanský folklór pri Medzinárodnom komitáte slavistov, členkou redakčnej rady a výkonnou redaktorkou bulletinu tejto komisie s názvom Slavistická folkloristika. Od roku 2013 je členkou Etnolingvistickej komisie pri MKS (2013). Viedla niekoľko národných i medzinárodných vedeckých projektov. Je autorkou monografických prác (3), vedeckých článkov a editorkou knižných prác.

e-mail: Katarina.Zenuchova@savba.sk

I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny, który odbył się w Lublinie w 2021 roku, pomyślany został jako spotkanie międzynarodowego grona badaczy reprezentujących przedstawicieli różnych szkół etnolingwistycznych oraz uczonych realizujących własne projekty ukierunkowane na opis relacji język a kultura. Uczestnicy Kongresu (121 referentów) reprezentowali ośrodki akademickie i uniwersyteckie: z Białorusi, Ukrainy i Rosji, z Czech i Słowacji, z Bułgarii, Macedonii, Serbii i Chorwacji, z Austrii, Hiszpanii, Francji, Belgii, Litwy i Australii oraz z Polski. Obrady plenarne przebiegały w ramach 7 bloków tematycznych (*Pojęcia, metody, granice etnolingwistyki; Etnolingwistyka w krajach słowiańskich; Etnolingwistyka w krajach słowiańskich i bałtyckich; Problemy geografii lingwistycznej; Pamięć i niepamięć w języku i kulturze; Perspektywy etnolingwistyki; Prezentacja leksykonów, słowników i baz danych*) i 19 sekcji: *Pogranicza etnolingwistyki i tradycje etnolingwistyczne w Polsce; Synchronia i diachronia w etnolingwistyce; Etnolingwistyka a gramatyka; Nominacja a językowy obraz świata; Frazeologia i etymologia a etnolingwistyka; Definicje i eksplikacje pojęć; Gatunkowe wzorce wypowiedzi; Stereotypy i koncepty językowo-kulturowe; Od danych językowych do danych niewerbalnych; Problemy duchowości; Pamięć i tożsamość i ich wykładniki; Wartości i ich hierarchie; Konceptosfera rodziny; Konceptosfera zdrowia i śmierci; Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* (5 posiedzeń). Wystąpienia kongresowe publikujemy w czterech tomach: I – *Etnolingwistyka – bilans dyscypliny. Metody i postulatory badawcze*, II – *Obraz świata i człowieka w kulturze ludowej i narodowej*, III – *Pamięć – tożsamość – kategorie językowo-kulturowe*, IV – *Nazwy wartości i koncepty kulturowe. Hierarchie i rekonstrukcje*.